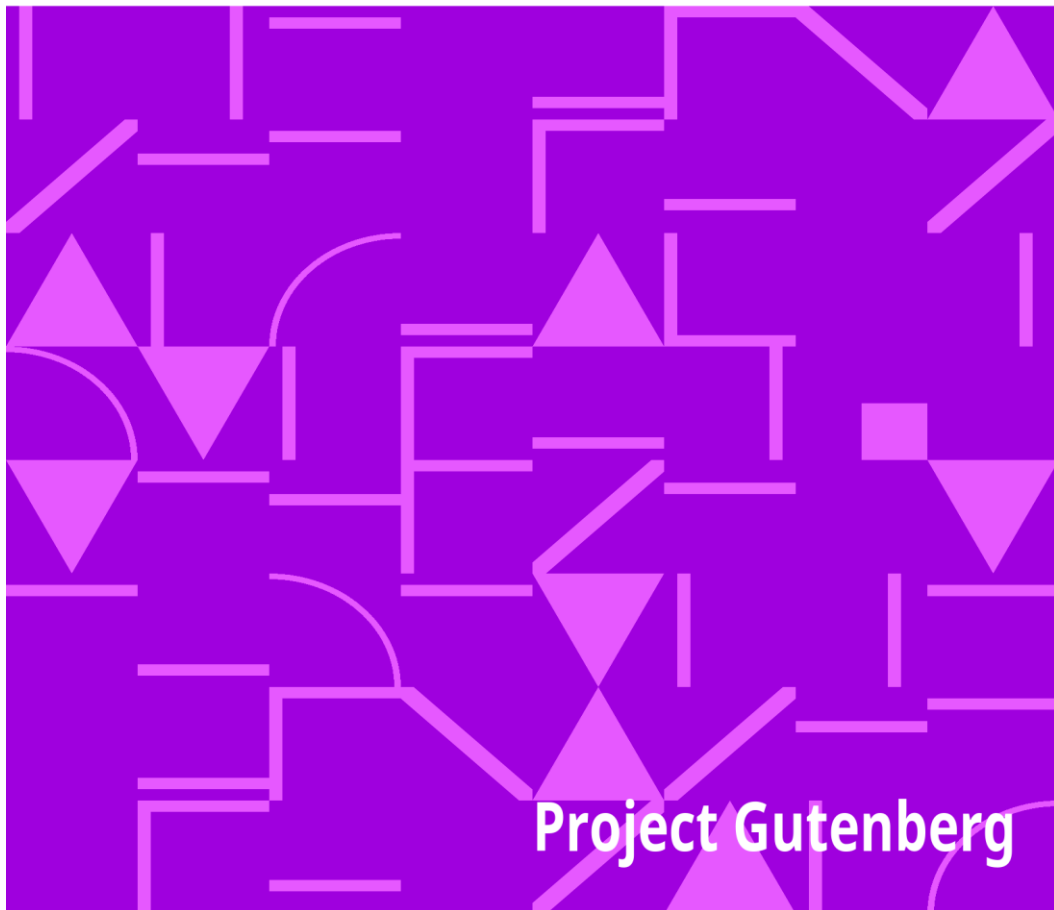


Романтика естественной истории, вторая серия

Филип Генри Госс

The Romance of Natural History, Second Series

Philip Henry Gosse



Содержание

[РОМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.](#)

[РОМАН](#)

[ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.](#)

[ФИЛИП ХЕНРИ ГОСС, ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.](#)

[РОМАН ИСТОРИИ ПРИРОДЫ.](#)

[I. ВЫМЕРШИЕ ВИДЫ.](#)

[II. ЧУДЕСНОЕ.](#)

[III. РУСАЛКИ.](#)

[IV. САМОИЗОЛИРОВАННЫЕ.](#)

[V. СИНАБОРКА ЛАСТОЧЕК.](#)

[VI. ЗМЕЯ С ГРЕБЕНЕМ И МОСТКОМ.](#)

[VII. СОМНИТЕЛЬНОЕ.](#)

[VIII. ОЧАРОВАНИЕ.](#)

[IX. ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ.](#)

[X. КРАСОТА.](#)

[XI. ПАРАЗИТЫ.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ.](#)

[О МОРСКОМ ЗМЕЕ.](#)

[КОНЕЦ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ.](#)

[СНОСКИ:](#)

[БАЛЛАНТАЙН И КОМПАНИЯ, ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЭДИНБУРГ.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ.](#)

[Крона 8vo, 5 шиллингов, в тканевом переплете.](#)

[Полное издание в 6 томах, формат crown 8vo, цена £1, 4 шиллинга, в переплете.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «Романтика естественной истории», вторая серия

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Романтика естественной истории, вторая серия

Автор: Филипп Генри Госс

Дата выпуска: 13 июня 2010 г. [электронная книга № 32800]
Последнее обновление: 16 июля 2016 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Барбарой Тозиер, Одессой Пейдж Тернер, Биллом Тозиером и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «РОМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ВТОРАЯ СЕРИЯ» ***

РОМАН ИСТОРИИ ПРИРОДЫ.



ОЧАРОВАНИЕ.

Передняя обложка.

ЭДИНБУРГ:
ПЕЧАТЬ БАЛЛАНТИН И КОМПАНИЯ,
PAUL'S WORK.

РОМАН « » ИЗ СЕРИИ « » ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ФИЛИПА ГЕНРИ ГОССА, ЧЛЕНА ФРАНЦИССКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вторая серия.

ЛОНДОН: JAMES NISBET AND CO., 21 BERNERS STREET.

M.DCCC.LXI.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. ВЫМЕРШИЕ ВИДЫ.

СТРАНИЦА

Вымирание видов — Некоторые вымерли в ранние исторические эпохи — Некоторые вымирают сейчас — Изменения суши и воды — Третичное состояние Европы — Динотерий Германии — Сиватерий Индии — Гигантская черепаха — Толстокожие Сибири — Носорог — Мамонт — Мастодронт Америки — Великие четвероногие Южной Америки — Ленивцы — Повадки милодона — Макраухен — Токсодон — Древняя Австралия и ее гигантские птицы — Древняя Британия — ее флора и фауна — Ирландский лось — Хищники — Хронология третичного периода — Современное существование человека с ископаемой фауной — Гигантская черепаха — Состояние сибирских толстокожих — Обнаружение останков — Современная фауна Британии — Китайские и сибирские предания — Индийские предания о мастодонте — Состояние его останков — Его пища — Сравнительная поздность геологических процессов в Америке — Возможность того, что мастодонт был вьючным животным — Дарвин о южноамериканских ленивцах — Свежесть их останков — Синхронность с существующими существами — Птицы Новой Зеландии — Предания маори — Свидетельства недавнего существования — Рассказ английского моряка — Проверка его правдивости — Ископаемые яйца — Сравнение размеров — Более крупные яйца на Мадагаскаре — *Aepyornis* — Возможность его современного существования — Открытие *Notornis* — Третичная Британия — Ископаемый человек — Обработанные кремни — Связанные с ископаемыми костями — Виды — Возраст человека — Аллювий Нила — Выводы из него обманчивы — Скорость геологических изменений изменчива — Примеры — Свидетельства Современность человека с третичной фауной — Ирландский лось — Состояние его останков — Традиционные и документальные свидетельства его недавнего существования — Убит человеком — Доказательство этого факта — Большое скопление черепов в Лох-Гур — Оружие, найденное вместе с останками лосей — Доказательства того, что он был приготовлен — Способ охоты на лосей — Древнеирландское стихотворение о животных — Отсутствие в нем упоминания о лосях — Объяснение этому — Упоминания о ранних быках — Их ископаемые останки — Рассказ Цезаря об урусах — Дикие быки в Древней Греции и Западной Азии — Гай из Уорикшира

и бурая корова —Тернбуллы —Ископаемые останки уруса в Британии —Огромные размеры ископаемых быков — Сканийский ископаемый бык с ранением от копья —Другие древние быки —Европейский бизон —Британские медведи — Период их исчезновения —Исчезновение волка —Бобры исчезли в Британии —Почти исчезли в Европе—Додо— Рассказы путешественников—Виден в Лондоне—Музейные реликвии—Картины—Стеллерия—Хейромис—Мохо— Кауреке—Ману-меа—Нестор с острова Норфолк—Большой гагара—Ее недавнее изобилие—Каталог образцов и яиц в кабинетах—Фолклендский лис — Мускусный бык — Ручной дерево Мексики — Попытка оценить скорость исчезновения видов — — Возможно, один в год — Вопрос о непрерывном создании видов — Причины исчезновения — Мысли Оуэна и Дарвина — Географическое распределение как важный элемент — Фауна, характерная для островов — Красный тетерев — Неустойчивость его существования,

II. ЧУДЕСНОЕ.

Вульгарная любовь к чудесам — Ложные причины — Противоположная тенденция науки — Кровавые дожди — Связаны с выделениями бабочек — Черви в лошадином пруду — Багровый снег — Выделения птиц — Настоящий красный дождь — Вода, превратившаяся в кровь — Осциллятории — Инфузории — «Дождь из кошек и собак»—Дождь из улиток — Дождь из лягушек — В Портобелло — В Лидсе—На континенте — Дождь из рыб — Дождь в Абердаре — Объяснения и критика — Настоящий дождь из рыб в Южной Америке — В Индии — На Цейлоне — Оцепенение рыб в грязи — *Lepidosiren* — Его строение — Амфибийные рыбы — Лазающая окунь — *Salarias* Цейлона — Предварительное строение,

[96](#)

III. РУСАЛКИ.

Оаннес из Бероса — Ассирийские изображения морских людей — Дагон и Атергатис — Всеобщее верование в русалок — Мнение Свейнсона — Сирены в Донголе — Музейные экспонаты — Японская изобретательность — Рассказы о живых экземплярах — Предполагаемые косатки — Индийские рассказы — Скандинавские мифы—Русалки в Шетланде — Любовная история — Пещера на Скай — Подлинные рассказы — Отчет Хадсона — Морская обезьяна Стеллера — Встреча моряка Ведделла — Русал, увиденный в Ландскроне — Русалка, пойманная шестью шетландцами — Комментарии к истории — Критический анализ,

[125](#)

IV. САМОИЗОЛИРОВАННЫЕ.

Жабы, найденные в дереве и камне — Трудности — Предостережение Белла — Современные объяснения — Жаба мистера Бартлетта в ели — Его ответное письмо—Жаба мистера Бри в песчанике—Жаба мистера Пикока в лиасе— Жаба в тамариндовом дереве в Индии—Комментарии к отчету—Жаба в кремне в Блуа—Жаба в железной руде—*Audi alteram partem*—Разочарование мистера Планта—Семь лягушек в узелках известняка—Жаба, замурованная в старой стене—Лягушка в песчанике—Жабы глубоко в твердой глине—Эксперименты—Доктор Бакленд замуровывает жаб в оолитовом известняке и песчанике—Результаты—Выводы доктора Бакленда—Жабы, заключенные в гипс—Критическое рассмотрение экспериментов—Возражения против выводов—Свидетельства, скорее подтверждающие общепринятое мнение—Жаба, прожившая шестнадцать лет в закрытой—Жаба в растворе под подставкой для лошади— Неопределенная оцепенелость ос—Мистер Бартлетт находит летучую мышь в подвале, закрытом в течение двадцати лет— Мистер Смит находит летучую мышь в подвале , закрытом в течение ста шести лет,

[146](#)

V. ЗИМНИЙ СОН ЛАСТОЧЕК.

Вопрос — Народное поверье — Научные утверждения о вялости и погружении ласточек — Утверждение Ашара — Отчет Уайта — Случаи, приведенные епископом Стэнли — Предполагаемая вялость американского стрижа — Зимующие коростели— Отчеты Баррингтона о вялых ласточках — Рассказ куратора Уолла — Рассказ Фиттона — Ласточки в Британии зимой — Случаи, зафиксированные Уайтом — Монтегю — Яррелл — К. Бри — Белл — Хьюитсон — Харкорт — Родд — Хэдфилд — У. Бри — Джонстон — Гурни — Изучение доказательств — Вывод в пользу вялости,

[191](#)

VI. ЗМЕЯ С ХВОСТОМ И МОСТКОМ.

Музей Себа — его «Тезаурус» — изображения странных змей — что они могли быть?—Доказательства того, что они были змеями, а не рыбами—Сообщения о чудесной змее на Ямайке—Особенности ее среды обитания—Геологические и ботанические особенности—Место обитания трехпалого Джека—Убитая здесь гребенчатая змея—Рассказы негров о ее голосе—Слышали о ней на Гаити—Попытки автора добыть экземпляр—Находка двух экземпляров,

[211](#)

VII. СОМНИТЕЛЬНОЕ.

Гадюка, проглатывающая своих детенышей —
Противоречивые заявления — Физиологически не
невозможно — Сообщения свидетелей — Рассказ г-на
Персиваля — Подтверждение г-на Уолли — Свидетельство г-
на Бонда — Случай с гремучей змеей — Виденный Пализо де
Бовуа — Случай с обыкновенной ящерицей — Комментарии к
доказательствам.

Мадам Мериан — ее правдивость подвергается сомнению —
ее рассказ о светлячке — отрицание ее свечения
энтомологами — подтверждение этого Лакордером —
Спинолой — Весмаэлем — Английские насекомые светятся
только изредка — Кротовый сверчок — Причина появления
блуждающих *огней* — *Стрекоза* — Светящиеся гусеницы —
Возможно, болезнь.

Мадам Мериан снова подвергается обвинению — ее рассказ о
пауках, охотящихся на колибри — опровержение г-на Макли и
доказательство отрицания — комментарий к его
доказательствам — доказательства Лангсдорфа — пауки
Цейлона — сэр Э. Теннента — Косвенные доказательства в
пользу утвердительного ответа — Прочные паутины *Nephila*
— *Solfuga* из Индии () — Описание его привычек — Нападает
и побеждает мелких птиц — Капитан Шервилл видел паука,
поедающего птицу в Индии — Прямое подтверждение
Мериан Моро де Жоннесом — Решающее свидетельство г-на
Х. Бейтса (),

[220](#)

VIII. ОЧАРОВАНИЕ.

Способность змей парализовывать свою добычу — Рассказ
доктора Берда о черной змее — Гремучая змея и белка —
Кобра и ящерица — Африканская змея и мышь — Змея и
лягушка — Обычаи бумсланге — Змея и сорокопут — Змея и
мышь — Наблюдения доктора Эванса за змеями в
зоологическом саду — Кольцевая змея и полевой воробей —
Змея и малиновка — Индийская змея и угорь — Попытки
объяснения — Наблюдения г-на Мартина — Бартон
объясняет это явление материнской любовью —
Неадекватное объяснение — Способности других животных
— Ящерица и бабочка — Скорпион и муха — Горностаи и
зайцы — Лисы и цыплята — Орел и кролик — Притягательная
сила огня — Лампа энтомолога с круглым стеклом — Костер во
дворе в Алабаме — Насекомые, прилетающие к огню — Синица
вокруг газовой лампы — Маяк Белл-Рок, посещаемый

[242](#)

серебристой чайкой—Огонь притягивает жаб в Африке,

IX. ЗАКЛИНАНИЕ ЗМЕЙ.

Отвращение, вызываемое змеями — Люди, утверждающие, что они обладают иммунитетом к яду змей — Библейские аллюзии — Древние псилли и марси — Вавилонский маг — Атыр — Иммунитет, отличный от змееукрощения — Посол Гексагон — Потомки псилли в Сеннааре — Любопытный рассказ Брюса — Различные растения, противоядия от змеиного яда— эксперименты на *Симаба* Седрон — перуанские змеи и средства от них — различные южноамериканские противоядия — вежуко из Венесуэлы — трава Дагомеи — иммунитет мангуста — анекдоты — о ежике — рассказ Брюса о *Cerastes* — наблюдения Хассельквиста — женщина-псилик — сила слюны—Влияние музыки на змей—Действия египетских заклинателей змей—Гремучая змея , очарованная флейтой—Кобра из Индии, привлеченная музыкой—Случайные неудачи и смертельные исходы—Анекдоты—Комментарии—*Psylli* в Лондоне—Извлекаются ли ядовитые клыки?— Сила змеиных камней — Отчеты Нейпира и Теннента — Анализ Фарадея — Растительные лекарства, [263](#)

X. КРАСОТА.

Восхищение красотой — Божественное восприятие красоты — Великолепный цветок в зарослях — Красота оленей — Домашний олененок — Глаза газели — Пятнистая шерсть — Полоски зебры — Птицы — Лопатоносы на Амазонке — Каролинский попугай — Каменный петух — Мягкое смешение цветов у козодоев — Блестящий трогон — Металлические цвета—Ружье-птица—Пернатые птицы—Радужные оттенки—Солнечные птицы—Колибри—Мексиканские названия—Ямайские колибри—Манго—Длиннохвостый—Причина изменчивого блеска—Угол падения света—Другие примеры—Регион Амазонки и Рио-Негро—Птицы—Огненный топазовый колибри—Серро-де-Потоси—Ночной кактус—Комета с полосатым хвостом — Племя фазанов — Китайские фазаны — Огненная спина Явы — Аргус Малакки — Импейан Индии — Полипректоны — Павлин — Охота на диких павлинов — Райские птицы — Изумруд — Его тщеславие в одежде — Великолепие насекомых — Металлические жуки — Мягкое сияние—Драгоценные чешуйки—Бабочки—Изменения оттенка—Опалесценция—Луч на «*Cui bono?*»—Смит о южноамериканских бабочках — Великолепие пауков — на Ямайке — на Борнео — Черепашковые жуки — Красота растений — Мохи — [302](#)

Папоротники — Пальмы — Травы — Бамбук — на Ямайке —
на Мадагаскаре — Плантаны — Сцена на Таити — Красота
превосходит нашу способность воспринимать ее — Цветы —
Орхидеи — Собралия — *Cypripedium* — *Anæctochilus* —
Dendrobium — *Huntleya* — Пейзаж в Гвиане — Смерть Рейсса
— Рододендроны Гималаев — Борнео — Молниеносное
дерево Мадагаскара — Фламбоян — Гордость Барбадоса —
Бирманское дерево — *Le Bois Immortel* — Пейзаж в Тартарии
— Микроскопические красоты Лондонской гордости,

XI. ПАРАЗИТЫ.

Блохи на блохах *до* бесконечности — Кишечные черви —
Экономика творения — Эпифитная растительность — Жизнь
в морской водоросли — Орхидеи в тропиках —
Паразитические фиговые деревья — Лианы — на Цейлоне —
Паразитизм у насекомых — Ихневмоны — Открытие Кирби
стилопса — Экономика — Масляный жук — Медуза и креветка
— Медуза, паразитирующая на медузе — Рыба в желудке
морской звезды — Краб и губка — Ракообразный и полип —
Паразиты в кораллах — Страус, паразитирующий на страусе
— Кукушка и коровьи птицы — Почитание мелких птиц
кукушкой — Рабство среди муравьев — Охота на негров, [359](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Морской змей — Дополнительные свидетельства его
существования — Заявление консула Граттана — Сообщение
г-на Стивена Кейва, [387](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ПЛАСТИНА	СТРАНИЦА
I. ОЧАРОВАНИЕ	(Фронтиспис).
II. ВСТРЕЧА С МОА,	36
III. ОХОТА НА ДРЕВНЕГО ЛОСЯ,	56

IV. ВОЗНЕСЕНИЕ НА ПЕРЧУ,	122
V. ЖАБА В ДЫРЕ,	158
VI. ПТИЦЕЯДНЫЙ ПАУК,	240
VII. ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ,	278
VIII. АНТЕЛОПЫ,	304
IX. ПТИЦА С ПЕРЬЯМИ,	310
X. ОХОТА НА ПАВЛИНОВ,	326

РОМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

I.

ВЫМЕРШИЕ ВИДЫ.

Если это сцена, вызывающая болезненный интерес, как это, безусловно, бывает для хорошо сформированного ума, — стоять и наблюдать за агонией одного из благородных животных, например, собаки или слона,—наблюдать за угасающей силой, судорожными мучениями, умоляющими взглядами, рыданиями и вздохами, хриплым дыханием, застывшими глазами, окоченевшими конечностями, — то насколько же более волнующим является интерес, с которым мы наблюдаем за исчезновением вымирающего вида. Ведь виды, как и отдельные особи, имеют свой определенный срок жизни: с точки зрения вечности, в бесконечном разуме Бога-Творца каждой форме, каждой расе назначена своя продолжительность жизни — продолжительность, которая, без сомнения, варьируется у разных видов так же сильно, как продолжительность жизни одного животного отличается от продолжительности жизни другого. Так как слон или орел могут жить веками, в то время как лошадь и собака едва достигают двадцати лет, а множество насекомых рождаются и умирают в течение нескольких недель, так и один вид может иметь, насколько я знаю, сто тысяч лет в качестве нормального периода жизни, а другой — не более тысячи. Если сотворение мира было, в отношении видов, тем, чем я доказал в другом месте, что оно было в отношении отдельного существа,[11](#) — насильственным вторжением в цикл жизни, — то мы вполне можем предположить, что это произошло в очень разные относительные периоды в истории жизни разных видов; то есть, что в определенную дату (а именно, дату сотворения мира) один вид мог как раз завершать, *в идеале*, свой предначертанный путь, другой — только начинал его, а третий достигал своего зенита.

Несомненно, что в ходе нынешнего устройства вещей вымерло немало видов животных. Расы, которые, как мы знаем из достоверных источников, существовали во времена господства человека, вымерли, исчезли, так что не осталось ни одного представителя. В этих случаях вся совокупность особей, составлявших вид, перестала существовать. Некоторые из них, по-видимому, вымерли в очень раннюю эпоху истории человечества, но другие — в сравнительно недавний период, а некоторые даже в наше время. Даже за последние двадцать лет было выловлено несколько животных, и весьма вероятно, что ни один представитель этих видов не остался на земле; в то же время есть и другие виды, которые, как мы знаем, сократились до такой степени, что их исчезновение вряд ли может задержаться более чем на несколько лет. Таким образом, мы можем считать себя стоящими у смертного одра этих существ, с осознанием того, что вскоре мы их больше не увидим (), что приговор им вынесен, что их песок подходит к концу, и что никакие наши усилия не могут существенно продлить их существование. Факты, из которых сделаны эти выводы, весьма любопытны, и я постараюсь изложить их своим читателям как можно более кратко.

Исходя из этой хронологической гипотезы, которая, как я полагаю, является единственной, позволяющей согласовать факты, выявленные геологическими исследованиями, с безошибочными утверждениями Священного Писания, каждое слово которого является истиной, истиной «Бога, который не может лгать», мы можем предположить, что фактическое сотворение этой земли произошло в тот период, который в геологии известен как поздний третичный период или примерно в то же время. Когда на третий день «воды под небом собрались в одно место, и появилась суша», не обязательно предполагать, что форма, принятая появляющейся сушей, сразу же стала такой, какая она есть сейчас; с другой стороны, я думаю, мы можем предположить, что последовали

последовательные или непрерывные изменения высоты, которые затянулись, возможно, постоянно уменьшаясь в масштабах и силе, до настоящего времени.^[2]

Возможно, между шестью днями творения и Ноевым потопом Европа сильно изменилась в своих очертаниях и высоте. Возможно, сначала она была большим архипелагом, что соответствует эпитету, которым она обозначена в ранних Писаниях () — «острова» (^[3]) — и под которым она впоследствии была известна на протяжении веков. Пиренеи, Альпы и Апеннины, уже поднявшиеся над поверхностью, медленно соединялись, а Карпаты, Балканы, Тавр и Кавказ поднимались, в то время как обширные регионы на севере все еще были открытым морем. Англия, вероятно, была соединена с новообразованным европейским континентом и охватывала Ирландию в виде одной большой непрерывной суши, простиравшейся далеко в Атлантический океан. На севере Ирландии и на западе Шотландии действовали вулканы, извергая потоки раскаленной лавы, которые остыли, образовав столбообразные формы, которые можно увидеть в Гигантской дороге и пещере Фингала. Медленно поднимался север Европы, а большая юго-западная часть Британии погрузилась под воду, оставив, возможно, большой остров Атлантида посреди океана, который был затоплен в результате более поздней катастрофы.

Вероятно, очень похожие изменения происходили в то же время в Азии и Северной Америке, в то время как обширные плоские аллювиальные регионы Южной Америки, возможно, сформировались еще позже, а великий тихоокеанский континент находился в процессе оседания, остатками которого являются Австралия и Полинезия.

Такие изменения высоты над уровнем моря и непрерывности суши должны были привести к значительным изменениям климата; поэтому неудивительно, что в древнейшие времена животные и растения процветали в регионах, которые сейчас были бы для них совершенно непригодны, и что тогда существовало много видов, которые с тех пор вымерли (), поскольку геологические и климатические изменения являются одними из наиболее легкомысленных причин исчезновения видов.

В больших болотах зарождающейся Германии и в еще только наполовину осушенных долинах Швейцарии тогда скрывался тяжелый динозавр. Более огромный, чем самый огромный слон, он имел огромное тело длиной двадцать футов, широкое и бочкообразное, которое даже его колонновидные конечности длиной десять футов едва могли поднять с земли. Его грубая голова, слоноподобная по форме, была снабжена коротким хоботом; а два клыка, короткие и крепкие, выступали из нижней челюсти, не загнутые вверх, как у слона, а вниз, как у моржа. В густых болотах скрывалось это неуклюжее животное, наполовину погруженное в воду, выкапывая своими мощными клыками-кирками сочные корни, пронизывающие мягкую почву, которые его чувствительный хобот подбирал и доставлял ко рту.

На южных склонах медленно поднимающихся Гималаев, уже покрытых лесами тика, пальм и бамбука, обитал сиватхер, еще одно тяжелое существо, размером с носорога и поэтому не более чем в два раза меньше немецкого колосса. Он тоже был странным существом. С пропорционально огромной головой, по форме чем-то напоминающей голову слона и носорога, мелкими впалыми свиными глазами и коротким хоботом, похожим на хобот тапира, он имел две пары разных рогов. Одна пара располагалась на лбу, на костных основаниях, не отличающихся от оснований рогов наших короткорогих быков. Позади них возвышалась другая пара, большая и массивная, которая была пальчатой и разветвленной, как у лани, но гигантских размеров. Какое тело и какие конечности дополняли эту

любопытную голову, мы точно не знаем, но, несомненно, это должно было быть очень примечательное существо, поскольку оно спокойно и беззаботно паслось среди пышных кустарников на этих обращенных к солнцу склонах.

В тех же регионах огромная сухопутная черепаха, гораздо больше самой большой из ныне существующих видов, по сравнению с которой та тяжеловесная, которая весело уходит с тонной веса на спине, является просто пигмеем, сотрясала землю своим шатанием и леса своим хриплым ревом. Она пробивала себе широкие дороги, подобные нашим шоссе, через джунгли, по которым периодически путешествовала к прохладным источникам, неспешно прогуливаясь и останавливаясь, чтобы полакомиться мясистыми тыквами и кактусами, которые окаймляли ее самодельный след.

Равнины Сибири, простирающиеся к Северному Ледовитому океану, были пристанищем для бесчисленных стай огромных толстокожих четвероногих. Вид носорогов, не менее громоздкий, чем современные, бродил до самых берегов Ледяного моря; его кожа, жесткая и кожистая, не имела складок, но была покрыта пучками жестких серых волос — украшением, которое не доступно нашим нынешним выродившимся сородичам. Два рога, передний из которых был необычайно массивным и длинным, располагались, как у некоторых африканских видов, один за другим и были увенчаны головой большой силы и развития.

Еще более примечательным был тот большой волосатый слон, называемый мамонтом, который, по-видимому, роился на этих холодных равнинах мириадами. Этот обитатель севера, равный по размерам индийскому виду современности, имел гораздо более огромные изогнутые бивни, и вместо голой кожи тех, к которым мы привыкли, его тело было покрыто черной шерстью с толстым подшерстком из красной вьющейся шерсти, а на гребне шеи у него была длинная грива.

В то же время существовало четвероногое животное, близкородственное слонам, но отличавшееся от них некоторыми техническими характеристиками. Имея столь же массивное, но значительно более длинное тело, оно обладало более короткими конечностями, более широкой головой, маленькими бивнями в нижней челюсти, а также большими изогнутыми бивнями в верхней челюсти и, вероятно, хоботом, промежуточным между хоботом слона и хоботом тапира. Несмотря на то, что этот великий мастодонт был поистине космополитичным животным, поскольку его кости находят во всех частях света, его основной ареал обитания находился в Северной Америке, где, судя по его размерам и численности, он, должно быть, был очень характерной чертой первобытных болот и лесов. Там он своими бивнями выкорчевывал молодые деревья, сочные корни которых он измельчал своими большими сосочковыми коренными зубами, или же жевал до кашицы заболонь недавних ветвей и пряных прутьев. И время от времени он прибегал к широким соленым болотам, «Лиам», как их теперь называют, чтобы слизывать кристаллизованную соль на их краях, столь приятную для всех травоядных четвероногих. Здесь, в своем стремлении удовлетворить свой вкус острой приправой, он все дальше и дальше продвигался в коварное болото, пока не начинал тонуть, и тогда, в своем ужасе, он бросался и барахтался, все глубже и глубже погрязая в трясине, пока, наконец, не мог больше бороться, и болото закрывало его, и его больше не видели, пока какой-нибудь очкастый геолог девятнадцатого века, с записной книжкой в руке, не пошел бы и не выкопал его останки, удивляясь свежести, с которой они сохранились в антисептическом торфе.

Но давайте посмотрим на Южную Америку, где, поскольку великая хребетная цепь Анд поднимается из моря, потоки и водопады с ее склонов низвергают огромные количества

крошащейся породы и пастообразной грязи, которые, оседая на обширном плоском поле, поднятом подъемом почти до уровня моря, образуют величественную аллювиальную равнину, не имеющую себе равных по площади на земном шаре, покрытую могучими лесами Гвианы и Бразилии или высокой травой и чертополохом пампасов. Потоки все еще падают и, извиваясь по этой великолепной равнине, объединяются и образуют самые величественные реки, постоянно отлагая богатый аллювий и тем самым заметно увеличивая до сих пор ширину своего благородного континента и свою собственную длину.

В эти первобытные времена здесь бушуют странные существа. Молодая земля, жаркая и влажная — влажная от неиспарившейся воды осаждающих рек и жаркая под влиянием подводного вулкана, который ее поднимает, а также под лучами тропического солнца — рождает из своего дымящегося лона самые гигантские деревья в самой обильной роскоши. И животная жизнь тоже кипит в этой веселой растительности. Миллионы насекомых — муравьи, термиты и жуки — усердно трудятся на стволах огромных деревьев, поедая их и роаясь в своих огромных, невообразимо многолюдных гнездах. Несомненно, они скоро съедят весь лес, густой и быстрорастущий, и не останется ничего, кроме городов насекомых. Но не бойтесь! Посмотрите на этих огромных шатающихся животных^[4] с крепкими короткими ногами и огромными копытообразными когтями, настолько загнутыми внутрь, что эти существа вынуждены ходить на краях лап — они так же заняты, как и насекомые, разрывая своими мощными когтями земляные гнезда так же быстро, как они строятся, и пожирая самих их создателей оптом. Вот чудесное существо, огромный броненосец, с телом размером с носорога, покрытым выпуклым овальным щитом, образованным шестиугольными пластинами, точно прилегающими друг к другу. Посмотрите, как он подходит к поваленному дереву, которое, как подсказывает ему его безошибочный инстинкт, продырявлено насквозь и заполнено миллионами муравьев; своими мощными челюстями он разжевывает всю массу; тонкие и бумажные перегородки пыльного дерева измельчаются в порошок, а муравьи вылизываются и пережевываются в черную кашу между этими любопытными цилиндрами зубов.

Но вот, здесь есть еще более могущественные существа! Посмотрите на огромного милодона, сцелидотера и еще более колоссального мегатера. Какие тяжеловесные гиганты! Сами леса, кажется, дрожат под их величественной поступью. Их огромные тела доминируют сзади, заканчиваясь хвостом удивительной толщины и прочности: голова скромная и не вызывает страха; глаза лишены блеска и не угрожают насилием, хотя вся фигура символизирует огромную силу, а крепкие конечности заканчиваются такими же крепкими, загнутыми внутрь острыми копытами-когтями. Один из них подходит к широко раскинувшемуся акациевому дереву; он смотрит вверх на огромные грязно-коричневые сооружения, похожие на бочки, прикрепленные к развилкам ветвей, и знает, что сочные термиты наполняют их до краев. У него текут слюнки при этом заманчивом зрелище; он должен их заполучить. Но как? Его тяжелый задний столб не предназначен для лазания; но смотрите! Он поднимается на дерево; собирается ли он попробовать взобраться? Нет: он лучше знает свои силы. Он обнимает его один раз; один сильный объем; как будто проверяя его толщину и крепкость на земле. Теперь он копает вниз, вычерпывая мягкую почву из-под корней, — и удивительно, как быстро он обнажает их своими огромными клешнями, похожими на лопаты. Теперь он снова поднимается, широко расставляя задние лапы, глубоко впиваясь мощными клешнями в землю; он твердо стоит на своем огромном хвосте, как на третьей ноге треноги, и снова хватается за дерево. Огромные задние конечности, конечности и поясница, широкий таз, толстый спинной мозг, снабжающий обильной нервной энергией набухающие мышцы, вставленные в ребристые и килеватые кости, — все

это вступает в игру, служа *точкой опоры* для геркулесовского усилия. «А теперь представьте себе массивное тело мегатера, сотрясаемое мощной борьбой, каждая вибрирующая волокна которого воздействует на костное соединение () с силой сотни гигантов: сила и пропорции дерева должны быть необычайными, если, раскачиваясь из стороны в сторону, вправо и влево, в таком объятии, оно может долго сопротивляться усилиям своего нападающего».^[5] Оно сдается; корни вылетают вверх; земля разлетается по окружающей листве; дерево падает с грохотом, ломая и разбивая большие ветви, как стекло; испуганные насекомые вылезают из всех отверстий; но огромное животное набрасывается на них; своими острыми копытами оно разрывает твердые стенки земляных гнезд и вылизывает их живых обитателей, жирных куколок, яйца и все остальное, проглатывая сладкие кусочки, то всасывая, то жевая, с восторженным удовольствием, которое вознаграждает его за весь его тяжелый труд.

Пока тяжелый гигант поглощен своим сочным завтраком, смотрите, вот прогуливается его сосед, макраухен. Столь же массивный, столь же тяжелый, столь же огромный, столь же мирный, незнакомец напоминает огромного носорога, возвышающегося на гораздо более высоких конечностях; но его самая замечательная черта — это чрезвычайно длинная шея, похожая на шею верблюда, но достигающая высоты шеи жирафа. Таким образом, он просовывает свой огромный рыло в самый центр густых лиственных деревьев () и, собирая своими хватательными и гибкими губами сочные ветки и листья, он тоже находит в обильной растительности достаточно пищи для своего огромного тела, не посягая на запасы своих соседей.

И какая огромная масса внезапно вынырнула из тихой воды того игарипе? Хриплое, гулкое хрюканье, когда она поднимается, говорит нам, что она жива, и теперь мы различаем, что это голова животного — токсодона. Полускрытая в тени веерных пальм и широких, стреловидных листьев больших арумов, растущих из озера, мы видим маленькие свиные глазки, расположенные высоко на большой голове и широко расставленные, смотрящие с любопытным сочетанием глупости и хитрости; огромную морду и губы; широкие щеки, вооруженные жесткими выступающими щетинками; и, когда существо открывает свою огромную пасть, чтобы схватить плавающий тыква, мы видим необычайный ряд вогнутых зубов, странно изогнутых так, что образуют серию арок огромной силы. Теперь он своими сильными передними зубами вырывает из глины берега большие мясистые корни арума и измельчает их в кашу; и теперь, с очередным хрюканьем, огромная щетинистая голова погружается под воду, и мы ее больше не видим. Сотни других существ бродят вокруг — ленивцы, летучие мыши, обезьяны и птицы с ярким оперением на деревьях; муравьеды и морские свинки, ящерицы и змеи на земле; бабочки и колибри, парящие в воздухе; тапиры, черепахи и крокодилы в воде; — но это само собой разумеется: мы думаем только о тех, кто ушел из жизни и не оставил потомков, чтобы сохранить свою форму до наших дней.

Далеко в великую страну Австралию — в наши дни сократившуюся до островной Австралии и Новой Зеландии и нескольких спутниковых островов — но тогда, на заре творения, возможно, простиравшуюся далеко на север и в обе стороны, так что включала в себя разбросанные группы Полинезии в одном великом континенте « » и даже доходила до Мадагаскара на западе. Это был регион гигантских птиц и сумчатых четвероногих. Кенгуру ростом восемь или девять футов прыгали по первобытному кустарнику, вомбаты и дазуры размером со слона рыли норы на склонах холмов, а великие львиные звери бродили по равнинам. Но, безусловно, наиболее характерной чертой этой картины были птицы! Огромные страусоподобные птицы, которые с превосходным презрением смотрели бы на самого высокого африканского страуса, чьи кости конечностей значительно превосходили

по размеру кости наших лошадей, чьи трехпалые лапы оставляли в глине отпечатки длиной около восемнадцати дюймов и чьи гордые головы возвышались над горизонтом на высоту двенадцати футов над землей, — ужасные птицы, чья основная сила заключалась в ногах и лапах, будучи совершенно лишенными малейших следов крыльев, быстро шагали по густым папоротниковым зарослям, обладая сознательной силой защиты в заднем ударе своих мускулистых лап и не боясь ни человека, ни зверя, ведя в основном ночной образ жизни, днем скрываясь в углублениях густых лесов, где величественные деревья переплетались с кабелеподобными вьющимися растениями, или притаившись среди высоких камышей и ароидных растений, окаймлявших большие болотистые озера этих регионов.

Но что же наша земля? Что же эти далекие острова язычников в те ранние дни, когда предприимчивые сыновья Каина, мигрируя из уже стесненной земли Нод, продвигали свои колонны, вооруженные искусством и оружием, во всех направлениях по молодой земле? Достиг ли кто-нибудь из них еще островной Европы, поселившись по краям ее глубоких заливов и осушенных бассейнов? Возможно, они это сделали и даже исследовали самые дальние пределы великого Атлантического острова, на остатках которого мы живем. Что они здесь нашли? Землю гор и долин, равнин и холмов, озер и рек, болот и холмов, лесов и полей, в некоторых чертах очень похожую на нынешнюю: где дуб, вяз и ясень покрывали большие пространства, а береза и ель одевали холмы; но где тис и лавр росли бок о бок с кремовым яблоком и веерной пальмой, а земля была покрыта вьющимися растениями типа тыквы и дыни (), но где травы были редки и скудны, изысканный порядок *Rosaceæ* с его красивыми цветами и благодарными плодами встречался редко, а ароматные *Labiatae* — тимьян, мята и шалфей — были еще неизвестны.

А животные, которые уже населяли эту прекрасную землю, по своим размерам и силе были достойны этого края. Динозавры и мастодонты валялись и паслись там, где сейчас величественные дворцы Лондона теснятся друг к другу. По тенистым дубовым лесам бродили бегемоты и несколько видов носорогов, мамонты с длинными бивнями и два-три вида лошадей. Два гигантских быка — бизон и урус — бродили по покрытым елями холмам Шотландии, а любопытный бык с плоской головой, небольшого размера и с крошечными рогами, облюбовал Ирландию в качестве своего дома. Этот остров был также столицей колоссального оленя-лани, останки которого, обозначенные как останки ирландского оленя-лани (), удивляют нас в наших музеях. Он достигал семи футов в высоту в холке и махал своими разветвленными рогами, шириной одиннадцать футов, на высоте двенадцати футов и более над землей;^[6] однако его величественный рост не смог уберечь его от нередкой судьбы — погребения в глубоких болотах своего родного острова. Кроме того, в Британии обитал олень, размерами почти не уступавший гигантскому оленю, а также северные олени и более мелкие виды, которые мы знаем сегодня.

Все эти травоядные животные и бесчисленные более мелкие виды, некоторые из которых сейчас вымерли, а некоторые выжили, были под контролем могущественных хищных тиранов, представителей которых мы теперь можем увидеть в джунглях Индии или в жгучих карусах Южной Африки. Лев и тигр бродили по этим островам, а ужасное тигроподобное существо, мачайроде, превосходившее по размеру и силе даже бич бенгальских джунглей, с изогнутыми и зазубренными клыками, висело на боках стад оленей и крупного рогатого скота и набрасывалось на самых тучных из них. Кроме того, существовал огромный медведь, более огромный и могущественный, чем страшный американский гризли (), который обитал в пещерах и, бродя вокруг, сбивал своими ужасными лапами мохнатого быка, ломал ему крепкую шею силой и тащил тело домой, чтобы полакомиться им в свое удовольствие. Многие из этих пещер, ям и расщелин в

известковых районах были заселены гигантским видом гиен, которые, по-видимому, существовали в большом количестве, так что пещеры были усыпаны от края до края тысячами зубов и разрозненных костей как самих гиен, так и других плотоядных животных, что свидетельствует о том, что они жили и умирали там в течение многих поколений; и, в основном, других существ самых разных видов, больших и малых, большинство из которых были разбиты, раздавлены и обгрызены, что свидетельствует о явных следах мощных конических зубов этих отвратительных ночных животных.

Таким образом, я попытался нарисовать картину, я знаю, неясную и несовершенную, некоторых из наиболее примечательных и выдающихся черт первобытной Земли, ограничив эскиз теми формами, которые мы знаем только по их ископаемым остаткам. При попытке описать их очертания и общий вид, а еще больше — их привычки и инстинкты, приходится в значительной степени полагаться на догадки, которые, однако, основываются на анатомических особенностях костной структуры и аналогии с существующими существами, наиболее близкими к ископаемым.

Эти формы, многие из которых были огромными и грубыми, хорошо известны как обитавшие в различных регионах Земли в поздние периоды так называемой третичной эры. В настоящее время они, безусловно, не существуют в этих регионах. Когда закончилась их жизнь — жизнь их вида? Я предполагаю, что они существовали на Земле как живые разумные существа в самом раннем возрасте того, что мы называем историческим периодом, то есть, согласно хронологии Слова Божьего, которая должна быть верной, в течение последних шести тысяч лет. Это предположение настолько неортодоксально, что без подтверждающих доказательств оно было бы в целом отвергнуто; давайте же рассмотрим, какие доказательства существуют того, что человек был обитателем земного шара одновременно с этими огромными гигантами животного мира.

Я не претендую на то, чтобы представить убедительные доказательства синхронности существования *всех* животных, которых я описывал, с человеком; но, поскольку нет сомнений в том, что все они были современниками *друг другу*, если мы можем найти веские основания для вывода о сосуществовании человека с *некоторыми* из них, то, возможно, не будет несправедливым предположить, что так же было и с остальными.

И во-первых, в отношении *Colossochelys Atlas*, огромной ископаемой сухопутной черепахи из холмов Севалик на севере Индии, чей панцирь, возможно, покрывал площадь диаметром двенадцать или пятнадцать футов, а общая длина, как при ходьбе, когда голова и хвост были вытянуты, не могла быть намного меньше тридцати футов. Открыватели этой интересной реликвии, доктор Фальконер и майор Каунтли, тщательно обсудили вопрос о вероятном прекращении ее существования и пришли к выводу, что «есть веские основания полагать, что *Colossochelys Atlas*, вероятно, жила до раннего периода эпохи человеческого прогресса () и с тех пор вымерла». Они делают этот вывод на основании двух факторов: во-первых, из того факта, что в тех же слоях, которые не ограничиваются холмами Севалик, а простираются вместе с останками этой огромной черепахи по всей территории Индии, от Авы до залива Камбай, другие черепахи, крокодилы и т. д., которые были современниками *Colossochelys*, сохранились до наших дней; во-вторых, из мифологических и космогонических традиций многих восточных народов, в которых упоминается черепаха таких гигантских размеров, что в современных баснях ее сравнивают со слоном.^[7]

Элиан, греческий натуралист, цитируя Мегасфена, еще более древнего авторитета, который прожил несколько лет в Индии и собрал много интересной информации об этой

стране, сообщает, что в море вокруг Цейлона были найдены черепахи таких огромных размеров, что из их панцирей строили хижины, каждый панцирь имел длину пятнадцать локтей (или двадцать два фута); так что несколько человек могли найти под ними удобное укрытие от дождя и солнца.^[8] И Страбон, и Плиний^[9] утверждают, что челонофаги, населявшие побережье Красного моря и Персидского залива, превращали огромные панцири пойманных ими черепах в крыши для своих домов и лодки для небольших путешествий. Было высказано предположение, что эти утверждения могли быть вызваны *Colossochelys*, но я скорее думаю, что речь идет о больших морских черепахах рода *Chelone*, выпуклые панцири которых, как известно, достигают в наши дни длины восемь футов и более.

Обстоятельства, сопровождавшие открытие носорога и слона в Сибири, очень любопытны и интересны; поскольку мы имеем не окаменелые скелеты, а туши, сохранившиеся в свежем состоянии, как будто только что умершие, с (в одном случае) съедобной плотью на костях, которая фактически служила пищей для собак и волков, с неповрежденной шкурой, покрытой мехом, и даже с глазами, сохранившимися настолько хорошо, что можно было отчетливо разглядеть зрачки.

В 1771 году на замерзшей гравийной почве Вильхуджи, в северной части Сибири, было найдено частично обнаженное животное. Оно было двенадцать футов в длину; его тело было покрыто кожей, которая имела толщину и прочность подошвенной кожи, но не имела складок. Короткая шерсть, прочно укоренившаяся в порах кожи, росла на лице пучками; она была жесткой текстуры и серого оттенка, с редкими черными щетинками, более крупными и жесткими, чем остальные. На ногах наблюдалась короткая пепельно-серая шерсть, умеренно густая. Веки и ресницы были еще видны; остатки мозга все еще находились в полости черепа, а плоть тела, находящаяся в состоянии гниения, все еще была под кожей. На носу были следы от рога, вокруг которого кожа образовала своего рода складку.

Таким образом, существо было опознано как носорог, и его голова и ноги были подняты и отправлены в Санкт-Петербург, где они до сих пор хранятся в Императорском Музее Ермолова (). Ученые вскоре заметили, что по многим признакам этот экземпляр отличался от всех известных на тот момент видов, и действительно, волосатый носорог сам по себе был аномалией. Последующие исследования показали, что тот же вид, известный как *Rhinoceros tichorhinus*, в большом количестве обитал в Сибири и в настоящее время вымер.

Спустя почти тридцать лет произошло еще более интересное открытие. На берегах Ледяного океана было найдено огромное количество бивней, неотличимых от бивней известных слонов и пригодных для обработки производителями изделий из слоновой кости, так что они заняли признанное место на коммерческих рынках и до сих пор являются основным источником сырья для русских токарей по слоновой кости. Рыбак, живший в устье Лены, однажды, занимаясь сбором бивней, увидел среди ледяных глыб необычный предмет. В следующем году он заметил, что он все еще оставался на поверхности, а в следующем сезоне, в 1801 году, он увидел, что это было огромное животное с большими бивнями, один из которых, вместе со всей боковой частью туши, выступал из замерзшей массы. Он знал, что это *мамонт*, так называли ископаемых слонов, и с интересом наблюдал за ним. Следующий сезон был настолько холодным, что никаких изменений не произошло, но в 1803 году таяние льда продвинулось настолько, что гигантское животное упало с утеса целиком и оказалось на песке внизу. В следующем сезоне рыбак Шумахов вырезал бивни, которые продал за пятьдесят рублей, а через два года это место посетил г-н Адамс,

служивший при императорском дворе, который дал интересное описание своих наблюдений, сделанных, следует помнить, на седьмой год после первого открытия:

«Я нашел мамонта, — отмечает этот джентльмен, — все еще на том же месте, но полностью изуродованным... Якуты из окрестностей срезали с него мясо, которым кормили своих собак во время голода. Дикие звери, такие как белые медведи, волки, росوماхи и лисы, также питались им, и вокруг были видны следы их лап. Скелет, почти полностью лишенный мяса, остался целым, за исключением одной передней ноги. Голова была покрыта сухой кожей; одно из ушей, хорошо сохранившееся, было покрыто пучком волос. Все эти части, конечно, были повреждены при транспортировке на расстояние 7330 миль (до Санкт-Петербурга), но глаза сохранились, и зрачок одного из них все еще можно различить.

Мамонт был самцом с длинной гривой на шее. Хвост и хобот не сохранились. Кожа, три четверти которой находится в моем распоряжении, имеет темно-серый цвет, покрыта рыжеватой шерстью и черными волосами, но влажность места, где она так долго лежала, в некоторой степени разрушила шерсть. Весь туш, кости которого я собрал на месте, был девять футов четыре дюйма в высоту и шестнадцать футов четыре дюйма в длину, не включая бивни, которые измеряли девять футов шесть дюймов по изгибу. Расстояние от основания или корня бивня до кончика составляет три фута семь дюймов. Два бивня вместе весили триста шестьдесят фунтов по английской системе весов, а одна только голова — четыреста четырнадцать фунтов.

Затем я снял кожу с той стороны, на которой лежало животное, которая была хорошо сохранилась. Эта кожа была настолько тяжелой, что десяти человек с трудом удалось перенести ее на берег. После этого я раскопал землю в разных местах, чтобы убедиться, не зарыты ли где-нибудь кости, но в основном для того, чтобы собрать все волосы, которые белые медведи вступили в землю, пожирая плоть. Хотя это было трудно из-за отсутствия инструментов, мне удалось собрать более пуда (тридцать шесть фунтов) шерсти. Через несколько дней работа была завершена, и я оказался в обладании сокровищем, которое с лихвой вознаградило меня за усталость и опасности путешествия, а также за значительные расходы на это предприятие... Склон льда был высотой от тридцати пяти до сорока тошей; и, согласно отчету тунгусов, когда они впервые увидели животное, оно находилось на глубине семи тошей под поверхностью льда и т. д. Прибыв с мамонтом в Борчаю, мы в первую очередь отделили оставшуюся плоть и связки от костей, которые затем были упакованы. Когда я прибыл в Якутск, мне посчастливилось выкупить бивни и оттуда отправить все в Санкт-Петербург. Скелет сейчас находится в музее Академии, а кожа все еще прикреплена к голове и ногам. Часть кожи и часть шерсти этого животного были отправлены г-ном Адамсом сэру Джозефу Бэнксу, который подарил их Музею Королевского колледжа хирургов. Шерсть полностью отделена от кожи, за исключением одной очень маленькой части, где она все еще прикреплена. Она состоит из двух видов: обычной шерсти и щетины, и у каждого из них есть несколько разновидностей, различающихся по длине и толщине. Те, что остались прикрепленными к коже, имеют цвет верблюда, длину полтора дюйма, очень густые и завитые в локоны. Они перемежаются несколькими щетинками длиной около трех дюймов, темно-красноватого цвета. Среди отдельных прядей шерсти есть некоторые, более красные, чем только что упомянутая короткая шерсть, длиной около четырех дюймов; а также некоторые щетинки, почти черные, гораздо более толстые, чем конская шерсть, и длиной от двенадцати до восемнадцати дюймов. Когда шкура была впервые принесена в музей, она имела неприятный запах; сейчас она совершенно сухая и твердая, а в самых плотных местах ее толщина составляет полдюйма. Ее цвет — тускло-черный, как у живых слонов».[\[10\]](#)

Для меня это повествование представляет огромный интерес, и я с большим любопытством разглядывал кусочек высохшей и почерневшей кожи, который хранится в музее в Линкольнс-Инн-Филдс, зная, что в нынешнем столетии он представлял собой первозданную свежесть жизни. Я не могу не думать, что и носорог, и этот слон бродили по равнинам Сибири не только со времени сотворения человека, но даже со времен Потопа. Свежесть их состояния показывает, что замораживание их туш должно было произойти внезапно, сразу после смерти. Какое предположение может быть более естественным, чем то, что, возможно, во время слепящей метели они соскользнули в расщелину в ледяном утесе, были мгновенно засыпаны снегом и таким образом сохранились до наших дней благодаря антисептической силе мороза ()? Ледники севера могут содержать еще множество таких и подобных им существ, некоторые из которых могут быть еще раскопаны или разморожены и еще больше приоткроют завесу, которая так интригующе покрывает условия их жизни. Эти два огромных толстокожих животных, безусловно, сейчас вымерли; однако их останки, разбросанные по такой обширной территории, повсюду связаны с останками других животных, которые, несомненно, были их современниками и чья жизнь продолжается до наших дней. О некоторых из них, таких как большой медведь и мускусный бык из субполярных регионов, мы знаем, что они имеют привычку мигрировать на север весной и на юг осенью. О том, что даже в таких высоких широтах не было недостатка в подходящей пище для пасущихся четвероногих, свидетельствует тот факт, что даже за 75° северной широты на скалах растут большие березы в количестве, достаточном для того, чтобы в значительной степени использоваться в качестве обычного топлива, и все еще сохраняющие свои древесные волокна, кору, ветви и корни. Климат тогда не *сильно* отличался от современного, когда береза как дерево достигает высоты около 70°.

Интересно отметить, что и этот слон, и этот носорог были также обитателями Англии; и что в то же время, что и пещерный медведь, гиена, лев и махайроде, бабуин, бизон и урус, ирландский лось и вымершая лошадь; в то же время, что и северный олень, олень, черный медведь, волк и лиса, бобр, дикая кошка, заяц и кролик, выдра и барсук, дикий кабан, крыса и мышь, все наши нынешние землеройки, крот, горностай и хорек, ночная летучая мышь и подковоносые летучие мыши. И любопытно отметить, просматривая этот список, что некоторые из перечисленных существ давно вымерли повсюду, некоторые давно вымерли в Англии, но все еще встречаются в других местах, некоторые вымерли здесь относительно недавно, но в разные эпохи, некоторые почти вымерли, а некоторые все еще встречаются в разной степени.

Я не придаю большого значения преданиям сибиряков о том, что найденные ими бивни и скелеты принадлежали большому подземному животному, которое не переносило света, а также преданиям китайцев о подобном роющемся четвероногом животном огромных размеров, которое они иронично называют «*тын-шу*», или «мышь, которая прячется». Эти басни могли легко возникнуть из наблюдений за окаменелыми костями и не обязательно подразумевают какую-либо память о живом оригинале.

Два примера эксгумации *пахидерм* в свежем состоянии, которые я подробно описал, ни в коем случае не являются единственными случаями, которые имели место. В Сибири повсеместно распространено поверье, что мамонты находили с совершенно свежей и наполненной кровью плотью; вероятно, имеется в виду, что при оттаивании из тела животного вытекали жидкости. Исбранд Идес упоминает голову, на которой была плоть в состоянии разложения, и замороженную ногу, размером с тело человека; а Жан Бернхард Мюллер говорит о бивне, полость которого была заполнена веществом, напоминающим свернувшуюся кровь.

Опять же, в путешествии Сарычева приводятся подробности об обнаружении мамонта на берегу Аласеи, реки, впадающей в Северный Ледовитый океан, за Индигиркой. Он был вынесен на берег наводнением и несколько поврежден, но туша все еще была почти цела и покрыта шкурой, к которой в некоторых местах еще прилипали длинные волосы.

Эти утверждения можно было бы с полным основанием счесть либо вымыслом, либо грубым преувеличением, если бы не последующее открытие носорога и слона, останки которых были привезены в Европу. В свете этих сообщений более ранние рассказы приобретают достоверность подлинной истории; и интересно отметить, насколько хорошо эти детали согласуются с наблюдениями точного Адамса — например, длинная шерсть, которой был покрыт труп на Аласее, в точности соответствует шерсти на слоне из Лены, хотя *априори* мы должны были бы ожидать совсем другого состояния кожи этих огромных толстокожих.

Если мы теперь посмотрим на великого мастодонта, этого слоноподобного зверя, который при росте, равном росту самого высокого африканского слона, имел гораздо большую длину тела и объем конечностей, то мы увидим некоторые основания для вывода, что период его исчезновения не так уж далек от нашей эпохи. Его останки в наибольшем количестве встречаются в Северной Америке; и интересно отметить, что среди нескольких коренных племен краснокожих сохранились предания о мастодонте как о живом существе. Эти предания () туманны, расплывчаты и искажены, но вместо того, чтобы *полностью* отвергать их по этой причине, мы должны скорее рассматривать эти особенности как свидетельство их древности. Когда полудикие народы представляют нам устные предания о очень отдаленных предметах или действиях, мы, естественно, ищем в них значительный элемент дикости, экстравагантности и абсурдности. Если бы мы не нашли ничего, кроме разумного, последовательного и понятного, мы бы сразу сказали, что это предание не могло быть передано очень далеко. Мы должны помнить, что в данном случае речь идет не о точных привычках и инстинктах мастодонта, а о том, знали ли индейцы вообще о том, что мастодонт когда-то был живым животным. Как я уже заметил, они знали. М. Фабри, французский офицер, служивший в Канаде, сообщил Бюффону, что краснокожие говорили о больших костях, разбросанных по разным частям этого региона, как о костях животного которое, в соответствии с их восточным стилем, они называли *Le Père aux Bœufs*. Индейцы шауни верили, что наряду с этими огромными животными существовали люди соразмерного развития, и что Великое Существо уничтожило и тех, и других молниями. Жители Вирджинии утверждали, что, поскольку стадо этих ужасных четвероногих уничтожало оленей, бизонов и других животных, созданных для использования индейцами, Великий Человек убил их всех своим громом, за исключением большого быка, который, не испугавшись, подставил свой огромный лоб под молнии и отряхивал их, пока, наконец, не был ранен в бок и не убежал к великим озерам, где находится и по сей день.

Однако существуют и другие свидетельства относительно недавнего захоронения этих останков. В целом они не выглядят так, как будто их перенесли, а скорее так, как будто они жили там, где их сейчас нашли; в некоторых случаях, например, вдоль реки Грейт-Осейдж, они застряли в вертикальном положении, как будто животные внезапно увязли в болотистой почве. Кроме того, на них, как правило, нет большого скопления земли. Вдоль краев того большого соленого болота, которое из-за обилия останков животных называется Биг-Бон-Лик, и на его окраинах скелеты находят погруженными в мягкую землю, многие из них не более чем на метр-два ниже поверхности, а некоторые даже едва прикрыты. Вместе с ними в большом количестве находят кости современных бизонов, вапити-оленей и других

травоядных животных, которые по-прежнему стекаются в это же место по тем же причинам и встречают ту же судьбу.

Сравнительная анатомия определяет по структуре костей головы мастодонта, что он, должно быть, имел хобот, подобный хоботу слона. Хотя он был полностью мясистым, он оставил следы своего существования. Бартон сообщает, что в 1762 году из пяти скелетов, которые видели туземцы, один череп все еще имел то, что они описали как «длинный нос» с ртом под ним. А Калм, говоря о скелете, обнаруженном индейцами на территории современного штата Иллинойс, говорит, что форма хобота все еще была заметна, хотя он был наполовину разложился. Сохранение этих скоропортящихся тканей в данном случае, несомненно, следует объяснить солью, которой пропитана болотная земля. Еще более недавно в Вирджинии был найден скелет, который содержал очень интересное доказательство питания животного: масса веток, травы и листьев в полуразрушенном состоянии, заключенная в своего рода мешок, лежала в полости тела, несомненно, содержание желудка. Некоторые из веток можно было идентифицировать как принадлежащие существующим видам деревьев и кустарников, среди которых был вид *розы*, все еще распространенный в этом регионе.

Все это является очень веским доказательством того, что отложение этих останков не могло произойти в *очень* далекой эпохе, — что, по сути, оно должно было произойти после всемирного потопа, описанного в Слове Божьем.

Хью Миллер сделал интересное наблюдение относительно фактической даты геологических явлений в Северной Америке по сравнению с их аналогами в Старом Свете. Он говорит: «Гораздо более отдаленная древность мастодонтического периода в Европе по сравнению с Америкой является обстоятельством, заслуживающим внимания, так как это один из многих фактов, которые, по-видимому, указывают на общее перемещение по крайней мере более поздних геологических эпох на противоположные стороны Атлантического океана. Группы соответствующих характеров на восточном и западном побережьях этого великого океана не были современными по времени. Неоднократно отмечалось, что существующие растения и деревья Соединенных Штатов, а также немалое количество рыб и рептилий, несут в своих формах и строении следы гораздо большей древности, чем их европейские сородичи. Геолог, который поставил перед собой задачу обнаружить подобные типы на восточной стороне Атлантики, должен был бы искать их среди отложений позднего третичного периода. Северная Америка, по-видимому, все еще проходит через поздний третичный период, и, по-видимому, следствием этой любопытной транспозиции является то, что в то время как в Европе мастодонтический период удален от настоящего времени двумя великими геологическими эпохами, в Америке он удален от него только одной.[\[11\]](#)

Профессор Агасси высказал мнение того же характера, приведя в качестве доказательства нынешнее существование в Америке нескольких видов животных, которые в этом полушарии известны только в ископаемом состоянии.[\[12\]](#)

Я не могу не добавить следующее сочетание фактов и предположений, написанное опытным путешественником по Мексике. Оно открывает новый ряд идей:

«Некоторое время до нашего визита на соседнем поместье Чапинго был нанят ряд рабочих для рытья канала через ту часть равнины, из которой вода постепенно уходила в течение последних трех столетий. На глубине четырех футов под поверхностью они достигли древней дамбы, о существовании которой, конечно, не было ни малейшего

подозрения. Кедровые сваи, на которых держались ее боковые стороны, были еще в хорошем состоянии. На глубине трех футов под краем этого древнего сооружения, в том, что, возможно, было самой канавой, они наткнулись на целый скелет мастодонта, погруженный в голубую глину. Многие из наиболее ценных костей были утеряны из-за небрежности, с которой их извлекали; другие были измельчены в порошок при транспортировке в столицу, но осталось достаточно, чтобы доказать, что животное было огромных размеров. Мой информатор измерил диаметр [или окружность?] бивня и обнаружил, что он составляет восемнадцать дюймов.

«Хотя я был бы очень рад укрыться под удобным *«Quien sabe?»*, использование которого я вам предложил, я не мог не сопоставить отдельные факты, когда был в Мексике, и склонялся к мысли, что эта страна не только была заселена в очень далекие времена, когда долина имела совсем другой вид, чем сейчас или чем ее описывает традиция, но что вымершая раса огромных животных, останки которых, как кажется, в приведенном мною примере, являются современниками недатированных произведений человека, могла быть подчинена его воле и использована, благодаря применению своей гигантской силы, для перевозки тех огромных массивов высеченных и отточенных камней, которые мы с удивлением видим лежащими в местах, столь удаленных от их естественного местонахождения.

«Существование этих древних мощеных дорог, не только из-за их прочной конструкции над плоскими и низкими равнинами долины, но и потому, что их можно проследить на протяжении многих миль по сухой плоскогорью и горам, кажется мне, придает правдоподобность этому предположению; ведь можно спросить, для чего нужны были такие работы в стране, где не было вьючных животных?

«Но я оставляю эту тему более мудрым умам и смелым теоретикам. Если бы мамонт из Чапинго был обнаружен с кольцом в носу, удилом во рту, ярмом на голове или крупом под хвостом, вопрос был бы решен. А так, остается много места для догадок и споров». [\[13\]](#)

Что касается великих вымерших млекопитающих Южной Америки, то мы видим, как г-н Дарвин, которому мы обязаны знанием о многих из них, постоянно выражает свое удивление относительно сравнительно недавней эпохи их существования. Перечислив девять огромных животных, которые он нашел зарытыми на пляже в Баия-Бланка на площади 200 ярдов, и отметив, насколько многообразными должны были быть древние обитатели этой страны, он замечает, что «это перечисление относится к очень позднему третичному периоду. По костям *Scelidotherium*, включая даже коленную чашечку, которые были захоронены в их правильном относительном положении, и по костной броне большого животного, похожего на броненосца, которая так хорошо сохранилась, вместе с костями одной из его ног, мы можем быть уверены, что эти останки были свежими и соединенными связками, когда они были отложены в гравии вместе с ракушками. Таким образом, у нас есть веские доказательства того, что вышеперечисленные гигантские четвероногие, более отличающиеся от современных, чем самые древние третичные четвероногие Европы, жили в то время, когда море было заселено большинством его нынешних обитателей». [\[14\]](#)

О останках милодона и странного полуводного существа токсодона он говорит, что они выглядели настолько свежими, что было трудно поверить, что они пролежали под землей веками. Кости были настолько свежими, что при тщательном анализе в них было обнаружено 7% животного вещества, а при нагревании в пламени спиртовой лампы они не

только испускали очень сильный животный запах, но и действительно горели небольшим пламенем.

Интерес Дарвина был возбужден повсеместными свидетельствами огромности этой вымершей популяции. «Количество останков, погребенных в огромных отложениях устья реки, которые образуют Пампас и покрывают гигантские скалы Банда-Ориенталь, должно быть чрезвычайно велико. Я полагаю, что прямая линия, проведенная в любом направлении через Пампас, пересекла бы какой-нибудь скелет или кости... Можно предположить, что вся территория Пампас является одним большим захоронением этих вымерших гигантских четвероногих».[\[15\]](#)

Вся равнина Южной Америки от Рио-де-ла-Плата до Магелланова пролива поднялась из моря в течение жизни существующих морских раковин, старые и выветренные образцы которых, оставшиеся на поверхности равнины, все еще частично сохраняют свои цвета! Дарвин делает вывод, как нечто определенное, из приведенных им данных, что макраухен, этот странный толстокожий с шеей жирафа, жил *долго после* того, как море было заселено нынешними ракушками, и когда растительность на суше не могла быть иной, чем сейчас. И если макраухен, то и токсодон, сцелидотер, мегатер, милодон, глиптодон, глоссотер и все остальные причудливые, но могучие гиганты, которые когда-то населяли эти южные равнины.

Свидетельства недавнего существования колоссальных птиц, похожих на страусов (), в Новой Зеландии еще более убедительны. Прошло около двадцати одного года с тех пор, как научное сообщество Европы впервые узнало о останках таких животных благодаря костям, присланным преподобным У. Уильямсом доктору Бакленду. На основании этих костей и коллекции, присланной вскоре после этого, профессор Оуэн создал род *Dinornis*, выделив пять видов, самый крупный из которых, *D. giganteus*, по его заключению, достигал в высоту около десяти футов. С тех пор было найдено большое количество останков, и в результате дальнейших исследований профессора были созданы три других рода, а именно *Palapteryx*, *Nestor* и *Notornis*, причем последний представляет собой крупную птицу, родственную куропаткам и лысухам.

Одной из партий груза сопровождалось очень интересное письмо от г-на Уильямса, из которого я приведу несколько выдержек. Оно датировано «Поверти-Бэй, Новая Зеландия, 17 мая 1842 года». «Около трех лет назад, когда я посетил это побережье к югу от Восточного мыса, туземцы рассказали мне о каком-то необычном чудовище, которое, по их словам, обитало в недоступной пещере на склоне холма возле реки Вайроа; одновременно они показали мне несколько фрагментов костей, найденных на дне реки, которые, по их словам, принадлежали этому существу, которое они называли *моа*. Когда я поселился в этой местности, я услышал ту же историю, но немного расширенную, поскольку говорили, что это существо *все еще обитает* на упомянутом холме, который называется Вакапунаке, и что его охраняет рептилия из рода ящериц, но я не смог узнать, видел ли его кто-нибудь из нынешнего поколения . Я по-прежнему считал все это пустой басней, но предложил большую награду любому, кто поймает мне либо птицу, либо ее защитника». Эти предложения привели к сбору значительного количества окаменелых костей, по поводу которых г-н Уильямс делает следующие замечания:

«1. Ни одна из этих костей не была найдена на суше, все они были найдены на берегах и дне пресноводных рек, зарытые на небольшую глубину в иле... Все реки находятся в непосредственной близости от холмов определенной высоты.

2. Эта птица существовала здесь не так давно, хотя ни один из жителей не помнит ее: кости найдены в руслах нынешних рек и, по-видимому, не были принесены в их нынешнее местоположение под действием сильного потока воды.

3. Они существовали в значительном количестве (это наблюдение впоследствии было многократно подтверждено).

«4. Можно сделать вывод, что эта птица была долгоживущей и что прошло много лет, прежде чем она достигла полного размера. (Автор основывает этот вывод на различиях в размерах соответствующих костей, предполагая, что все они принадлежали одному и тому же виду, что, однако, было ошибочным предположением).

«5. Максимальная высота птицы, вероятно, составляла не менее четырнадцати или шестнадцати футов. Отправленные сейчас кости ног дают высоту шести футов до основания хвоста.

«В последние несколько дней я получил информацию, заслуживающую внимания. Случайно заговорив с американцем из об этих костях, он рассказал мне, что эта птица до сих пор существует в окрестностях Клауди-Бэй, в проливе Кука. Он сказал, что местные жители упомянули англичанину, принадлежащему к китобойной команде, что там есть птица необычайных размеров, которую можно увидеть только ночью, на склоне холма недалеко от этого места, и что он вместе с местным жителем и вторым англичанином пошел на это место; что, подождав некоторое время, они увидели существо на небольшом расстоянии, которое они описывают как высотой около четырнадцати или шестнадцати футов. Один из мужчин предложил подойти поближе и выстрелить, но его товарищ был настолько напуган, или, возможно, оба были напуганы, что они довольствовались тем, что смотрели на птицу, когда через некоторое время она испугалась и ушла, шагая по склону горы.

«Этот случай, возможно, не стоил бы упоминания, если бы не необычайное совпадение в отношении размера птицы [с моими выводами, сделанными на основании костей]. Вот кости, которые убедят вас в том, что такая птица существовала; и, как говорят, есть *живая птица*, предполагаемый размер которой, указанный независимым свидетелем, точно совпадает».



ВСТРЕЧА С МОА.

История, рассказанная о китобое, кажется мне, несет в себе признаки правды. Смелый исследовательский очерк, ужас, внушаемый гигантской фигурой, особенно в сумерках ночи, описание манер бега и перешагивания птицы, так похожих на манеры аптерикса, с которым, как показывают его кости, моа были близкими родственниками, и бесславное возвращение отряда, не совершившего ни одного подвига, - все это слишком естественно, чтобы допустить мысль, что здесь была задействована не более чем изобретательная сила.

И вполне возможно, что колосс внушал страх. Кости, отправленные в Лондон, значительно превышают по массе кости самой крупной лошади. Кость ноги высокого человека имеет длину около одного фута четырех дюймов, а бедро О'Брайена, ирландского гиганта, чей скелет высотой восемь футов выставлен в Музее Королевского колледжа хирургов, не достигает и двух футов. Но мы знаем, что кость ноги (*большеберцовая кость*) *динорниса* достигает двух футов десяти дюймов, и у нас нет оснований предполагать, учитывая различия, существующие в исследованных образцах, что мы видели какую-либо самую крупную.

Дополнительным основанием для предположения, что эти великолепные птицы существовали не так давно, является тот факт, что сохранились образцы их яиц. Обстоятельства, сопутствующие их обнаружению и идентификации, представляют значительный интерес. В вулканическом песке Новой Зеландии мистер Уолтер Мантелл нашел гигантское яйцо, которое, как мы можем разумно предположить, принадлежит либо *динорнису*, либо *палаптериксу*, о величине которого он дает нам знакомое представление, говоря, что его шляпа была бы достаточно большой, чтобы служить подставкой для яиц. Это утверждение человека науки, и поэтому мы можем предположить приблизительную степень точности в сравнении.

Я не знаю размера шляпы мистера Мантелла, но нахожу, что поперечный диаметр моей собственной составляет шесть дюймов или чуть больше. Если мы можем принять это за меньший диаметр яйцевидной формы, то длина, вероятно, составит около восьми с половиной дюймов; размеры значительно превышают размеры страусиного яйца (длина которого составляет около шести с четвертью), но не те, которые мы должны были ожидать от птицы высотой от двенадцати до четырнадцати футов. И это тем более, если учесть, что яйцо новозеландского *аптерикса*, с которым эти птицы проявляют очень близкое родство, имеет размеры, которые весьма удивительны по сравнению с массой птицы. Аптерикс размером примерно с индейку и достигает двух футов в высоту, но его яйцо имеет размеры четыре дюйма десять линий на три дюйма две линии в соответствующем диаметре. Яйцо *гигантского динозавра*, если бы оно имело такое же отношение к птице, как это, было бы невероятной длины - два с половиной фута при ширине в один и три четверти! Возможно, этот экземпляр, хотя он, несомненно, является яйцом одной из этого великого семейства вымерших птиц, в конце концов, может принадлежать к одному из второстепенных видов.

Но примерно в то же время, что и открытие мистера Мантелла, не менее интересное открытие было сделано на Мадагаскаре. Капитан французского судна добыл в 1850 году у туземцев острова три яйца гораздо большего размера и фрагменты костей ног огромной птицы. По прибытии в Париж они стали предметом ценных исследований М. Исидора Жоффруа Сент-Илера^[16] и профессора Оуэна.^[17]

Заявление туземцев гласило, что одно из яиц было найдено целым на дне ручья среди обломков оползня; что второе яйцо с несколькими обломками кости было впоследствии найдено в пласте, *который, как утверждается, является аллювиальным*; также было найдено третье яйцо, которое туземцы продырявили с одного конца и использовали как сосуд. Это последнее яйцо было разбито в карете, два других прибыли в Европу целыми.

Эти двое, хотя и были почти одинаковыми по размеру, значительно отличались по своим относительным пропорциям и форме: один был короче и толще, с более ровными концами, чем другой. В следующей таблице приведены размеры обоих яиц по сравнению с размерами страусиного яйца:—

	Яйцевидное яйцо.			Яйцо эллипсоидной формы.			Страусиное яйцо.		
	фут. дюйм. li.			фут. дюйм. li.			фут.дюйм. li.		
Более длинная окружность.	2	10	9	2	9	6	1	6	0
2	4	3	3	2	5	4	6	Крайняя длина.	6
Экстремальная длина	1	0	8	1		5	0	6	4

Месье Жоффруа Сент-Илер оценивает, что большее из двух содержит $10\frac{1}{8}$ кварт, или содержимое почти шести яиц Страуса, или шестнадцати яиц казуара, или ста сорока восьми куриных, или пятидесяти тысяч колибри.[\[18\]](#)

Фрагменты кости указывали на птицу того же природного сходства, что и новозеландские колоссы, и размеров, не сильно отличающихся от них. Профессор Оуэн считает, что оно не превышало по высоте или размерам *гигантского динозавра*, и что есть вероятность, что оно было немного меньше. Мадагаскарская птица получила название *Большой пернатый*.

Фрагменты яйца новозеландской птицы (до сих пор неясно, к какому виду его отнести) показывают, что скорлупа была абсолютно тоньше, и, следовательно, относительно *намного* тоньше, чем у страусинового яйца; воздушные поры тоже имеют иную форму, они линейные, а не круглые, а поверхность более гладкая. По этим качествам новозеландское яйцо напоминает яйцо *аптерикса*; по толщине и шероховатости яйцо *эйорниса* больше похоже на яйца страуса и казуара. Цвет мадагаскарского яйца - тусклый серовато-желтый; но не исключено, что это связано с почвой, в которой оно долгое время находилось. Фрагменты новозеландского яйца белые, как у *аптерикса* и страуса, а у эму и казуара светло-зеленые.

Любознательное воображение подсказывает возможность того, что на таком огромном острове, как Мадагаскар, с высокими горными хребтами, покрытыми великолепнейшими лесами, где цивилизованный человек пока коснулся только одного или двух мест на обращенных к морю границах, но где эти небольшие исследования выявили так много удивительных животных, так много странных форм растительной жизни, благородный *эйпюрнис*, возможно, все еще крадется гигантскими шагами по окаймленным папоротником склонам холмов или сквозь дымящиеся заросли; хотя в более узкой местности Новой Зеландии его обитатели встречаются реже. столь же тяжелые родственники, *динорнисы* и *палаптериксы*, возможно, погибли под непрекращающимися преследованиями человека.

Недавно было обнаружено еще одно свидетельство, подтверждающее недавнее, если не настоящее существование этих крупных птиц: — самое интересное открытие, что один из родов, ископаемые останки которого были найдены связанными с ними, действительно сохранился в Новой Зеландии. Я имею в виду *ноторнис*.

На заседании Лондонского зоологического общества, состоявшемся 13 ноября 1850 года, доктор Мантелл сделал следующее сообщение по поводу этого открытия:—

"В течение прошлого года, во время второго визита моего сына на юг среднего острова, ему посчастливилось заполучить недавнюю *ноторнису*, которую я теперь представляю, предварительно передав ее в руки выдающемуся орнитологу мистеру Гулду для зарисовки и описания. Эта птица была поймана несколькими охотниками на тюленей, которые занимались своим ремеслом в Даски-Бэй. Заметив след большой и неизвестной птицы на снегу, которым тогда была покрыта земля, они пошли по следам, пока не увидели *Notornis*, которого их собаки немедленно преследовали и после долгой погони поймали живым в овраге у пролива за островом Резолюшн. Он бежал с огромной скоростью, а когда его схватили, издавал громкие крики и яростно отбивался. Его продержали живым три или четыре дня на борту шхуны, а затем убили, а тело зажарили и съели члены экипажа, каждый отведав лакомства, которое было признано восхитительным. Клюв и лапы были ярко-красного цвета. Мой сын сохранил шкуру вместе с очень прекрасными экземплярами капapo, или земляного попугая (*Strigops*), парой гуйя (*Neomorpha*) и двумя видами кивикиви, а именно *Apteryx Australis* и *A. Oweni*. Последняя очень редкая птица теперь пополнила коллекцию Британского музея".

Мистер Уолтер Мантелл утверждает, что, согласно местным традициям, большой Рельс был современником моа и составлял основной предмет питания их предков. Жителям Северных островов она была известна под названием "Мохо", а жителям южных островов - под названием "Такахе"; но как местные жители, так и европейцы считали, что эта птица давным-давно истреблена дикими кошками и собаками; со времени прибытия английских колонистов никто не видел и не слышал ни об одной особи. Сравнив голову птицы с ископаемым черепом и нижними челюстями, а также рисунки и описания в "Зоологических трудах" (Лист lvi.), мой сын сразу убедился в их идентичности. Не лишним будет добавить, что в ходе путешествия мистера Уолтера Мантелла с полуострова Бэнкс вдоль побережья в Отаго он узнал от местных жителей, что, по их мнению, в этой стране все еще существует единственное коренное наземное четвероногое, за исключением вида крыс, которое когда-либо существовало в Новой Зеландии. Есть какие-либо разумные основания заключить. Во время стоянки лагерем в Аровенуа, в округе Тимару, маори заверили их, что примерно в десяти милях от материка обитает четвероногое, которого они называют Кауреке, и что раньше оно водилось в изобилии и часто содержалось их предками в домашнем виде в качестве домашнего животного. По описанию, он был около двух футов длиной, с жесткой шерстью цвета гризли; и, должно быть, больше походил на выдру или барсука, чем на бобра или орниторинха, которых первые описания, по-видимому, предполагают в качестве вероятного типа. Предложение щедрого вознаграждения побудило некоторых маори отправиться в глубь страны, где, как предполагалось, находился Кауреке; но они вернулись, не добыв ни малейших следов существования этого животного. Мой сын, однако, выражает свою веру в рассказы местных жителей и в то, что, если это существо больше не существует, то его истребление произошло совсем недавно. Завершая этот краткий рассказ об открытии рода птиц, некогда современного колоссальному Моа и до сих пор известного только по его ископаемым останкам, я позволю себе заметить, что этот в высшей степени интересный факт имеет тенденцию подтверждать выводы, изложенные в моем сообщении Геологическому обществу, а именно, что *динорнисы*, *палаптериксы* родственные формы были ровесниками некоторых существующих видов птиц, характерных для Новой Зеландии, и что их окончательное вымирание произошло в не очень отдаленный период и спустя много времени после появления аборигенов маори".

Затем мистер Гулд прочитал статью, в которой указывались зоологические признаки птицы, обнаруженной мистером Мантеллом, которую он без колебаний идентифицировал как вид, ранее описанный по костным останкам профессором Оуэном под названием *Notornis Mantelli*. Мистер Гулд, указывая на чрезвычайный интерес, с которым следует рассматривать нынешнее существование вида, который, несомненно, был современником Моа, указал на сохранившуюся шкурку, которая лежала на столе, насколько точное представление о ее характере было сделано профессором Оуэном при исследовании фрагментов, из которых были получены наши первые сведения о ней.[\[19\]](#)

Наконец я возвращаюсь домой, в Великобританию и Ирландию — на "милые, тесные островки", где сосредоточено так много наших симпатий, где факты естественной истории и все другие факты интересуют нас гораздо больше, чем параллельные факты в других местах, и где, прежде всего, гораздо больше света проникает во тьму и выявляет истину. Давайте снова обратимся к эпохе бизонов, северных оленей и Лосей, Слонов, гиппопотамов и носорогов, Львов, гиен и больших Пещерных медведей и поищем среди исчезающих следов далекого прошлого проблески свидетельств того, что их возраст прекратил существовать.

Некоторый тусклый свет падает на неизвестность, связанную с открытием ископаемых останков самого человека — человеческих костей, найденных доктором Шмерлингом в пещере близ Льежа, останков, упомянутых М. Марселем де Серром, и других в нескольких пещерах во Франции, связанных с ископаемыми останками этого периода. Но больше из-за появления кремней, по-видимому, созданных искусством человека, в поверхностных отложениях, вместе с такими же вымершими окаменелостями третичного периода. Даже в тот самый момент, когда я пишу этот лист, мой взгляд падает на отчет [\[20\]](#) о важном собрании Этнологического общества, посвященном обсуждению именно этой темы "Кремневых орудий, найденных вместе с костями вымерших животных в Дрейфе". Присутствовали многие ведущие геологи и археологи, поскольку этот вопрос вызвал всепоглощающий интерес, противоречащий, как, по-видимому, и противоречат факты некоторым предположениям, принятым в геологии как неоспоримые истины.

Эти кремни, которые, несомненно, были отколоты в виде наконечников стрел, копий и тому подобного, были найдены во Франции в большом количестве, а также в других частях континента и в Англии. Они напоминают те, которыми до сих пор пользуются некоторые дикие племена. В этом самом районе, как и в пещере под названием Кентс-Хоул близ Торки, и в еще одной, недавно исследованной в Бриксхэме, они найдены вперемешку с костями носорога, пещерного медведя и гиены, в Меншекуре, близ Аббевиля, они встречаются в отложениях песка, песчаной глины и мергеля, с костями тех же животных и других, их современников. Относительно этого слоя мистер Прествич в докладе, прочитанном в Королевском обществе 26 мая 1859 г., говорит, что его следует отнести к тем, которые обычно обозначаются как постплиоценовые, но что период его отложения был предшествующим тому, когда поверхность приняла свои нынешние очертания, что касается некоторых из его второстепенных особенностей. "Он, однако, не считает, что факты с необходимостью переносят человека в прошлое больше, чем они *переносят крупных вымерших млекопитающих к нашему времени*, свидетельства относятся только к относительному, а не к абсолютному времени; и он придерживается мнения, что многие из более поздних геологических изменений могли быть внезапными или иметь меньшую продолжительность, чем обычно считается. Фактически, исходя из представленных здесь свидетельств и из всего, что он знает о явлениях дрейфа в целом, автор не видит оснований против вывода о том, что этот период существования человека и вымерших млекопитающих — при условии, что доказана их современность, — был внезапно прерван временным затоплением суши; напротив, он видит многое в поддержку такой точки зрения из чисто геологических соображений". [\[21\]](#)

На только что состоявшемся заседании Этнологического общества, по-видимому, наметилась растущая тенденция принять гипотезу о продолжении существования млекопитающих третичного периода до эры человека. Мистер Эванс, который продемонстрировал образцы, взятые на глубине двадцати-тридцати футов из слоя крупного пресноводного гравия, залегающего на мелу и содержащего целый скелет вымершего носорога и перекрытого песчаным мергелем, содержащим существующие раковины, показал, что отложение, безусловно, не нарушалось до настоящего времени, так что гравий, кости и кремни отложились одновременно. Он предположил, "что животные, которые, как предполагалось, вымерли до сотворения человека, возможно, продолжали существовать до более поздних периодов, чем предполагалось ранее". И это мнение нашло поддержку у других ведущих геологов.

Я знаю, что обычно считается, что этот вывод переносит существование человека в эпоху, намного более высокую, чем та, которая отведена ему богодухновенным Словом; и

определенные исследования, проведенные в аллювиальных отложениях Нила,^[22] доказывают, что человек жил в состоянии сравнительной цивилизации в долине Нила в течение последних 13 500 лет. Но этот вывод абсолютно основан на предположении, что скорость увеличения, формируемая ежегодным отложением нильского ила, всегда была точно такой же, как и сейчас, — предположение, не только не имеющее ни малейшей тени доказательства, но и прямо противоречащее высшей вероятности, более того, определенности, по оценке тех, кто верит в Ноев потоп. Ибо, несомненно, осушение всей равнины Северной Африки после этого наводнения должно было за очень короткое время образовать намыв огромной толщины; в то время как под этим отложением вполне могли быть погребены творения допотопного мира. И все же возможность того, что когда-либо был более высокий уровень депозитов, чем за последние 3000 лет, автор этих исследований в своей неподобающей поспешности доказать ложность Библии, странным образом полностью упускает из виду.

Итак, несомненно, что в отношении других отложений, содержащих ископаемые остатки, крайняя древность которых предполагается на основании известной в настоящее время скорости увеличения поверхности, мы должны помнить, что у нас нет ни малейших доказательств того, что скорость увеличения не увеличивалась в определенные отдаленные периоды внезапно и чрезвычайно сильно. Известно много фактов, которые, как правило, показывают, что скорость, с которой происходят геологические изменения в определенных местностях, не дает никаких надежных данных для вывода о том, с какой скоростью явления, по-видимому, совершенно параллельные, происходили в других местностях. Подъем или оседание грунта в одной части страны может быстро вызвать значительные изменения в количестве почвы или гравия, наносимых потоками, без разрушения или изменения их русла, и все же отложение может быть произведено достаточно постепенно, чтобы позволить захоронить раковины или кости существ, которые жили и умерли на этом месте.

Разрушение скалы, внезапное или постепенное, может сбросить огромное количество обломков в быстрый поток и вызвать отложение гравия значительной ширины и толщины за сравнительно короткий промежуток времени, скажем, за столетие или два.

Сэр Чарльз Лайелл привел примеры очень быстрого образования определенных каменистых отложений, что должно заставить нас с осторожностью утверждать, что для такой-то толщины *должно* потребоваться огромное количество лет. В одном из них недавно залегающий травертин толщиной 200 или 300 футов, в то время как в другом твердая масса *толщиной тридцать футов была залегена примерно за двадцать лет*. В Италии есть бесчисленное множество мест, где можно увидеть образование известняка, а также в Оверни и других вулканических районах.^[23]

Исходя из этих и подобных соображений, мне ни в коем случае не кажется необоснованным, что четырех тысяч лет, прошедших между Сотворением мира и началом истории Западной Европы, должно было быть вполне достаточно для многих из тех геологических операций, результаты которых видны в так называемых отложениях более позднего третичного периода — скалах, дрейфе, скоплениях пещери тому подобном. И, как следствие этого, крупные вымершие млекопитающие, возможно, существовали в этот период и, таким образом, были современниками человека, в течение большей или меньшей продолжительности, в зависимости от вида; некоторые, вероятно, исчезли в очень ранний период эры, в то время как другие дожили до названного мной времени или даже позже.

Но нет ли у нас ничего лучшего для этого вывода, чем предположение о возможности и более или менее вероятная гипотеза? Да; у нас есть некоторые интересные факты, подтверждающие это, иначе я не рискнул бы затрагивать эту тему в этой работе. Существуют факты, помимо примеси рукотворных изделий с останками животных в нетронутых отложениях, — прямые свидетельства, не совсем туманные, сосуществования вымерших животных с живущими людьми.

И сначала я бы упомянул некоторые обстоятельства, имеющие аналогию с эксгумацией свежих толстокожих в Сибири. Несколько лет назад часть так называемой ноги ирландского лося (*Megaceros hibernicus*) с частью сухожилий, кожи и волос на ней была выкопана вместе с другими останками из хранилища в поместье Х. Грогана Моргана, эсквайра, из Джонстаунского замка, Уэксфорд, и сейчас находится во владении этого джентльмена. Эта нога была выставлена на всеобщее обозрение и стала темой лекции мистера Пейла, ветеринарного врача из Дублина.

Было установлено, что костный мозг в некоторых костях горит, как свеча; что хрящ и желатин не только не разрушились, но и не претерпели заметных изменений со временем.^[24] Архидиакон Монселл действительно приготовил суп из костей и подарил его Королевскому дублинскому обществу (понравилось ли им это, я не слышал; боюсь, это было "немного чересчур"). Они часто используются крестьянами в качестве топлива. По случаю празднования победы при Ватерлоо из этих костей разводили костер, и было замечено, что от них исходило такое же сильное пламя, как от костей лошадей, которые часто использовались для аналогичных целей.^[25]

Пеппер в своей "Истории Ирландии" утверждает, что древние ирландцы охотились на очень большого черного оленя, молоко которого они употребляли так же, как мы употребляем молоко коровы, мясо которого служило им в пищу, а шкура - для одежды. Это очень примечательное свидетельство; оно подтверждается несколькими бронзовыми табличками, найденными сэром Уильямом Бетамом, надписи на которых свидетельствовали о том, что древние ирландцы питались молоком и мясом большого черного оленя.

Согласно "Анналам четырех мастеров", Нила Седамина, короля Ирландии до христианской эры, называли так потому, что "в его правление коров и оленят одинаково доили". Говорят, что искусство приручения диких оленей и превращения их в домашний скот было введено Флидизией, матерью этого монарха. Говорят, что оленей использовали для перевозки камней и дерева для Кодока, когда строился его монастырь, а также для перевозки древесины для строительства замка короля Коннахта. Возможно, это были благородные олени, но поскольку есть веские доказательства того, что гигантский олень действительно был одомашнен, представляется более вероятным, что такие обязанности должны были выполнять последние, а не первые.

В интересном письме графини Мойры, опубликованном в "Археологии Британии", приводится отчет о человеческом теле, найденном в гравии под слоем торфа в одиннадцать футов, пропитанном болотной водой; оно хорошо сохранилось и было полностью облачено в старинные одежды из оленьей шерсти, предположительно принадлежавшие гигантскому Лосю.

Череп того же животного был обнаружен в Германии в древнем водостоке вместе с несколькими урнами и каменными топориками. А в музее Королевского Дублинского общества хранится ископаемое ребро, имеющее явный признак ранения каким-то острым

предметом, который долгое время оставался в ране, но не проник настолько глубоко, чтобы прервать жизнь существа. Это была такая рана, какую мог бы нанести наконечник стрелы, будь то из кремня или металла.

В 1846 году очень интересное подтверждение мнения, которого долгое время придерживались некоторые, что большой ширококорогий олень был одомашнен древними ирландцами, было получено в результате обнаружения обширной коллекции костей в Лох-Гуре, недалеко от Лимерика. Говорят, что слово "Гур" означает "скопление", так что местность является "Озером Скопления", возможно, в память о сборе армии или какого-либо другого воинства в этом месте. Посреди озера находится остров, который описывается как настолько полностью окруженный костями и черепами животных, "что можно подумать, что скот целой нации был забит, чтобы получить такое огромное скопление".

Черепя описаны как принадлежащие следующим животным: —Гигантскому оленю (самки); оленю меньшего размера; оленю-маралу; другому виду оленя; лани; быку с широкой мордой; быку с впалой мордой; быку с длинной мордой; другому виду быка; обычному короткорогому быку; козе; и свинье.

Основные достопримечательности сосредоточены в районе Гигантского оленя, или так называемого ирландского Лося. Черепя этих, как и всех более крупных животных, "были проломлены каким-то острым и тяжелым инструментом, причем таким же образом, как мясники наших дней забивают скот для наших рынков, и во многих случаях мозговые кости были переломаны поперек, как будто для того, чтобы добраться до костного мозга".

Конечно, если бы это было бесспорно, то неизбежен был бы вывод, что Гигантский олень был не только современником человека, но и был одомашнен им вместе с другими четвероногими и использовался в пищу. Профессор Оуэн, однако, утверждал, что черепя Гигантских оленей были не женскими, а мужскими, у которых были насильственно удалены рога, и что отверстия во лбах образовались в результате насильственного отрыва рогов, оторвавших часть лобной кости, из которой они росли.

В ответ на это мнение мистер Х. Д. Ричардсон из Дублина, чье личное знакомство с останками этого благородного вида особенно обширно, показал, что определенные вариации пропорций, на которые ученый профессор опирался, доказывая принадлежность черепов мужским особям, не имели такого значения, отдельные животные представляли большие расхождения в этих отношениях: полное отсутствие роговидных выступов по бокам лба и приподнятого костного гребня убедительно доказывали, что пол был женским, который был постоянно лишен рогов; и что ни в коем случае нельзя сказать, что черепя были мужскими. риджа заставили уйти, поскольку насилие было ограничено *маленькой дырочкой* в центре лба.

Чтобы проверить это, мистер Ричардсон провел эксперимент на двух идеальных мужских черепях. В одном случае усилие было приложено к пучку рогов, и результатом стал их перелом в том месте, где они соединяются с плодоножками. В другом случае усилие было приложено к самим ножкам, чтобы выяснить, возможно ли оторвать их вместе с гребнем от лица, когда в результате череп был полностью расколот на части. Действительно, для любого, кто посмотрит на положение рогов у этого животного и их имплантацию, должно быть самоочевидным, что их насильственное удаление должно оторвать весь лоб, а не оставить центральное отверстие. Мистер Эдвард Ньюман, который впоследствии исследовал образцы, решительно высказался по этому поводу: "Я без малейших колебаний выражаю свою твердую убежденность в том, что переломы были результатом человеческих

рук и стали причиной смерти животных. Эти два проломленных черепа слишком точно соответствуют друг другу и черепу быка, с которым я их сравнивал, чтобы быть результатом несчастного случая: края переломов, по-видимому, возникли одновременно с погребением или погружением черепов в воду и очень разительно отличались по внешнему виду от перелома, полученного недавно и который я имел возможность осмотреть. Было найдено несколько черепов самца того же вида, на одном из которых были огромные рога, но ни на одном не было ни малейшего следа лобного перелома".[\[26\]](#)

Очень важным обстоятельством является то, что эти черепа были найдены вместе с черепами многих хорошо известных домашних животных, таких как бык, коза и свинья. *Эти черепа были точно так же проломлены.* Поскольку очевидно, что их разрушение было произведено топором мясника, почему не топором из лосиных черепов?

"При первом беглом взгляде может показаться несколько странным, что черепа мужчин неизменно обнаруживались целыми и что даже недавняя находка в Лох-Гуре не должна составлять исключения.

Однако я не нахожу здесь никаких трудностей. Во-первых, мы можем справедливо предположить, что самцы, как и наши быки, не ценились в равной степени как пища. Во-вторых, размер, а также положение рогов сделали бы практически невозможным нанесение желаемого удара древковым топором. В-третьих, большая сила и толщина черепа почти наверняка сделали бы удар бесполезным; и в-четвертых, предположив, что одомашненные самки и случайные жильцы сараев и других построек, мы вполне можем представить, что самцы были исключены из таких построек из-за огромного размера их рогов. Возможно, только несколькими самцам, как у нашего крупного рогатого скота, было позволено стать взрослыми, и одного самца было достаточно для многих самок. Возможно, самцам был разрешен свободный выгул, а самкам разрешалось сопровождать их только в установленное время года. В конце концов, чем больше мы исследуем вероятности, чем больше мы рассуждаем на основе современного опыта и знаний, тем меньше трудностей мы обнаружим на пути к тому, чтобы поверить, что гигантский ирландский олень - животное, ровесник человека и пригодное для его использования".[\[27\]](#)

В сообщении, впоследствии направленном зоологу мистером Ричардсоном, он приводит следующее дополнительное свидетельство: "В коллекции покойного мистера Джонстона из Пуха, которая была оставлена его дядей, адвокатом, и в которой все было снабжено этикетками с точностью, присущей этой профессии, находится маленькое медное копье с куском дерева, все еще торчащим из гнезда, с этикеткой, указывающей, что оно было найдено в мергелевой яме среди костей оленя. Акцизный чиновник сказал мне, что он видел найденные в мергелевом карьере в Ментриме, что в Мите, скелеты оленя и человека, а также длинный нож: последний, я полагаю, представляет собой скорее короткий меч, который сейчас, я думаю, находится в коллекции мистера Петри из Дублина, который сказал мне, что некая подобная традиция сопровождала его поступление в его распоряжение.... Доктор Мартин сообщает мне, что на берегах реки Суир, недалеко от Портленда, Уотерфорда, и почти на каждой ферме, возле источников, часто встречаются участки диаметром семьдесят футов, состоящие из камней, раздробленных, как будто для строительства дорог, и лежащих друг на друге массой. Эти камни, очевидно, были намеренно разбиты, и все они в основном одного размера и обуглены. Эти пространства имеют глубину много футов. Среди крестьян распространена традиция, касающаяся их, согласно которой здесь в старину убивали огромного оленя и запекали в этих каменных

ямах, причем камни предварительно нагревали, как в печи, и они также называют это животное "ирландским лосем". По-ирландски эти места называются "Логово оленя".



ПРОТКНУТЬ КОПЬЕМ ДРЕВНЕГО ЛОСЯ.

Исходя из всех этих свидетельств, можем ли мы хоть на мгновение усомниться в том, что Гигантский олень был обитателем Ирландии с момента ее колонизации человеком? Мне кажется, что его исчезновение не могло произойти более тысячи лет назад. Возможно, в то самое время, когда Цезарь вторгся в Британию, кельты на сестринском острове доили и забивали лосей женского пола, выращивали их в своих гранитных загонах для скота и охотились на самцов с гордыми рогами с помощью кремневых стрел и копий. По-видимому, способ охоты на него состоял в том, чтобы загнать его в лужи и болота, какими в то время были мергелевые карьеры, и запугать до смерти; когда он таким образом вывел его из строя в плодородных болотах и убил, ему отрубили голову, как слишком малоценную, чтобы ее стоило тащить домой; отрезали нижние челюсти и язык; и что часто всю тушу расчленили на месте, удаляя только лучшие части. Это могло бы объяснить столь частое нахождение отдельных частей скелета, и особенно черепов, в болотной почве. Без сомнения, такое крупное животное не смогло бы долго выжить в состоянии свободы после того, как остров, столь ограниченный по площади, как Ирландия, стал заселен повсюду; и если предположить, что самки были одомашнены, вполне возможно, что трудность или даже опасность поимки или одомашнивания самцов, могла привести к тому, что этот вид вскоре вымер в неволе, когда он больше не продолжал существовать в диком состоянии. Таким образом, мы, возможно, можем объяснить тот безусловно замечательный факт, что ни одно исконно ирландское название не было признано принадлежащим ему; примечательно, потому что ирландский язык особенно богат отличительными названиями природных объектов. На этом языке существует очень любопытная древняя поэма, в которой якобы перечисляется вся фауна острова. Он основан на легенде о том, что Фиан Маккамхейл был

взят в плен Кормаком Макартом, королем Эринна; что победитель пообещал даровать ему свободу при условии, что в качестве выкупа на лужайке Тары перед ним предстанет по паре от каждого дикого животного, найденного в Ирландии. Кайл Макронен, молочный брат пленного генерала, взялся за эту задачу, и ему удалось представить коллекцию королю в течение двенадцати месяцев; и предполагается, что в стихотворении он рассказывает святому Патрику подробности и результат своего предприятия. Из этой поэмы, которая, как считается, относится к IX веку, читателю, возможно, будет интересно ознакомиться со следующим переводом мистера Юджина Карри, содержащим зоологическую часть:

Затем я отправился обыскивать земли,

Посмотреть, смогу ли я искупить вину своего шефа,

И вскоре вернулся в благородную Тару,

С выкупом, который требовал Кормак.

"Я принес с собой свирепого *Гейлта*,[\[28\]](#)

И высокий *Гриб*[\[29\]](#) с когтями,

И два Ворона Фид-да-Бина,

И две утки из озера Лох-Сайленн.

"Две лисы из Слиаб Куилинн,

Два диких быка[\[30\]](#) из Буррена,

Два лебедя из темного леса Габрана,

И две кукушки из леса Фордрам.

"Две *Toghmalls*[\[31\]](#) от Мфпч-Gaibhle,

Который находится на обочине двух дорог,

И две Выдры за ними,

С коричнево-белой скалы Добхар.

"Две чайки из Трали сюда,

Два *Руйлеха*[\[32\]](#) из Порт-Лэрджа (Уотерфорд),

Четыре *коряги*[\[33\]](#) из реки Бросна,

Две ржанки со скалы Дунан.

"Два *Эхтаха*[\[34\]](#) из возвышенного Эхтаха,

Два Дрозденка из Письма Лонгари,

Два *источника*[\[35\]](#) из Дан Айфе,

Два *Каинча*[\[36\]](#) из Corraivte.

"Две цапли из холмистого Коранна,

Две *ошибки*[\[37\]](#) Magh Fobhair,

Два Орла из Каррик-на-Клоха,

Два ястреба из леса Кенах.

"Два фазана из озера Лох-Мейлдж,

Две водяные курицы из озера Лох-Эйрн,

Две вересковые курицы с болот Мафы,

Два быстрых ныряльщика из озера Дабх-Лох.

"Два *кричарца*[\[38\]](#) от Куаланна,

Две синички из Маг Туаланга,

Две галушки от Глинна Гейбла,

Два воробья из Шеннона.

"Два баклана из Афина,

Два *на*[ГИПЕРССЫЛКА \l "Footnote 39 39" \h](#)[\[39\]](#) от Crotta Cliach,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,

Две галки из Друима Дамха,

Два *Риабхога*[\[40\]](#) от Leathan Mhaigh.

"Два кролика от Думхо Дуинна,

Две дикие свиньи из круглой Кногбхи,

Два *торфа*[\[41\]](#) от Creat Roe,

Два диких кабана[\[42\]](#) из зеленобокой Тары.

"Два голубя из Кейс-Коранна,

Два черных дроздика из Лейтира Финчойла,

Две черные птицы (?) с берега Дабхана,

Два "Робакса" от Луачара Дигайда.

"Два *Ферейдина*"[\[43\]](#) из Ath Loich,

Два олененка из Моин мора,

Две Летучие мыши вылетели из пещеры Кногбха,

Две свиньи[\[44\]](#) из земель Олларбхи.

"Две ласточки из Сидх-Буйдхе,

Два *Иаронна*[\[45\]](#) из леса Луадраид,

Два *Гейзехтаха*[\[46\]](#) от Magh Mall,

Две очаровательные малиновки из Snamh Choill.

"Два вальдшнепа из Коилруада,

Две Вороны из Ленн-Уара,

Два *бруачарца*[\[47\]](#) из Sliabh-da-Ean,

Два гусенка-ракушки из Турлоха Брейгойла.

"Две ГИПЕРССЫЛКИ *Naescans* от Дан Дайгре,

Два желторотых жителя с окраины Бейрна,

Два *шпиля*[\[49\]](#) от Sliabh Cleath,

Две серые мышки из Лимерика.

"Два коростеля с берегов Шеннона,

Две Трясогузки с берегов Бирры,

Два кроншнепа из гавани Голуэя,

Две замечательные[\[50\]](#) от Muirtheimhne.

"Два Гейлта Глиннеса[\[51\]](#) от Glenn-a-Smoil,

Две галки из великой Ат-Могхи,

Два флота Ончу[\[52\]](#) из озера Лох-Кон,

Две кошки вышли из пещеры Круашейн.

"Два козла из Ситх Габрана,

Две свиньи[\[53\]](#) о свиньях Мак-Лира,

Баран и Овца, круглые и красные,

Я привез с собой из Энгуса.

- Я привел с собой Жеребца и Кобылу,

От прекрасного жеребца Мананнана,

Бык и белая Корова от Друима Каина,

Которые дал мне Муирн Мунчейн.

В этом стихотворении нет *известных* упоминаний о Гигантском олене.^[54] Однако, во-первых, мы должны помнить, что немалое количество упомянутых животных совершенно неузнаваемы; и что из тех названий, которым дается объяснение, многие, вероятно, переведены неправильно. Во-вторых, если бы можно было абсолютно доказать, что никакого упоминания об этом прекрасном звере не существует, это вовсе не опровергло бы его существование тысячу лет назад. Предположим, что *мегацерос* вымер вскоре после колонизации Ирландии, и что это было за несколько столетий до христианской эры, отличное название, под которым он был известен, вполне могло вымереть и среди людей, не знакомых с буквами. Или, если смутная традиция об этом животном и его названии все еще сохранялась кое-где, оно вполне могло быть опущено в каталоге, который якобы давал информацию о существах, действительно собранных в живом состоянии в определенный период. Было бы интересно узнать, кто такой Великий Лось, но его появление было бы вопиющим анахронизмом.

Перечисление почти ста шестидесяти четвероногих и птиц, обитавших в Ирландии или натурализовавшихся в столь ранний период, обладает, я бы сказал, особым интересом.

Если верно предположение редактора о том, что *Эхта* был крупным рогатым скотом, то в стихотворении есть три отдельных упоминания об этом семействе— Дикие быки, эхтах и Бык с Белой коровой. Вторые и третьи из них, вероятно, были домашними животными; первое было явно "Диким". В настоящее время известно, что по меньшей мере пять различных видов быков населяли Европу и Британские острова в более поздние периоды третичной эры, которые были названы соответственно: *Bison priscus*, *Bos primigenius*, *frontosus* и *longifrons*, а также *Ovibos moschatus*. Из них черепа *Bos frontosus* и *B. longifrons* были в некотором количестве откопаны в Ирландии. У некоторых из них перфорация на лбу является очевидным доказательством того, что они были убиты *secundum artem* и, следовательно, были одомашнены. Но один большой череп *longifrons* типа, в настоящее время в Музее королевской Ирландской академии, был порез на лбу, в которых могут быть точно установлены несколько узких бронзу "кельтов", или стрел, так часто выкопали в Ирландии; довольно справедливое доказательство того, что это животное было убито охотником стрелку, и поэтому дикий.

В настоящее время известно, что ни одно животное, принадлежащее к истинной тауриновой расе, не существует в исконно диком состоянии; но в эпоху наших самых ранних исторических знаний о центральной и западной Европе все было совсем по-другому. Цезарь, описывая под именем *Урусне* некоторых диких быков из великого Герцинского леса, говорит: "Эти ури немного уступают слонам по размеру, но являются быками по своей природе, окрасу и фигуре. Велика их сила и велика их быстрота, и они не щадят ни человека, ни зверя, как только завидят его. Охотники безжалостно убивают их, когда они попадают в ловушки. Юноши, упражняющиеся в таком виде охоты, закаляются тяжелым трудом, и те из них, кто убил больше всех и принес с собой рога в качестве свидетельства, получают большую

похвалу. Но этих ури нельзя приучить к человеку или сделать послушными, даже если их брать молодыми. Большой размер рогов, а также их форма и качество сильно отличаются от таковых у наших быков".

Вполне вероятно, что эта раса широко распространилась по Европе и даже проникла в Азию. Геродот упоминает македонских диких быков с чрезвычайно большими (ὑπερμεγέθηα) рогами; а Филипп Македонский убил дикого быка на горе Орбела, который произвел большое опустошение и вызвал большой ужас среди жителей; его добычу он повесил в Храме Геркулеса. Ассирийским художникам доставляло удовольствие изображать на царских барельефах Ниневии победу над диким быком благодаря доблести их монархов-Нимродов, и фигуры в своих мельчайших анатомических чертах хорошо согласуются с описаниями и останками европейских урусов. Большой лес, окружавший древний Лондон, был кишмя кишит *boves sylvestres* среди других диких зверей, и вполне вероятно, что это были ури. Легендарный подвиг Гая, графа Уорика, по освобождению окрестностей от ужасной бурой коровы, исторически верный или нет, демонстрирует существование грозных диких коров в самом сердце Англии и ужас, который они внушали людям. Традиционно считается, что семья Тернбуллов в Шотландии обязана своим отчеством герою, который отвратил дикого быка от Роберта Брюса, когда тот напал на него во время охоты.

Что стало с ужасным Ури, который жил в Европе в начале христианской эры? Развивающаяся цивилизация выкорчевала их, так что от них не осталось и следа, если только кремово-белая порода, сохранившаяся в полудиком виде в некоторых наших северных парках, не является их представителями; или, что не исключено, их кровь все еще может циркулировать в наших домашних быках.

Однако нет никаких сомнений в идентичности вида, в изобилии встречающегося в Британии в третичных отложениях и названного Оуэном *Bos primigenius*, с урусом Цезаря. Этот ископаемый бык на этом острове был, несомненно, современником слона, гиены и павиана, а также, как ни странно, северного оленя и овцебыка - таким образом, на нашем ограниченном острове в одно и то же время сочеталась тропическая, умеренная и арктическая фауна! Какой странный климат, должно быть, был, чтобы подойти им всем!

Профессор Нильссон, который уделял большое внимание ископаемым быкам, упоминает череп этого вида, который, должно быть, принадлежал животному длиной более двенадцати футов от затылка до основания хвоста и шести футов с половиной в высоту. Опять же, череп коровы в Британском музее, выполненный профессором Оуэном, имеет длину тридцать дюймов от макушки до кончиков челюстей! Что это, должно быть, было за животное! Разве убийство такой "Бурой коровы" в единоборстве не было бы подвигом, достойным доблестного графа?

То, что этот древний ископаемый бык действительно был современником человека в Скандинавии, подтверждается свидетельствами, которые не зависят от вопроса о его тождестве с Урусом Цезаря. Ибо один из образцов профессора Нильссона "имеет на спине ощутимый след от раны, нанесенной дротиком. Несколько знаменитых анатомов и физиологов, среди которых, - говорит он, - мне достаточно упомянуть имена Джона Мюллера из Берлина и Андреаса Ретциуса из Стокгольма, осмотрели этот скелет и единодушно во мнении, что рассматриваемое отверстие на позвоночнике является следствием раны, которая при жизни животного была нанесена рукой человека. Животное, должно быть, было очень молодым, вероятно, всего лишь теленком, когда его ранили.

Охотник, метнувший дротик, должно быть, стоял перед ним. Он был еще молод, когда умер, вероятно, ему было не больше трех-четырех лет".

Таким образом, мы можем с уверенностью предположить, что обширный *Bos primigenius* Западной Европы жил как дикое животное одновременно с человеком; и почти с уверенностью (предполагая его идентичность с *урусами*), что он продолжал существовать в изобилии вплоть до христианской эры.

The *Bos frontosus* - крупный рогатый скот среднего размера. "Его останки, - говорит профессор Нильссон, - найдены в торфяных болотах на юге Скандинавии, и в таком состоянии, что ясно показывает, что они принадлежали к более древнему периоду, чем тот, когда в Швеции существовал ручной скот. Этот вид обитал в Скандинавии одновременно с *Bos primigenius* и бизоном Европейским.... Если когда-либо он был приручен и, таким образом, с течением времени способствовал формированию некоторых ручных рас крупного рогатого скота, то это, должно быть, была мелкорогоая, часто безрогоая порода, которую можно встретить в горах Норвегии и которая имеет высокий выступ между сросшимися рогами над затылком".

Этот вид в некотором количестве встречается в ископаемом состоянии в Ирландии; он также был найден в Англии. Некоторые предполагают, что он является источником или, по крайней мере, внес кровь в средние горные расы с высоким затылком и маленькими рожками.

Существует большая уверенность в сосуществовании маленьких *B. longifrons* с человеком. Некоторые доказательства я уже приводил. "В течение нескольких лет, - сообщает заслуживающий доверия авторитет, - мы прочитали в одном из научных периодических изданий, — но только сейчас безуспешно искали извещения, — о количестве костей, которые были выкопаны в какой-то части Англии вместе с другими остатками того, что, по-видимому, было остатками большого праздника, проводившегося, вероятно, во времена римского владычества в Британии, поскольку, если мы не ошибаемся, с ними было найдено несколько римских монет. Там были черепа и другие останки *Bos longifrons*, совершенно неотличимые по форме от древних ископаемых, будь то диких или одомашненных, что, конечно, остается вопросом".^[55]

Профессор Оуэн предполагает, что этот вид, возможно, способствовал появлению современного мелкого лохматого горного и валлийского крупного рогатого скота — кайлоев и карликов; и аналогичная порода в северных частях Скании, возможно, имела аналогичное происхождение.

У бизона *приска*, ископаемые останки которого встречаются во многих частях Европы и реже в Великобритании,^[56] мы имеем пример благородного животного, которое, будучи современником всех тех, что привлекали наше внимание, сохранилось до настоящего времени, но вымирает и, вероятно, давно бы исчезло, если бы не стимулирующее влияние человека на сохранение природы. Ибо этот вид считается абсолютно идентичным с *европейским бизоном* современной зоологии, Бизоном или Зубром немцев, зубром пруссаков, Зубром поляков, этим грозным существом, которое содержится царем в постоянно уменьшающемся стаде в обширных лесах Литвы,^[57] и которое, возможно, все еще обитает в твердых горах Кавказа. Это самое крупное или, по крайней мере, самое массивное из всех существующих четвероногих, после больших толстокожих, в некотором количестве бродило по Германии еще в эпоху Карла Великого. Значительно позже этого он был причислен к

немецким охотничьим животным, поскольку в *"Нибелунгах лгали"*, поэме двенадцатого века, говорится:

"Dar nach schlouch er schiere, einen wisent und einen elch,

Starcher ure viere, und einen grimmen schelch."

"После этого он сразу же убил бизона и лося,

Из четырех сильных ури и одного свирепого щелча.[\[58\]](#)

Это грозный зверь, достигающий шести футов в высоту в холках, где его защищает густая и пышная грива. Известно, что особи достигают тонны в весе. Это проявляет непреодолимое отвращение к быку.

Есть несколько других примечательных животных, которые, подобно бизону, когда-то были обычными обитателями этих островов, но здесь давно вымерли, хотя более благоприятные обстоятельства сохранили их существование на европейском континенте. Насколько мне известно, о большом пещерном медведе не существует никаких свидетельств его периода, за исключением тех, которые могут быть выведены из смешения его останков с останками других животных, недавнюю датировку которых мы располагаем доказательствами. Но есть другой вид медведя, чьи останки в ископаемом состоянии нередки в третичных отложениях, а именно обыкновенный черный медведь (*Ursus arctos*) из Европы.

Это дикое животное, должно быть, рано стало жертвой человека. В "Триадах"[\[59\]](#) упоминаются медведи, жившие здесь до прихода кимри. Римские поэты знали об их существовании здесь: Марциал говорит о разбойнике Лауреоле, подставленном на кресте под клыки *каледонского* медведя; а Клавдиан ссылается на британских медведей. Император Клавдий, вернувшись в Рим после завоевания этого острова, выставил в качестве трофеев бои британских медведей на арене. В Покаянном труде архиепископа Эгберта, составленном, как говорят, около 750 г. н.э., медведи упоминаются как обитатели английских лесов, но, должно быть, постепенно они стали редкостью, поскольку законы об охоте в Кануте начала XI века умалчивают о них. В "Книге судного дня" мы находим случайное упоминание об этом животном, поскольку город Норвич, как говорят, был обязан ежегодно поставлять Эдуарду Исповеднику медведя вместе с "шестью собаками для медведя" — без сомнения, для травли его. Похоже, это был последний зарегистрированный след медведя в Британии; если только с этим не может поспорить традиция, которая гласит, что один из членов семьи Гордон был уполномочен королем Шотландии нести головы трех медведей на своем знамени в награду за его доблесть в убийстве свирепого медведя.

В Ирландии он, по-видимому, вымер еще раньше. Беда говорит, что единственными хищными животными в его время были волк и лиса; Донат, умерший в 840 году н.э., отчетливо говорит, что в его время он не был уроженцем острова; и Джеральдус Камбрэнсис не упоминает его как известного в двенадцатом веке. Также он не включен в коллекцию "Зверей-выкупщиков Кайлти". Тем не менее, исконно ирландское название медведя —

Mathghambain — встречается в старом глоссарии^[60] в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине; и покойный У. М. Томсон говорит, что существует традиция, согласно которой это животное когда-то было ирландским животным; и оно ассоциируется с волком как местным животным в историях, передаваемых из поколения в поколение до настоящего времени.

Однако волк дожил на обоих островах до гораздо более поздней эпохи. Во времена Гептархии это был ужасный мор; король Эдгар заменил наказание за определенные проступки конфискацией определенного количества волчьих языков; и он превратил тяжелый налог, взимаемый с одного из валлийских принцев, в ежегодную дань в размере трехсот волчьих голов. Эти законы сохранялись до времен Эдуарда I. Когда растущий дефицит животных, несомненно, привел к тому, что они вышли из употребления. Мистер Тофэм в своих Примечаниях к "Погоне" Сомервилля говорит, что в последний раз цена за волчью голову была назначена в йоркширских лесах. Последнее упоминание об их появлении в Англии в огромном количестве относится к 1281 году; но в течение трех столетий после этого они укрывались в горах и лесах Шотландии; Холлиншед сообщает, что в 1577 году волки причиняли большое беспокойство стадам этой страны. И они не были полностью истреблены с этого острова примерно столетие спустя, когда последний волк пал в Лохабере от руки сэра Юэна Камерона из Лохиэля. В Ирландии последний волк был убит в 1710 году.

Таким образом, здесь мы можем указать точные даты, когда крупный и хищный вид животных действительно вымер на Британских островах. И если бы этот вид был ограничен в своих географических пределах, как и многие другие виды животных, одной группой островов, мы бы знали точную дату его полного исчезновения.

Когда-то бобр был обитателем британских рек. Его останки найдены в Беркшире, Кембриджшире, Йоркшире и других местах, связанных с другими млекопитающими пресноводных отложений и пещер, но не в каком-либо изобилии. Однако не существует никаких свидетельств о его фактическом существовании ни в этих графствах, ни где-либо еще, кроме Уэльса и Шотландии, чьи горные ручьи и труднопроходимые ущелья давали ему приют до окончания нормандского завоевания. Это было большой редкостью даже тогда, как и сто лет назад; ибо законы Хауэла Дда, короля Уэльса, умершего в 948 году, при определении стоимости шкур установили цену шкуры бобра в сто двадцать пенсов, в то время как шкуры оленя, волка, лисицы и выдры стоили всего восемь пенсов каждая, шкуры белой ласки или горностая - двенадцать пенсов, а шкуры куницы - двадцать четыре пенса. Соответствующий эпитет "широкохвостый" (Llostlyddan) был дан ему валлийцами. Джиральдус Камбрэнсис, путешествовавший по Уэльсу в 1188 году, дает в своем Маршруте краткий отчет о бобре, но утверждает, что река Тейви в Кардиганшире и еще одна река в Шотландии были единственными местами в Великобритании, где он тогда водился. По всей вероятности, он ненадолго просуществовал в том столетии, поскольку никаких последующих упоминаний о нем как о британском животном не сохранилось. Традиция, однако, все еще хранит память о его присутствии в этих неизгладимых записях, названиях мест. "Два или три водоема в княжестве, - говорит Пеннант, - до сих пор носят название *Ллин ир афангк*- Бобровое озеро.... Я видел два их предполагаемых места обитания: одно в ручье, протекающем через Нант-Франкон; другое в реке Конви, в нескольких милях выше Лланруста; и оба места, по всей вероятности, раньше были пересечены бобровыми плотинами".

Если, как полагают выдающиеся натуралисты, существует специфическая разница между европейским бобром и бобром Америки, то мы можем сказать, что наш вид быстро исчезает

с лица земли. Несколько колоний еще сохранились по берегам Дуная, Везера, Роны и Евфрата, но они состоят из небольшого числа особей, которых становится все меньше; а ценность их меха возбуждает алчность, и они, вероятно, не смогут дольше сопротивляться истребляющему насилию человека.

Причины, приведшие к вымиранию этих животных на наших островах, тогда очевидны, и их, таким образом, игриво затронул покойный Джеймс Уилсон: "Бобр мог вести дела достаточно хорошо, по—своему спокойно, хотя ему часто мешала любовь к шкурам со стороны народа, носящего шляпы; но ясно, что ни один человек с маленькой семьей и несколькими респектабельными слугами на ферме не мог ни позволить большому и голодному волку постоянно подглядывать в полночь в замочную скважину детской, ни позволить мускулистому зверю нюхать табак слишком часто". под кухонной дверью (после того, как до смерти обнял сторожевую собаку), когда служанки ужинали. Тогда истребление по крайней мере двух из этих старинных британских видов стало "делом необходимости и милосердия", и с ним можно было мириться даже в воскресенье (между проповедями), тем более что натуралисты все еще могут изучать повадки подобных диких зверей, отнюдь еще не вымерших, в соседних странах Франции и Германии ".[\[61\]](#)

Возможно, наиболее широко известным примером недавнего исчезновения является случай с дроном, очень примечательной птицей, которая около двух столетий назад существовала в значительном количестве на островах Маврикий, Бурбон и Родригес. Это была довольно крупная птица, неспособная подняться с земли из-за несовершенного развития крыльев, массивной, неуклюжей фигуры, предрасположенная к полноте и известная сочностью своего мяса. Два черепа и две бесподобные лапы этой странной птицы хранятся в европейских музеях; и они показывают, что она была ближайшим родственником голубинового племени, о котором нам известны некоторые виды земных привычек, но ни один из них не приближается к этой птице в ее абсолютной привязанности к земле.

В отчетах многочисленных путешественников, посещавших эти острова с конца пятнадцатого по середину семнадцатого века, у нас есть много описаний внешнего вида и повадок этой птицы, очевидно, зарисованных с натуры. Некоторые описания, как и рисунки, которыми они проиллюстрированы, достаточно причудливы; как, например, этот графический набросок, сделанный старым сэром Томасом Гербертом, который видел птицу во время своих путешествий в 1634 году:

"Дронг, - говорит он, - подходит под наше описание первым. Здесь и в Дюгарруа (и нигде больше, что я когда-либо видел или слышал о^d) рождается Дронг. (Это португальское название, отсылающее к ее простоте) птица, которую из-за формы и редкости можно было бы назвать фениксом (родом не из Аравии); ее тело округлое и чрезвычайно толстое, ее медленная поступь порождает эту полноту; немногие из них весят меньше пятидесяти фунтов: лучше на вид, чем живот: жирный аппетит, возможно, и похвалит их, но для равнодушно любопытствующего еда окажется отвратительной. Давайте возьмем ее фотографию: ее лик дартс далее меланхолии, как разумный от природы такими травмами в обрамлении столь велика и массивные тела должна быть направлена на такие маленькие и complementall крылья, а не к hoise ее от земли, где только доказать ей птиц, которые в противном случае были бы сомневался: ее голова по-разному покой, с одной половины с капюшоном с пушистой черно перьев; другие совершенно голые, беловатого оттенка, как будто прозрачный lawne прикрыл ее; ее клюв очень howked и вниз, ощущения или дыхание месте посреди его; из какой части до конца, цвет светло-Грин микст с бледно-желтым, глаза

круглые и маленькие, и яркие, как бриллианты; ее *cloathing* из лучших Даун, как вы видите в *goslins*; ее *traupe* (как и в Китае борода) три или четыре коротких *feuythers*; ноги толстые и черные, и сильный; она *tallons* или набрасывается острые; ее живот и огненно-горячей, так как камни и юрону являются *easilie* переваривается в нем; в этом и форму, не мало напоминающие *Africk oestriches*: но так, как их более определенные *dyfference* я осмелюсь дать тебе (с двумя другими) ее представления." [\[62\]](#)

Совершенно очевидно, что примерно в то же время живой экземпляр был выставлен в Англии. Сэр Хамон Л'Эстранж отчетливо говорит нам, что он *видел* это. Его оригинал рукописи хранится в Британском музее и с некоторыми пробелами, вызванными повреждением временем, не имеющими большого значения, гласит следующее:—

"Примерно в 1638 году, прогуливаясь по лондонским улицам, я увидел изображение странной птицы, распростертой на ткани. мы с вами и еще одним или двумя генералами в компании зашли посмотреть на это. Его держали в камере, и это была крупная птица, несколько крупнее самого крупного петуха-индюшатника, с такими же ногами, но более толстая и выпрямленной формы, окраска которой раньше напоминала грудку молодого петуха-фесана и спинку данна или дир кул. Смотритель назвал его Дронтом, и в углублении дымохода в комнате лежала куча крупных камешков, из которых он дал ей много на наших глазах, некоторые размером с мускатный орех, и смотритель сказал нам, что она ест их, способствуя пищеварению, и хотя я не помню, как долго расспрашивали об этом смотрителя, я уверен, что впоследствии она выбросила их все вместе " [\[63\]](#)

Вероятно, что именно этот экземпляр перешел в музей Традесканта, который в Каталоге "Коллекции редкостей, хранящейся в Ламбете", датированном 1656 годом, упоминает следующее: "Додар с острова Маврикий: он не способен летать, будучи таким большим". Орнитолог Уиллоуби, самое безупречное свидетельство, утверждает, что он видел этот экземпляр в музее Традесканта: о нем упоминают и другие; например, Ллуид в 1684 году и Хайд в 1700 году. Она перешла вместе с остальной коллекцией Традесканта в Оксфорд и, таким образом, стала частью музея Эшмола - и, находясь в ветхом состоянии, была приказана к уничтожению властями, которые не имели представления о ее ценности, в 1755 году. Однако череп и одна ступня сохранились и до сих пор находятся в музее в Оксфорде. Останки дронты были откопаны на Маврикии и находятся в Парижском музее, а также в музее Лондонского зоологического общества. Эта птица, конечно, сейчас не обитает ни там, ни на соседних островах.

В Британском музее хранится прекрасная оригинальная картина, некогда принадлежавшая Джорджу Эдвардсу, знаменитому художнику-орнитологу, изображающая Дронты в окружении других мелких птиц и рептилий. Эдвардс утверждает, что "он был нарисован в Голландии с живой птицы, привезенной с острова Сен-Морис в Ост-Индии. На момент его смерти она принадлежала сэру Хансу Слоуну, а впоследствии стала моей собственностью, и я передал ее в Британский музей как большую редкость".

Профессор Оуэн обнаружил еще одну оригинальную фигуру этой интересной формы на картине Савари "Орфей и звери" в Гааге. Фигурка, хотя и небольшая, демонстрирует все характерные особенности и хорошо согласуется с картиной Эдвардса, в то же время показывая, что она была скопирована с живой птицы.

Возможно, существовало два вида дронтов; что объяснило бы определенные расхождения в описаниях наблюдателей. Во всяком случае, перед нами одно, если не больше, заметное животное, полностью исчезнувшее за последние двести лет.

Всего около века назад в океане исчезло огромное животное, которое, по словам Оуэна, было современником ископаемых слонов и носорогов Сибири и Англии. Стеллер, русский путешественник и натуралист, обнаружил существо, впоследствии названное Кювье *Стеллерией*, в Беринговом проливе; огромное, громоздкое китоподобное животное, одно из морских толстокожих, родственное ламантину, но гораздо крупнее - двадцать пять футов в длину и двадцать в окружности. Его плоть годилась в пищу, и из-за его инертности и неспособности к обороне раса была истреблена за несколько лет. Стеллер впервые обнаружил этот вид в 1741 году, а последний известный экземпляр был уничтожен в 1768 году. Считается, что он полностью вымер, поскольку с тех пор его никто не встречал.

Почти столетие назад Соннерат обнаружил на Мадагаскаре любопытное животное (*Cheiromys*), которое по строению, по-видимому, роднит обезьян с белками. Он был там такой редкостью, что даже туземцы рассматривали его с любопытством, как совершенно незнакомое им животное; и по их восклицаниям изумления, а не по его крику, французский натуралист, как говорят, дал ему название Айе-айе, под которым оно известно и сейчас. *Насколько я полагаю, со времен Соннерата не было замечено ни одного экземпляра*, так что, если этот вид и не был фактически уничтожен, он, должно быть, находится на грани исчезновения.

Виды вымирают в наши дни. Я уже приводил интересный случай с мохо, прекрасной новозеландской галлинулой, экземпляр которой — вероятно, последний из ее расы — был получен мистером Уолтером Мантеллом; и с кауреке, четвероногим, похожим на барсука, с тех же островов, которое ранее было одомашнено маори, но которое сейчас не может быть найдено.

На островах Самоа в Тихом океане недавно появился крупный и красивый вид голубей с богато окрашенным оперением, которого туземцы называли *Ману-меа*, но которому современные натуралисты дали название *Didunculus strigirostris*. По строению и повадкам это был, по сути, наземный голубь, но не исключительно, а потому, что он питался и, по словам лейтенанта. Уолпол, среди ветвей высоких деревьев. Мистер Т. Пил, натуралист Исследовательской экспедиции США, который первым описал его, сообщает нам, что, согласно традиции туземцев, когда-то он был в изобилии; но несколько лет назад эти люди, как и более цивилизованные люди, испытывали сильное желание завести домашних кошек и нашли с помощью китобойных судов возможность добыть их; но следствием введения "киски" — ибо под этим знакомым в старой стране названием были завезены экзотические полосатые кошки - стало быстрое уменьшение количества красивых *Ману—меа*. Киске не понравились батат и таро - овощная диета, которой лакомились туземцы, — и она отправилась в леса и горы в поисках чего-нибудь получше. Там она встретила со слабкрылым *дидункулом*, выискивающим семена в мягкой земле, и с мурлыканьем и мяуканьем вскоре завязала знакомство с незнакомцем. Киска заявила, что очень любит его, и так оно и было — на самом деле, даже слишком хорошо; она чувствовала, "как будто могла съесть его", — *и сделала*. Вскоре среди полосатых распространилась весть о том, что в лесу водятся милые птички, и в результате бедняжка *Ману-меа* почти полностью исчезла. Как и Дронт, он перестал существовать, но от руки более позорного врага. Житель Самоа может искренне сказать своему бывшему питомцу: "*Cecidisti, O Manu-mea, non manu meâ, sed ungue felino*". Птица стала настолько редкой, что за время пребывания Экспедиции удалось

раздобыть только три экземпляра, и из них два были потеряны в результате кораблекрушения. Я не знаю, встречались ли с тех пор другие. Вероятно, все они ушли, потому что это было двадцать лет назад.

Когда остров Норфолк — это крошечное местечко в Южном океане, с тех пор столь запятнанное человеческими преступлениями и страданиями, — был впервые открыт, в его высоких и густых лесах обитал замечательный попугай с очень длинным и тонким крючковатым клювом, питавшийся цветочным медом. Он был назван *Nestor productus*. Когда мистер Гулд посетил Австралию в своих исследованиях орнитологии этих антиподных регионов, он обнаружил, что попугай Нестор обитает исключительно на острове Филип, крошечном спутнике острова Норфолк, вся окружность которого составляет не более пяти миль в длину. Война на истребление была настолько успешной на большом острове, что, за исключением нескольких экземпляров, сохранившихся в клетках, считалось, что ни один из них не выжил. С тех пор его последнее убежище подверглось нападкам, и мистер Дж. Х. Герни так пишет панихиду по последнему из Несторов:

"Я видел человека, который истребил *Nestor productus* с острова Филип, он застрелил последнего представителя этого вида, оставшегося на острове; он сообщает мне, что они редко пользовались своими крыльями, за исключением тех случаев, когда они были плотно прижаты; их способом передвижения была верхняя нижняя челюсть; и всякий раз, когда он отправлялся на остров поохотиться, он неизменно находил их на земле, за исключением одного, который раньше был часовым на одной из нижних ветвей *Araucaria excelsa*, и как только кто-нибудь приземлялся, они убегали. к этим деревьям и втаскивали себя наверх за клюв, и, как само собой разумеющееся, они оставались там до тех пор, пока их не пристрелят или незваный гость не покинет остров. Он также сообщил мне, что существовал крупный вид ястреба, который раньше причинял им большой ущерб, но что это был за вид, он сказать мне не смог".^[64]

Я уже упоминал, что профессор Оуэн узнал этот вид по ископаемым черепам из Новой Зеландии, связанным с останками *динорниса*, *палантерикса* и *ноторниса*. Таким образом, оказывается, что длинноклювые попугаи - древний вид, чья крайняя дряхлость только что дошла до нашего времени; что сначала они вымерли в Новой Зеландии, затем на острове Норфолк и, наконец, на острове Филип. Мир его праху!

Мистер Яррелл в своей "Истории британских птиц",^[65] начинает свой рассказ об одной из них следующими словами: "Большой аук - очень редкая британская птица, и зарегистрировано лишь несколько случаев ее поимки. Туземцы Оркнейских островов сообщили мистеру Буллоку во время его путешествия по этим островам несколько лет назад, что за долгое время здесь появился только один самец, который регулярно посещал Папу Вестру в течение нескольких сезонов. Самка, которую туземцы называют королевой птиц, была убита незадолго до прибытия мистера Буллока. Мистер Баллок имел удовольствие несколько часов гоняться за королем или самцом в шестивесельной лодке, но так и не смог его убить, потому что, хотя он часто приближался к птице, она была настолько опытна в своей естественной стихии, что подстрелить ее казалось невозможным. Скорость, с которой он двигался под водой, была почти невероятной. Примерно через две недели после того, как мистер Буллок покинул Папу Вестру, этот самец был получен и отправлен ему, а на распродаже его коллекции был приобретен для Британского музея, где он до сих пор бережно хранится".

Считается, что эта прекрасная птица, которая была крупнее гуся, вымерла. Образец мистера Буллока был взят в 1812 году; другой был пойман в Сент-Килде в 1822 году, еще один был подобран мертвым возле острова Ланди в 1829 году, и еще один был взят в 1834 году у побережья Уотерфорда.

На северном побережье Европы эта птица столь же редка; в течение нынешнего столетия было добыто самое большее не более двух-трех птиц. Однако в течение этого периода он в некотором изобилии обитал в одной или двух гнездовых породах на южном побережье Исландии. В 1830 и 1831 годах там было получено целых двадцать семь, а с того времени до 1840 года - еще около десяти. Последними птицами, добытыми на побережье Исландии, была пара, которая была застрелена в своем гнезде в 1844 году. Последним снимком, сделанным в какой-либо местности, насколько известно, был снимок, сделанный в 1848 году крестьянином на острове Вардо, за Полярным кругом.

Два столетия назад Большой auk не был редкостью на берегах Новой Англии; и, по-видимому, у больших рыбацких берегов Ньюфаундленда он был очень многочисленным. "Его появление всегда приветствовалось моряками, приближающимися к этому пустынному побережью, как первый признак того, что они достигли промеров на рыбацких берегах. В течение шестнадцатого и семнадцатого веков эти воды, а также побережья Исландии и Фарерских островов ежегодно посещали сотни кораблей из Англии, Франции, Испании, Голландии и Португалии; и эти корабли действительно имели обыкновение запасаться телами и яйцами этих птиц, которые, как они обнаружили, размножались мириадами на низких островах у побережья Ньюфаундленда. Помимо свежей птицы, съеденной командой корабля, многие тонны были засолены для дальнейшего использования. По словам этих старых путешественников, в течение часа они могли наполнить птицами тридцать лодок. Нужно было только выйти на берег, вооружившись палками, чтобы убить столько человек, сколько они захотят. Птицы были настолько глупы, что позволили поднять себя в их собственную стихию на лодках под парусами; и даже говорят, что, протянув доску, можно было загнать Огромных птиц из моря в лодки. На суше моряки соорудили низкие ограждения из камней, в которые загнали пингвинов [или птиц], и, поскольку они не могли летать, держали их там взаперти до тех пор, пока они не понадобятся для стола".

"В 1841 году выдающийся норвежский натуралист (увы, слишком рано! утерян для науки) Питер Стувиц посетил остров Тунк, или остров Пингвинов, лежащий к востоку от Ньюфаундленда. Здесь, на северо-западном берегу острова, он нашел огромные кучи костей и скелетов Большого Аука, лежавших либо обнаженными массами, либо слегка присыпанных землей. На этой стороне острова скалы постепенно спускаются к берегу; и здесь все еще стояли каменные заборы и вольеры, в которые загоняли птиц на убой".[\[66\]](#)

Вполне возможно, что птица все еще обитает у недоступного побережья Восточной Гренландии, но корабли, курсирующие между этой страной и Исландией, никогда не встречают ее в море. Не наблюдал этого и Граах во время своих кропотливых исследований к востоку от мыса Прощания. Многочисленные рыболовецкие суда, которые каждый сезон толпятся у берегов Ньюфаундленда и Лабрадора, исключают мысль о том, что она все еще обитает там; поскольку высокая рыночная стоимость, установленная за птицу и ее яйца для коллекций, не позволила бы упустить из виду ее существование там. Многочисленные полярные путешествия discovery и ежегодные флотилии китобоев, несомненно, обнаружили бы его, если бы он все еще обитал в более северных регионах. Возможно, что несколько изолированных особей все же выживут; но привычка этой птицы, как и большинства морских птиц, размножаться в сообществе на голых скалах, обращенных к

морю, и то обстоятельство, что, как известно, ни одно гнездовое место в настоящее время не посещается Большим ауком, делает весьма вероятным, что его также следует отнести к тем видам, которые были.

Интерес, проявляемый к этой ныне вымершей птице, побудил некоторых корреспондентов *Zoologist* попытаться перечислить образцы, как самой птицы, так и ее яиц (которые из-за их большого размера, а также из-за их редкости всегда имели ценность для коллекционеров), которые, как известно, хранятся в шкафах. В результате в английских коллекциях содержится 14 птиц и 23 яйца; в коллекциях континентальной Европы - 11 птиц и 20 яиц; в Соединенных Штатах — 1 птица и 2 яйца: всего 26 птиц и 45 яиц.

Похоже, что скала на юге Исландии, которая была главным местом размножения Великого Аука и которая из-за этого обстоятельства получила название "Гейр-фульга Скер", опустилась до уровня моря во время вулканического возмущения в 1830 году или около того. "Такое исчезновение подходящих мест размножения *Alca impennis*, - отмечает профессор Оуэн, - должно быть, является важным элементом в его приближении к вымиранию". Можно было бы подумать, что осталось достаточно камней, чтобы птицы могли выбрать новую стоянку; но на самом деле мы не знаем, каковы элементы выбора в таком случае: существуют некоторые особенности, которые заставляют морских птиц выбирать один конкретный камень, в то время как другие, кажущиеся нам подходящими, совершенно игнорируются; но мы не знаем, в чем они заключаются. Возможно, когда затонула шхера Гейр-фульга, не было другого островка, пригодного для заготовки заготовки. Возможно также, что погружение произошло во время сезона размножения, в результате чего яйца или молодняк утонули. Если бы это было так, это действительно было бы "тяжелым ударом и большим разочарованием" для сокращающейся нации Альцинов.

Мистер Дарвин говорит о большой волкоподобной лисице (*Canis antarcticus*), которая во время его путешествия была обычной для обоих Фолклендских островов, но абсолютно ограниченной ими. Он говорит: "Насколько мне известно, ни в одной части мира нет другого примера столь небольшого участка изрытой суши, удаленного от континента, обладающего столь крупным аборигенным четвероногим, характерным для него самого. Их численность быстро сокращается; они уже изгнаны с той половины острова, которая лежит к востоку от перешейка между заливом Сент-Сальвадор и проливом Беркли. В течение очень немногих лет после того, как эти острова станут регулярно заселяться, по всей вероятности, эта лисица будет причислена к дронтам как животное, исчезнувшее с лица земли".^[67]

Мускусный бык (*Ovibos moschatus*), длинношерстное жвачное животное, напоминающее помесь быка с овцой, - некогда обитавшее в Британии вместе со слоном и гиеной, но теперь встречающееся только на полярных окраинах Северной Америки, — становится очень редким; и вполне вероятно, что вскоре его последний представитель оставит свои кости вместе с костями оплакиваемого Франклина и его спутников.

Исходя из более скоропортящегося характера растительных тканей, у нас гораздо меньше данных для определения вымирания видов растений; но аналогия делает весьма вероятным, что они также вымерли и вымирают в соответствующем соотношении с животными. Я не знаю, можно ли привести хоть один пример растения, которое определено прекратило свое существование в историческую эпоху. Но Гумбольдт упоминает очень замечательное дерево в Мексике, от которого, как полагают, в естественном состоянии сохранился только один экземпляр. Это Ручное дерево (*Cheirostemon platanoides*), грудинистое растение с большими плоскими листьями и

пыльниками, соединенными вместе таким образом, что они напоминают руку или коготь, поднимающийся из красивых пурпурно-красных соцветий. "Во всех мексиканских свободных штатах сохранилась только одна особь, один-единственный первобытный стебель этого замечательного рода. Предполагается, что он не местного происхождения, а был посажен королем Толуки около пятисот лет назад. Я обнаружил, что место, где стоит Арбол-де-лас-Манитас, находится на высоте 8825 футов над уровнем моря. Почему здесь только одно такое дерево? Откуда короли Толуки взяли молодое деревце, или семя? Столь же загадочно, что Монтесума не имел ни одного из этих деревьев в своих ботанических садах Уаштепека, Чаполтепека и Истапалапана, которые использовались еще при враче Филиппа Второго Эрнандесе и следы которых в садах сохранились до сих пор; и не менее поразительно, что Ручному дереву не нашлось места среди рисунков на темы, связанные с естественной историей, которые Несауал Койотль, король Тецкоко, приказал сделать за полвека до прибытия императора. Испанцы".

Есть пример этого интересного растения, растущего в одной из оранжерей Кью, но я не знаю, откуда оно было получено. Утверждалось, что в диком виде он произрастает в лесах Гватемалы.

Оставляя растения без внимания из-за отсутствия адекватных данных, мы обнаруживаем, что значительное количество видов животных, безусловно, прекратили свое существование с тех пор, как человек населил земной шар. Несомненно, было много других людей, разделивших ту же участь, о которых мы ничего не знаем. Только за последние сто лет у нас появилось что-то, приближающееся к знакомству с живой фауной земли; однако за это время исчезло около семи или восьми известных нам существ. Добрая половина из них — аук, дидункул, ноторнис и Нестор — за последние десять лет! Действительно, могло бы показаться, что чем более полным и всесторонним становилось знакомство с животными мира, тем чаще нам представлялся этот странный феномен вымирающих видов. Возможно, не будет преувеличением предположить, что, включая всех беспозвоночных животных, бесчисленные полчища насекомых и все малоизвестные формы, обитающие в глубинах океана, какой—либо вид исчезает с каждым годом. Все примеры, которые были приведены, были либо млекопитающими, либо Птицами (*за исключением только колоссохелисов:*) они, хотя и являются наиболее заметными и наиболее известными, являются почти наименее населенными классами живых существ. Нет никаких оснований делать вывод, что закон смертности видов не распространяется на все другие классы, позвоночных и беспозвоночных, в равном соотношении, так что моя оценка, я думаю, покажется очень умеренной. И все же это поразительная мысль, которую разум воспринимает не без некоторого отвращения, что каждое столетие мировой истории оставляло свою фауну за *вычетом* сотни видов животных, которые были обитателями земли, когда она зарождалась. Я собирался сказать "сделал фауну намного беднее", но в этом я не уверен. Этот термин означал бы, что пробелы не заполнены; а в этом, повторяю, я не уверен. Вероятность предполагает, что постоянно создаются новые формы, чтобы восполнить недостаток умерших; и может случиться так, что, по крайней мере, *некоторые* из существ, когда-либо описываемых как новые для науки, особенно в старых и хорошо изученных регионах, могут быть вновь вызваны к жизни, а также недавно открыты. Это может быть так, говорю я; у меня нет доказательств, что это так, за исключением вероятности аналогии; мы знаем, что уровень смертности среди *особей* вида, говоря в целом, равен уровню рождаемости, и мы можем предположить, что этот баланс жизни будет параллельным, когда единицей является вид, а не индивидуум. Если бы Слово Божье содержало что-либо в виде утверждения или принципа, противоречащего такому предположению, я бы ни на минуту

не стал принимать это во внимание, но я не знаю, что это так. Я не знаю, чтобы где-нибудь подразумевалось, что Бог больше ничего не сотворил после того, как была выполнена шестидневная работа. Поскольку Его субботний покой был нарушен приходом греха, мы знаем из Евангелия от Иоанна, ст. 17, что Он продолжал работать без перерыва; и мы можем справедливо заключить, что прогрессивное творение было включено как часть этой непрерывной работы.

Я не знаю, отнесутся ли мои читатели так же, как и я, к теме вымирания видов, но для меня она представляет особый интерес. Смерть - это таинственное событие, наступающее, когда и как оно произойдет; и, несомненно, прекращение существования вида, типа существа, которое существовало в современных тысячах индивидуумов на протяжении тысячелетий, не менее впечатляюще таинственно, чем уход отдельного экземпляра.

Мы не знаем с какой-либо точностью, каковы непосредственные причины смерти того или иного вида. Существует ли изначально определенное ограничение жизни? или этот предел, так сказать, определяется случайными обстоятельствами? Возможно и то, и другое: но если последнее, то каковы эти обстоятельства?

Профессор Оуэн говорит: "У наземных животных есть признаки, делающие их более устойчивыми к уничтожающим воздействиям, что может объяснить, почему так много крупных видов определенных групп вымерло, в то время как более мелкие виды такой же древности выжили. Пропорционально его объему возрастает трудность борьбы, которую животному приходится вести с окружающими факторами, постоянно стремящимися разрушить жизненные связи и подчинить живую материю обычным химическим и физическим силам. Следовательно, любые изменения в таких внешних условиях, к существованию в которых вид, возможно, был изначально приспособлен, будут препятствовать этому существованию в степени, пропорциональной размеру, который может характеризовать данный вид. Если сухой сезон постепенно продлевается, крупное млекопитающее пострадает от засухи раньше, чем мелкое; если такое изменение климата повлияет на количество растительной пищи, крупное травоядное животное первым ощутит последствия недостатка пищи; если появятся новые враги, крупное и заметное животное станет добычей, в то время как более мелкие виды спрячутся и спасутся бегством. Более того, мелкие четвероногие более плодовиты, чем крупные. Представители основной массы мастодонтов, мегатерий, глиптодонтов и дипротодонтов являются однопородными. Следовательно, фактическое присутствие мелких видов животных в странах, где ранее существовали более крупные виды из тех же природных семейств, не является следствием вырождения — какого—либо постепенного уменьшения размеров - таких видов, но является результатом обстоятельств, которые можно проиллюстрировать басней о "Дубе и тростнике"; более мелкие и слабые животные согнулись и приспособились к изменениям, которым подверглись более крупные виды ".[\[68\]](#)

"Мы не всегда отдаем себе отчет в том, - замечает м-р Дарвин, - насколько глубоко мы не осведомлены об условиях существования каждого животного; мы также не всегда помним, что некоторые ограничения постоянно препятствуют слишком быстрому увеличению числа всех организованных существ, оставшихся в естественном состоянии. Запасы пищи в среднем остаются постоянными; однако тенденция каждого животного увеличиваться за счет размножения носит геометрический характер; и нигде ее неожиданные последствия не были продемонстрированы более поразительно, чем в случае с европейскими животными, одичавшими за последние несколько столетий в Америке. Каждое животное в естественном состоянии регулярно размножается; однако у давно существующего вида любое

значительное увеличение численности, очевидно, невозможно и должно быть остановлено какими-либо средствами. Тем не менее, мы редко можем с уверенностью сказать у какого-либо данного вида, в какой период жизни или в какой период года, или только ли через длительные промежутки времени, наступает задержка; или, опять же, какова точная природа задержки. Вероятно, поэтому мы так мало удивляемся тому, что один из двух видов, тесно связанных по образу жизни, редок, а другой в изобилии встречается в одном и том же районе; или, с другой стороны, что один должен быть в изобилии в одном районе, а другой, занимающий то же место в природном хозяйстве, должен быть в изобилии в соседнем районе, очень мало отличаясь по своим условиям. Если спросить, как это происходит, сразу же отвечают, что это определяется какой-то незначительной разницей в климате, пище или количестве врагов: и все же, как редко, если вообще когда-либо, мы можем указать точную причину и способ действия проверки! Таким образом, мы приходим к выводу, что причины, обычно совершенно незаметные для нас, определяют, будет ли данный вид многочисленным или мизерным.

"В случаях, когда мы можем проследить вымирание вида по вине человека, либо полностью, либо в одном ограниченном районе, мы знаем, что оно становится все реже и реже, а затем теряется; было бы трудно указать на какое-либо справедливое различие между видом, уничтоженным человеком, или увеличением числа его естественных врагов. Свидетельства редкости, предшествующие исчезновению, более поразительны в последующих третичных слоях, как заметили несколько опытных наблюдателей; часто обнаруживалось, что раковина, очень распространенная в третичном слое, в настоящее время наиболее редка и даже долгое время считалась вымершей. Итак, если, что представляется вероятным, виды сначала становятся редкими, а затем вымирают - если слишком быстрый рост каждого вида, даже самого благоприятствуемого, неуклонно сдерживается, как мы должны признать, хотя как и когда это трудно сказать, - и если мы видим, без малейшего удивления, хотя и не в состоянии определить точную причину, что один вид распространен, а другой близкородственный вид редок в том же районе — почему мы должны испытывать такое большое удивление от того, что редкость продвинулась еще на шаг к исчезновению? Действие, происходящее со всех сторон от нас, и все же едва заметное, несомненно, могло бы быть перенесено немного дальше, не возбуждая нашего наблюдения. Кто бы сильно удивился, услышав, что мегалоникс раньше был редкостью по сравнению с мегатериумом, или что одна из ископаемых обезьян была немногочисленна по сравнению с одной из ныне живущих обезьян? и все же, несмотря на эту сравнительную редкость, мы должны были бы иметь самые очевидные свидетельства менее благоприятных условий для их существования. Признать, что виды обычно становятся редкими до того, как они вымирают, — не удивляться сравнительной редкости одного вида с другим, и все же призвать какого-то экстраординарного агента и сильно удивляться, когда вид прекращает свое существование, мне кажется, почти то же самое, что признать, что болезнь индивидуума является прелюдией к смерти, — не удивляться болезни, но когда больной человек умирает, удивляться и верить, что он умер насильственной смертью".^[69]

Географическое распространение является важным элементом в этом вопросе о вымирании. У вида, распространенного на обширной территории, гораздо больше шансов выжить, чем у того, который ограничен ограниченным районом; и посторонние влияния, действующие предвзято, уничтожат вид, ограниченный островом, гораздо раньше, чем если бы у него был континент для расселения. Мы видели, как *попугай Нестор* вымер в Новой Зеландии, в то время как он выжил на острове Норфолк, потому что первый был колонизирован расой маори, в то время как второй остался девственным. Но как быстро

погиб бедный Попугай, как только нога человека ступила на острова Норфолк и Филип! И как недолговечна была жизнь, предоставленная *дидункулам*, когда однажды "Киски" добрались до маленьких островов Самоа!

Очень многие острова обладают фауной, которая в значительной степени присуща им самим. Я знаю, что на Ямайке колибри, некоторые попугаи, некоторые кукушки, большинство голубей, многие более мелкие птицы и, я думаю, все рептилии больше нигде не водятся. Более того, даже на небольших Антильских островах каждый имеет свою собственную фауну, не разделяемую ни с какой другой землей; — своих колибри, своих ящериц и Змей; своих Бабочек и жуков, своих пауков, своих Улиток, своих червей. Насколько вероятно, что некоторые из этих очень ограниченных видов исчезнут! Из-за растущей агрессии расчищающего и культивирующего человека; из-за незначительных изменений уровня; даже из-за электрических и метеоритных явлений, действующих очень локально. Я обнаружил, что на Ямайке многие животные, характерные для острова, распространены не по всей поверхности, какой бы ограниченной она ни была, а ограничены одним небольшим районом. В некоторых случаях особей очень мало, даже в этой благоприятной местности; как легко мы можем представить себе сезон более сухой, чем обычно, или более влажный, чем обычно, или наводнение, или ураган необычной силы, или извержение вулкана, которые либо сразу убивают этих немногих особей, либо уничтожают их средства к существованию, и таким образом косвенно уничтожают их голодом. И тогда этот вид исчез!

Обыкновенный красный куропат, которого в течение сезона так часто можно увидеть висящим в каждой птицеводческой и охотничьей лавке Лондона, абсолютно неизвестен за пределами Британских островов. Он не мог бы жить иначе, как в обширных, неогороженных, необработанных районах; так что, когда наступит период, когда вся британская земля будет огорожена и взята под обработку, срок аренды Куропатки истечет. Мы обязаны перед нашими усердно работающими членами парламента надеяться, что такое положение вещей может быть отдаленным.

II.

ЧУДЕСНОЕ.

Вульгарный ум очень склонен любить чудесное и считать чудом каждое необычное явление, каждое происшествие, которое не совсем согласуется с какой-либо знакомой ему гипотезой. Поэтический период истории каждой страны полон чудес; ибо на заре цивилизации физические законы природы были мало поняты, и множество природных явлений либо объяснялось ложными причинами, либо, не имея отношения к какой-либо признанной причине, считалось просто чудесами. В компетенцию науки входит рассеивание этих заблуждений, выявление неоткрытых, но ни в коем случае не необнаружимых истоков необычных событий и, таким образом, постоянное сужение границ неизвестного. Эти пределы, однако, еще не достигли математической точности, и современной науке еще предстоит объяснить несколько чудес.

Возможно, преобладающая тенденция необразованных умов в наши дни заключается скорее в том, чтобы приписывать следствия *ложным* причинам, чем оставлять их без какой-либо видимой причины. Неразумному человеку гораздо легче сказать, что Тентерден стипл является причиной Гудвин Сэндс, чем оставить Гудвин Сэндс совершенно неучтенным; или сказать, что на розовых веточках внезапно появляются вши, "восточный ветер наслал порчу" или "это что-то витает в воздухе", чем "я не знаю, как объяснить их появление". Действительно, размышляющему человеку, взвешивающему силы, восточный ветер кажется столь же неподходящим для создания живых животных, как высокая башня для возникновения песчаной отмели; и это при том, что он, возможно, не смог бы предложить ничего более подходящего. Что он должен делать в таком случае? Очевидно это — проверить действительное существование и условия явления; убедиться, что оно действительно имело место; и, если факт нельзя отрицать, признать его как факт и ждать дальнейшего прояснения его причинно-следственной связи.

Я ни в коем случае не берусь утверждать универсальное "почему и благодаря чему" каждого знакомого или незнакомого явления: я оставляю это более претенциозным философам, время от времени украдкой улыбаясь эгоизму, который не может видеть собственных *несвязанностей*. Но еще меньше я могу согласиться отбросить в сторону каждое явление, которое я не могу объяснить, используя общий ресурс— "Фу! фу! должно быть, здесь какая-то ошибка!" Скорее я бы сказал: "Во мне все еще должно быть какое-то невежество: хотя я и достиг вершины лестницы знаний, мне еще предстоит подняться на один или два круга, прежде чем я смогу провозгласить свое господство над всеми, абсолютно *всемиокультурными* причинами вещей. Следовательно, до тех пор я должен довольствоваться более простой задачей - терпеливым сбором доказательств".

В разное время и в разных местах популярная шумиха была вызвана тем, что было названо кровавыми ливнями. Разрушению городов и королевств, по мнению историков, предшествовало это ужасное предзнаменование. Однако это было объяснено очень естественным и заслуживающим объяснения явлением. В 1553 году живые изгороди и деревья, камни дорожки и одежда многих людей были обильно обрызганы каплями красной жидкости, которая предположительно была кровью, пока какой-то наблюдательный человек не заметил совпадающего появления необычных роев бабочек и не отметил, что цветные капли исходят от них. И снова, в Экс-ла-Шапель в 1608 году, произошло то же самое ужасное явление, особенно на стенах одного из церковных дворов. М. Пейреск, способный натуралист, проживающий в Экс, объяснил это явление здесь той же причиной. Незадолго

до этого он нашел большую куколку, которую вложил в коробку, чтобы определить вид, к которому она принадлежала. Несколько дней спустя, услышав шорох, он открыл коробку и обнаружил красивую бабочку, появившуюся из куколки, которая оставила на полу своей тюрьмы большое красное пятно. Он увидел, что характер этого осадка в точности соответствует характеру зловещих капель за границей, и, отметив необычное обилие бабочек того же вида, решил, что раскрыл причину этого потрясающего явления. В этом его убеждении укрепило то обстоятельство, что предполагаемые капли крови не были найдены ни на улицах города, ни на крышах домов, где они должны были бы быть, если бы упали с неба; и, более того, что их редко можно было увидеть на открытых частях камней, стен и т. Д.; Но скорее под защитой углов и в небольших углублениях, что хорошо согласуется с повадками рассматриваемых насекомых. Несомненно, таково было истинное объяснение феномена, но оно мало что говорит о наблюдательности, которая могла бы приписать это крови, поскольку цвет ни в коем случае не похож на цвет крови, особенно на *засохшую* кровь, а гораздо более алый; а землистый налет, напоминающий мел, который в изобилии остается после испарения жидкой части, мгновенно убедил бы любого, кто привык сравнивать вещи, которые отличаются друг от друга, что, чем бы ни было вещество, кровью оно определенно не было.

Я сам не так давно столкнулся с появлением, которое имело гораздо большее сходство с каплями крови, чем это, и которое, тем не менее, относилось к совершенно иному происхождению. В окрестностях Эшбертона, в Девоне, примерно в четверти мили от города, есть неглубокий пруд для разведения лошадей, дно которого состоит из неосязаемого беловатого ила, сильно изрытого следами копыт и другими неровностями. В них, поскольку вода была тускло прозрачной после оседания, я заметил нечто, в точности похожее на кровь, в многочисленных пятнах, которые выглядели так, как будто две или три капли крови упали в одном месте, полдюжины - в другом и так далее. Цвет был настоящий, и даже когда я вышел и внимательно осмотрел пятна, они имели именно тот свернувшийся вид, который приобретают капли крови, когда падают в стоячую воду. Но при тщательном рассмотрении обнаружилось постоянное движение кишечника в каждом месте, что заставило меня поднести глаз поближе, когда я обнаружил, что был вопиюще обманут. Каждая видимая капля крови была образована множеством тонких червей, толщиной примерно со свиную щетину и длиной в полтора дюйма, красного оттенка, которые на большую часть своей длины выступали из грязи в виде лучей, каждый из которых совершал постоянные волнообразные движения. Центров излучения было больше или меньше, круги часто прерывались другими и сливались с ними, подобно тому, как это делали бы капли крови, скопившиеся вместе. При малейшем волнении маленькие актеры исчезали из виду в мягкой грязи; но, зачерпнув немного этой грязи, я ухитрился насыпать несколько штук во флакон, и по мере оседания осадка было видно, как они играют на дне, словно в своем пруду. Изучив образцы под микроскопом, я обнаружил, что это крошечные кольчатые черви, подобные описанным мною, по-видимому, рода *Lumbriculus* из Грубе, с двумя рядами щетинок-карандашей и двумя щетинками в карандаше. Тело было прозрачным и бесцветным, а красный оттенок придавался крупными и заметными продольными кровеносными сосудами и боковыми соединительными сосудами, которые при взгляде сбоку имели форму петель. Животные вскоре умерли в неволе, но я оставил некоторых в живых на три-четыре дня.

Я уже упоминал в другом месте о любопытном феномене багрового снега и о неопределенности, которая все еще существует относительно его причины. Недавно я встретился с другим объяснением, которое кажется достаточно надежным, хотя, поскольку

красный снег выпадает в местах, где эта причина не может действовать, это только показывает, что сходные результаты могут быть получены различными факторами. Определенное сходство между этими фактами и теми, которые привел месье Пейреск, оправдывает то, что я их процитирую. Мистер Томас Николсон, посетивший Соваллик-Пойнт в заливе Принс—Риджентс, так описывает то, что он увидел: "Вершина холма, образующего мыс, покрыта огромными массивами гранита, в то время как сторона, образующая пологий спуск к заливу, была покрыта багровым снегом. С первого взгляда было очевидно, что этот цвет был придан снегу веществом, лежащим на поверхности. Это вещество было разбросано тут и там небольшими массами, имеющими некоторое сходство с порошкообразной кошенилью, окруженными более светлым оттенком, который создавался за счет того, что красящее вещество частично растворялось и рассеивалось расплывчатым снегом. Во время этого осмотра наши шляпы и верхняя одежда были испачканы веществом такого же красного цвета; и минутное размышление убедило нас, что это экскременты маленького аука, мириады птиц которого постоянно летали над нашими головами, устроив свои гнезда среди рыхлых глыб гранита. Теперь нам было представлено готовое объяснение происхождения красного снега, и ни у кого из нас не осталось сомнений в том, что оно правильное. Снег на горах, расположенных выше, чем гнезда этих птиц, был совершенно белым; а овраг на небольшом расстоянии, который был заполнен снегом сверху донизу, но в котором не было укрытия для этих птиц, чтобы устроить свои гнезда, выглядел равномерно белым".[\[70\]](#)

В конце концов, однако, иногда идет настоящий *добросовестный* дождь, который если и не кроваво-красный, то, по крайней мере, красный ". М. Джованни Кампани, профессор химии Сиенского университета, только что опубликовал письмо, адресованное профессору Маттеуччи, о совершенно необычном явлении, произошедшем в Сиене в декабре прошлого года. 28-го числа того же месяца, около семи часов утра, жители северо-западной части города с удивлением стали свидетелями любопытного явления - обильного дождя красноватого оттенка, который продолжался два часа; второй ливень того же цвета прошел в одиннадцать часов утра, а третий - в два часа дня, но самый насыщенный красный дождь выпал в первый раз. Но что добавляет странности этому происшествию, так это то, что оно было полностью ограничено этим конкретным кварталом города, и линия была проведена так четко, что было установлено, что прекращение красного цвета в одном направлении находится примерно в двухстах метрах от метеорологической обсерватории, плювиометр которой показал бесцветный дождь точно в то же время. Температура в течение того же интервала колебалась между 8 ° и 10 °. По Цельсию (46 и 50 по Фаренгейту). В начале явления ветер дул с юго-запада, а затем сменился на северо-западный.S.W. Никто из сельского населения в непосредственной близости от Сиены не заметил этого явления, так что, скорее всего, дождь, который шел вокруг города, был бесцветным. То же самое явление, как ни странно, повторилось в точно том же квартале города 31 декабря и снова 1 января, когда ветер был против часовой стрелки, а температура соответственно 35 и 39·42 ° по Фаренгейту. Однако с каждым разом красный цвет становился все менее насыщенным, а его наибольшая крепость ни разу не превышала силу слабого вина или воды. Аналогичный случай зарегистрирован как имевший место в 1819 году в Бланкенбурге, когда М. Мейер и Стопп обнаружили, что вода содержит раствор хлорида кобальта. Профессор Кампани, который в настоящее время занимается совместно со своим коллегой профессором Габриэлли анализом собранной красной воды, установил, что в данном случае она не

содержит хлорида кобальта и, более того, что цвет, должно быть, обусловлен каким-то раствором, поскольку в воде не образовался осадок ".[\[71\]](#)

Случайное появление больших масс воды, окрашенных в ярко—красный оттенок, и по большей части внезапно и без какой-либо видимой причины, не без оснований было зарегистрировано как чудо, соперничающее с одной из египетских язв - превращением воды в кровь.

"Я помню, - говорит мистер Латроб, - сообщение, дошедшее до Невшателя через рыночных торговцев, переходивших от одного озера к другому (некоторое время зимой), о том, что воды озера Морат внезапно приобрели цвет крови, хотя я не мог встретиться ни с кем, чьи показания были бы достаточно ясными и недвусмысленными, чтобы установить этот факт. Это, в сочетании с тем, что у меня тогда не было времени пойти и посмотреть самому, привело к тому, что этот случай полностью выскользнул из моей памяти, пока я не оказался по соседству. Здесь это обстоятельство было полностью подтверждено для меня способом, не подлежащим сомнению; и с тех пор, как я познакомился с работой, написанной м. де Кандолем из Женевы по этому вопросу, я воспользуюсь тем, что там изложено, как моим лучшим руководством в описании фактов по мере их возникновения:

"Похоже, что это необычное явление начало привлекать внимание жителей Мората еще в ноябре прошлого года и что оно оставалось более или менее заметным в течение всей зимы.

"Мистер Тречсел, джентльмен, проживающий в Мора, к которому мсье де Кандоль обратился, выслушав отчет, за информацией и образцами красящего вещества, заявил, что в первые часы дня в озере не наблюдалось никаких необычных явлений; но немного позже были замечены длинные параллельные полосы красноватого вещества, протянувшиеся вдоль поверхности воды на некотором небольшом расстоянии от берегов. Она, уносимая ветром в сторону более защищенных участков берега, собиралась вокруг камышей и зарослей тростника, покрывая поверхность озера легкой пеной, образуя как бы слои различных цветов, от зеленовато-черного, серого, желтого и коричневого до самого восхитительного красного. Он добавляет, что это вещество издавало зловонный запах в течение дня, но исчезало с приближением ночи. Далее было замечено, что во время бурной погоды оно полностью исчезало. Было замечено, что многие мелкие рыбешки опьянели, плавая среди него, и после нескольких судорожных прыжков неподвижно лежали на поверхности.

"На основании присланных образцов естествоиспытатели Женевы решили, что это вещество животного происхождения, которое, если не *Oscillatoria subfusca*, то *ГИПЕРССЫЛКА* \l "Footnote_72_72" \h.

Вскоре после начала мая оно полностью исчезло. Неизвестно, появлялось ли это явление раньше на озере Морат на памяти человека. Традиция утверждает, что то же самое произошло за год до великой битвы".[\[73\]](#)

Несколько лет назад в одном из моих резервуаров с морской водой произошло явление, очень похожее на это. То тут, то там на поверхности образовывались пятна насыщенного малиново-фиолетового цвета, которые быстро разрастались со всех сторон, пока не слились воедино. Если оставить его в покое на несколько дней, вся поверхность воды покрывалась пленкой вещества, которая распространялась также по камням и ракушкам дна и стенок сосуда. Его можно было бы поднять в неосязаемых слоях на листах бумаги. Мне было трудно держать это в рамках и невозможно полностью избавиться от этого, пока через несколько

месяцев я не потерял это из-за случайного разбития сосуда. Под микроскопом это оказалось *Осцилляторией*, которую я не смог идентифицировать ни с одним из видов, описанных в *Фитологии* Харви: нити ползут и переплетаются со специфическими для этого рода червеобразными движениями.

Воды, похожие на кровь, иногда образуются в результате быстрой эволюции инфузорийных животных. Из них наиболее эффективными являются *Astasia hæmatodes* и *Euglena sanguinea*; оба они - крошечные веретенообразные существа из мясистого вещества сангвинического оттенка. Время от времени они производятся в неисчислимых количествах, увеличивающихся с огромной скоростью посредством самопроизвольного деления. Эренберг предполагает, что чудо изменения крови, совершенное Моисеем над Нилом и всеми другими источниками воды в Египте (Исход. vii. 17-25), возможно, было совершено с помощью этих животных. Конечно, потребовалась бы Божественная сила как для образования бесчисленных миллионов животных по одному слову команды, так и для образования настоящей крови, так что признание этого предположения не позволило бы избежать присутствия Божества; но слова вдохновенного повествования, по-видимому, делают его несостоятельным.

Вернуться в душ. "Если пойдет кошачий или собачий дождь", — эта фраза звучит во многих устах; но, вероятно, никто не слышал, чтобы ее переводили из сослагательного наклонения в изъявительное. Однако почему бы и нет, если идет дождь из улиток, лягушек, рыб и перьев? Я могу привести некоторые доказательства того, что эти животные и продукты животного происхождения действительно попадают в атмосферу, ценность которых мои читатели смогут оценить, когда услышат доводы суда.

В этой почтенной газете, "*Дневнике Феликса Фарли*", за июль 1821 года было опубликовано "сообщение об удивительном количестве раковин улиток, найденных на участке земли в несколько акров близ Бристоля, которые, как говорится в распространенном отчете, упали во время ливня". Этот шквал привлек в то время много внимания, мистер У.М. Бейкер из Бриджуотера обратился за информацией к Куратору Бристольского института, который таким образом прояснил тайну: "Барвинки действительно замечательны. Они обрушились на поле мистера Пича проливным дождем, как должное наказание за его неуважение к добродетелям нашей покойной королевы. Ливень был таким сильным, что зонтик проходившей мимо пожилой дамы разлетелся на куски, а осколки поднял в воздух ураган, который сорвал все барвинки на соседних холмах и разбросал их толщиной в три дюйма на поле мистера Пича! Но вы знаете историю о "Трех черных воронах"; и, таким образом, все сводится не к барвинковому дождю, не к урагану, а к нашему старому другу *Helix virgata*, совершающему свое ежегодное паломничество в поисках пары и встречающемуся почти на каждом квадратном дюйме рассматриваемого поля".

Провинциальные газеты, похоже, обладают особой способностью сообщать о таких фактах естественной истории, которые редко выдерживают расследование. "*Страуд Фри Пресс*" за 23 мая 1851 года сообщает нам, что "в субботу в Брэдфорде, примерно в двенадцати милях от Бристоля, произошла необычайная сцена, когда на эту деревню обрушился сильный ливень из улиток. Возможно, их собирали целыми бушелями. Мистер Дж. У. Дуглас, выдающийся энтомолог, немедленно задал несколько уместных вопросов под душем; но было ли дело в том, что свидетели были огорчены его нецензурным сравнением таких чудес с методами лечения профессоров Морисона и Холлоуэя, или у них не было более определенной информации, которую можно было бы сообщить, *certes* echo не ответила.

Мы боимся, что нам придется отказаться от улиток. Но лягушки! все знают, что жабы падают с неба. По словам путешественников по тропической Америке, жители Портобелло утверждают, что каждая капля дождя превращается в жабу; более просвещенные, однако, полагают, что потомство этих животных образуется вместе с парами из прилегающих болот, и, будучи унесенными облаками над городом, яйцеклетки вылупляются во время дождя. Несомненно, что улицы после ночного сильного дождя почти полностью покрыты этими неприветливыми рептилиями, и невозможно пройти, не раздавив их.^[74] Но философы-еретики указывают на зрелый рост паразитов, многие из которых достигают шести дюймов в длину, и утверждают, что только что упомянутая умная гипотеза вряд ли объяснит их появление.

В газете "*Лидс Меркьюри*" за июнь 1844 года появилось следующее заявление: "Во второй половине дня в прошлый понедельник, во время довольно сильного дождя, добрые жители Селби были поражены замечательным явлением. Стало совершенно очевидно, что с началом дождя начался ливень другого рода, а именно. ливень из лягушек. Истинность этого стала еще более очевидной благодаря тому обстоятельству, что несколько лягушек были пойманы во время спуска, протянув для этой цели шляпы. Они были размером с конский боб и удивительно подвижны после своего воздушного, но бескрылого полета. То же явление наблюдалось в непосредственной близости".

Редактор *Zoologist* немедленно запросил подтверждение изложенных фактов у постоянных представителей науки; но, несмотря на обстоятельность отчета, и особенно сообщения о фактической поимке маленьких хищников в шляпах, никто не ответил на запрос, и мы вынуждены заключить, что отчет не выдержит критического анализа.

Однако даже здесь недоверие может зайти слишком далеко. Ибо в континентальных журналах встречается гораздо больше подобных заявлений, чем в журналах этой страны, и некоторые из них подтверждаются явно неоспоримым авторитетом. Если мои читатели обратятся к *Институту*. том ii (1834) стр. 337, 346, 347, 353, 354, 386, 409; том. iv. (1836), стр. 221, 314, 325; том. vi. (1838), стр. 212, они найдут упоминание об этом явлении — ливнях из жаб. В двух или трех из этих случаев жаб не только наблюдали в бесчисленном количестве на земле во время и после сильных ливней, но и видели, как они садились на крыши домов, выпрыгивая оттуда на улицы; они даже падали на шляпы, зонтики и одежду наблюдателей, находившихся на улице во время грозы, и, в одном случае, их действительно принимали в протянутую руку.^[75]

Гораздо позже, а именно в начале 1859 года, газеты Южного Уэльса опубликовали информацию о скоплении рыбы в долине Абердэр. Неоднократные заявления привлекли больше внимания, чем обычно, и преподобный Джон Гриффит, викарий прихода, сообщил *Evening Mail* следующие результаты своего расследования:

"Возможно, многим из ваших читателей было бы интересно ознакомиться с фактами, связанными с этим феноменом. Они будут лучше поняты со слов главного свидетеля, записанных мной на месте, где это произошло. Этого человека зовут Джон Льюис, он пильщик со двора "Господ Никсона и Компании". Его показания таковы: "В среду, 9 февраля, я доставал кусок дерева, чтобы установить его для пилы, когда я вздрогнул от того, что что-то упало прямо на меня - на шею, на голову и на спину. Опустив руку на шею, я с удивлением обнаружил, что это были маленькие рыбки. К этому времени я увидел, что вся земля покрыта ими. Я снял шляпу, поля которой были полны ими. Они прыгали повсюду. Они покрывали землю длинной полосой размером примерно восемьдесят ярдов на

двенадцать, как мы измерили позже. Этот сарай (указывая на очень большую мастерскую) был весь покрыт ими, и побеги были полны ими. Мы с моими товарищами могли бы набрать их полные ведра, соскребая руками. Мы действительно собрали их очень много, около ведра, и бросили в дождевую лужу, где некоторые из них и сейчас находятся. Было два душа с интервалом примерно в десять минут, и каждый душ длился около двух минут или около того. Было одиннадцать УТРА, как раз в это время проходил утренний поезд на Абердэр. Дул не очень сильный, но необычно влажный, примерно такой же ветер, как и сегодня (дул довольно сильно), и дул он с этой стороны (указывая на S. of W.). Они пришли с дождем "как бы всем скопом". Таковы доказательства. Я взял его для того, чтобы предстать передпрофессором Оуэном, которому я также завтра отправлю, по просьбе его друга, восемнадцать или двадцать "рыбок". Трое из них большие и очень толстые, размером около четырех дюймов. Остальные маленькие. Некоторые были — но с тех пор они мертвы — полных пяти дюймов в длину. Они очень подвижные.—Ваш покорный слуга,

"Джон Гриффит,
викарий Абердэра и сельский благочинный.
"Дом священника, АБЕРДЭР, 8 марта".

Образцы, которые были отправлены профессору Оуэну, были выставлены в аквариуме Зоологического сада в Риджентс-парке: они состояли из пескарей (*Leuciscus phoxinus*) и гладкохвостых колюшек (*Gasterosteus leiurus*). Ученый таким образом попытался "просветить" непосвященных по этому вопросу: "При чтении свидетельств мне кажется, что это, скорее всего, всего лишь розыгрыш приятелей Джона Льюиса, которые, по-видимому, вылили на него ведро воды с рыбой, и он, по-видимому, вернул их в пруд, из которого они были первоначально взяты. Доставляемая рыба сильно отличается от той, что попадает в штормы в тропических странах, и мы должны учитывать непреднамеренное преувеличение количества и т. Д. В отчете, представленном через месяц после произошедшего события".

Это "кажется мне" прекрасным примером критической проницательности. Моим читателям будет полезно взглянуть на это на мгновение, поскольку таким образом они смогут научиться отсеивать зерна истины из бушеля плевел. *Уважаемый процедурщик!*

Главное (разве это не единственное?) возражение против утверждения честного сойера состоит в том, что "эта рыба совсем не похожа на тех, кого подхватывают ураганы в тропических странах". То есть, видя, что это явление происходит в Великобритании, очень жаль, что рыбы относятся к британскому виду. Так вот, в Индии, когда происходят подобные вещи, всегда привлекаются *индийские* виды; следовательно, здесь должны быть индийские виды. Но они "очень непохожи" на индийских рыб; следовательно, это явный обман.

В таком случае, не кажется ли вам вполне вероятным, когда чей-то тупой интеллект был "просветлен" блестящим предположением, что достойный сойер, на которого вылили ведро воды, подумал, что это был сильный ливень? *Очень* тяжелая, без сомнения; на самом деле, он говорит, что она была "необычно влажной". Конечно, он думал, что было два ливня, каждый продолжительностью около двух минут с интервалом в десять минут между ними; но эту небольшую ошибку можно было легко допустить, поскольку, несомненно, ведро воды, вылитое на голову, вполне могло быть эквивалентно двум ливням или даже десяти, если уж на то пошло. Несомненно, кроме того, там было значительное количество рыбы: "Вся земля была покрыта ими: они прыгали повсюду: они покрывали землю длинной полосой

примерно восемьдесят ярдов на двенадцать, *как мы измерили* впоследствии: сарай был покрыт ими, и всходы были полны ими.... Мы с моими приятелями могли бы собрать их полными ведрами: мы действительно собрали около ведра ". Да, да: но изначально все они были в ведре с водой, вылитом на тебя, Джон. Каким же ты был глупцом, не понимая *этого!* Как в ведре вообще хватило места для воды, учитывая, что там было так много рыбы, ты говоришь, что не знаешь; но это твоя глупость, Джон! Там, *должно* быть место для воды, потому что было "необычно влажно", а вода была в ведре, так как Доктор так сказал. К тому же, я бы сказал, необычно подозрительно; но оставим это в стороне. Где товарищи собирали ведро с живой рыбой для своей приятной и прибыльной мистификации, и как, и когда, — мог бы с удивлением спросить скептик; но это была мистификация. *Ipse dixit.*

Однако вердикт не получил всеобщего одобрения; и превосходный и хорошо известный натуралист мистер Роберт Дрейв, проживающий по соседству, рискнул скромно выразить несогласие. "Я думаю, фактический факт оправдывает мое явно неподобающее предположение противопоставить такому высокому авторитету противоположное мнение, поскольку на основании информации, *полученной из многих источников, и очень тщательного* расследования, я совершенно убежден, что большое количество рыбы действительно выпало с дождем *на значительной территории страны.* Экземпляры, которые я получил *от трех особей,* обитавших на некотором расстоянии друг от друга, были двух видов: обыкновенного гольяна и трехиглой колюшки; первые наиболее многочисленны и в основном очень малы, хотя некоторые достигли своего полного размера ".[\[76\]](#)

Если теперь мы обратимся к другим странам, то обнаружим, что выпадение рыб из атмосферы в условиях, малоизученных, представляет собой явление, основанное на неопровержимых данных таблицы. Гумбольдт опубликовал интересные подробности выброса рыбы в больших количествах из вулканов в Южной Америке. В ночь с 19 на 20 июня 1698 года вершина Каргуайразо, вулкана высотой более 19 000 футов, обрушилась, и вся окружающая местность на протяжении почти тридцати двух квадратных миль была покрыта грязью и рыбами. Предполагалось, что аналогичное извержение рыбы из вулкана Имбабуру стало причиной гнилостной лихорадки, которая свирепствовала в городе Ибарра за семь лет до этого периода.

Эти факты не являются необъяснимыми. Подземные озера, сообщающиеся с поверхностными водами, образуются в глубоких полостях на склонах или у основания вулкана. На определенных активных стадиях воспламенения эти внутренние полости разрываются, и их содержимое выбрасывается через кратер. Гумбольдт установил, что рыбы, о которых идет речь, принадлежат к любопытному и неблагополучному виду *силурид- Pimelodes Cycloptum.*

Однако потоки рыбы действительно происходят, что не может быть связано с действием вулкана. Доктор Буист в интересной статье, опубликованной в *Bombay Times* в 1856 году, собрал ряд достоверных примеров этого явления. Автор, после перечисления случаев, о котором только что упоминалось, и другие аналогичного характера, в которых рыбы были выброшены из вулканов в Южной Америке, и в осадок из облаков в различных частях мира, приводит следующие примеры подобных случаев в Индии:—"в 1824 году", - говорит он, "Рыбы упал в Мееруте, на мужчин Ее Величества 14-й Регимент, затем в дрель, и были пойманы в цифрах. В июле 1826 года было замечено, как живая рыба падала на траву в Морадабаде во время шторма. Это были обычные *карповые*, столь распространенные в наших индийских водах. 19 февраля 1830 года, в полдень, на фабрике Нокулхатти в Дакка-Зилла произошел сильный падеж рыбы; показания по этому поводу были получены от девяти различных партий. Вся рыба была мертвой; большинство из них были крупными; некоторые были свежими, другие - гнилыми и изуродованными. Сначала их увидели в небе, похожими на стаю птиц, быстро спускающихся к земле; моросил дождь, но грозы не было. 16 и 17 мая 1833 года в Зилле Футтехпур, примерно в трех милях к северу от Джамны, после сильного шторма с ветром и дождем произошел падеж рыбы. Рыба была весом от полутора до трех фунтов и того же вида, что и те, что водились в аквариумах по соседству. Все они были мертвыми и сухими. Падение рыбы произошло в Аллахабаде во время шторма в мае 1835 года; они принадлежали к виду чоула и были найдены мертвыми и сухими после того, как шторм прошел над районом. 20 сентября 1839 года после сильного ливня большое количество живой рыбы, около трех дюймов в длину, и все одного вида, упало в Сандербундсе, примерно в двадцати милях к югу от Калькутты. В этом случае было замечено, что рыба падала на землю не беспорядочно, а непрерывной прямой линией шириной не более пяди. Огромные стаи рыбы, которыми покрыты низменности вокруг Бомбея примерно через неделю или десять дней после первого разгона муссона, по-видимому, берутся из прилегающих водоемов или речушек, а не спускаются с неба. Насколько я знаю, они не водятся в более высоких частях острова. Я никогда не видел их, хотя внимательно наблюдал, в бочках, собирающих воду с крыш зданий, или слышал о них на палубах или навесах судов в гавани, где они, должно быть, появились, если бы спустились с неба. Одно из самых замечательных явлений такого рода произошло во время сильнейшего ливня в Каттиваре 25 июля 1850 года, когда земля вокруг Раджкоте была буквально покрыта рыбой; некоторые из них были найдены на верхушках стогов сена, куда, вероятно, их занесло штормом. В течение двадцати четырех часов подряд выпало двадцать семь дюймов осадков, тридцать пять - за двадцать шесть часов, семь дюймов - за полтора часа, что является самым сильным выпадением за всю историю наблюдений. В Пунахе 3 августа 1852 года, после очень сильного дождя, на территории военного городка, в полумиле от ближайшего ручья, было поймано множество рыбы. Если объяснить потоки рыбы, исходя из предположения, что они выносятся шквалами или сильными ветрами из рек или водных пространств недалеко от того места, где они падают, то не было бы ничего удивительного, если бы было видно, как они опускаются с воздуха во время яростных шквалов, которые иногда случаются в июне".

Сэр Э. Теннент приводит следующие примеры: "У меня была возможность, только один раз, стать свидетелем явления, которое порождает это популярное поверье. Я ехал по коричневым садам недалеко от форта Коломбо и увидел, как неподалеку от меня прошел сильный, но частичный ливень. Придя на место, я обнаружил множество маленьких серебристых рыбок от полутора до двух дюймов в длину, прыгавших по гравию большой дороги, множество которых я собрал и увез в своем паланкине. Это место находилось

примерно в полумиле от моря и совершенно не было связано ни с каким водотоком или заводью.

"Мистер Уайтинг, который много лет прожил в Тринкомали, пишет мне, что туземцы на той стороне острова часто говорили ему, что иногда идут дожди с рыбой; и однажды (добавляет он) В 1849 году они отвезли меня на поле в деревне Карранкотта-тиво, недалеко от Баттикалоа, которое было сухим, когда я проходил по нему утром, но за два часа внезапно пролившимся дождем было покрыто слоем воды глубиной в три дюйма, на котором тогда было много мелкой рыбы. Вода не имела никакого отношения к какому-либо пруду или ручью вообще". Мистер Криппс, аналогичным образом, говоря о Галле, говорит: "Я видел в окрестностях форта рыбу, извлеченную из дождевой воды, скопившейся во впадинах суши, которые в жаркое время года совершенно сухие и иссушенные. В этом месте нет ни проточного ручья, ни водоема; и либо рыба, либо икра, из которой они были произведены, обязательно должны были попасть под дождь".^[77]

Мистер Дж. Принсеп, выдающийся секретарь Азиатского общества Бенгалии, нашел рыбу в плювиометре в Калькутте в 1838 году.^[78]

В высшей степени любопытен факт, что бассейны, бачки и цистерны в Индии и на Цейлоне хорошо обеспечены рыбой различных видов, хотя вода дважды в год полностью испаряется, а ил дна превращается в пыль или принимает вид обожженной глины, зияя широкими и глубокими расщелинами, в которых нельзя обнаружить ни малейшего признака влаги. Так обстоит дело с временными углублениями в почве, которые не связаны с текущими ручьями или постоянными водоемами, из которых, как можно было бы предположить, они получают свежий запас рыбы.

Получили распространение два способа объяснения этого странного явления. Первое - это то, что принимают те европейцы, которые довольствуются любым решением проблемы, не слишком тщательно проверяя его, а именно, что рыба выпадает вместе с дождями из воздуха. Фактическое возникновение таких ливней основывается, как мы только что видели, на веских доказательствах; но, признавая этот факт, это должно быть редким явлением, тогда как присутствие рыбы в новосозданных водоемах является универсальным. Опять же, если бы дожди принесли их в таком изобилии, что заполнили все лужи, то равное количество выпало бы на сухую землю, на что не претендуют. Другим общепринятым решением является то, которое получило одобрение мистера Яррелла, который отмечает: "Оплодотворенные яйцеклетки рыб одного сезона дождей остаются не вылупившимися в иле в течение сухого сезона, и из—за низкого уровня их организации *как яйцеклеток* жизнеспособность сохраняется до наступления дождя и контакта с кислородом следующего сезона дождей, когда под их совместным воздействием происходит оживление".^[79]

Это может быть полностью разрешено, но не соответствует требованиям данного случая. Сэр Э. Теннент и другие показали, что в новообразованных заводях появляются не молодые рыбы, только что вылупившиеся из икринок, а взрослые рыбы, пригодные для продажи; факт, хорошо известный сингальским рыбакам, которые прибегают во впадины, как только муссон приносит дождь; и они неизменно ловят в этих заводях, которые день или два назад были сухими, как пыль, множество взрослых рыб длиной в фут, восемнадцать дюймов или больше.

Таким образом, ни одна из этих гипотез не объясняет этот факт; и мы должны признать, что рыбы этих регионов обладают инстинктом зарываться в твердый ил дна при приближении сухого сезона и способностью сохранять жизнь, несомненно, в оцепенелом состоянии, до возобновления периодических дождей, как давно заметил Теофраст.[\[80\]](#)

The *Лепидосирены*, очень замечательный род животных из Африки и Южной Америки, представляют собой любопытную иллюстрацию этой способности. В целом это в высшей степени необычное существо, и оно привлекло большое внимание, потому что его организация относится к двум типам: оно, так сказать, расположено посередине между большими классами Рептилий и Рыб, признаки, которые отождествляют его с теми и другими, почти одинаково сбалансированы. Профессор Оуэн и другие выдающиеся физиологи считают его рыбой, в то время как профессор Бишофф вместе с другими столь же учеными считают его земноводной рептилией.

Однако именно повадки этого странного существа побудили меня обратить на него внимание здесь. Обитатель рек и прудов, которые вздуваются от периодических дождей и подвержены полному или частичному иссушению в результате длительных засух, он может быть оставлен отступающими водами, подвергнут палящему солнцу, под которым он вскоре погиб бы, если бы не особые условия.

У животного есть инстинкт зарываться в ил на дне при приближении засухи, проникая на глубину нескольких футов. Там он сворачивается в клубок, прижимая хвост к носу, но так, чтобы оставить носовые отверстия открытыми; и, вероятно, своими извиваниями он образует в глине полость или камеру, которая выстилается перепончатым налетом, отделяющимся от его тела. Тем временем вода испаряется, ил высыхает, запекается и трескается под палящей жарой сухого сезона, что позволяет воздуху проникать в места скопления вялых илистых рыб в достаточном количестве для их очень вялого дыхания. Здесь он бездействует пять или шесть месяцев, пока снова не наступит сезон дождей, и возвращающиеся паводки не покроют старые русла, размягчат обожженную глину, оживят заключенное в тюрьму животное и вернут ему свободу передвижения в воде.

Чтобы соответствовать этим странным условиям жизни, *лепидозирен* снабжен двойным аппаратом для дыхания: один водный, состоящий из жабр, обычно содержащихся в жаберной камере (но, по крайней мере, у одного вида, наружный), пригодный для отделения кислорода из воды, и другой воздушный, состоящий из настоящих легких, очень похожих на легкие змей, хотя явно являющихся лишь модификацией хорошо известного плавательного пузыря многих рыб, с помощью которого животное вдыхает атмосферный воздух во время периодических переохлаждений. плен.

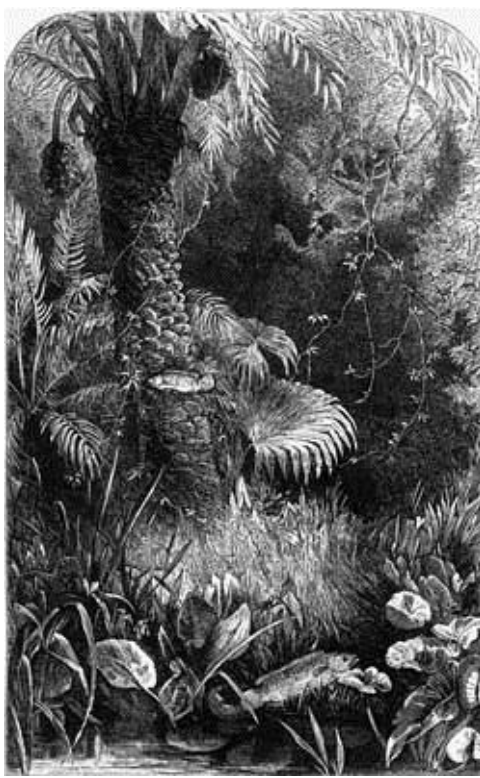
Другие виды справляются с той же чрезвычайной ситуацией по-другому. Не похоже, чтобы *лепидосирена* обладала способностью добровольно покидать воду или передвигаться по суше, несмотря на свое двойное дыхание; но некоторые рыбы тропиков, несомненно, прибегают к этому способу, чтобы избежать роковой возможности быть выжженными испарительной силой периодического сухого сезона.

Теофраст, современник Аристотеля, упоминает о рыбах, обитающих в Евфрате, которые в засушливые сезоны покидают свободные протоки и ползают по земле в поисках воды, передвигаясь с помощью плавников и хвоста.[\[81\]](#) Паллегуа приводит три вида рыб в Сиаме, которые покидают резервуары и каналы и путешествуют по траве;[\[82\]](#) а сэр Джон Боуринг утверждает, что при подъеме по реке Мейнам в Бангкок его позабавил вид рыб, покидающих ручей, скользящих по влажным берегам, пока они не исчезли среди деревьев

джунглей.[\[83\]](#) *Гидрагиры* Каролины подобным же образом покидают пересыхающие водоемы и ищут ближайший водоем по прямой, хотя и на значительном расстоянии. И сэр Р. Шомбургк сообщает нам, что некоторые виды *доры* в Гвиане имеют тот же обычай и иногда встречаются в таких количествах во время своих наземных путешествий, что негры наполняют ими корзины.[\[84\]](#)

Эти рыбы, называемые в провинции хассарами, выступают на своих костистых грудных плавниках, помогая себе продвигаться за счет упругой пружины хвоста, направленного вбок, двигаясь таким образом почти так же быстро, как может ходить человек. Прочные чешуйчатые полосы, обволакивающие тело, облегчают передвижение точно так же, как поперечные пластины (*scuta*) на брюхе змей, которые цепляются за землю, поскольку ребра выполняют функцию лап. Индейцы знают, что эти рыбы обладают способностью переносить запас воды в водоем для поддержания жабр во влажном состоянии. Говорят, что если им не удастся найти воду, они зарываются во все еще мягкую грязь и проводят сухой сезон в оцепенении, как *лепидосирены*.

Хорошо известно, что обыкновенный угорь имеет привычку путешествовать с нами; я хорошо помню свое удивление, когда однажды росистым летним вечером нашел угря на травянистом лугу, на значительном расстоянии от воды. С тех пор я видел небольшой вид *Antennarius*, быстро бегающий взад и вперед по поверхности огромных зарослей плавающих морских водорослей в Гольфстриме, с предельной легкостью передвигающийся с помощью грудных и брюшных мышц прямо из воды.



НАСЕСТ ДЛЯ ЛАЗАНИЯ.

Однако самым знаменитым примером этой способности является лазающий окунь (*Anabas scandens*) из Индии. Причуды этой маленькой рыбки были зафиксированы с древнейших времен, и многочисленные современные свидетели подтверждают ее могущество. Мистер Э. Лейярд однажды столкнулся с несколькими из них, ехавшими по раскаленной пыльной гравийной дороге под полуденным солнцем.[\[85\]](#) Дальдорф, известный датский зоолог, утверждает, что он видел, как этот вид взбирается на пальмы, совершая восхождение с помощью плавников и хвоста, с помощью своих остистых жаберных крышек. Есть, однако, некоторые сомнения, не ошибся ли он в этом, хотя факт того, что он выползал на берега и жил вне воды, общеизвестен.

На берегах Цейлона, по свидетельству его опытного историка, на скалах, омываемых прибоем, водится множество любопытных маленьких рыбок (*Salaria alticus*), которые обладают способностью шнырять по поверхности воды и взбегать по мокрым камням с предельной легкостью и быстротой. С помощью своих грудных и брюшных плавников и жаберных щитков он передвигается по влажному песку, взбирается по корням мангровых деревьев и взбирается по гладкой поверхности скал в поисках мух, придерживаясь так надежно, что его не оторвут повторяющиеся набеги волн. Эти маленькие существа настолько проворны, что схватить их почти невозможно, так как они карабкаются к краю и ныряют в море при малейшей попытке к ним приставать. Они от трех до четырех дюймов в длину и темно-коричневого цвета, почти неотличимые от камней, которые они часто встречают.[\[86\]](#)

Во всех этих случаях, вероятно, способность выдерживать длительную нехватку воды зависит от особого строения глотки, которая разделена перепончатыми пластинками на ячейки, которые рыба может по своему усмотрению заполнять водой и, выбрасывая за раз небольшие порции, увлажнять свои жабры и, таким образом, сохранять волокна этих органов в пригодном состоянии для поддержания циркуляции и насыщения крови кислородом. Эти лабиринтные водные камеры особенно многочисленны и сложны в только что упомянутом *Анабасе*. Это, однако, не имеет аналогии с легким у *лепидозирена*.

III.

РУСАЛКИ.

Согласно Беросу, из Красного моря, на побережье, прилегающем к Вавилонии, выплыло грубое существо по имени Оаннес, у которого было тело рыбы, над передними частями которой возвышалась голова человека; у него были две человеческие ноги, которые выступали с каждой стороны хвоста; у него также были человеческий голос и человеческий язык. Это странное чудовище днем обитало среди грубых людей, не принимая никакой пищи, но ночью снова уходило в море; и еще некоторое время продолжало обучать их искусствам цивилизованной жизни. Другие древние авторы, такие как Полигистор и Аполлодор, ссылаются на ту же традицию; и мы заключаем, что портрет ученого незнакомца (написанный не *с натуры*, как мы можем предположить, учитывая состояние людей, когда он появился, если только мы не можем предположить, что это была работа одного из его учеников в области изобразительного искусства под его руководством) сохранился в Вавилоне до исторического периода.

В сложной скульптуре позднего ассирийского периода, обнаруженной М. Боттой в Хорсабаде, изображена морская экспедиция, а море вокруг кораблей заполнено различными морскими животными, и среди них сложные мифические формы крылатых быков и львов-самцов, которыми восхищались ассирийцы, вместе с фигурой, состоящей из тела и хвоста рыбы, вытянутых горизонтально, и перпендикулярного туловища и передней части тела человека, увенчанного священной шапкой, возможно, представляющей традиционного Оаннеса.

Филистимскому богу Дагону и сирийской богине Атергатис поклонялись в одном и том же сочетании человеческой и рыбьей форм, а тритоны классической мифологии увековечили эту идею.

Любопытно, что почти во все века и почти во всех странах должна была преобладать вера в реальное живое существование подобных существ. Был ли мифологический символ источником убеждения? Или есть какое-нибудь морское животное, которое настолько объединяет общую форму рыбы с формой человека, что дало представление об идолу? Заслуженный выдающийся натуралист утверждал на чисто научных основаниях, что такое животное должно существовать, что законы природы абсолютно требуют такого существа; и хотя сила, которой обладают его рассуждения, будет оцениваться по-разному в зависимости от того, отвергнем мы или примем гипотезу о кругообразности великого плана природы, мы можем также посмотреть, что он может сказать о морском примате, будь то человек или обезьяна, русалка или водяной осел.

"Все же существует, - говорит м-р Суэйнсон, - еще один первичный тип, необходимый для завершения круга четвероногих животных, и это тот, который мы в другом месте определили как водный; но о таком животном у нас есть лишь смутные и неопределенные сведения. Будет видно, что во всем классе четвероногих водные типы удивительно малочисленны и вообще редки; и что они содержат меньше форм или примеров, чем любые другие, а в меньших группах часто совершенно отсутствуют. Объяснить это совершенно невозможно; мы можем только привлечь внимание к факту, примером которого является водный отряд *китообразных*, отряд *Ferae*, отряд *толстокожих*, отряд *глиров* и все остальные водные типы различных отрядов четвероногих. Мы не верим безоговорочно в существование русалок, как их описывали и изображали древние авторы — с гребнем в одной руке и зеркалом в другой; но трудно представить, что многочисленные упоминания

об уникальных морских животных, не похожих ни на одно из хорошо известных, происходят от мошенничества или грубого невежества. Многие из этих рассказов даны очевидцами фактов, за которые они ручаются, — людьми честными и неподкупными, не имеющими цели наживаться обманом и чьи рассказы были подтверждены другими свидетелями, не менее заслуживающими доверия. Можно ли предположить, что непостижимые глубины океана лишены своих *своеобразных* обитателей, чьи привычки и экономика редко, если вообще когда-либо, выводят их на поверхность водной стихии? Так же разумно, как швейцарский альпинист мог бы не верить в существование страуса, потому что он не может обитать в его альпийских пропастях, так и мы должны сомневаться в том, что в скалах и пещерах океана нет животных, предназначенных для жизни в таких ситуациях, и только в таких. Однако у *четвероруких*, несомненно, отсутствует животный тип. Каким бы ни было его точноестроение, оно должно представлять и соответствовать тюленям из круга *Ferae*, или хищных четвероногих; в то время как сходство с *симиадами*, или обезьянами, следует считать неотъемлемым признаком любого морского животного, которое должно соединить и дополнить круговой ряд типов в *Quadrumana*."

Мистер Суэйнсон абсолютно исключает Человека из зоологического круга на основаниях, которые немногие натуралисты склонны считать достаточными; в противном случае мы могли бы предположить, что сам человек относится к типу *приматов*, ведущих жизнь от природы. Взяв для нашего руководства подборку этого автора^[87] из символов, обозначающих нататорные типы животных, мы обнаруживаем, что самый большой размер, самые маленькие передние конечности, самая тупая морда, самый плотоядный аппетит и самые натурные привычки (ибо я не знаю, чтобы обезьяны, сападжо, лемуры или летучие мыши когда-либо добровольно ныряли в воду, тогда как дикий Человек всегда отличный пловец) , принадлежат Человеку, и поэтому, *Свейнсонипо ipso judice*, составляют его как истинного водного примата. Но если это так, то нам не нужен водяной или русалочий осел; более того, мы не знали бы, куда включить его в зоологический кружок, если бы мы его нашли; он был бы неуклюжим *de trop*.

Но все же у природы *есть* неуклюжий способ насмехаться над нашими невозможностями; и *может быть*, что зеленоволосые девы с хвостами, похожими на весла, прячутся в океанских пещерах и хранят зеркала и расчески на своих скалистых полках. Конечно, вера в них очень широко распространена и иногда приходит к нам из тех мест, где нам вряд ли следовало бы ее искать . Негр из Донголы заверил принца Пуклера Мускау, что в стране Сеннаар, без сомнения, все еще существуют сирены (русалки), поскольку он сам видел не одну.^[88]

В детстве я хорошо помню, как был очень взволнован прибытием в наш город во время ярмарки "представления", на котором якобы была представлена русалка, чей портрет на холсте, висевшем снаружи, излучал женственную красоту и рыбью чешую. Я с нежностью ожидал увидеть внутри ту самую двойницу, насколько расположенную, я не осмеливался себе представить, но живую и очаровательную, конечно. Разве я не видел ее фотографию? Я с радостью заплатил свои медяки, но о! прискорбное разочарование! Я смутно различил в пыльной стеклянной витрине, в темном углу, сморщенное и почерневшее маленькое существо, которое, насколько я мог разглядеть, могло быть вылеплено из грязи, но на котором была надпись: "РУСАЛКА!" Так велико было мое отвращение, так горьки были мои чувства стыда и гнева из-за того, что меня так грубо обманули, что я не потрудился заметить, что в этом могло бы быть примечательного. Впоследствии я прочитал, что это был очень хитроумный обман; туловище и голова обезьяны были привиты к телу и хвосту крупной рыбы, похожей на лосося, и соединение было произведено так искусно, что только

при очень внимательном рассмотрении обнаружилась хитрость. Утверждалось, что он был привезен из Китая, но, возможно, был завезен даже туда, если Штайнмец прав. Согласно этому автору, "Японский рыбак ухитрился соединить верхнюю половину обезьяны с нижней половиной рыбы так аккуратно, что не поддавался обычному осмотру. Затем он рассказал, что поймал существо живым в свою сеть, но что оно умерло вскоре после того, как его вытащили из воды; и он извлек значительную денежную выгоду из своей хитрости несколькими способами. Демонстрация морского чудовища японскому любопытству принесла свои плоды; но еще более продуктивным было утверждение, что рыба-получеловек, произнесшая речь за те несколько минут, пока существовала вне своей естественной стихии, предсказала определенное количество лет удивительной плодовитости и смертельную эпидемию, единственным лекарством от которой будет обладание подобием морского пророка. Продажи этих изображенных русалок были огромными. Либо это сложное животное, либо другое, порождение успеха первого, было продано на голландской фабрике и отправлено в Батавию, где оно попало в руки спекулянта-американца, который привез его в Европу и здесь, в 1822-183 годах, выставял свое приобретение в виде настоящей русалки во всех столицах, к восхищению невежд, недоумению ученых и наполнению своего собственного кошелька. Действительно, все русалки, выставленные в Европе и Америке, к большой выгоде предприимчивых шоуменов, были японского производства".^[89]

Это, однако, не объясняет частых сообщений о том, что были замечены живые существа, и неверующим приходится выдвигать какую-то другую гипотезу. Предполагалось, что оригиналами этих историй являются обитающие в тропических морях коровьи киты, неотесанные морские *толстокожие*. Мегасфен сообщил, что в море, омывавшем Тапробане, современный Цейлон, обитало существо, имеющее внешность женщины; а Элиан дополняет рассказ, утверждая, что существуют киты, имеющие форму сатиров. Это правда, что ламантин и дюгонь скорее морские свиньи, чем морские девы; но в круглой голове есть что-то такое, что может напомнить изумленному наблюдателю о божественном человеческом облике. Сэр Эмерсон Теннент считает, что этот грубый подход к человеческим очертаниям и поза матери, когда она кормит грудью своего детеныша, прижимая его к груди одной лапой, во время плавания другой, держа обе головы перпендикулярно над водой, а затем, когда ее потревожат, внезапно ныряет и показывает свой широкий, похожий на плавник хвост, - все это, вместе с ее обычными проявлениями сильной материнской привязанности, вероятно, было оригиналом, с которого были изображены изображения русалки, и, таким образом, самое раннее изобретение мифической физиологии можно отнести к арабским морякам и древнекитайцам. Греки, наблюдавшие за передвижениями дюгоней в Красном море и Индийском океане.

Первые португальские поселенцы в Индии не сомневались, что в этих морях водятся настоящие водяные; и "летопись подвигов иезуитов" повествует, что семь из этих чудовищ, мужского и женского пола, были пойманы в Манааре в 1560 году и доставлены в Гоа, где они были препарированы Демасом Боскесом, врачом вице-короля, и "их внутреннее строение оказалось во всех отношениях соответствующим человеческому". Принимая во внимание весьма ограниченное знакомство, которое почтенный врач, вероятно, имел с анатомией человека при фактическом вскрытии, это утверждение мало что значит: реальное сходство, если предположить, что это были дюгоны, было примерно таким же, как у свиньи, внутренности которой, по распространенному мнению наших соотечественников, очень близки к внутренностям "христиан".

Сэр Э. Теннент украсил свою книгу очень трогательным портретом русалки по гипотезе Дюгоня; на нем изображены две самки, каждая с младенцем на руках (правильно ли говорить *merbaby*?), выходящие из морской волны; они, конечно, выглядят достаточно по-человечески, но хорошо известная монограмма нашего умного друга Вольфа в углу кадра наводит на серьезные сомнения в том, что портреты были написаны не "до смерти".

Возможно, именно среди скандинавских народов вера в водяного достигла своей кульминации. О способе и условиях жизни этих подводных существ рассказывается так много подробностей, что, по-видимому, между наземными и водными народами существовали самые тесные отношения. Согласно вероучению скандинавов, далеко под океанскими глубинами существует атмосфера, приспособленная для дыхания существ, напоминающих по форме человеческую расу, наделенных непревзойденной красотой, ограниченными сверхъестественными способностями, но подверженных страданиям и даже смерти. Их жилище находится в обширном регионе, расположенном далеко под дном моря, которое образует над ними навес, подобный небу над нами, и там они обитают в домах, построенных из жемчужин и кораллов, произрастающих в океане. Имея легкие, не приспособленные к водной среде, но сформированные для вдыхания атмосферного воздуха, для них было бы невозможно проходить через объем воды, отделяющий наш мир от их собственного, если бы они не обладали способностью проникать в кожу какого-нибудь морского животного, способности которого они таким образом временно приобретают, или изменять свою собственную форму и строение так, чтобы соответствовать изменившимся условиям, через которые им предстоит путешествовать. Самая обычная форма, которую они принимают, - это, как всем известно, форма человека (то есть их собственная правильная форма) от талии и выше, но ниже рыбы. Дышат ли они теперь жабрами или легкими, анатомы, по-видимому, еще не определили; мы должны исходить из первого варианта, поскольку в противном случае неясно, чего они добились благодаря своей рыбьей метаморфозе хвоста; хотя мы немного затрудняемся представить, где находятся жабры. Это, однако, вопросы, которые, несомненно, однажды определит научный мир: кажется несомненным, что таким образом они действительно приобретают земноводную природу, чтобы не только существовать под водой, но и высаживаться на берегах нашего солнечного мира, где они часто сбрасывают свою рыбу половину, принимают надлежащий человеческий облик и проходят проверку, продолжая здесь свои исследования.[\[90\]](#)

К сожалению, ни один отдельный моряк или горничная никогда не сможет воспользоваться ни одним из этих ресурсов, и ни один "сын или дочь океана" не может одолжить более одного морского костюма такого рода для своего личного использования; поэтому, если одежда затеряется на берегу, он никогда не сможет вернуться к своей подводной стране и друзьям. Один шетландец, однажды найдя на берегу пустую тюленью шкуру, забрал ее домой и хранил у себя. Вскоре после этого он встретил самое прекрасное существо, когда-либо ступавшее на землю, которое в отчаянии заламывало руки и громко причитало, что, потеряв свой морской костюм, она должна навсегда остаться на земле. Шетландец, влюбившись с первого взгляда, ни словом не обмолвился о том, что нашел это драгоценное сокровище, но сделал свои предложения и предложил взять ее, хорошо это или плохо, в качестве своей будущей жены! Мерледи, хотя и не была, как мы знаем, светской женщиной, очень благоразумно приняла это предложение! Я никогда не слышал, что это были за поселения, но несколько лет они жили очень счастливо, пока однажды зеленоволосая невеста неожиданно не обнаружила свою давно потерянную тюленью шкуру и, мгновенно надев ее, поспешно попрощалась со всеми и побежала к берегу. Ее муж бросился за ней вдогонку, но тщетно! Она перепрыгивала с мыса на мыс и со скалы на скалу,

пока, наконец, не бросилась в океан и не исчезла навсегда, оставив достойного человека, своего мужа, совершенно потрясенного планетой и безутешного на берегу!"^[91]

На скалистых утесах наших северных островов также нет недостатка в подходящих жилищах для этих морских королей и королев. Талантливое перо сэра Вальтера Скотта зарисовало одно из них, основываясь на его собственном наблюдении: "Воображение едва ли может представить себе что-либо более прекрасное, чем необычный грот, обнаруженный не так давно в поместье Александра Макалистера, эсквайра из Стратхэрда [на Скай]. Первый вход в эту знаменитую пещеру груб и бесперспективен: но свет факелов, которыми нас снабдили, вскоре отразился от крыши, пола и стен, которые, казалось, были облицованы мрамором, частично гладким, частично шероховатым от матовой обработки и деревенского орнамента, а частично, казалось, были выполнены в виде скульптур. Дно образует крутой и трудный подъем, и его можно было бы причудливо сравнить с водной гладью, которая, в то время как она неслась, белея и пенясь, вниз по склону, была внезапно остановлена и укреплена чарами чародея. Достигнув вершины этого подъема, пещера переходит в великолепную галерею, украшенную самыми ослепительными кристаллами, и, наконец, быстро спускается к краю бассейна с самой прозрачной водой, шириной около четырех или пяти ярдов. За этим бассейном открывается порталная арка, образованная двумя колоннами из белого шпата с красивой чеканкой по бокам, которая обещает продолжение пещеры. Один из наших матросов переплыл на ту сторону, поскольку другого способа проплыть не было, и сообщил нам (в чем мы действительно частично убедились при свете фонаря, который он нес), что волшебство пещеры Макалистера заканчивается этим порталом, немного дальше которого была только грубая пещера, быстро заваленная камнями и землей. Но бассейн, на краю которого мы стояли, окруженный самой причудливой лепниной из материала, напоминающего белый мрамор, и отличающийся глубиной и чистотой своих вод, мог бы быть гротом для купания наяды. Группы комбинированных выступающих фигур, которыми окружен бассейн, отличаются изысканностью и причудливостью. Скульптура могла бы уловить прекрасные намеки в необычном и романтическом расположении этих сталактитов. Едва ли найдется форма или группа, на которой активное воображение не могло бы начертать фигуры или гротескные орнаменты, постепенно сформировавшиеся в этой пещере в результате выпадения известковой воды, затвердевающей до окаменения. Многие из этих прекрасных групп пострадали от бессмысленной ярости недавних туристов, жаждущих присвоения; и грот, как мне сообщили, утратил из-за дыма факелов что-то от того яркого серебристого оттенка, который первоначально был одним из его главных отличий. Но осталось достаточно прекрасного, чтобы компенсировать все, что может быть утрачено".^[92]

Но эти рассказы - *выдумки* натуралиста. Еще раз: Есть ли какая-то доля правды, лежащая в основе этих фантазий? или их следует без колебаний отбросить в область басен? Конечно, если бы не было двух или трех повествований, которые имеют вид правдивости и достоверности, в какой-то степени подтверждающих веру, я бы не заметил этого здесь.

Как проста и обстоятельна эта история, рассказанная старым Хадсоном, знаменитым мореплавателем! человек, чье повествование более чем обычно сухо и лишено всего, что напоминает не только воображение, но даже образный аспект обычных обстоятельств. 15 июня, когда в лат. 75 °, пытаясь прорваться к полюсу близ Новой Земли, он описывает следующий инцидент: "Этим утродин из нашей компании, выглянув за борт, увидел русалку; и, позвав кого-то из компании посмотреть на нее, вынырнула еще одна, и к тому времени она подошла вплотную к борту корабля, пристально глядя на мужчин. Немного погодя нахлынуло море и опрокинуло ее. От пупка и выше ее спина и груди были как у

женщины, как говорят те, кто ее видел; ее тело было размером с одного из нас; ее кожа была очень белой; а сзади свисали длинные волосы черного цвета. Когда она спускалась вниз, они увидели ее хвост, похожий на хвост морской свиньи и пестрый, как у макрели. Тех, кто ее видел, звали Томас Хиллз и Роберт Рейнер.[\[93\]](#)

Какое бы объяснение этого явления ни пытались найти, обычные средства, такие как тюлень или морж, здесь бессильны. Тюлени и моржи, должно быть, были так же знакомы этим полярным мореплавателям, как коровы доярке. Если только вся эта история не была согласованной ложью двух мужчин, бессмысленной и беспредметной, — а достойный старый мореплаватель, несомненно, знал характер своих людей, — они, должно быть, увидели в черноволосом, белокожем существе какую-то форму существа, пока еще не опознанную.

Стеллер, известный зоолог, изучавший естественную историю сибирских морей, сообщает, что видел близ Берингова пролива странное животное, которое он называет морской обезьяной. "Оно было около пяти футов в длину, с головой, как у собаки; уши острые и стоячие, а глаза большие; на обеих губах у него было что-то вроде бороды; форма тела была толстой и округлой, но сужающейся к хвосту, который был раздвоенным, с самой длинной верхней долей; тело было покрыто густой шерстью, серой на спине и рыжей на брюхе. Стеллер не смог обнаружить ни ступней, ни лап. Он был полон резвости и резвился на манер обезьяны, плавая то с одной, то с другой стороны корабля и глядя на него с видимым удивлением. Он подходил так близко к кораблю, что до него можно было дотронуться шестом; но если кто-нибудь шевелился, он немедленно удалялся. Он часто поднимал одну треть своего тела над водой и довольно долго стоял вертикально; затем внезапно нырял под корабль и появлялся в той же позе с другой стороны; это он повторял тридцать раз подряд. Он часто поднимал морское растение, похожее на бутылочную тыкву, которую подбрасывал и снова ловил ртом, разыгрывая с ней бесчисленные фантастические трюки".

В этом описании нет ничего, что исключало бы его из общепризнанной зоологической классификации. Весьма вероятно, что это был представитель племени тюленей, но вида, возможно, рода, еще не идентифицированного. Все аналогии наводят на мысль, что передние лапы должны были присутствовать у животного с собачьей головой и покрыты шерстью; но они, возможно, были маленькими, — даже меньше, чем у других *фокад*, и, возможно, были настолько скрыты длинной шерстью или так плотно прижаты к телу, что их не было видно. Единственная другая трудность связана с задней конечностью. Стеллер описывает это в терминах, которые подразумевают наличие настоящего рыбьего хвоста, расширенного в направлении, вертикальном плоскости тела, и той своеобразной формы, называемой *гетероцеркальной*, которая отличает семейства хрящевых рыб, Акул и скатов. Но животное, несомненно, было Млекопитающим; и поэтому мы можем почти с уверенностью предположить, что если бы тело заканчивалось естественным расширением, то это было бы, как у китов и ламантинов, горизонтальным расширением, а не вертикальным. Но если странное существо действительно принадлежало, как я заключаю, к типу фокинов, нам остается только предположить, что хвост, который у представителей этого семейства обычно очень мал, был настолько сильно развит, что превышал соединенные задние лапы, которые, возможно, были маленькими, и внешний вид, замеченный на мгновение и при движении волн, вполне мог показаться хвостом гетероцерка.

Капитан Уэдделл, хорошо известный своими географическими открытиями на крайнем юге земного шара, рассказывает следующую историю: "Команда лодки работала на острове Холл, когда один из членов команды, оставленный позаботиться о каких-то продуктах, увидел животное, голос которого был даже музыкальным. Моряк лег и около десяти часов слышал шум, напоминающий человеческие крики; и поскольку дневной свет в этих широтах никогда не исчезает в это время года, он встал и огляделся; но, никого не увидев, вернулся в постель; вскоре он снова слышал шум; поднялся во второй раз, но по-прежнему ничего не увидел. Предположив, однако, что лодка может перевернуться и кто-то из команды, возможно, цепляется за отдельные камни, он прошел несколько шагов по пляжу и слышал шум более отчетливо, но в музыкальном ключе. Осмотревшись, он увидел какой-то предмет, лежащий на скале в дюжине ярдов от берега, который его несколько напугал. Лицо и плечи имели человеческую форму и были красноватого цвета; на плечи свисали длинные зеленые волосы; хвост напоминал тюлений, но конечностей рук он отчетливо разглядеть не мог. Существо продолжало издавать музыкальные звуки, пока он смотрел около двух минут, и, заметив его, исчезло в одно мгновение. Сразу же, как только этот человек увидел своего офицера, он рассказал эту дикую историю и, чтобы придать вес своим показаниям (будучи католиком), начертил на песке крест, который поцеловал, как бы давая клятву в правдивости своего заявления. Когда я увидел его, он рассказал свою историю в такой ясной и позитивной манере, поклявшись в ее правдивости, что я пришел к выводу, что он, должно быть, действительно видел животное, которое описал, или что это, должно быть, было плодом расстроенного воображения".[\[94\]](#)

The *Зеленые* волосы в этом описании - самый подозрительный элемент; они настолько точно приписываются поэтическим русалкам и настолько беспрецедентны во всей известной зоологии, что, боюсь, если их понимать буквально, это осудит повествование. Но среди антарктических тюленей встречается как золотисто-желтый, так и черный мех; и если бы волосы этих двух цветов были смешаны примерно в равной степени, результат был бы оливково-зеленым, как мы видим у некоторых обезьян; и тогда, несомненно, следует сделать некоторую скидку на воображение человека, мало привыкшего к точному наблюдению и к тому же "несколько напуганного". Я бы сказал, без особых колебаний, что это существо принадлежало к семейству тюленей, только повседневные привычки моряка привели его к наиболее близкому контакту с различными видами тюленей; и, если бы рассматриваемое животное заметно не отличалось от тех, с которыми он был знаком, он не был бы так поражен этим явлением. В таких историях виды существ, знакомых рассказчику, и степень удивления, вызванного в его сознании незнакомцем, всегда должны быть тщательно оценены как важные элементы в формировании нашего суждения.

Чтобы быть ближе к дому, Понтоппидан фиксирует появление водяного, которое было подтверждено под присягой наблюдателями: "Примерно в миле от побережья Дании, недалеко от Ландскроны, трое моряков, заметив что-то похожее на плавающее в воде мертвое тело, поплыли к нему. Когда они подошли на расстояние семи или восьми морских саженей, оно все еще казалось таким же, как вначале, потому что не шелохнулось; но в это мгновение оно погрузилось и почти сразу же всплыло на том же месте. После этого, охваченные страхом, они затихли, а затем пустили лодку по течению, чтобы лучше рассмотреть чудовище, которое с помощью течения подплывало к ним все ближе и ближе. Он повернул лицо и уставился на них, что дало им хорошую возможность рассмотреть его поближе. Он стоял на том же месте семь или восемь минут, и его было видно над водой по грудь. Наконец они забеспокоились о какой-то опасности и начали удаляться; на что чудовище надуло щеки и издало нечто вроде мычания, а затем скрылось из виду. Что

касается его внешности, они заявляют в своих письменных показаниях под присягой, которые регулярно снимались и записывались, что он выглядел как старик, с сильными конечностями, широкими плечами, но его рук они не могли видеть. Его голова была маленькой по сравнению с телом, и у него были короткие вьющиеся черные волосы, которые не доходили ниже ушей; его глаза сидели глубоко на голове, и у него было худое лицо с черной бородой; тело этого водяного было довольно заостренным, как у рыбы".^[95]

Но самая замечательная история, о которой я знаю за последнее время, - это история, приведенная доктором Робертом Гамильтоном в его "Искусной истории китов и тюленей" в *Библиотеке натуралиста*, он сам ручается за ее общую правдивость, основываясь на личном знакомстве с некоторыми участниками: "Сообщалось, что рыбацкое судно у острова Йелл, одного из островов группы Шетландских островов, поймало русалку, запутавшуюся в лесках!! Утверждается, что животное было около трех футов длиной, верхняя часть тела напоминала человеческую, с выпуклой грудью, как у женщины; лицо, лоб и шея были короткими и напоминали обезьяны; маленькие руки были сложены на груди; пальцы были отчетливыми, без перепонки; на макушке головы было несколько жестких длинных щетинок, спускавшихся до плеч, и их оно могло выпрямлять и сжимать по своему желанию, что-то вроде гребня. Нижняя часть тела была похожа на рыбу. Кожа была гладкой и серого цвета. Он не оказывал сопротивления и не пытался укусить, но издавал низкий жалобный звук. Команда, состоящая из шести человек, взяла его в свою лодку, но суеверие взяло верх над любопытством, они осторожно освободили его от веревок и крючка, который случайно зацепился за его корпус, и вернули его в родную стихию. Он мгновенно нырнул, снижаясь в перпендикулярном направлении.

"После написания вышесказанного (как нам сообщили) рассказчик побеседовал со шкипером судна и одним из членов экипажа, от которых он узнал следующие дополнительные подробности. Они продержали животное в лодке три часа; тело было без чешуи и шерсти; сверху было серебристо-серого, а снизу белого цвета, как кожа человека; не наблюдалось ни жабр, ни плавников на спине или брюхе. Хвост был похож на хвост рыбы-дога; грудь была примерно такой же величины, как у женщины; рот и губки были очень отчетливыми и напоминали человеческие.

"Это сообщение было от мистера Эдмонстона, хорошо известного и умного наблюдателя, выдающемуся профессору естественной истории Эдинбургского университета, и мистер Э. добавляет несколько размышлений, которые настолько уместны, что мы воспользуемся ими сами. Никто не сомневается в том, что было поймано очень необычное животное. Однажды его видели и держали в руках шестеро мужчин, и в течение некоторого времени ни один из них не сомневался, что это русалка. Если предположить, что их страхи усиливали его предполагаемое сходство с человеческим обликом, то, во всяком случае, следует признать, что для возбуждения этих страхов были какие-то основания. Но подобные опасения, вероятно, не оправдались, потому что русалка не является объектом ужаса для рыбака; это скорее желанная гостья, и опасность следует опасаться только из-за того, что с ней плохо обращаются. Обычные средства скептицизма, утверждающие, что тюлени и другие морские животные, появляясь при определенных обстоятельствах, воздействуют на возбужденное воображение и таким образом создают зрительную иллюзию, здесь не могут помочь. Совершенно невозможно, чтобы при сложившихся обстоятельствах шесть шетландских рыбаков могли совершить такую ошибку".^[96]

Несомненно, в этом рассказе есть многое, что заметно отличает его от всех других утверждений, с которыми его можно сравнить, за исключением высказывания матросов

Гудзона, с которым оно хорошо совпадает. Выпуклые молочные железы, напоминающие женские; человеческое или, по крайней мере, обезьянье лицо, лоб и шея, и особенно рот и губки; отчетливые пальцы без перепонки; стоячий гребень щетины; характер поверхности — без чешуи или волос; цвет; и хвост, как у рыбы; — все это очень примечательные моменты; и если мы не придем к выводу, что вся история - ложь, просто неприкрытая мистификация, — необходимо указывать на существо, о котором научная зоология абсолютно ничего не знает.

Примечательно, что и здесь говорится, что хвост был рыбий и гетероцеркальный, "как у рыбы-дога", в то время как голая кожа и цвет — серебристо—серый сверху и белый снизу - хорошо согласуются с характеристиками, общими для более мелких *убогих*.

Жаль, что подобный отчет, подтвержденный шестью свидетелями, не был тщательно проанализирован. Я не сомневаюсь, что, если бы человек, сносно знакомый с зоологией и привыкший к перекрестному допросу, допросил этих шестерых очевидцев *по отдельности*, сделав подробные записи того, что, по воспоминаниям каждого, он наблюдал, а затем проверил показания всех остальных, была бы накоплена масса свидетельских показаний, которые в одно мгновение убедили бы любого непредвзятого исследователя, какая доля правды содержится в этой истории. Пункты, в которых все шесть или даже три или четыре совпадали, могли бы без колебаний быть записаны как правильные: наводящие на размышления вопросы (не предполагающие, однако, вида ответа), такие как "Было ли существо таким-то или то-то и то-то?", не могли бы получить одинаковый ответ от всех свидетелей, не заслужив доверия: даже пункты, по которым они разошлись бы, сами по себе могли бы оказаться поучительными для разумного исследователя. Я не знаю, прибегали ли к каким-либо подобным мерам предосторожности в данном случае, и история должна остаться такой, какой мы ее получили; но я делаю эти наблюдения с целью показать, что в случае любого подобного происшествия преимущество *отдельного* расследования в установлении истины. Анализируя все свидетельства, я не считаю, что эта отдельная история является достаточным основанием для веры в существование русалок; но, взятая в сочетании с другими утверждениями, она вызывает сильное подозрение, что в северных морях могут существовать формы жизни, еще не зарегистрированные наукой.

IV.

САМОЗАМУРОВАВШИЙСЯ.

Отворачиваясь от известных существ, само существование которых вызывает сомнения, давайте рассмотрим одно или два хорошо известных и невзрачных существа, к которым питается определенная степень романтического интереса, поскольку распространенная вера приписывает им условия жизни, которые общий вердикт науки отрицает.

Одним из самых замечательных примеров в этой категории *дубитанды* является часто повторяющийся случай с жабами и подобными животными, которых находили заключенными в твердой древесине живых деревьев или даже в каменных блоках, без заметного сообщения с внешним воздухом или, по крайней мере, без отверстия, через которое они могли бы проникнуть в свою тюрьму, но, во всех случаях, живыми. Никто, знакомый с физиологией животных, не может отрицать, что непреодолимые трудности *априори* стоят на пути нашей веры в такие условия; ибо, как замечает м—р Белл, верить, что Жаба, заключенная в массу глины или другого подобного вещества, будет существовать совершенно без воздуха или пищи в течение сотен лет и, наконец, будет освобождена живой и способной ползать при разрушении матрицы, которая теперь превратилась в твердый камень, — это, безусловно, требование к нашей доверчивости, на которое мало кто будет готов ответить.

Однако, в конце концов, это вопрос, который не должен решаться *априори*: он должен основываться на доказательствах. Возможно, и здесь факт более странный, чем вымысел; и мы не должны закрывать глаза и уши на параллельные достоверные свидетельства, если они случайно свидетельствуют о фактах, которые мы не можем объяснить. Истина непременно настигнет нас, даже если мы, подобно страусам, засовываем голову в куст и утверждаем, что не можем ее видеть.

Ученый историк британских рептилий высказывается по этому поводу со свойственной ему прямоотой. Он признает, что многочисленные одновременные утверждения заслуживающих доверия лиц, которые заявляют, что были свидетелями освобождения заключенных в тюрьму жаб, запрещают нам поспешно отказываться от нашего согласия или, по крайней мере, отрицать возможность такого обстоятельства; в то время как он требует более точных и осторожных доказательств, подтверждающих нашу безоговорочную веру в эти утверждаемые факты. [\[97\]](#)

Обычный способ объяснения этих явлений, предполагающий, что они были описаны добросовестно, заключается в том, что животное "упало в дупло, где работали люди, и было подобрано ими, не зная, каким образом оно туда попало", или что "оно, возможно, пряталось в дупле дерева осенью и зимой, а с приходом весны оказалось настолько запертым в своем укрытии, что не смогло сбежать". Это последнее предположение было бы более заслуживающим внимания, если бы зимний сезон был периодом, в который в нашем климате в живую древесину периодически вносятся дополнения, чтобы сузить вход, или когда у жаб происходило увеличение массы тела, чтобы помешать им выбраться оттуда, куда они попали; но, к сожалению, верно обратное обоим предположениям. Что касается первого предположения, то, хотя оно, возможно, может послужить поводом для опровержения некоторых опубликованных заявлений, есть и другие, объяснять которые таким образом было бы абсурдно.

Верный своим принципам никогда не закрывать дверь для исследования любого предмета естественной истории, *Зоолог* в течение восемнадцати лет своего существования был средством сбора и сохранения фактов, имеющих отношение к этому вопросу. Страницы этого периодического издания представляют собой бесценный клад для философа-натуралиста, который хочет заниматься своей наукой, не останавливаемый насмешками сциологизма или неодобрением авторитетов. Давайте же поищем в его сокровищницах истории разной степени достоверности, о которых редактор мудро предоставляет своим читателям судить самим.

В мае 1844 года преподобный Дж. Пембертон Бартлетт из Кингстона в графстве Кент, опытный натуралист, упоминает следующий факт, который только что стал достоянием его собственного внимания: "Всего несколько недель назад, срубая здесь ель, рабочий обнаружил полностью засевшую в центре Жабу, которая, несомненно, находилась там несколько лет, поскольку дерево полностью разрослось над ней; должно быть, она поддерживала жизнь, впитывая влагу дерева. Он не был в полностью оцепенелом состоянии, и после нескольких часов пребывания на воздухе, он ползал в истинно жабьим стиле. Возраст дерева, на котором оно было найдено, был, насколько я мог судить по количеству кругов, около двадцати пяти лет.[\[98\]](#)

В ответ на вопрос, видел ли он сам Жабу и считал ли деревянные кольца, мистер Бартлетт одаривает меня следующей запиской:

"ПАСТОРСКИЙ ДОМ В ЭКСБЕРИ, БЛИЗ САУТГЕМПТОНА,
22 февраля 1861 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР, — ... Я вполне верю, что жабы действительно живут в камне, но мне было очень трудно получить факты от очевидцев. Я видел вросшую в ель жабу, упомянутую мной в "*Зоологе*", и, как там сказано, сосчитал кольца на дереве. Я полагаю, что это была обыкновенная жаба; но она выглядела несколько более дряблой и не такой круглой в своих пропорциях, как обычно бывает у жаб; фактически, вместо того, чтобы быть "раздутой", как это обычно бывает, она была значительно *опущена во рту* из-за тесного заточения! Полость, в которой он был закреплен, по-видимому, изначально представляла собой трещину в стволе дерева; то ли вызванную гниением, то ли сделанную поползнем или какой-то другой птицей, я не могу сказать. Рана, по-видимому, зажила, так как кора, по-видимому, закрыла ее. Теперь возникает вопрос, была ли Жаба *молодой*, когда попала в дупло? и выросла ли она после того, как стала пленницей? Или это были годы благоразумия, когда оно сделало тот злополучный шаг, или, скорее, заползло в пещеру, где ему так долго предстояло быть заключенным? И *почему* он оставался там так спокойно, в то время как кора постепенно покрывала его тюрьму? Ответ, который я должен был бы дать на первый из этих вопросов, заключался бы в том, что, вероятно, оно достигло состояния *жабьего* облика, когда укрылось на дереве, и *после этого не* росло. Моя теория, почему она оставалась там так тихо, заключается в следующем: вероятно, она какое-то время привыкала днем укрываться в этой норе, откуда отправлялась на свои ночные прогулки и, вероятно, "не возвращалась домой до утра"; что в какой-то момент, "когда наступал рассвет", она возвращалась в свое обычное логово и там сидела на корточках, моргая и отдуваясь после своих ночных подвигов, как это обычно делают жабы; что в тот злополучный день несколько срубленных деревьев были сложены у еловой рощи. дерево, на котором находилось его жилище, и что дерево или деревья оставались там до тех пор, пока кора не сомкнулась, чтобы предотвратить его побег. Что делает эту идею более вероятной,

так это то, что место, где росла ель, вероятно, в течение многих лет использовалось как место для хранения срубленной древесины, как оно использовалось для этой цели в то время, когда я увидел Жабу.

"После обнаружения этой Жабы на ели я провел несколько экспериментов с жабами, закапывая их в плотно закрытые цветочные горшки на глубину почти трех футов. Я очень сожалею, что не могу найти своих заметок по этому предмету, но я прекрасно помню основные факты одного из них. Жабу поместили в цветочный горшок, перевернули над ней другой и хорошо зацементировали вместе — два отверстия в обоих горшках также были плотно зацементированы. Он был зарыт на глубину от двух до трех футов в саду. По прошествии трех месяцев я поднял Жабу, взвесил ее и обнаружил, что она совсем немного потеряла в весе. Это я проделал снова по прошествии еще трех месяцев; тогда он был довольно оживлен и снова почти не похудел. Я поставил его на место, как и раньше, и, подняв в третий раз, обнаружил, что горшки, вероятно, из-за того, что цемент не был сухим при закапывании, соскользнули с одной стороны, и влага попала внутрь, и, следовательно, бедная Жаба была мертва, так же как и похоронена! Теперь, конечно, если Жаба могла прожить *шесть месяцев hermetically sealed*, в цветочном горшке, без воздуха и пищи - почему бы не прожить гораздо дольше?...—Поверьте мне, искренне ваш,

- Дж. ПЕМБЕРТОН БАРТЛЕТТ.

Преподобный У. Дж. Бри из Аллсли, также превосходный зоолог, ссылаясь на некоторые вопросы мистера Э. Ньюмана, сообщил следующие факты: "Я совершенно согласен с вами, что утверждения о жабах, найденных в твердом камне, в основном очень неудовлетворительны. Один пример такого рода я видел, как кратко указано, *Mag. Nat. Hist.*, ix. 316. Жаба казалась мне ни больше, ни меньше, чем наш обычный вид, хотя я, конечно, не исследовал ее с научной точки зрения. Камень был новым для геологов красным песчаником и, как мне сказали, был поднят на несколько ярдов ниже поверхности. Я понял, что Жаба и две части камня, в которых она была найдена, были переданы на хранение в какой-то медицинский музей в Бирмингеме. Животное не было бы обнаружено, если бы не несчастный случай: рабочие увозили камень, и глыба с Жабой случайно оказалась поверх большого груза и случайно упала с тележки на землю и, разбившись при падении, извлекла на свет заключенную в клетку рептилию, которая, как я заключаю, была несколько повреждена при падении, поскольку на одной стороне головы была свежая рана, и, похоже, она была слепа на один глаз. Как мне сообщили, Жаба умерла на второй день после того, как ее обнаружили, частично, по всей вероятности, из-за травмы. Когда я говорю, что каменный блок был *цельным*, это утверждение требует некоторого уточнения: две части камня подогнаны друг к другу точно и довольно плотно, за исключением того места, где была полость, в которой лежала Жаба; но в этой полости, очевидно, был изъём с одной стороны к краю и изменение цвета вещества песчаника, так что, хотя две части подогнаны друг к другу, они, возможно, были соединены (с одной стороны полости) не очень прочно. Это обстоятельство, возможно, может умалять ценность примера; тем не менее, необъяснимо, как животное могло оказаться в том положении, в котором оно было найдено: я думаю, немыслимо, чтобы оно находилось там с момента первого образования скалы, и, безусловно, не существовало средств, с помощью которых оно могло проникнуть в скалу в ее нынешнем состоянии, даже если допустить (что мы знаем как факт), что жабы обладают способностью входить в очень маленькое отверстие и выходить из него".

Автор следующего сообщения, подписанного "Э. Пикок", мне неизвестен; и не ясно, говорит ли он на основе личных наблюдений или нет. Он говорит: "Несколько дней назад двое рабочих, занятых на каменоломне в Фродингеме, недалеко от Бригга, Линкольншир, нашли на глубине пяти футов под поверхностью земли, между двумя каменными блоками (lias), живую жабу: щель между камнями была заполнена желтой глиной, и не было ни малейшего отверстия, через которое что-либо могло бы пройти".[\[99\]](#)

Даже из далекой Индии мы получаем сообщения о том же явлении. Корреспондент из Серампура передает зоологу следующее: "В прошлую среду, 7 февраля 1849 г., срезав ветку дерева, по-видимому, тамариндовой породы, я нашел Жабу в центре леса, совершенно лишенную света и воздуха. Внешность животного была довольно необычной. Тело казалось наполненным воздухом, а кожа мягкой и одутловатой, светло-желтоватого цвета, за исключением кончиков ступней, которые были твердыми и темными. Существо, оказавшееся на воздухе, казалось довольно неуютным и втягивало голову, совсем как встревоженная черепаха. Его бросили в резервуар, когда вода вокруг, на расстоянии примерно фута с каждой стороны, стала совершенно белой, как молоко. Он немедленно выпрыгнул из воды, очевидно, ему не понравился холод. У меня не было возможности понаблюдать за ним дальше, о чем я сожалею, так как животное спряталось в высокой траве сбоку от резервуара и, таким образом, потерялось. Общее предположение относительно способа, с помощью которого животные оказываются запертыми в деревьях, заключается в том, что они находят убежище в дупле дерева, когда очень молоды, и рост дерева заполняет дупло и, таким образом, заключает животное в тюрьму. Но это предположение, если оно верно в настоящем случае, делает описываемое сейчас обстоятельство еще более экстраординарным. Дерево старое, высотой более пятидесяти футов и со стволом более трех футов в диаметре; а высота от земли, на которой была найдена Жаба, составляла около двенадцати футов. Мы должны предположить, что Жаба забралась на дерево, когда находилась в футах от земли: сколько же тогда лет этому животному?"

Упоминание о побелении воды, в которую была погружена Жаба, является, на мой взгляд, убедительным подтверждением правдивости предыдущего повествования. Это обстоятельство вообще не может прийти в голову простому изобретателю, поскольку оно ни в малейшей степени не имеет отношения к вопросу о тюремном заключении, и нет никаких попыток объяснить это. Иногда я видел жидкости, ставшие частично непрозрачными из-за истечения молочного секрета у погруженных в них животных, как в случае с любопытным *Перипатусом* с Ямайки, которого живьем помещают в спиртные напитки, выделяя значительное количество белой жидкости, которая диффундирует в спирт. Жаба, вероятно, отличалась от нашего обычного английского вида, но мы знаем, что последняя выделяет желтую едкую жидкость в некотором изобилии в фолликулах своей кожи, и она могла изливаться при возбуждении тревоги или гнева.

Летом 1851 года Академия наук заинтересовалась (согласно публичным газетам) этим вопросом. При рытье колодца в Блуа в июне того же года "несколько рабочих извлекли примерно на ярд из-под земли большой камень весом около четырнадцати фунтов, и, ударив по нему киркой, он раскололся надвое, и в самом центре была обнаружена уютно устроившаяся большая Жаба. Жаба, казалось, на мгновение сильно удивилась, но выпрыгнула и довольно быстро уползла. Ее схватили и вернули в нору, после чего она устроилась очень тихо. Камень и Жаба в том виде, в каком они были, были отправлены в Общество наук в Блуа, и сразу же стали предметом пристального внимания. Прежде всего, камень, подогнанный вместе, с Жабой в отверстии, был помещен в подвал и замурован во мху. Там его оставили на некоторое время. Неизвестно, ела ли Жаба, но точно известно, что

никаких выделений у нее не было. Было обнаружено, что если осторожно убрать верхнюю часть камня в темное место, он не шевелился, но если удаление производилось на свету, он немедленно вылезал и убегал. Если бы его посадили на край кремня, он бы заполз в свою нору и устроился там поудобнее. Он подобрал ноги под себя; и было замечено, что он особенно заботился об одной из своих ступней, которая была слегка повреждена во время одного из перемещений. Отверстие ни на йоту не больше туловища, за исключением небольшого места на спине. Есть что-то вроде выступа, на котором покоится его рот, а кости челюстей слегка вдавлены, как будто от долгого пребывания на твердом материале. Не может быть обнаружено ни малейшего намека на какое-либо сообщение между центром и внешней стороной камня, так что нет никаких оснований предполагать, что он мог получать какое-либо питание извне. Комиссия, состоящая из трех выдающихся натуралистов, один из которых годами специально изучал жаб, не делала секрета из своего убеждения, что Жаба находилась в этом камне сотни, возможно, тысячи лет; но как она могла жить без воздуха, пищи, воды или движения, они не пытались объяснить. Соответственно, они удовлетворились предложением считать настоящий случай еще одним достоверным случаем, добавленным к нескольким сотням уже существующих, когда жабы были найдены живыми в камне, предоставив какому-нибудь будущему ученому объяснить то, что сейчас представляется удивительным чудом, благодаря которому природа так долго сохраняет им жизнь в таких местах. Но уважаемый месье Маженди предположил, что вполне возможно, что была предпринята попытка обмануть Академию, заставив ее поверить, что Жаба была найдена в яме, тогда как ее могли засунуть туда злонамеренные рабочие только после того, как камень был разбит. Придя в ужас от мысли стать посмешищем публики, Академия отказалась принимать какое-либо официальное решение по поводу Жаб, но поблагодарила комитет за его очень интересное сообщение; и поэтому тема была закрыта".

Это утверждение, безусловно, не обладает той точностью, которая должна быть характерна для отчета научного органа, и не подтверждено авторитетом; но ужас, приписываемый Академии при мысли о том, что его разыграли, и мгновенное прекращение расследования настолько соответствуют природе, настолько точно характеризуют наши августейшие ассоциации ученых, что я не могу не поверить этой истории.

Вот еще одно, имеющее вид *добросовестного* отчета, хотя я ничего не знаю об авторе, да и сам он, похоже, не претендует на личное вскрытие находки.

В прошлый понедельник, 20 сентября, когда несколько рабочих добывали железную руду в местечке под названием Пасвик, на севере этого графства [Дерби], они наткнулись на твердый кусок руды, который, будучи тяжелее, чем могли поднять два человека, они принялись разбивать кирками, когда, к их удивлению, в углублении недалеко от центра камня они обнаружили живую жабу. Полость была намного больше Жаб, почти шесть дюймов в диаметре, и была выстлана кристаллами того, что я предполагаю как карбонат извести. Камень находился примерно в четырех ярдах от поверхности земли; сейчас он находится во владении мистера Хейвуда из Дерби, людьми которого он был найден; но, к сожалению, Жаба не сохранилась после своей смерти, которая наступила почти сразу после попадания ее в атмосферу.^[100]

Audi alteram partem. Мистер Планта из Солфордского музея рассказывает нам, одновременно с грустью и гневом, историю, несомненно, более забавную для нас, читающих ее, чем для него, о своих приключениях среди ловцов жаб. Во время геологоразведочных работ в окрестностях Честерфилда каменоломщик, которого он пригласил распить бутылку портера, сообщил ему по секрету, что в окрестностях в изобилии водятся жабы,

заклученные в камень. "Он сказал, что часто находил их, и что он знал камень до того, как он был разбит, в котором была бы Жаба; дав мне длинные и подробные описания всего явления: и, чтобы убедить меня в правдивости своего утверждения, он повел меня в карьер (песчаник каменноугольного периода), чтобы я мог увидеть камни, из которых, по его словам, были выпущены Жабы. Я очень внимательно осмотрел камни и весь карьер в целом и выслушал убедительные свидетельства других присутствующих шахтеров. Любезно выслушав их замечание о том, что день был теплый, а вода в карьере не слишком благоприятна, я внес простое предложение следующего рода: я пообещал выплатить любому из них сумму в двадцать шиллингов за следующий камень, в котором они найдут лягушку или жабу, когда камень будет расколот надвое. Они должны поймать Лягушку, если она выскочит из норы, заменить ее и снова сложить камни вместе, после чего отправить ее мне в таком состоянии. Далее я пообещал выплатить сумму в сорок шиллингов любому из них, кто добудет мне целый камень, в котором, по его мнению, была заключена Жаба или Лягушка, если, разбив его сам, окажется, что так оно и есть. Эти условия должны были оставаться в силе в течение двенадцати месяцев; и поскольку средства доставки по моему адресу, которые я им дал, не доставили бы особых хлопот, шахтеры с готовностью приняли это предложение; они также, чтобы выразить свою уверенность в том, что вскоре смогут выполнить заказ, предложили, что все будет в порядке, если я внесу немного наличных в счет оплаты; однако я решительно отказался это сделать. И что теперь скажут легковверные верующие в этих "Каменных жаб", которые читают "Зоолога", когда узнают, что за двенадцать месяцев я дважды посещал каменоломню, чтобы забрать Жаб, которые никогда не доставлялись по железной дороге? Я всегда находил там людей, взрывающих тонны новой породы, раскалывающих камни для любых строительных целей, но с пересохшим горлом и угрюмыми; ибо, увы! самым необъяснимым образом за эти долгие двенадцать месяцев они обнаружили множество отверстий — не Жабьих нор — в песчанике, но рептилии были изгнаны с Изумрудного острова так же успешно, как и прежде".[\[101\]](#)



ЖАБА В НОРЕ.

Это, конечно, обескураживало: и мы не удивляемся, что мистер Планта стал "абсолютным неверующим в эти "простые сказки"". Тем не менее, вполне возможно, что замурованные жабы могут существовать, хотя Майки из Честерфилдского карьера, надеясь на прогресс, чересчур уверенно хвастался обыденностью этого явления. То, что в течение одного года в пределах одного карьера не обнаружилось ни одной такой жабы, даже под воздействием предложенных сорока шиллингов, едва ли можно считать абсолютно убедительным доказательством отрицательного результата, по крайней мере для нас, которые не были поставлены в мучительное положение *оврагов*. Мистер Артур Хасси из Роттингдина справедливо замечает, представляя некоторые доказательства *per contra*, что мы не должны думать, что невиновность преступника была установлена его утверждением, когда различные свидетели утверждали, что видели, как он совершал преступление, в котором его обвиняли, — что он мог бы привести в десять раз больше людей, которые поклялись бы, что *не* видели его.

"Летом 1846 года, - пишет мистер Хасси, - при прокладке железной дороги примерно в полумиле от Понтефракт в Йоркшире были проведены работы "на глубину четырех футов в скале между известью и песчаником, примерно на стыке двух пластов": скала была настолько твердой, что требовала взрывных работ. "На нем совершенно нет каких-либо пластов или того, что рабочие называют "корешками", бегущими по нему", но в нем находится "бесконечное количество мелких конкреций более твердого качества, полностью кристаллизованных внутри". После взрывных работ рабочие были очень удивлены, обнаружив среди фрагментов несколько таких конкреций, в каждом из которых была лягушка, после одного "выстрела" их насчитали целых семь".

"Их не случайно увидели, когда выставили на всеобщее обозрение, а затем проигнорировали, но исследовали в их каменных тюрьмах через очень маленькие отверстия, некоторые даже сохранялись в таком состоянии в течение длительного периода. Например, рассказчик одного экземпляра утверждает: "Я держал эту жабу в погребе около пяти месяцев, в течение которых она ничего не ела и была без света, отверстие в камне было закрыто куском глины, и все это содержалось влажным и прохладным". О другом экземпляре он говорит: "Лягушка прожила всего около недели, так как я держал ее в месте, которое, как мне кажется, было для нее слишком теплым, а также недостаточно темным и тихим. Когда лягушки были потревожены выстрелами, их первым желанием, по-видимому, было забраться под укрытие какого-нибудь камня или снова в свои старые норы, демонстрируя тем самым, что зрение в порядке, а физическая активность, насколько можно было видеть, совершенна. Одна вещь показалась мне необычной в отношении Лягушки, которую я сохранил, — ее свежий, пухлый и здоровый вид, кожа мягкая и прозрачная. Однажды, когда я держал палец над отверстием в камне, оно просунуло свою голову между моим пальцем и краями отверстия и втянуло за собой все свое тело на стол, где оно стало больше похоже на скелет, чем любое живое животное, которое я когда-либо видел, но постепенно оно увеличилось до своих прежних размеров".

"О вышеупомянутом любопытном происшествии я знаю только из сообщения, написанного далекому другу, из которого теперь извлечена суть. Автор статьи - совершенно посторонний человек, но он официально участвовал в операциях, которые привели к этим открытиям; и моя информация позволяет мне полагать, что его отчет заслуживает доверия, по этой причине я без колебаний предлагаю этот реферат для публикации в *"Зоологе"*.[\[102\]](#)

Преподобный Альфред Чарльз Смит, превосходный и добродушный натуралист, делится с нами другим случаем, приводя его случайно в качестве иллюстрации осуждаемой им общей привычки бессмысленно уничтожать жизнь животных: "В качестве примера этой бездумной жестокости я должен привести отчет, который только что привлек мое внимание. Несколько рабочих разбирали старую стену, в толще которой они обнаружили одно из тех явлений, о которых так часто слышали и которые так неудовлетворительно объясняются, — Жабу, полностью засевшую в камне и известковом растворе. "Не было никаких сомнений, - сказал рабочий, описавший это, - что он пролежал там много лет, потому что не было ни дыры, ни щели, через которые он мог бы войти в место своего долгого пребывания или покинуть его". "Хорошо, - сказал слушатель его отчета, - но вы уверены, что Жаба была жива, когда вы ее нашли?" "В этом нет никаких сомнений, сэр, - сказал человек, - потому что он выполз из своей круглой норы и уходил, когда я ударил его киркой по голове".

"Итак, это бедное безобидное создание, чье долгое заключение в мрачной темнице могло бы возбудить к нему сострадание, внезапно вышло на свободу только для того, чтобы быть убитым своим освободителем!"[\[103\]](#)

Следующий - от *каледонского Меркурия*. Газета "Зоология", как говорится, ненадежна, и редактор "Зоолог", перепечатавающий этот абзац, любезно добавляет предостережение для своих читателей: "Не доверяйте Меркурию!" Но, тем не менее, давайте посмотрим на это: само по себе это мало что значило бы, но, помните, в таких вопросах, как этот, доказательства накапливаются. "В настоящее время в магазине "Сандерсон и сыновья", Джордж-стрит, Эдинбург, можно увидеть экстраординарный образец естественной истории — Лягушку, которая была обнаружена живой во фристоун-роке. Несколько месяцев назад, когда несколько угольщиков работали на мистера Джеймса Нэсмита (арендатора Dundonald Colliery в Файфе, собственности Р. Б. Уордлоу Рамзи, эсквайра. из Уайтхилла), занимались

выемкой каменного покрытия из пластового угля, которое представляло собой свободный камень, они обнаружили полость, в которой лежала Лягушка. Прикоснувшись к нему, Лягушка некоторое время прыгала, и когда было добыто ведро с водой, ее налили в него и вытащили на поверхность. Когда лягушка добралась до него, было обнаружено, что животное мертво. Оно находилось на глубине сорока пяти морских саженей, или девяноста ярдов от поверхности, в перпендикулярной линии пластов, состоящих из чередующихся слоев угля и свободного камня с железняком, и примерно в четырехстах ярдах от поверхности обнажения. Лягушка, по-видимому, обладает во многом тем же характером, что и нынешний вид. Он очень ослаблен, что неудивительно, учитывая, что он находился здесь на протяжении стольких веков, и его первоначальное существование, конечно, считается одновременным с образованием свободной каменной породы, в которой он содержался".[\[104\]](#)

Теперь мы снова получаем заявление тщательно работающего натуралиста, мистера Томаса Кларка из Хейлсли. Действительно, он не может лично подтвердить то, что он сообщает; но доверие такого человека к своему информатору является элементом, не лишенным ценности. "25 марта 1859 года. В начале этого месяца две живые жабы были выкопаны со дна слоя твердой кирпичной глины в окрестностях Бриджуотера, на глубине четырнадцати футов от поверхности земли; третья была убита лопатой до того, как их заметили. Этот слой глины покоится на торфе, и Жабы были найдены на стыке двух слоев, в небольшой куполообразной впадине, размером примерно с тулью мужской шляпы. Оказавшись на воздухе, они издали писклявый крик, напоминающий крысиный, но примерно через минуту они, казалось, примирились со своей новой судьбой и свободно передвигались. Их продержали в банке несколько дней, а затем выпустили на свободу в саду, где, я полагаю, они живут до сих пор. Живые были около двух дюймов в длину, но узкие в пропорции довольно светлого цвета, чем обычно бывают жабы; та, что была убита, была намного крупнее. Глину, под которой они были похоронены, постепенно выкапывали на поверхность примерно с начала года, но последние пять футов глубины были вырыты только в тот день, когда они были обнаружены. Примерно через два фута поверхности глина становится очень плотной и клейкой и слишком влажной, чтобы в ней могли образоваться трещины даже в самое засушливое лето".[\[105\]](#)

К этому сообщению, помещенному в "*Зоологе*", мистер Ньюман добавил примечание с запросом имени любого ученого, присутствовавшего при эксгумации. Мистер Кларк отвечает: "Я не могу назвать такое имя, за исключением того, что интеллигентный мастер кирпичного завода Томас Даддридж (который был свидетелем эксгумации, проведенной одним из рабочих завода) может иметь право на это название; но никто, какими бы высокими ни были его научные достижения, не мог быть более осторожен, чем он, в предоставлении мне правильной информации или более точен в своих показаниях; и если бы после тщательного расследования я не был полностью убежден в правильности его отчета, я бы не стремился занять страницы "*Зоолог*". со своим сольным концертом. Показав ему заметку в "*Зоологе*", он сказал, что ничего более правильного быть не может; и добавил, что маленькая полость, которую занимали жабы, была совершенно гладкой во всех частях, очевидно, из-за их продолжительных движений, — такой же гладкой, если воспользоваться его собственным примером, как внутренняя поверхность фарфоровой чаши".[\[106\]](#)

Были проведены многочисленные эксперименты с целью проверки возможности этих предполагаемых фактов. Если жабы обычно добровольно или случайно оказываются

замурованными и остаются без света, пищи или даже воздуха в течение многих лет и все же выживают, давайте поместим некоторых жаб в аналогичные условия, поддержим их взаперти и по истечении достаточного промежутка времени исследуем их и посмотрим, живы они или мертвы. "*Experimentum faciemus in corpore vili*", - как сказал деревенский врач своему помощнику над больным путешественником.

Probatum est! Помимо случая, упомянутого в письме мистера Бартлетта (*ante*, стр. 149), покойный доктор Бакленд в ноябре 1825 года провел серию тщательных экспериментов, о которых он сам рассказывает следующим образом: "В одном большом блоке грубого оолитового известняка были приготовлены двенадцать круглых ячеек, каждая глубиной около фута и диаметром пять дюймов, с углублением или уступом у верхнего края, приспособленным для установки круглой стеклянной пластины, и круглой пластинкой для защиты стекла: край этой двойной крышки был закруглен и сделан непроницаемым для воздуха". и поливайте смесью из мягкой глины. Двенадцать ячеек меньшего размера, каждая глубиной шесть дюймов и диаметром пять дюймов, были сделаны в другом блоке плотного кремнистого песчаника, а именно песчинки Пеннант из угольной формации близ Бристоля; эти ячейки также были покрыты аналогичными пластинами из стекла и сланца, скрепленными по краям глиной. Цель стеклянных крышек состояла в том, чтобы позволить осмотреть животных, не потревожив глину, чтобы в клетку попадал наружный воздух или насекомые. Известняк настолько пористый, что он легко проницаем для воды и, вероятно, также для воздуха; песчаник очень компактный.

"26 ноября 1825 года в каждую из вышеупомянутых двадцати четырех клеток поместили по одной живой жабе, и над каждой из них была установлена двойная крышка из стекла и сланца, скрепленная слоем глины. Вес каждой жабы в зернах был определен и отмечен доктором Добени и мистером Дилвином в момент их помещения в клетки; вес самой маленькой жабы составлял 115 зерен, а самой крупной - 1185 зерен. Крупные и мелкие животные были распределены в равной пропорции между камерами из известняка и песчаника.

"Эти каменные блоки были зарыты вместе в моем саду под тремя футами земли и оставались нераспечатанными до 10 декабря 1826 года, когда они были исследованы. Все жабы в меньших ячейках плотного песчаника были мертвы, и тела большинства из них настолько разложились, что они, должно быть, были мертвы несколько месяцев. Большее количество тех, кто находился в более крупных ячейках пористого известняка, были живыми. № 1, вес которого при замуровке составлял 924 грана, теперь весил всего 698 гран. № 5, вес которого при замуровке составлял 1185 гран, теперь весил 1265 гран. Стеклянная крышка над этой камерой была слегка треснута, так что внутрь могли проникнуть мелкие насекомые; однако в этой камере не было обнаружено ни одного; но в другой камере, стекло которой было разбито, а животное внутри мертво, было большое скопление мелких насекомых; и такое же скопление также находилось снаружи стекла третьей камеры. В камере № 9 Жаба, которая при помещении в нее весила 988 зерен, увеличилась до 1116 зерен, а стеклянная крышка над ней была целой; но поскольку решетка камеры, внутри которой эта Жаба увеличилась в весе, не была тщательно исследована, вероятно, в ней было какое-то отверстие, через которое попадали мелкие насекомые. Количество зерен № 11 уменьшилось с 936 до 652 зерен.

"Когда их впервые исследовали в декабре 1826 года, не только все мелкие жабы были мертвы, но и более крупные казались сильно истощенными, за двумя вышеупомянутыми

исключениями; мы уже указывали, что они, вероятно, были обязаны своим увеличившимся весом насекомым, которые нашли доступ к клеткам и стали их пищей.

"Смерть каждой особи любого размера в меньших ячейках плотного песчаника, по-видимому, произошла в результате недостатка воздуха вследствие малости ячеек и непроницаемости камня; большой объем воздуха, первоначально заключенный в ячейках известняка, и пористая природа самого камня (поскольку он медленно пропускает воду и, вероятно, воздух), по-видимому, способствовали продолжительности жизни животных, заключенных в них без пищи.

Следует отметить, что в этих экспериментах есть недостаток, возникший из-за обращения с двадцатью четырьмя Жабами перед тем, как их заключили в каменные блоки. Их заперли и похоронили 26 ноября, но большинство из них были пойманы более чем за два месяца до этого и были заключены все вместе в рамки для огурцов, установленные на обычной огородной земле, где запас пищи для стольких особей, вероятно, был скудным, а их содержание неестественным, так что на момент заключения они находились в нездоровом и несколько истощенном состоянии. Таким образом, мы едва ли можем с уверенностью утверждать на основании смерти всех этих особей в течение двух лет о продолжительности жизни, которая могла бы сохраниться, если бы они вышли на пенсию спонтанно и впали в оцепенение своей естественной спячки в хорошем физическом состоянии.

"Результаты наших экспериментов сводятся к следующему: все жабы, как большие, так и маленькие, заключенные в песчаник, а также маленькие жабы в известняке, были мертвы по истечении тринадцати месяцев. До истечения второго года все крупные особи также были мертвы; их осматривали несколько раз в течение второго года через стеклянные крышки камер, но не снимая их для доступа воздуха; они казались всегда бодрствующими, с открытыми глазами и никогда не пребывали в состоянии оцепенения, их тощестъ увеличивалась с каждым интервалом, в течение которого их осматривали, пока, наконец, их не нашли мертвыми; те двое, которые также прибавили в весе к концу первого года, а затем были снова тщательно закрыты, были истощены и умерли до истечения второго года.

Одновременно с тем, как эти жабы были заключены в камень, четыре другие жабы среднего размера были заключены в три отверстия, вырубленные для этой цели на северной стороне ствола яблони; две были помещены в самую большую ячейку, а каждая из остальных - в отдельную ячейку. Клетки были почти круглыми, около пяти дюймов в глубину и трех дюймов в диаметре; они были тщательно закрыты деревянной пробкой, чтобы исключить доступ насекомых, и, по-видимому, не пропускали воздух; при осмотре в конце года все жабы были мертвы, а их тела разложились.

"Из фатального результата экспериментов, проведенных в маленьких ячейках, вырубленных в яблоне, и в глыбе плотного песчаника, по-видимому, следует, что жабы не могут прожить год, полностью лишенные атмосферного воздуха; а из экспериментов в более крупных ячейках в глыбе оолитового известняка, по-видимому, также вероятно, что они не могут прожить два года, полностью лишенные пищи; следовательно, мы можем заключить, что не хватает достаточно тщательных и точных наблюдений в тех столь часто регистрируемых случаях, когда, как говорят, жабы были найдены живыми внутри каменных и деревянных блоков, в полостях, которые вообще не имели сообщения с воздухом". наружный воздух. Тот факт, что к концу года две мои жабы прибавили в весе, несмотря на то, что мы позаботились о том, чтобы идеально укрыть их слоем глины, показывает, насколько маленькое отверстие может вместить насекомых, достаточное для поддержания

жизни. В камере № 5, где стекло было слегка треснуто, связь, хотя и небольшая, была очевидна, но в камере № 9, где стеклянная крышка осталась целой и где, судя по возросшему весу заключенного животного, насекомые наверняка нашли доступ, мы имеем пример того, как эти крошечные животные нашли свой путь в камеру, к которой были приняты большие меры предосторожности, чтобы предотвратить любую возможность доступа.

Таким образом, допуская, что жабы иногда встречаются в полостях из дерева и камня, с которыми нет сообщения достаточно большого, чтобы обеспечить вход и выход заключенного в них животного, мы можем, я думаю, найти объяснение таких явлений в повадках этих рептилий и насекомых, составляющих их пищу. Первое усилие молодой жабы, как только она выходит из состояния головастика и выходит из воды, заключается в поиске убежища в норах и расщелинах скал и деревьев. Особь, которая, будучи молодой, могла таким образом проникнуть в полость через какое-нибудь очень узкое отверстие, нашла бы изобилие пищи, ловя насекомых, которые, как и она сама, ищут убежища в таких полостях; и вскоре, возможно, увеличилась в объеме настолько, что сделать невозможным выход обратно через узкое отверстие, через которое она вошла. Небольшое отверстие такого рода, скорее всего, будет упущено из виду обычными рабочими, которые являются единственными людьми, чьи операции с камнем и деревом обнаруживают полости внутри таких материалов.

"В случае с жабами, змеями и ящерицами, которые иногда появляются из камней, отколотых в карьере, или из проходческих колодцев, а иногда даже из пластов угля на дне угольной шахты, никогда не бывает точных доказательств того, что рептилии были полностью заключены в твердую породу. Никакое исследование никогда не проводится до тех пор, пока рептилия не будет впервые обнаружена путем разрыхления массы, в которой она содержалась, и тогда будет слишком поздно выяснять, без тщательной замены каждого фрагмента (и ни в одном известном мне случае этого никогда не делалось), было ли какое-либо отверстие или щель, через которые животное могло проникнуть в полость, из которой оно было извлечено. Без предварительного исследования практически невозможно доказать, что такого сообщения не было. В случае со скалами у поверхности земли и в каменоломнях рептилии находят готовые входы в норы и трещины. У нас есть печально известный пример такого рода - Ящерица, найденная в меловом карьере и доставленная живой покойному доктору Кларку. Также в случае колодцев и угольных карьеров рептилия, упавшая в колодец или шахту и выжившая после падения, будет искать свое естественное убежище в первой попавшейся яме или расщелине, и шахтер, извлекающий ее из этой полости, на которую его предыдущее внимание не было обращено, может по незнанию заключить, что животное было ровесником камня, из которого он его извлек.

"Остается только рассмотреть случай (о котором я не знаю ни одного подтвержденного примера) с жабами, которые, как говорят, были найдены в полостях внутри блоков известняка, к которым при тщательном исследовании не было обнаружено никакого доступа, и где животное было полностью закрыто камнем. Если бы такой случай когда-либо существовал, то, вероятно, сообщение между этой полостью и внешней поверхностью было закрыто сталактитовой коркой после того, как животное стало слишком большим, чтобы совершить побег. Аналогичное объяснение может быть предложено и для гораздо более вероятного случая, когда живая Жаба была полностью окружена твердой древесиной. В каждом случае животное продолжало бы увеличиваться в объеме до тех пор, пока оставалось бы наименьшее отверстие, через которое могли проникать воздух и насекомые; оно, вероятно, впало бы в оцепенение, как только это отверстие было бы полностью

закрыто скоплением сталактитов или ростом древесины. Но все еще остается установить, как долго это состояние оцепенения может продолжаться при полном исключении из пищи и внешнего воздуха: и, хотя описанные выше эксперименты показывают, что жизнь не продлилась и двух лет ни у одной из особей, которые послужили их объектами исследования, все же, по указанным причинам, они не являются решающими, чтобы показать, что состояние оцепенения, или приостановленной жизнедеятельности, не может продолжаться намного дольше у здоровых и сытых жаб до того момента, когда они окончательно лишены пищи и всякого прямого доступа атмосферного воздуха. .

"Обычный эксперимент по закапыванию жабы в цветочный горшок, накрытый черепицей, не имеет смысла, если крышка не будет тщательно прилегать к горшку, а отверстие на дне горшка также закрыто, чтобы исключить любой возможный доступ воздуха, дождевых червей и насекомых. Я слышал о двух или трех экспериментах такого рода, в которых эти меры предосторожности не были приняты и в которых в конце года жабы были найдены живыми и здоровыми.

"Помимо Жаб, заключенных в дерево и камень, еще четыре были помещены каждая в небольшую чашу из парижского гипса глубиной четыре дюйма и диаметром пять дюймов, покрытую тем же материалом, который был тщательно обмазан глиной; они были похоронены в то же время и в том же месте с каменными блоками, и при осмотре одновременно с ними в декабре 1826 года две из жаб были мертвы, две другие живы, но сильно истощены. Из этого эксперимента мы можем только заключить, что тонкая пластинка парижского гипса проницаема для воздуха в достаточной степени, чтобы поддерживать жизнь Жабы в течение тринадцати месяцев.

"В 19-м томе, № I, стр. 167, из *Американского журнала науки и искусств Силлимана*, Дэвид Томас, эсквайр. опубликовал некоторые наблюдения за лягушками и жабами в камнях и твердой земле, перечислив несколько подлинных и хорошо подтвержденных случаев. Они, однако, представляют собой не более чем повторение фактов, столь часто излагаемых и признаваемых истинными, а именно, что вялые рептилии встречаются в каменных полостях и на глубине многих футов в почве; но они не утверждают ничего, что опровергало бы возможность существования небольшого отверстия, через которое эти полости могли сообщаться с внешней поверхностью и допускались насекомые.

"Внимание первооткрывателя всегда больше направлено на Жабу, чем на детали состояния полости, в которой она содержалась".

Важность этих экспериментов, тщательность, с которой они проводились, заслуженная репутация экспериментатора и философский характер его выводов, я надеюсь, послужат извинением за объемность этой цитаты. Я не думаю, однако, что этот вопрос ими решен; и я рискну высказать одно или два замечания по фактам и наблюдениям.

Доктор Бакленд допускает, что обстоятельства заключения его Жаб в тюрьму не были естественными. Мне кажется, это элемент более важный, чем он ему приписывает. Они были заперты во время активной жизни, после того как в течение двух месяцев содержались на скудной пище; "Так что на момент заключения они были в *нездоровом и несколько скудном состоянии*". Мы не знаем, какие условия, какие естественные предпосылки предшествуют оцепенению и необходимы для него; но, возможно, есть некоторые, которые в этих случаях были принудительно устранены вмешательством человека. Утверждается, что животные, дожившие до второго года жизни, при осмотре всегда обнаруживались бодрствующими — "*никогда не были в состоянии оцепенения*". Но жабы, которые спрятались, были бы вялыми в

зимние месяцы; и таким образом, у нас есть достаточное доказательство того, что естественное состояние тела было каким-то образом предотвращено. Эксперимент был бы гораздо справедливее по отношению к Жабе и гораздо более убедительным для меня, если бы животное было закрыто во время глубокого зимнего сна, стараясь как можно реже обращаться с ним.

Однако, как бы там ни было, *большинство жаб*, замурованных в известняке, *выживали более тринадцати месяцев*. Это, безусловно, очень примечательный факт. Возьмем случай с № 9. Здесь была почти взрослая жаба, которую заперли в каменной камере, накрытой со всех сторон стеклянной пластиной, тщательно заштрихованной, чтобы не пропускать воздух, зарытой под тремя футами земли, чтобы не пропускать ни малейшего проблеска света; и все же по истечении тринадцати месяцев, когда камеру осматривали зимой, когда обычно все жабы должны крепко спать, эта Жаба была совершенно бодра, нисколько не истощенная, но настолько процветающая в своей странной темнице, что на самом деле произвела 128 крупинок мяса. ! фактически увеличиться в весе на 12 с половиной процентов!

Доктор Бакленд говорит: "Вероятно, в желобке было какое-то отверстие, через которое попадали мелкие насекомые". Но это в целом *petitio principii*: напрашивается вопрос, о котором идет речь. Разве эти насекомые не совершенно безвозмездны? Лютня, конечно, была аккуратно уложена: никакая сушка не могла вызвать стягивания, поскольку она была зарыта в землю; стекло не пострадало; отверстия обнаружено не было; и все же, несомненно, следует предположить, что "мелкие насекомые нашли доступ". Затем тоже рассмотрим проблему. Дело не в возможности того, что микроскопически крошечному насекомому или двум каким-то непостижимым образом удалось проникнуть внутрь, а в том, что насекомых хватило, чтобы прокормить эту большую Жабу в течение тринадцати месяцев и сделать ее к концу этого времени на 128 зерен тяжелее, чем она была при первом заточении! Этот внимательный наблюдатель констатировал факт; и я уверен, что его гипотеза о назойливых насекомых его не объясняет.

Я мог бы сделать аналогичные замечания по поводу № 5. Стекло было "*слегка треснуто*". В ней не было обнаружено никаких насекомых; также не упоминается ни о каком заметном отверстии; однако эта Жаба увеличилась с 1185 зерен до 1265 зерен. "*Небольшая трещина*" в стекле делает этот пример на первый взгляд менее примечательным, чем другой; но на самом деле он столь же непостижим. Насекомые, какими бы мелкими они ни были, не проходят через стекло, просто треснувшее; но требование заключается в том, чтобы количество насекомых было достаточным для увеличения веса мякоти на 80 зерен, помимо сохранения отходов жизнедеятельности жабы в течение тринадцати месяцев. Где в каждом конкретном случае находились экскременты, соответствующие такому увеличению? Питание насекомыми, как известно каждому натуралисту, оставляет очень значительный остаток неперевариваемого, неподкупного хитинового вещества: калорийных остатков рациона насекомых достаточно, чтобы поддерживать взрослую жабу в хорошей форме в течение тринадцати месяцев и сделать ее на 128 зерен тяжелее, чем вначале, и образовать немалую или незаметную массу. И все же молчание наблюдателя по поводу столь убедительного свидетельства доказывает, что оно было крайне недостаточным.

Жабы, выжившие дольше всех, были самыми крупными экземплярами. Возможно, требуется состояние особой силы, чтобы переносить заключение. Даже все они были

мертвы еще до того, как прошло два года. Но тогда следует помнить, что они были потревожены: их вынимали, трогали, взвешивали и заменяли; и в течение второго года их осматривали "несколько раз". Воздух, это правда, не допускался при этих более поздних обследованиях; но *свет допускался*; и, возможно, отсутствие всех внешних раздражителей (а свет является мощным раздражителем) необходимо для продления жизнеспособности в столь ненормальных условиях.

Никто не предполагает, что заточение в твердой скале - обычное событие в жизни даже Жабы. Как бы то ни было, — допустим, что это может произойти, — это, несомненно, должен быть редкий несчастный случай, происходящий с отдельными особями то здесь, то там, от которого избавлены миллионы Жаб. Мы можем также разумно предположить, что ни один из ста столь случайно попавших в тюрьму не выживет, поскольку несчастный случай в большинстве случаев оказывается смертельным. Если мы будем иметь в виду эти небезосновательные предположения, мы не станем поспешно решать, что все зарегистрированные открытия замурованных жаб оказались ложными и невозможными, потому что нам не удалось найти случая долгожительства среди двадцати четырех Жаб, многие из которых были маленькими, которых мы взяли и насильно замуровали по своему усмотрению.

На мой взгляд, эти интересные эксперименты гораздо больше подтверждают, чем противоречат распространенному мнению. Остается удивительным тот факт, что взрослое позвоночное животное, дышащее воздухом, безусловно, может жить и увеличиваться в размерах, запершись в каменной клетке, лишенное света, воздуха и пищи, на период от одного до двух лет! Какие параллели мы имеем с этим во всем диапазоне естественной истории? *C'est le premier pas qui coûte*. После того, как первый год прошел так благоприятно, почему бы не провести второй? третий? и так до бесконечности — при особенно благоприятных обстоятельствах? Ни в коем случае нельзя быть уверенным, что таких благоприятных обстоятельств нет, потому что мы не можем точно определить, что это такое. И если мы признаем, что сообщения о случаях заболевания — лишь некоторые из них — верны, мы не можем уклониться от вывода, что продолжительность жизни этих заключенных в тюрьму Жаб должна быть огромной, неисчислимой. Ибо Жаба, которая появляется при раскалывании каменного блока из матрицы, соответствующей (скажем, несколько приблизительной, если угодно) его форме и размеру, должна была находиться там с тех пор, как камень был в мягком состоянии, сколько бы времени это ни продолжалось. Это также ни в малейшей степени не затрагивает вопроса о том, что в матрице могла быть какая-то крошечная трещина, через которую проникали насекомые, достаточные для поддержания жизни. Это обстоятельство, говорю я, если бы оно было удовлетворительно доказано, не касалось бы вопроса о времени. И, несомненно, это чудо колоссальной величины, что позвоночное животное продолжало свою жизнь запертым в каменной массе с тех пор, как вещество приняло твердую форму, даже несмотря на то, что мы можем исключить из него элемент полного воздержания в течение всего периода.

Но имеются зарегистрированные факты, доказывающие возможность того, что жабы выживают после длительного заключения, произведенного человеком, и, следовательно, помимо их воли. В 1809 году, когда в Бамборо, в Нортумберленде, открыли брешь в стене для проезда повозок, Жаба, которая была заключена в тюрьму в центре стены, была найдена живой и выпущена на свободу. Каменщик по имени Джордж Уилсон, возводя эту стену шестнадцать лет назад, бессмысленно замуровал животное в тесной полости, образованной из извести и камня, как раз достаточной, чтобы вместить его, и которую он оштукатурил так плотно, по-видимому, чтобы предотвратить проникновение воздуха. Когда его обнаружили,

он сначала казался, как и следовало естественно предположить, в очень оцепенелом состоянии; но вскоре к нему вернулось оживление и активность, и, словно почувствовав благословения свободы, он направился к куче камней и исчез.[\[107\]](#)

Мистер Ф. В. Л. Росс из Бродвей—Хауса, недалеко от Топшема, проникательный и опытный натуралист, рассказывает о следующих обстоятельствах: "В 1821 году я жил в деревне, и во дворе моего дома были каменные ступеньки для верховой езды. Поскольку они были бесполезны для меня, я пожелал, чтобы их удалили. Когда их сняли, самая нижняя ступенька, представляющая собой грубый красный конгломерат размером около трех футов в длину, десяти дюймов в глубину и около четырнадцати в ширину, была поднята с помощью тяжелого бруса. Он был хорошо замешан в ступке, в которую, хотя и мягкую, очевидно, поместили Жабу, поскольку не было никаких признаков того, что она могла попасть внутрь или наружу, форма или слепок были такими же совершенными, как если бы они были сделаны из гипса. После удаления камня Жаба оставалась вялой в течение нескольких минут, когда, казалось, ожила, а затем выползла наружу. От владельцев дома я узнал, что ступени были установлены здесь сорок пять лет назад и, насколько им известно, никогда не перемещались.

"Второй отчет от священнослужителя, и он возник из-за того, что я проинформировал его о вышеизложенном. Он приказал вырыть в своем саду яму глубиной шесть футов; на дно была положена грифельная доска, на которую поместили Жабу в натуральную величину, а поверх нее перевернутый цветочный горшок. Отверстие и края были хорошо замазаны глиной; затем яму засыпали, и в тот день, когда Жаба была найдена живой, а также когда она была заключена в свою живую могилу, двенадцать месяцев назад она снова открылась. Следовательно, если он мог существовать в таком состоянии в течение двенадцати месяцев, не исключено, что он мог бы делать это в течение гораздо более длительного периода".[\[108\]](#)

Эти любопытные факты находят подтверждение и усиливают интерес в некоторых, по-видимому, параллельных условиях, наблюдаемых у других животных, значительно удаленных по органической шкале от рептилий, причем с обеих сторон. Некоторые проблески неопределенно длительного оцепенения у ос даны нам в сообщении выдающегося энтомолога мистера Г. Уэйлса из Ньюкасла Лондонскому энтомологическому обществу, опубликованном в их "Трудах" от 5 марта 1860 года. Эти Рип Ван Винкли из расы насекомых, похоже, выбирают вершины самых высоких гор для своего долгого сна. Кто знает, что можно было бы обнаружить, если бы ловкий охотник за насекомыми отправился переворачивать камни на вершинах Аларата? Прочтите следующее, молодые предприимчивые энтомологи! и отправились в путь.

Совершенно очевидно, что нам еще многое предстоит узнать об Общественных осах, и поэтому следующие замечания относительно *Vespa vulgaris* могут быть интересными. С 1829 года я время от времени обыскивал вершину Скиддоу (3022 фута) в поисках образцов *Leistus montanusi* каждый раз извлекал из-под разрозненных фрагментов сланца совершенно оцепеневших самок этой осы с крыльями, лапками, усиками и т. Д. Точно в том состоянии, в каком мы находим их зимой в низинах. Нередко я встречался с мертвыми экземплярами, которые, казалось, погибли в том же самом состоянии покоя и находились там, по крайней мере, год или два. Мистер Смит в своем каталоге британских веспадов в разделе "Этот вид" утверждает, что мистер Волластон обнаружил самку в изобилии под камнями на крайней вершине Грибон-Эрнант, недалеко от Лланголлена, в сентябре 1854 года, добавив, "вероятно, размножающуюся на зиму", но, очевидно, забыл, что я писал ему по этому поводу. Мои визиты в горы продолжались с конца июня до конца августа, и из этого с

необходимостью следует, что либо эти экземпляры самок осы были прошлогодними, либо что этот пол появляется в сезоне гораздо раньше, чем предполагалось до сих пор. Но в любом случае возникает вопрос, почему они пребывают в оцепенении в эти самые жаркие месяцы года? Совершенно верно, что температура на высоте ниже, чем на равнинах, особенно ночью, и я сам не раз попадал под дождь со снегом, как в июне, так и в августе, хотя, как правило, в горах Камберленд редко бывает толстый снежный покров, и часто всего несколько дюймов один или два раза за зиму. Тем не менее, температура обычных гор всегда приближается к температуре равнин летом, и, можно было бы ожидать, что в Британии она была, по крайней мере, достаточно высокой, чтобы разбудить этих ос в их зимних жилищах, когда все остальные насекомые под теми же камнями были активны и шевелились, а воздух был таким теплым и ярким, что *Larentia salicata* и *Crambus furcatillus* резвились в лучах полуденного солнца над ними. Однако это было не так, и, когда их выгнали из их уютных, сухих помещений, они позволили обращаться с собой и поместить в ящики для дотов точно так же, как они это делают зимой. Поэтому мы можем спросить, когда эти спящие должны проснуться? поскольку температура почвы достигает максимума в те месяцы, когда я встречался с ними, а мистер Волластон обнаружил их в аналогичном состоянии в сентябре, когда установилась понижающаяся температура, мы должны заключить, что на этот год всякая перспектива их последующего выхода из своих убежищ под влиянием жары исключена. Можно ли это назвать гибридизацией, как ее обычно понимают? Или есть какая-то другая причина вялости, помимо простого холода? Или мы должны заключить, что, однажды усыпленные в этих высокогорных регионах, они больше не просыпаются, если только какой-нибудь бродячий энтомолог не окажет им любезности и не перенесет в более мягкий климат, когда, как я всегда замечал, они становятся такими же активными, как обитатели теплых низменностей?" [\[109\]](#)

Мистер Вествуд в разговоре, следовавшем за этим сообщением, предположил, что эти самки ос были основательницами колоний предыдущей весной и, выполнив свои материнские обязанности, удалились умирать в тех условиях, в которых их нашел мистер Уэйлс. Но при всем должном уважении к столь великому авторитету, не является ли это еще одним примером тех "объяснений", которые отбрасываются без должного учета остроты рассматриваемого дела, — объяснений, которые на самом деле ничего не объясняют? Ибо, хотя эта гипотеза могла бы объяснить появление ос в таких условиях в июне, она не подходит для сентябрьских находок. Насекомые, которые завершили свое существование и ушли на пенсию, чтобы умереть в июне, не доживут до июля и августа и будут найдены живыми в сентябре. Кроме того, мистер Уэйлс недвусмысленно утверждает, что *они всегда становятся активными* при перемещении в более мягкий климат, что является положительным доказательством того, что они удалились на покой не для того, чтобы умереть. Гипотеза мистера Смита о том, что они "вероятно, гибридизуются на зиму", не объясняет их вялость в июне и июле. Гипотеза мистера Вествуда о том, что они являются отмирающими особями после весенних работ, не объясняет их жизнеспособности до сентября и их возрождения после удаления.

Но это насекомые; а разница между позвоночными и беспозвоночными настолько велика, что, в конце концов, возможности последних могут не иметь большого отношения к возможностям первых. Что же тогда мы скажем о бессрочном продлении жизни в подобных унылых условиях *улетучих мышей*? *Летучие мыши*, которые являются настоящими позвоночными; и не амфибии, пресмыкающиеся у подножия лестницы позвоночных, где тусклый огонек позвоночной жизни лишь мерцает в глазнице, а *млекопитающие*, причем почти высшего типа; — *Летучие мыши*, которых сам Линней ассоциировал с *Homo sapiens* в

своем первом отряде *Приматов*! Могут ли *эти* люди годами жить без света, пищи и воздуха? эти широкогрудые, с хорошими выпад, теплокровные, воздушные четвероногие? "Невозможно! Я бы не поверил в это, если бы..." Стойте! не давайте опрометчивых клятв; но прочтите, взвесьте и рассудите. Помните, что оба нижеследующих утверждения принадлежат священнослужителям, каждый из которых является хорошо известным, осторожным, опытным натуралистом.

"Очень любопытный пример, - говорит мистер Пембертон Бартлетт, - того, как долго летучая мышь может оставаться в состоянии оцепенения, попал в поле моего зрения около трех недель назад; и поскольку я полагаю, что подобные случаи наблюдаются крайне редко, возможно, изложение фактов этого случая не окажется неинтересным. Открыв хранилище в Бишопсборнской церкви, каменщик заметил большую Летучую мышь, цепляющуюся за стену. Сочтя странным найти летучую мышь в хранилище, которое, как он знал, не открывалось двадцать лет, вечером он прислал ее мне через своего мальчика, который, подойдя к двери, испытал искушение открыть корзину, чтобы посмотреть на заключенную, но, к величайшему несчастью, она вырвалась и залетела в свинцовый желоб, установленный напротив дома, откуда я не смог ее достать. Узнав подробности его обнаружения, я тщательно обыскал хранилище, но не смог обнаружить ни одного отверстия или трещины, через которые могла бы пролезть самая маленькая Летучая мышь. Каменщик также сообщил мне, что в той части, где он открыл хранилище, не было места, куда могла бы проникнуть Летучая мышь, поскольку вход был заложен кирпичом, а над ступенями была плотно подогнанная плита. Если бы Летучая мышь действительно могла пробраться между ними, кирпичная кладка у входа самым эффективным образом помешала бы ей найти убежище в хранилище. Следовательно, естественным выводом является то, что Летучая Мышь, должно быть, попала в склеп, когда его открывали в последний раз, и, следовательно, была погребена с 1823 года! К величайшему сожалению, я не смог определить, что это был за вид; но, судя по описанию каменщика, я думаю, что это должен был быть *Vespertilio Pipistrellus*. Когда его впервые извлекли из хранилища, он был в оцепенелом состоянии, но воздействие воздуха можно представить по тому, что он воспользовался первой возможностью сбежать вечером; он летел, как всегда, гораздо более "свинцово-крылатый", чем когда-либо летают летучие мыши, что было отнюдь не удивительно, если учесть, что это не практиковалось в течение двадцати одного года".^[110]

Следующий отчет преподобного А. К. Смита из дома священника в Йейтсбери, Калн, представляет особый интерес. Рассказчик действительно был свидетелем открытия. Его расследование проводилось с осторожностью, и его заявление сделано с точностью, присущей науке; и детали настолько полны, а его замечания настолько уместны, что, хотя рассказ несколько длинный, я не могу заставить себя сократить его. На нем стоит дата 18 февраля 1854 года. Конечно, читатель заметит, как эти два повествования взаимно подтверждают друг друга.

"Незадолго до этого, выполняя некоторые ремонтные работы в тротуаре придела моей церкви, каменщики сочли необходимым вынуть несколько кирпичей из цельной стены соседнего свода, чтобы лучше приспособить железную перекладину, предназначенную для поддержки лежащей над ним каменной плиты. По-видимому, когда один или два кирпича были сняты и несколько больших и красивых гробов были выставлены на обозрение, любопытство побудило одного из рабочих протянуть руку с зажженной свечой, чтобы увидеть имена и даты на гробах; результат исследования показал, что последний гроб был помещен туда в 1748 году. Во время этих поисков я вошел в церковь как раз вовремя, чтобы стать свидетелем крайнего удивления и немалого испуга мужчины, чья рука внезапно

коснулась Биты, подвешенной к потолку хранилища. Вскоре Летучая мышь была извлечена на свет и в своем наполовину оцепеневшем состоянии вложена мне в руку. Затем мы приступили к тщательному осмотру этого склепа с зажженной свечой, чтобы выяснить, если возможно, каким образом Летучая мышь могла проникнуть в место своего упокоения: но, хотя наши поиски были очень тщательными и продолжались долго, нам не удалось обнаружить ни малейшей трещинки, в которую можно было бы воткнуть булавку. Крыша представляла собой кирпичную арку, увенчанную каменными плитами; стены представляли собой прочную каменную кладку, не имевшую внутренних признаков разрушения; и расположение свода было очень близко к центру церкви: так что я был очень озадачен появлением Летучей мыши в месте, которое, по-видимому, герметично закрывалось более ста лет; и не знал, как оспорить мнение рабочих, что она, должно быть, была погребена там живой с 1748 года.

Теперь я приступил к наведению порядка относительно хранилища, в котором была найдена Летучая мышь. На мраморном памятнике вверху записаны имена старинной уилтширской семьи, давно вымершей в этих краях, и даты трех гробов внизу, подтверждающие заявление латунной таблички о том, что последний похороненный умер в 1748 году нашей эры. Несколько стариков в приходе помнили, как почти шестьдесят лет назад, когда они были мальчиками, было открыто соседнее хранилище; но все они категорически отрицали, что хранилище, о котором идет речь, когда-либо открывалось в их жизни; и один, очень пожилой мужчина, бывший клерк, чье тогдашнее жилище примыкало к церковному двору, был очень категоричен по этому поводу. Таким образом, я вынужден полагать, что склеп оставался нетронутым с тех пор, как в нем появился последний обитатель, сто шесть лет назад: и я еще больше убежден в этом из-за чрезмерной свежести последнего гроба, медная плита и гвозди которого такие же блестящие, а весь его внешний вид такой новый, как будто его поместили туда только вчера, чего не было бы, если бы наружный воздух поступал в любое время после закрытия склепа.

Во время осмотра хранилища я держал Биту в руке, и с момента ее поимки прошло, должно быть, больше часа, прежде чем я смог отнести ее в дом священника и поместить под перевернутое стекло: к этому времени тепло моей руки значительно оживило ее, и она бродила по своей тюрьме, обнюхивая все своим любопытным носом, вставая и пытаясь зацепиться за гладкое стекло, что сводило на нет все ее попытки. Поскольку он упрямо отказывался есть маленькие кусочки рубленого мяса, которыми я соблазнял его прервать пост, который, возможно, продолжался сто шесть лет и после которого я должен был бы представить его голодным; и поскольку он лежал на боку, очевидно, в умирающем состоянии, человечество убедило меня дать ему шанс на жизнь, вернув его на свободу, и я соответственно отнес его в сад, где положил на дерн и наблюдал за его движениями. Сначала он цеплялся за травинки и сильно дрожал; вскоре он запорхал над землей; вскоре он поднялся на крыло, хотя и неуклюже, и хотя он несколько раз опускался, как будто собирался упасть на землю, и как будто он не нашел применения своим крыльям, (которые могли бы быть немного негнушимися от недостатка физических упражнений, если бы они были сомкнуты более ста лет), он скрылся за группой деревьев, и я больше его не видел; и тогда я начал сожалеть, когда было слишком поздно, что я сделал это. не прилагал больше усилий, чтобы сохранить ему жизнь и наблюдать за его выздоровлением. Я мало что знаю о различных видах летучих мышей, но, судя по их миниатюрным размерам и чрезвычайно длинным ушам, я бы предположил, что это *Vespertilio auritus* Гилберта Уайта.

Теперь, если считать абсурдной гипотезу о том, что Летучая Мышь была замурована в хранилище с 1748 года, как тогда мы должны объяснить ее присутствие там? Ибо, хотя я

знаю, что летучая мышь, и особенно один из самых мелких видов, пролезла бы через очень маленькую трещину, все же мои собственные органы чувств после очень тщательного изучения убеждают меня, что между кирпичами свода не существовало ни малейшей трещинки; и я думаю, что не менее убедительным доказательством является то, что свод оставался нетронутым в течение большого количества лет. Опять же, несмотря на недоверие некоторых, широко признано, что жабы иногда обитают в каменных блоках и в древесине; и материал, в который они заключены, постепенно образовался вокруг них, и они обязательно должны были быть погребены, в некоторых достоверно подтвержденных случаях, на очень длительный период времени. Почему же тогда, спрашиваю я, мы должны отрицать, что это возможно с Летучей Мышью, в чем мы с такой готовностью признаем явление, отнюдь не необычное для Жабы? Признаюсь, что, приняв все это во внимание и не найдя другого возможного решения этой загадки, я после зрелого размышления пришел к выводу, что Летучая мышь была погребена в склепе с тех пор, как его в последний раз открывали в 1748 году. Это впечатление усилилось после более длительного размышления и еще больше укрепилось почти до уверенности после прочтения очень интересного и очень похожего случая, описанного преподобным Дж. П. Бартлеттом в раннем томе "*Зоолога* (*Зоол.*, 613) [\[111\]](#) Этот джентльмен утверждает, что при вскрытии хранилища, которое было закрыто в течение двадцати одного года, была обнаружена летучая мышь в оцепенелом состоянии; что он сам очень тщательно осмотрел хранилище и не смог обнаружить никакой щели, через которую могла бы пролезть самая маленькая летучая мышь; что хранилище было окружено кирпичной кладкой; вход был заложен кирпичом, а над ступенями была установлена плотно прилегающая плита; и что он не мог прийти ни к какому иному выводу, кроме того, что летучая мышь была заложена в подвал. заключенный там на двадцать один год. Признаюсь, я вполне согласен во мнении с мистером Бартлеттом и полагаю, что летучая мышь, обнаруженная в склепе в Бишопсборнской церкви, прокралась туда по случаю его последнего вскрытия; и то же самое происходит с летучей мышью, найденной в моей собственной церкви; ибо, хотя, несомненно, существует огромная разница между двадцатью одним и ста шестью годами, все же, если мы сможем установить факт того, что Летучая мышь оставалась в оцепенении в течение более короткого периода, я без труда пойму, что сон, который длился бы так долго, как это было, мог бы затянуться на гораздо более длительный период. Наиболее вероятно, что многие будут расходиться со мной во мнении, и, возможно, некоторые высмеют эту идею: если они смогут обнаружить какие-либо другие вероятные или даже возможные способы объяснения присутствия Летучей мыши в хранилище, за исключением трещины или разлома в нем, или того, что оно было открыто на памяти живущего человека, против обоих этих взглядов я решительно выступаю, я буду чувствовать себя очень обязанным, если они изложат свое мнение в "*Зоологе*": между тем я придерживаюсь своего мнения, что Летучая мышь находилась там не менее *ста шести лет*! [\[112\]](#)

V.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ЛАСТОЧЕК.

Что происходит с нашими ласточками зимой? Вы отвечаете, что они мигрируют на более теплую параллель. Это, несомненно, правда; хотя не было недостатка в натуралистах с уважаемым именем, которые утверждали, что никто из них никогда не покидал страну. Однако, без сомнения, они действительно мигрируют; но верно ли это для всего тела или только для части? То, что вся популяция гирундинов - стрижи, ласточки, куницы и береговые куницы — исчезает из поля зрения, знает каждый; ибо кто когда-либо видел, чтобы кто-нибудь из этого племени кружил по небу в январские или февральские морозы? Но то же самое делают Летучие Мыши и Бабочки. Теперь летучие мыши гибридизуются с нами, прячась в расщелинах, пещерах, дуплистых деревьях, неиспользуемых зданиях и подобных местах; то же самое делают домашние мухи; то же самое делают бабочки, по крайней мере, некоторые виды, и многие другие насекомые. Размножаются ли ласточки? То, что они это делают, - очень старое мнение; и те простые, но широко распространенные рифмы, которые фиксируют так много общепринятых фактов популярной естественной истории, фиксируют *это* как факт. Наши деревенские дети поют—

"Летучая мышь, пчела, бабочка,

Кукушка и ласточка,

Кукурузный коростель и пшеничный колос,

Они все спят в лощине.

Существуют локальные вариации — то, что мы можем назвать *lectiones variæ* — например, на юго-востоке нашего острова проходит третья линия,

"Коростель и соловей".

На севере Европы долгое время господствовало мнение, что ласточки не только размножаются в состоянии оцепенения, но и, подобно лягушкам и жабам, уходят на дно водоемов, чтобы провести там этот унылый сезон. В "Календаре флоры" Бергера, опубликованном в *AmnitNitates Academicæ*, том iv., он называет явление, характерное для 22 сентября, "*Hirundo submergitur*", говоря, как замечает Гилберт Уайт, о ласточках, уходящих под воду, так же фамильярно, как он говорил бы о своей домашней птице, отправляющейся на ночлег на закате. Клейн и даже сам Линней придерживались этого странного мнения, которое, как считалось, основывалось на достоверных свидетельствах, и не только неграмотных и ненаблюдательных. Этмюллер, который был профессором анатомии и ботаники в Лейпциге в середине семнадцатого века, говорит: "Я помню, что нашел больше, чем можно вместить в бушель Ласточек, тесно сбившихся в кучу среди камышей пруда с рыбой подо льдом, все они выглядели мертвыми, но сердце их все еще билось". И Дерхэм, проницательный автор "Физико-теологии", цитируя это утверждение, добавляет: "На заседании Королевского общества 12 февраля 1713 г. мы получили еще одно подтверждение того, что ласточки уходят зимой под воду, от доктора Коласа, человека, очень любопытного в этих вопросах, который, говоря об их способе ловли рыбы в северных районах, пробивая лунки и вытаскивая сети под лед, говорит, что он видел шестнадцать ласточек, вытащенных таким образом из озера Ламродт, и около тридцати из большого королевского пруда в Роснейлене; и еще он видел, как ласточки уходили под воду зимой". что в Шлехиттене, недалеко от дома графа Дона, он видел двух ласточек, только что вылезших из воды, которые едва могли стоять, будучи очень мокрыми и слабыми, со свисающими до земли крыльями; и что он заметил, что ласточки часто были слабыми в течение нескольких дней после своего появления ".[\[113\]](#)

Академия Упсаля приняла зимнее погружение ласточек в воду как несомненный факт, и даже Кювье признает "хорошо подтвержденным, что зимой они впадают в летаргическое

состояние и даже что этот сезон они проводят на дне болотистых вод".^[114] Можно было бы подумать, что зоологическое утверждение, принятое Линнеем и Кювье, должно быть фактом; однако оно остается совершенно невероятным. В Германии награда равного веса в серебре была публично предложена любому, кто добудет Ласточек, найденных под водой, но нас заверили, что не было найдено никого, кто мог бы претендовать на эти деньги.

Мы можем смело отбросить идею погружения до тех пор, пока она не будет более достоверно подтверждена; но идея оцепенения все еще открыта для изучения. Утверждения о том, что большое количество ласточек в состоянии, подобном смерти, было найдено в дуплах деревьев, норах в утесах, на берегах и т. Д., Встречаются даже чаще, чем утверждения об их погружении под воду; и они, по-видимому, заслуживают доверия во всех регионах с умеренным или холодным климатом, где водятся Ласточки. Трудно представить, что столь широко распространенное убеждение может быть совершенно беспочвенным.

Питер Коллинсон, друг и корреспондент Линнея, передал Королевскому обществу следующее заявление М. Ашара: "В конце марта я отправился вниз по Рейну в Роттердам. Немного ниже Базеля южный берег реки был очень высоким и крутым, с песчаной почвой, на высоте шестидесяти или восьмидесяти футов над водой.

"Я был удивлен, увидев на вершине утеса нескольких мальчиков, привязанных к веревкам и свисающих вниз и что-то делающих. Необычность этих предприимчивых мальчиков и дело, за которое они так смело взялись, заставили нас прервать наше плавание, чтобы вникнуть в его значение. Лодочник сказал нам, что они добирались до отверстий в скалах за Ласточками или Куницами, которые укрывались в них и оставались там всю зиму, до теплой погоды, а затем выплывали за границу.

Когда товарищи подвели мальчиков к отверстиям, они вставили в них длинную трамбовку с винтом на конце, вроде тех, которыми разряжают ружья, и, покрутив ее, вытащили птиц. За небольшую плату я раздобыл несколько из них. Когда я впервые взял их в руки, они казались жесткими и безжизненными; я положил один из них себе за пазуху, между кожей и рубашкой, а другой положил на доску, чтобы солнце ярко и тепло освещало его; и один или двое моих товарищей сделали то же самое. То, что лежало у меня на груди, ожило примерно через четверть часа; почувствовав, что оно шевелится, я вынул его, чтобы посмотреть; но, заметив, что оно недостаточно пришло в себя, я положил его обратно; примерно через четверть часа, почувствовав, что оно довольно оживленно трепещет, я вынул его и полюбовался им. Будучи теперь полностью укрытым, прежде чем я успел опомниться, он улетел; обшивка лодки мешала мне видеть, куда он направился. Птица на доске, хотя и находилась на ярком солнце, все же, я полагаю, из-за прохлады воздуха, не ожила настолько, чтобы иметь возможность летать".^[115]

В связи с этим я могу заметить, что Коллинсон вряд ли стал бы посредником в этом сообщении, если бы не был уверен в честности своего корреспондента. Это было "в конце марта", по крайней мере, за две недели до прибытия "Песчаного Мартина" — самого раннего из наших переселенцев; и вся предприимчивость мальчиков и знакомство лодочника с обстоятельствами, а также их утверждения показывают, что у них, по крайней мере, не было сомнений в том, что это случай гибридизации. Однако неоднократные исследования нор Песчаного Мартина в этой стране зимой не привели к появлению птиц.

Уайт из Селборна, который был очень заинтересован в решении этого вопроса, упоминает два случая — оба, однако, основаны на слухах. Священник заверил его, что, когда он был мальчиком, несколько рабочих, разбирая зубчатые стены башни ранней весной, нашли двух или трех стрижей *среди мусора*, которые казались мертвыми, но ожили в тепле. Другой отчет касался обрушения части утеса близ Брайтона зимой, когда многие люди находили ласточек среди мусора; но здесь даже информатор Уайта не видел птиц, ему просто рассказали о них.[\[116\]](#)

Епископ Стэнли в своей "Знакомой истории птиц" собрал несколько историй, которые кажутся достаточно обстоятельными, если бы мы могли быть полностью уверены в их подлинности; в этом пункте добрый епископ, по-видимому, подчеркивает значимость своего персонажа, поскольку замечает, что это "случаи, которые стали нам известны от самого уважаемого источника".

"16 ноября 1826 года джентльмен, проживающий недалеко от озера Лох-Эйв в Шотландии, имея возможность осмотреть пристройку, используемую в качестве сарая для телег, увидел необычный вид на одном из стропил, которые пересекали и поддерживали соломенную крышу. Поднявшись по лестнице, он, к своему удивлению, обнаружил, что это была группа ласточек-трубочников (*Hirundo rustica*), которые устроили себе зимние квартиры в этом незащищенном месте. Группа состояла из пяти человек, совершенно оцепеневших; и никого из племени, к которому они принадлежали, никто не видел в течение пяти или шести недель до этого: он взял их в руки, когда они лежали, тесно и холодно прижавшись друг к другу, и отнес к себе домой, чтобы показать их в качестве объектов любопытства другим членам своей семьи. Некоторое время они оставались, по всей видимости, безжизненными; но температура в помещении, в которое их внесли, была значительно повышена благодаря хорошему разжиганию торфа, и у них постепенно появились симптомы оживления; и менее чем через четверть часа, обнаружив, что с ними обращались довольно грубо, все они пришли в себя и стали нетерпеливо метаться по комнате в поисках какого-нибудь отверстия, через которое они могли бы сбежать. Окно было распахнуто, и вскоре они углубились в поля, и больше их никто не видел. Похожее обстоятельство, хотя, судя по месту его обнаружения, оно, вероятно, должно относиться к Сэнд Мартинс, было описано джентльменом, который нашел двух Ласточек на песчаной отмели в Ньютоне, недалеко от Стерлинга, совершенно спящими.

Опять же, около полудюжины ласточек были найдены несколько лет назад в оцепенелом состоянии в стволе дуплистого дерева одним соотечественником, который принес их уважаемому человеку, который положил их в письменный стол, где они оставались забытыми до следующей весны, когда однажды утром, услышав шум, он открыл письменный стол и обнаружил, что одна из них трепещет: другие тоже начали подавать признаки жизни, и, будучи вынесены на улицу, на солнце, быстро расправили оперение, расправили крылья и исчезли.

"2 ноября 1829 года в озере Лох-Ранса, на острове Арран, мужчина, копая в месте, где недавно осушили пруд, обнаружил двух ласточек в состоянии оцепенения; когда он положил их возле огня, они пришли в себя. Один, к сожалению, уцелел, но другой был сохранен этим человеком с целью показать его некоторым ученым".

В Северной Америке обитает любопытный вид стрижей (*Acanthylis pelasgia*), которые собираются в огромные стаи и устраиваются на ночлег в дымоходах и дуплах деревьев. Распространено мнение, что эти птицы проводят зиму в оцепенелом состоянии на своих

насестах на деревьях. Уильямс в своей "Истории Вермонта" говорит о большом поломанном вязе, который в течение многих лет использовался для этой цели. Фермер, живший неподалеку от дерева, был убежден, что это зимнее жилище стрижей, и по этой причине не стал его срубить. Примерно 1 мая он всегда видел, как они выходили оттуда в большом количестве, примерно в середине дня, и через короткое время возвращались. Затем, когда погода потеплела, они вышли утром все большими толпами и не возвращались до ночи. Аналогичное описание было дано и о другом дереве: первым появлением стрижей весной всегда было их появление из его полого ствола, а последним, в сентябре, было их залетание внутрь. Однако Уилсон, великий орнитолог Америки, утверждает, не без некоторого жара, но со значительной силой, что такое мнение ошибочно. Ошибочным, конечно, является предположение, что все стрижи-трубочисты такие гибридные; но независимо от того, делают это некоторые или нет, его аргументы не совсем завершают.

В деревенском четверостишии, процитированном в начале этого исследования, упоминается Коростель, ассоциирующийся с Ласточкой в этом зимнем сне, — "в дупле". Любопытно, что зарегистрированы два современных случая гибридизации коростелей, хотя у нас это, безусловно, такой же мигрирующий вид, как *Hirundinidae*. Фермер из Эйкернесса на Оркнейских островах примерно в середине зимы, разбирая глинобитную стену, обнаружил посреди нее Коростеля. Оно было явно безжизненным, но, будучи свежим на ощупь и по запаху, его поместили в тепло. Через короткое время он начал двигаться, а через несколько часов смог ходить и прожил два дня на кухне; отказавшись от всякой пищи, или, вернее, от той, которая подходила к тому времени, она умерла.[\[117\]](#)

"Второй случай произошел в Монагане, в Ирландии, где джентльмен, приказав зимой своим работникам убрать большую кучу навоза, которая долгое время оставалась нетронутой, заметил яму, предположительно проделанную крысами; она проникла на большую глубину, но по окончании ее были обнаружены три коростеля, как будто помещенные туда с величайшей осторожностью, ни одно перо не было сдвинуто с места, и, по-видимому, безжизненные. Однако было установлено, что обследованные птицы находились в оцепенелом состоянии, и их поместили у огня в теплой комнате. В течение короткого времени в одной из их ног наблюдалось дрожащее движение, и вскоре после этого аналогичное движение было замечено во всех ногах и крыльях, которое, наконец, распространилось на все их тела, и, наконец, птицы получили возможность бегать и летать по комнате".[\[118\]](#)

Дейнс Баррингтон, корреспондент "Гилберта Уайта" и "Пеннанта", твердо верил в то, что Ласточки спят зимой вместе с нами. Он упоминает, ссылаясь на авторитет лорда Белхейвена, что множество ласточек было найдено в старых сухих стенах и на песчаных холмах недалеко от резиденции его светлости в Ист-Лотиане; не один раз, *а из года в год*, и что, когда они подвергались воздействию тепла, они оживали. Однако он говорит, что не может определить конкретный вид.[\[119\]](#)

Тот же натуралист упоминает множество других случаев, когда сообщалось об их обнаружении, но он не может лично подтвердить правдивость этих утверждений.

"Во-первых, в гнилом дуплистом дереве, срубленном близ Долджелли, в Мерионетшире; во-вторых, в утесе близ Уитби, в Йоркшире, где при выкапывании лисицы были обнаружены

целые стаи ласточек в оцепенелом состоянии; в-третьих, преподобный мистер Конвей из Лихтона, Флинтшир, несколько лет назад, между Праздником Всех Святых и Рождеством, осматривая старую свинцовую шахту в этом графстве, заметил множество ласточек, цепляющихся за бревна шахты, по-видимому, спящих, и разбрасывающих по стволу немного гравия. они просто двигались, но никогда не пытались улететь или сменить место жительства".[\[120\]](#)

В некоторых сообщениях в "Зоолог" за 1845 год покойного мистера Ф. Холма из Оксфорда я нахожу следующее утверждение: "О гибридизации этого вида (Домашней ласточки) Много лет назад олд Уолл, в то время хранитель музея на Килдэр-стрит в Дублине, рассказал мне ... что после сильного снегопада зимой 1825-26 годов, зайдя в *мансарду*, чтобы посмотреть, не растаял ли снег, он обнаружил четырех ласточек-каминниц, тесно прижавшихся друг к другу на перекладине, спрятав головы под крылья; но стоило ему дотронуться до них рукой, как они взлетели и улетели на открытый воздух".[\[121\]](#)

Опять же, мистер Дж. Б. Элман из Баттела говорит: "Есть фермер по имени Уотерс, проживающий в Кэтсфилде (соседний приход), который сообщил мне, что часто (несколько лет назад) зимой выкапывал Ласточек из берегов, одновременно расширяя канавы в ручьях".[\[122\]](#)

К сожалению, большинство этих и подобных открытий было сделано "несколько лет назад"; и что, вместо того чтобы учащаться с ростом научных исследований и коммуникаций, они странным образом становятся все более редкими. То же замечание применимо к следующему заявлению: оно достаточно подробное и обстоятельное; но, к сожалению, это было "пятнадцать лет назад". Отправитель — Эдвард Браун Фиттон, Гастингс, под датой 8 сентября 1849 года:-

"Рабочий по имени Уильям Джойс, который сейчас занят раскопками части Восточного холма для фундамента дома, сказал мне вчера, что в декабре месяце, около пятнадцати лет назад, когда он работал на мистера Уильяма Рейнджера, у которого был контракт на вырубку "Белой скалы", которая раньше стояла между этим местом и собором Святого Леонарда, мужчины обнаружили огромное количество ласточек в расщелине скалы. Птицы держались вместе большими "сгустками" и казались мертвыми, но не были заморожены вместе, так как погода была довольно теплой для этого сезона, и они совсем не были гнилыми или разложившимися. Мужчины вынесли по меньшей мере *три железнодорожные тележки*, полные птиц, которые были засыпаны плесенью и мусором со скалы, когда ее увозили. Несколько человек из города унесли с собой нескольких птиц, чтобы "провести с ними эксперименты", но Джойс больше никогда о них не слышала. Он упомянул имена четырех человек, находящихся сейчас в Гастингсе, которые тогда были его товарищами по работе, и говорит, что сорок или пятьдесят человек мистера Рейнджера были на месте, когда были найдены птицы, и могут подтвердить то, что он говорит, как о находке, так и об очень большом количестве птиц. На обращенной к морю поверхности скал поблизости есть множество расщелин, которые, по-видимому, проникают в скалу на несколько ярдов. Птицы были найдены примерно в десяти футах от поверхности скалы, обращенной к морю, и не очень высоко".[\[123\]](#)

Необходимо привести еще один класс фактов, которые имеют важное отношение к данному предмету. На первый взгляд, эти факты кажутся менее убедительными, чем заявленные открытия птиц, потому что менее непосредственными; но я склонен придавать

им большее значение, потому что они подтверждены таким количеством и такими безупречными свидетелями. Я имею в виду вид больших ласточек на этих островах в зимние месяцы. Давайте рассмотрим несколько примеров.

Уайт из Селборна описывает несколько случаев: так, в 1773 году двадцать или тридцать хаус-мартинсов играли в воздухе весь день 3 ноября,[\[124\]](#) после исчезновения 22 октября. В 1772 году он увидел трех Домовых ласточек, проплывавших мимо на берегу моря в Ньюхейвене 4 ноября.[\[125\]](#) В другом случае (год не указан) он увидел солнечным утром летящего Хаус-мартина в Оксфорде 20 ноября.[\[126\]](#) 26 ноября 1768 года один из его соседей видел Мартина, быстро гонящегося за мухами.[\[127\]](#) И один очень уважаемый джентльмен заверил его, что в удивительно жаркий день, то ли в последнюю неделю декабря, то ли в первую неделю января, он заметил трех или четырех ласточек на лепнине окна Мертон-колледжа в Оксфорде.[\[128\]](#)

Полковник Монтегю отмечает, что "есть множество случаев, когда Ласточку и Мартина видели летящими в ноябре и декабре, выведенных, вероятно, из состояния оцепенения необычно теплым воздухом";[\[129\]](#) и капитан Х. У. Хэдфилд, комментируя это, утверждает, что он "не раз видел визуальные доказательства их присутствия в зимние месяцы".[\[130\]](#) Яррелл приводит примеры позднего появления Swift. Одно из них было замечено мистером Блэкуоллом 20 октября 1815 года; второе в Пертшире 8 ноября 1834 года; и третье в Девоншире преподобным мистером Корнишем 27 ноября 1835 года.[\[131\]](#) При рассмотрении этих случаев необходимо иметь в виду, что стриж ежегодно мигрирует из этой страны с 1 по 15 августа.

Мистер К. Р. Бри упоминает следующий случай, который я описываю, не потому, что было особенно поздно, а потому, что состояние сезона и некоторые другие обстоятельства, о которых он упоминает, интересны: "25 октября 1848 года, когда несколько рабочих работали на крыше моего дома, я был удивлен появлением трех ласточек, летающих над мужчинами. Я не видел ни одного с начала месяца. Со стороны края двускатной части дома штукатурка была отколота, образовав дыру, которая вела под крышу. Наблюдая за птицами, которые время от времени пролетали совсем близко от моего лица, я увидел, как сначала одна, потом другая сели на выступ фронтона, рядом с отверстием. Теперь, подумал я, я должен решить вопрос о гибридизации, но я был разочарован. Хотя я наблюдал за ними в течение нескольких часов, хотя я отправлял рабочих в другую часть дома, все же, хотя они часто устраивались около ямы, они никогда не входили в нее. Очевидно, это были молодые птицы, которых потревожили. Одна из них сидела на дымоходе и казалась слабой и унылой. Днем я потерял их из виду, но на следующее утро, когда погода была теплой, я увидел нескольких летающих высоко в воздухе. В этих существах есть какая-то тайна. Почему в этом году эти поздние появления были отмечены чаще, чем в другие годы? Как птицы добывали пищу в течение трех недель сильной холодной погоды, если в октябре их никто не видел?"[\[132\]](#)

10 декабря 1843 года экземпляр Ласточки, *взрослая птица, а не птенец текущего сезона*, (важное обстоятельство) в полном оперении и хорошем состоянии, был застрелен в Гуле, в Вест-Райдинге, и отправлен мистеру Р. Дж. Беллу из Дерби, хорошему орнитологу,[\[133\]](#) который фиксирует этот факт. В 1852 году этот превосходный натуралист мистер Хьюитсон из Оутлендса 18 ноября видел в Эшаре двух дымовых ласточек, а 21-го у него дома было четыре мартина.[\[134\]](#) В 1855 году мистер Э. Вернон Харкорт сообщает о появлении

нескольких martinov, шныряющих по Акфилду 23 ноября; а 6 декабря несколько ласточек из трубы около дома в Гастингсе.^[135] В тот же сезон 28 ноября в окрестностях Пензанса стаи куниц энергично отстреливались, что засвидетельствовал мистер Э. Х. Родд.^[136] Капитан Хэдфилд снова, пишущий в 1856 году, приводит выдержки из своих дневников, в которых он отмечает, что видел Ласточек и Стрижей 3 ноября 1841 года, 2 декабря 1842 года, 13 ноября 1852 года, 22 ноября 1853 года, ноябрь (примерно середина) 1854 года, а также 24 ноября (Ласточки) и 2 декабря (Стрижи) 1855 года. О последнем упомянутом происшествии он приводит следующую интересную заметку: "2 декабря, в 4 часа дня Наблюдал, как восемь ласточек летали по саду и время от времени садились на перпендикулярную стену дома возле моей садовой калитки, за которую они цеплялись на несколько секунд, а затем, оторвавшись, кружились, возвращаясь на то же место, по-видимому, совершенно не подозревая о моем присутствии и присутствии нескольких других: они, казалось, стремились проникнуть под карниз дома через небольшое отверстие, которое они обнаружили рядом с водопроводной трубой, проведенной через садовую калитку. уолл: я полагаю, это были все молодые птицы этого сезона, так как они казались маленькими, их хвосты также были короче, чем у взрослых; они были слабы в оперении, но это, возможно, произошло из—за того, что они оцепенели от холода, поскольку термометр в указанный выше час показывал только 44 ° . Большую часть дня светило яркое солнце, но утром я заметил белый иней. Я прихожу к выводу, что эти поздние пташки просто искали место для ночлега, а не укрытие на зиму, хотя, по словам Кьюве, Уайта и др., меня можно было бы извинить, если бы я думал, что они устраиваются на зимние квартиры; но я недостаточно верю в эту теорию, чтобы заставить меня снять покрытие с части крыши в поисках их, что, однако, можно было бы сделать за небольшую плату, при условии получения разрешения".^[137]

Весьма жаль, что наблюдателю не хватило уверенности, чтобы побудить его провести расследование, которое он предлагает.

Мистер Уильям Бри упоминает целых пятнадцать или двадцать куниц и Ласточек, резвившихся в воздухе возле Темпл-Бэлсолл 18 ноября 1846 года, добавляя, что он часто видел отдельных особей гораздо позже, но никогда не припоминает, чтобы видел такое большое количество вместе в тот поздний период. И, наконец, мистер Дж. Джонстон, младший, сообщает, что днем 18 января 1837 года он видел, как три ласточки пикировали и соколили, как летом, недалеко от Уэйкфилда.^[138]

Имеется меньше свидетельств появления этих птиц раньше обычного времени прибытия мигрантов. Но Уайт, когда был мальчиком, целый день вместе наблюдал за Ласточкой в солнечный теплый Масленичный вторник, который не мог выпасть позже середины марта, а часто случался в начале февраля.^[139] И мистер Сэмюэл Герни, младший, вместе с несколькими другими лицами видели либо Мартина, либо Ласточку 27 марта 1844 года.^[140]

Если бы это последнее событие произошло отдельно, оно не имело бы большого значения; поскольку Яррелл упоминает, что рыбаки видели одинокую ласточку возле Эддистоуна еще 4 апреля; а Песчаные martinы - даже так далеко на север, как Карлайл, до конца марта. Вполне возможно, что это были отставшие от великой армии переселенцев, прибывшие дней на десять-пятнадцать раньше положенного срока; но, учитывая весь огромный массив свидетельств, я скорее полагаю, что это тоже были гибриды, которые были преждевременно выведены из оцепенения необычно теплыми днями.

Сообщения о том, что *гирундины* были обнаружены зимой в сонном состоянии, могут быть правдой, а могут и не быть; хотя большое количество таких заявлений в различных и отдаленных странах делает их огульное отвержение еще более трудным, чем принятие. Но все же остается неоспоримым тот факт, что птиц этого семейства, включая все наши четыре распространенных вида, довольно часто можно увидеть у нас в течение ноября и декабря, а иногда и в январе; то есть в течение двух или трех месяцев после того, как большое количество мигрантов покинуло страну. Никто, я полагаю, не утверждает, что миграция ласточек происходит в декабре или январе; следовательно, очевидно, что определенное количество — больше или меньше — остается. Что с ними происходит? Мы, конечно, видим их лишь изредка: где они находятся в те дни, когда не появляются, — дни, растягивающиеся на несколько недель подряд? Если бы они не были вялыми в течение тех недель, если бы более активные жизненные функции не были приостановлены, разве они, несомненно, не умерли бы от голода? Но образец, отстреленный 10 декабря и исследованный мистером Беллом, был в хорошем состоянии, что согласуется только с одной альтернативой; либо его хорошо кормили в течение предыдущих шести недель, либо он подвергался гибридизации. Но первое предположение подразумевает, что в тот период она обычно находилась на крыле, поскольку ласточки питаются только крылом; чего не могло бы быть, если бы ее не заметили и не зарегистрировали.

Принято говорить, что эти случайные зимние ласточки представляют собой поздние выводки птенцов, которые, будучи слишком инфантильными для миграции, вынуждены задерживаться в стране своего рождения и, впадая в летаргию из-за наступающих холодов, в конце концов умирают до наступления весны. Но когда мы рассматриваем эту гипотезу, она кажется едва ли правдоподобной. Во многих зарегистрированных случаях особи, замеченные даже в конце зимы, изображены веселыми и энергичными отстреливающимися от мух или носящимися над водой, как летом. Это не похоже на бедных покинутых сирот, измученных холодом, уходящих умирать; это здоровые птицы, временно пробудившиеся от обычного сна из-за необычной температуры и мгновенно готовые к полному использованию своих способностей. Однако, чтобы установить факт, мистер Белл четко заявляет, что его экземпляр от 10 декабря был "взрослой птицей, *не* птенцом сезона".

Если спросить, почему они не появляются в январе или феврале, а также в ноябре и декабре, ответ очевиден. Зимняя летаргия гибридирующихся теплокровных позвоночных гораздо легче прерывается в начале сезона, чем в середине и во второй половине. И это естественно, ибо более сильный январский холод сковывает и приостанавливает жизненные функции гораздо полнее, и вызванная таким образом *кома* достаточно глубока, чтобы противостоять противодействующему влиянию нескольких теплых дней, даже если температура должна быть такой же высокой, как в те ранние дни, которые их разбудили, или даже выше.

Таким образом, совокупные свидетельства, по—видимому, не оставляют места для обоснованных сомнений в том, что определенное количество наших *гирундинид*, — действительно, небольшое по сравнению с огромной популяцией мигрантов, но все же значительное, если рассматривать *само по себе*, - по той или иной причине уклоняется от задачи перелета на юг и остается, впадая в оцепенение, иногда предаваясь временной активности и возобновляя свою активную жизнь примерно в то же время, а иногда и немного *раньше* времени прибытия их сородичей из-за границы. Однако для окончательного разрешения вопроса желательно, чтобы образцы, действительно обнаруженные в летаргическом состоянии, попали под наблюдение компетентных ученых-натуралистов, *готовых к убеждениям*, которые оставили бы их *на месте*, время от времени

присматривая за ними до возвращения теплой погоды весной. Недостаточно отвести их в теплую комнату и показать, что они оживают в таких обстоятельствах: мы хотим точно знать, будут ли они нормально и естественно оживлены весенним теплом и выйдут ли они спонтанно резвиться, кружиться, скользить, парить, и приседать, и ястребиным криком, и щебетанием — среди своих товарищей по путешествию. Кто возьмется решать этот вопрос таким образом? Он добьется имени в науке.

VI.

ХОХЛАТАЯ И ПЛЕТЕНАЯ ЗМЕЯ.

Примерно в середине прошлого века в Амстердаме существовал Музей естественной истории, который, хотя и был собран благодаря усердию и трудолюбию частного лица, намного превосходил по размаху и великолепию любую коллекцию того времени в мире. Он был собран Альбертом Себой, богатым аптекарем на службе Голландской Ост-Индской компании, который, к счастью, опубликовал подробное описание его содержимого. Этот великий труд "*Краткое изложение естественного тезауруса точного описания*" в четырех томах, изданный с 1734 по 1765 год, даже сейчас примечателен точностью и красотой своих многочисленных гравюр, на которые до сих пор ссылаются как на авторитетные источники, хотя описания лишены научной ценности. Многие из этих фигур и описаний, в реальности которых не существует ни тени сомнения, принадлежат существам, совершенно неизвестным современной науке, а некоторые из них в высшей степени любопытны.

Змеи, похоже, были особым хобби Себы; и он описал огромное количество видов. Среди них есть две [\[141\]](#), которые представляют особый интерес. Они довольно небольшого размера; один бледно-желтый, отмеченный овальными красноватыми пятнами, другой красноватый, с пятью зелеными поперечными полосами. Голова в каждом случае имеет рогово-заостренную морду, а щеки покрыты бородками кораллово-красного оттенка.

Из выражений удивления, с которыми Себа представляет свои описания этих животных, очевидно, что они не были обычными формами. Он не знает, называть ли их Угрями или Змеями, критическими персонажами, которые в наши дни мгновенно определили бы этот момент, хотя тогда на них почти не обращали внимания. Он называет их "морскими", но отсутствуют ли какие-либо другие свидетельства, кроме висячих отростков щек, которые он называет "плавниками". Но ни одна рыба, известная натуралистам, не соответствует этим представлениям. Заостренная голова, действительно, в некоторых отношениях напоминает голову *мурены*, но этот род рыб полностью лишен грудных плавников, в то время как вертикально уплощенный хвост и длинные спинной и анальный плавники, сливающиеся вокруг оконечности тела в *Мурену*, совершенно не похожи на эти фигуры. Кроме того, эти и все подобные рыбы лишены видимой чешуи; но у этих чешуя явно змеевидная, и у второй, в частности, поперек брюха расположены большие симметричные пластины, в то время как голова у обеих защищена широкими пластинами, как у кольчужной змеи. Хвост вытянут до длинного конического заострения, без малейшего намека на сжатие или окаймляющие его плавники. На одном рисунке видна небольшая выступающая точка на краю нижней части живота, которая на первый взгляд наводит на мысль об анальном крючке *удава*, но при сравнении с другими рисунками мы обнаруживаем, что она предназначена для обозначения проекции доанальной шкалы. Сама незначительность этого символа делает его ценным: художник, несомненно, не обратил на него внимания, он просто нарисовал то, что увидел; однако это очень решающий знак различия между змеей и рыбой.

Себа пишет, что получил этих Змей с острова Сан-Доминго. В то время это была процветающая французская колония, и ее природные продукты были гораздо лучше известны Европе, чем сейчас. Когда я посетил соседний остров Ямайка в 1845-46 годах, я услышал рассказы об удивительном животном, которое иногда видели в восточных районах острова, о котором сообщалось как о Змее с петушиным гребнем и бородками, и которое кукарекало, как петух. С этим странным Змеем связано много таинственности.

Это было связано с очень примечательным и своеобразным характером пейзажа: — Дикий горный регион, сложенный из белого известняка, изобилующий узкими долинами, ограниченный крутыми обрывами и пронизанный журчащими ручьями, которые часто струятся стройными каскадами по скалам. Известняковая порода поднимается крутыми террасами, стена над стеной, и вся ее поверхность имеет необычные ячеистые очертания, "как будто вырезанные гравировальным инструментом в виде грубых алмазных заострений", чередующиеся с гладкими и округлыми отверстиями различных размеров, от лесного ореха и выше. Во многих из этих впадин залегают маленькие сухопутные раковины страны, покрашенные в совершенно белый цвет, как сам камень, родов *Helix*, *Cyclostoma*, *Helicina*, *Cylindrella*, *Achatina* и т. Д., Многие из них в идеальном состоянии, но гораздо больше в виде фрагментов. Они в точности напоминают ископаемые раковины *in situ*, но эти виды абсолютно идентичны тем, которые ползают по кустарникам и деревьям в том же регионе. В очень многих случаях мертвые раковины точно соответствуют углублениям в скале, внутренняя часть которых впечатлена формой и скульптурой раковины в *глубокой печати*: — самый любопытный и занимательный факт, поскольку он указывает на совсем недавнее формирование региона, камень несет очевидные признаки того, что он находился в пластическом состоянии, когда в него были завернуты раковины. Из углублений в скале, их корни крепко цепляются за острые выступы и зубовидные зазубрины камней, вьются по извилистым впадинам и пронизывают своими волокнами каждую мельчайшую впадину, где может скапливаться вода, растет множество высоких деревьев различных видов, оплетенных вьющимися растениями и увешанных гирляндами *лиан*, которые напоминают длинные и скрученные шнуры, переброшенные друг через друга или свисающие с ветвей до земли. Благородная агава, или то, что мы в Англии называем американским алоэ, здесь выбрасывает свои широкие, мясистые листья с остистыми краями и поднимает свой высокий цветочный стебель, увешанный цветущими ветвями, похожими на канделябры; а многочисленные густые *кактусы*, одни прямостоячие и массивные, другие похожие на плети, длинные и свисающие, придают растительности особый вид. Огромные пучки *орхидей* — прекрасной *бротонии* с ее толстыми яйцевидными листьями и кистями изящных малиновых цветов, *брасаволы* с длинными листьями, напоминающими по форме иглы дикобраза, и девственно белыми соцветиями, *онцидиумас* его желтыми и красными цветами, похожими на множество раскрашенных бабочек, танцующих при каждом вдохе, и многих других, - обрамляют развилки или свисают с искривленных ветвей деревьев.

Это образование из ячеистого известняка изобилует пещерами, многие из которых цепочками переходят одна в другую и которые придали этому региону своего рода суеверную таинственность. Беглые рабы и разбойники воспользовались возможностями, которые предоставляют его ущелья и неприступные крепости, чтобы избежать поимки; а во время восстания маронов он приобрел значительную известность. Примерно в восьми милях от Кингстона есть одно поместье, в непосредственной близости от которого знаменитый герой, Трехпалый Джек, устроил свою штаб-квартиру. Это район бурных потоков и водопадов самого романтического характера; "воображение ни одного художника театральных зрелищ не может превзойти дикие чудеса горной крепости *настоящего* Трехпалого Джека. Часть дороги, по которой вы поднимаетесь к водопаду, представляет собой подземный ход; в пещеры можно попасть через простые расщелины, которые кажутся просто щелями в неровной поверхности скалы, и все эти природные особенности объясняют таинственные исчезновения, которые герой-горец смог совершить, скрываясь от своих преследователей".

Именно в этом месте я впервые услышал достоверные известия о странной Хохлатой Змее. Известный джентльмен-медик сообщил мне, что в 1829 году он видел змею около четырех футов в длину, но необычной толщины, тускло-охристого цвета с четко очерченными темными пятнами, на голове у нее было что-то вроде пирамидального шлема, несколько заостренного на вершине, бледно-красного оттенка. Животное, однако, было мертво, и разложение уже начиналось. Он сообщил мне, что негры в округе были хорошо знакомы с этим явлением и что они представляли его как производящий шум, мало чем отличающийся от крика петуха, и как пристрастие к охоте на домашнюю птицу.

Хохлатая змея известна не только на Ямайке. На острове Сан-Доминго, откуда Себа получал свои любопытные экземпляры, мой друг мистер Хилл слышал о ней. Испанский джентльмен, которого он навещал в Хайти, сказал ему, что видел это, и попросил его отметить это среди замечательных вещей этой страны. Это было на дальнем востоке острова, известном как древняя касикеда Игуэя, где индейцы отличались более воинственным нравом, чем их кроткие собратья в центре и на западе, и где жестокости, творимые над ними испанскими захватчиками, достигли такой нечеловеческой степени дьявольщины, что даже Лас Касас говорит, что он почти боялся повторить их. Известняковые горы здесь имеют точно такое же описание, как и на Ямайке, и пейзаж приобретает точно такой же романтический характер. Испанский информатор моего друга видел змею с нижними челюстями, похожими на птичьи, с петушиным гребнем, с алыми мочками или бородками; и он описал ее повадки — возможно, скорее исходя из общей известности, чем из личных наблюдений, — как завсегдатая курятников, куда она засовывала голову и обманывала цыплят своим подражательным обликом и попытками кукарекать, как их собственный певчий. "Il canta como un Gallo" - таков был репортаж в Хайти, как и на Ямайке.

Я был очень заинтересован этой загадочной рептилией и упомянул в публичных газетах о своем желании завладеть экземпляром. Джентльмен, живущий поблизости, мистер Джаспер Карджилл, был настолько горяч желанием услужить мне, что предложил совершить за одного; но хотя несколько человек поспешили пообещать поимку, примера не последовало.

После моего возвращения с Ямайки мой друг обратил внимание на появление двух найденных образцов, но ни один из них не сохранился. Мистер Карджилл сообщил ему, что несколько лет назад, во время посещения Скибо в Сент-Джорджесе, поместье его отца, при спуске с горной дороги его внимание привлекла змея темного оттенка, которая выползла из нескольких обломков известняковой скалы, валявшихся повсюду. Оно было около *четырех футов в длину* и необычайно *толстое*. Его удивление значительно возросло, когда он увидел, что это был *гребешок*, а сбоку от щек торчали какие-то *красные щитки*, похожие на жабры или бородки. Некоторое время она пристально смотрела на него, высоко подняв голову, затем втянулась внутрь и исчезла среди обломков скал.

Сын этого джентльмена встретился с другим экземпляром при следующих обстоятельствах, подробно описанных мне моим другом: "Это было, я думаю, в канун Пасхи, 30 марта прошлого года [1850 г.], когда несколько молодых людей из города прибежали рассказать мне о любопытной змее, не похожей ни на одну змею, которую они когда-либо видели прежде, которую молодой Карджилл застрелил, когда целый день занимался спортом в лесах соседней пенсильвании. Они описали его как змею во всех отношениях, но с головой очень странной формы и с бородками по обе стороны челюстей. Взяв его в руки и осмотрев, они поместили его в дупло дерева, намереваясь вернуться за ним, когда соберутся возвращаться домой, но они забрели от этого места так далеко, что возвращаться было

неудобно, когда они устали от блужданий; но они, не теряя времени, рассказали мне о приключении, зная, что оно меня очень заинтересует, особенно потому, что отец юного Каргилла подумал, что это змея, похожая на ту, которую он видел в Скибо, в церкви Святого Георгия, или на хохлатую змею, образец которой он нашел в церкви Святого Георгия. Томас на Востоке, он предложил сумму в двадцать шиллингов. Юноша, подстреливший змею, на следующее утро заболел лихорадкой и не мог вернуться в лес на ее поиски, но он послал своего младшего брата, который был с ним; но хотя он думал, что снова нашел дерево, на которое его брат положил ее, он не смог найти змею. Он предположил, что крысы сожрали его ночью. Когда мне рассказали об этом приключении, другой юноша, Улик Рамзи, мой крестник, который пришел с молодыми Карджиллами, чтобы рассказать мне об их открытии, сообщил мне, что незадолго до этого он видел в руке начальника казарм-сержанта казарм в Спэниш-Тауне любопытную змею, которую он тоже подстрелил среди скал небольшой гряды возвышенностей возле железной дороги, примерно в двух милях отсюда, под названием Крейгаллечи. Это была змея с головой странной формы и выступами по бокам, которые он сравнил с плавниками угря, но сказал, что они расположены близко к челюстям. Здесь, несомненно, изображены две те же змеи, что и в "Тезаурусе Себа", снятые недалеко от Спэниш-Тауна, и обе около ячеистых скал, которые выступают через равнину Святой Екатерины отдельными гребнями, конусами и кочками, являясь концами более крупных линий известняка, которые были покрыты обломками равнин, оставляя тут и там обнаженными массы подкаменных пород. Эти места также часто посещает *Циклура*; они являются продолжением наших Красных Холмов — страны, которая так напоминает террасные утесы и долины с красной почвой Игуэя.

Примечательно, что с того времени и по сей день я больше ничего не слышал об этом известном змее, настоящем Василиске; хотя я не сомневаюсь, что мои друзья с Ямайки, которые сильно заинтересовались этим вопросом, сообщили бы мне об этом образце, если бы таковой был получен. Однако имеется достаточно доказательств, чтобы предположить существование такой формы на больших Антильских островах, независимо от того, совпадают с ней рисунки Себа или нет.

VII.

СОМНЕВАЮЩИЕСЯ.

Некоторым рептилиям приписывается очень любопытная и необъяснимая привычка, которая, хотя и подтверждается многими свидетелями в разное время и в отдаленных странах, еще не получила общего одобрения людей науки. Уайт из Селборна в одном из своих очаровательных писем к Пеннанту приводит следующее примечание: "Несколько умных людей уверяют меня, что они видели, как Гадюка открывает рот и выпускает своих беспомощных детенышей в глотку при внезапных неожиданностях, точно так же, как самка опоссума выводит потомство в сумке под брюхом в подобных чрезвычайных ситуациях. И все же лондонские ловцы гадюк настаивают на том, чтобы мистер Баррингтон сказал, что ничего подобного никогда не произойдет".[\[142\]](#)

Показания лондонских ловцов гадюк стоят не больше, чем они того стоят; те, к кому обращался мистер Баррингтон, — сколько их было и с каким опытом, я не знаю, — не сталкивались с подобным случаем. Но отрицательные свидетельства мало весомее положительных. В то же время другие члены того же братства подтверждают этот факт. Как отмечает мистер Мартин, нет никаких физиологических оснований против возможности того, что детеныши могут поддерживать жизнь в течение короткого периода в желудке родителя. Мистер Белл слышал, как проглоченная лягушка кричала через несколько минут после того, как ее проглотила змея; и тот же авторитетный специалист видел, как другая лягушка выпрыгнула изо рта проглотившей ее змеи, воспользовавшись тем, что последняя разинула рот, как они часто делают, сразу после приема пищи.

Мистер Мартин говорит, что разговаривал с несколькими людьми, которых егеря и садовники заверили, что они были свидетелями того, как гадюки проглотили детенышей.[\[143\]](#) И мистер Блайт, зоолог с устоявшейся репутацией, замечает: "Я был проинформирован об этом таким количеством заслуживающих доверия очевидцев, что я без колебаний безоговорочно верю этому факту. В частности, один человек, на слова которого я полностью полагаюсь, рассказал мне, что он сам видел, как целых тринадцать молодых гадюк таким образом проникали в рот родительницы, которую он впоследствии убил и вскрыл с целью их подсчета".[\[144\]](#)

Мистер Э. Персиваль в письме к зоологу под датой "Линкольнс-Инн-Филдс, 64, 17 октября 1848 г." сообщает следующие факты: "Прошлой осенью, находясь в Шотландии, я убедился в том, что гадюки действительно обладают этой способностью, хотя доказательства были не такими убедительными, как можно было бы пожелать. Идя по залитой солнцем дороге, я увидел гадюку, лежащую на парапете. По-видимому, ее только что убили ударом палки. Пять или шесть детенышей, около четырех дюймов длиной, извивались вокруг своей убитой родительницы, и один из них в тот момент, когда я приблизился, вылезал у нее изо рта. Было ли это первым случаем, когда молодые люди увидели свет, или они всего лишь покидали место временного убежища, я предоставляю определять более опытным наблюдателям, чем я".[\[145\]](#)

Из этого сообщения покойный мистер Джон Уолли узнал следующее: "Интересная заметка мистера Персиваля (*Зоол.*, 2305) по этому поводу напоминает мне очень похожий анекдот, рассказанный мне несколько лет назад джентльменом, который является точным наблюдателем и имеет большой опыт во всех видах спорта. Однажды он подстрелил гадюку, и почти сразу после этого ее окружили детеныши, что показалось ему самым загадочным образом. Но здесь не хватало главного звена, которое предоставил мистер Персиваль, —

никто не видел, чтобы детеныши выходили изо рта своей матери. Возможно, мне будет позволено упомянуть анекдот, рассказанный мне в 1842 году неграмотным пастухом из Хоугема, недалеко от Дувра: он встретил меня, ловящим гадюк, и, когда я вступил с ним в разговор, он вызвался — без каких-либо моих намеков — рассказать эту любопытную историю. Однажды его отец внезапно наткнулся на гадюку, окруженную своими детенышами, она открыла рот, и все они потекли ей в глотку; он убил ее и, оставив на земле, зажал ее открытый рот между двумя кусками палки; вскоре детеныши выползли наружу: при малейшей тревоге они снова отступали — и делали это неоднократно в течение нескольких дней, за это время посмотреть на это приходило много людей.^[146] Детеныши, которых Уайт из Селборна вырезал из старой самки и которые немедленно приняли вызывающую позу, вероятно, тогда еще не впервые увидели дневной свет. Мистер Белл в примечании к изданию Беннетта книги Уайта "Селборн" упоминает широко распространенную веру в эту предполагаемую привычку гадюк, но, по-видимому, считает этот факт недоказанным. Описания сходных привычек иностранных живородящих змей, общие сведения и, прежде всего, наблюдение мистера Персиваля не оставляют у меня никаких сомнений на этот счет".

Самый последний зарегистрированный случай, с которым я встречался, — это следующий, сообщенный в "Зоолог"^[147] за декабрь прошлого года преподобным Генри Бондом из Южного Питертона:-

"Прогуливаясь по фруктовому саду недалеко от Тайнхэм-Хауса в Дорсетшире, я наткнулся на старую гадюку, греющуюся на солнышке в окружении своих детенышей; она лежала на давно подстриженной траве, которая стала гладкой и побелевшей под воздействием непогоды. Встревоженный моим приближением, я отчетливо увидел, как детеныши потекли в горло своей матери. В то время я никогда не слышал о разногласиях по этому факту, иначе я бы больше стремился убить гадюку, чтобы доказать свою правоту. Как бы то ни было, она сбежала, пока меня больше интересовали обстоятельства, свидетелем которых я стал, чем ее гибель.

Точно то же самое рассказывают и о североамериканской гремучей змее. Хантер говорит, что при тревоге детеныши, которых восемь или десять, отступают в рот родительницы и появляются снова, подавая сокращающийся мышечный знак, что опасность миновала.^[148]

Г-н Пализо де Бовуа утверждает, что он видел, как большая гремучая змея, которую он потревожил во время своих прогулок, немедленно свернулась кольцом и разинула пасть, когда в одно мгновение пять маленьких змей, лежавших рядом с ней, бросились в ее открытую пасть. Он спрятался и наблюдал за змеей, а через четверть часа увидел, как она выпустила их. Затем он приблизился во второй раз, когда детеныши бросились в рот родителю быстрее, чем раньше, и животное немедленно отодвинулось и убежало. Говорят, что это явление наблюдалось в отношении некоторых ядовитых змей Индии, но я не могу сейчас вдаваться в подробности.

Подтверждение сообщаемого факта иногда извлекается из побочных доказательств, и в данном случае в этом нет недостатка. Это явление характерно не только для змей; оно наблюдалось у их ближайших родственников, ящериц. Мистер Эдвард Ньюман, защищая тему философской оговоркой, снабжает своих читателей следующим в высшей степени интересным и уместным заявлением: "1 июня мой покойный друг Уильям Кристи, младший, нашел прекрасный экземпляр обыкновенной чешуйчатой ящерицы с двумя детенышами. Проявляя интерес ко всему, что связано с естественной историей, он положил их в

маленький карманный сосуд, чтобы принести домой; но когда он в следующий раз вскрыл сосуд, детеныши исчезли, а живот родительницы был сильно раздут; он пришел к выводу, что она сожрала свое собственное потомство; ночью сосуд положили на стол, и ящерица, следовательно, успокоилась: утром детеныши появились снова, и мать была такой же худой, как и вначале. 2. Мистер Генри Даблдей из Эппинга предоставляет следующую информацию: — Человек, имя которого англичанин, хороший наблюдатель и, так сказать, воспитанный на естественной истории под руководством мистера Даблдея, однажды случайно наступил ногой на ящерицу в лесу, и пока ящерица была таким образом прижата его ногой, он отчетливо увидел, как три детеныша выбежали у нее изо рта. Пораженный таким явлением, он убил и вскрыл старую особь и обнаружил у нее в животе двух других детенышей, которые были повреждены, когда он наступил на нее. В обоих этих случаях рассказчики принадлежат к тому классу людей, которые действительно знают, что наблюдать и как это наблюдать; и факты, какое бы объяснение они ни допускали, не следует отвергать как результат воображения или ошибочного наблюдения". [\[149\]](#)

Примечательно, что все змеи, которым приписывается это явление, являются яйцеживородящими. Наша обыкновенная ящерица, к которой, несомненно, относятся только что рассказанные факты (*Zootoca vivipara*), обладает тем же свойством, которое, однако, по-видимому, никоим образом не является обычным среди ящериц ящерицы. Это совпадение, хотя и дало бы повод для отрицания изложенных фактов в предположении, что появление живых детенышей из брюшной полости или их присутствие в ней породило это представление, может иметь существенное значение и связь с самим феноменом, исходя из гипотезы о его истинности. Этот дар, каким бы он ни был, который позволяет детенышам жить и дышать в брюшной полости матери до рождения, может облегчить им, чем другим, не столь одаренным, пережить временное заключение в желудке после рождения. Мистер Ньюман не знает, как поверить в то, что молодое и нежное животное может оставаться в хорошо перевариваемом желудке гадюки и не получать никаких повреждений; но он забыл принять во внимание хорошо доказанную способность живых тканей сопротивляться действию химических реагентов, которые мгновенно подействовали бы на них после смерти. Стенки самого желудка не разъедаются желудочным соком, который быстро растворяет находящийся в нем кусок мяса. Если молодые животные смогут какое-то время обходиться без воздуха в своем уютном убежище, я не думаю, что им нужно будет опасаться за работу пищеварительного тракта. Воздух, я полагаю, *должен* быть исключен из желудка, если только родитель не обладает способностью добровольно заглатывать воздух на крайний случай; но, возможно, хладнокровному животному, такому как рептилия, с замедленным кровообращением и дыханием, может потребоваться гораздо меньше свежего воздуха, чем млекопитающему в аналогичных условиях.

Предлагаемое *обоснование* тех, кто отвергает эти утверждения, — что самки гадюк на последней стадии беременности были вскрыты и дали свободу живым и активным детенышам, и что неосторожные и ненаучные наблюдатели пришли к выводу, что их детеныши, должно быть, попали в организм через рот, — не устоит перед показаниями свидетелей, которые действительно видели, как детеныши прятались в рот, а затем нашли их внутри тела. Несомненно, этот предмет нуждается в дальнейшем изучении осторожными и непредвзятыми натуралистами; но положительные свидетельства, уже представленные на основании показаний столь многих сторонников, оправдывают наше принятие этого явления как нормального явления для определенных видов ящеров и змееносцев, хотя к нему, возможно, прибегают несколько редко, и что какие бы физические трудности ни

казались стоящими на пути его *априорной* вероятности — трудностей, которые, возможно, зависят от нашего невежества и которые исчезнут в свете прогрессирующих знаний.

Энтомологи крайне невежливо обошлись с мадам Мериан, дамой, которая жила в Суринаме почти двести лет назад и посвятила свое внимание местной энтомологии, рисуя насекомых в очень замечательной манере. Ее выставляют закоренелой еретичкой, которой вообще нельзя верить, выдумщицей необоснованной естественной истории, изобретательницей ложных фактов в науке.

Среди прочего, она говорит о крупной полужесткокрылой мухе, которая, согласно ее сообщениям, была названа *Fulgora lanternaria*. Голова этого насекомого превращается в большой раздутый хоботок длиной более дюйма, который, как говорят, обладает интенсивным свечением внутри своих прозрачных стенок, подобно свече, которую несут внутри фонаря. Справедливый наблюдатель говорит, что первое открытие, которое она сделала об этом свойстве, вызвало у нее немалую тревогу. Индейцы принесли ей несколько этих насекомых, которые при дневном свете не представляли собой ничего необычного, и она положила их в коробку, пока у нее не появится возможность нарисовать их, и поставила ее на стол в своей комнате. Посреди ночи запертые насекомые производили такой шум, что разбудили ее, и она открыла коробку, внутренность которой, к ее великому изумлению, оказалась вся в огне; и в испуге уронив ее, она была не менее удивлена, увидев, что каждое из насекомых, по-видимому, горит. Вскоре, однако, она разгадала причину этого неожиданного явления и вновь заключила своих блестящих гостей в их заточение. Она добавляет, что свет одного из этих Фулгоров достаточно ярок, чтобы читать газету: и хотя история о том, что она нарисовала одно из этих насекомых при его собственном свете, лишена оснований, она, несомненно, могла бы это сделать, если бы захотела.

Это обстоятельное и, по-видимому, правдивое заявление навлекло немалую ненависть на честного рассказчика. Другие натуралисты, имевшие возможность наблюдать насекомое в его родных краях, категорически отрицают его светимость. Жители Кайенны, согласно французскому словарю естественной истории, утверждают, что она вообще не блестит; и это подтверждает М. Ришар, натуралист, который вывел этот вид. Образованный и точный граф Хоффмансегг утверждает, что его коллекционер насекомых герр Зибер, практикующий энтомолог с тридцатилетним стажем, который за несколько лет пребывания в Бразилии собрал множество образцов *Fulgora lanternaria*, ни разу не видел ни одного, который хотя бы в малейшей степени светился. В Китае есть родственный вид, *F. candelaria*, очень распространенный в тех застекленных коробках с насекомыми, которые китайцы продают морякам; предполагалось, что они также излучают свет, но доктор Кантор уверяет нас, что он никогда не наблюдал ни малейшего свечения у этого вида.

Таким образом, может показаться, что позор, обрушившийся на изобретательную леди, не совсем незаслужен и что ради того, чтобы рассказать историю, она действительно "рассказывала историю". Но мы можем представить, как ее оскорбленный призрак оглядывается по сторонам и говорит: "Все эти джентльмены просто говорят, что они *не* видели свет; теперь я говорю, что видел: неужели нет никого, кто подтвердит мое заявление?"

Мсье Лакордер, непревзойденный специалист по южноамериканским насекомым, говорит, что он сам действительно никогда не видел светящуюся *Fulgora* за все время, пока он собирал ее в Бразилии и Кайенне, и что большинство жителей последней страны, когда

их спрашивали по этому поводу, отрицали этот факт, хотя *другие туземцы столь же отчетливо утверждали, что она светящаяся*. Он спрашивает, возможно ли, чтобы свет был ограничен одним полом и, таким образом, противоречивые свидетельства были согласованы; и высказывает это как свое мнение, что этот вопрос скорее требует более тщательного наблюдения, чем тот, который мы можем считать абсолютно решенным.[\[150\]](#)

Опять же, маркиз Спинола в подробной статье об этом племени, опубликованной в "Анналах Энтомологического общества Франции",[\[151\]](#) настойчиво утверждает, что замечательное развитие лобной части головы у всей расы является ярким. И, наконец, друг мистера Весмаэля заверил его, что он сам видел американскую *Фулгору*, светящуюся при жизни.[\[152\]](#)

Возможно, нам поможет укрепить нашу веру в правдивость мадам Мериан знание того, что есть некоторые основания приписывать случайное свечение хорошо известным английским насекомым, сотни и даже тысячи которых были взяты без каких-либо следов этого явления. Мистер Спенс в своем интересном Письме о светящихся насекомых,[\[153\]](#) приводит следующие доказательства: —Насекомые "могут быть светящимися, о чем до сих пор никто не подозревал. Это, по-видимому, подтверждается следующим фактом: Один ученый друг сообщил мне, что, когда он был викарием в Иклтоне, Кембриджшир, в 1780 году, тамошний фермер по фамилии Симпрингем, принес ему сверчка-крота (*Gryllotalpa vulgaris*, латр.) и рассказал ему, что один из его людей, увидев *Домкрата-фонаря*, погнался за ним и сбил с ног, когда оказалось, что это насекомое, и ему показали идентичный экземпляр.

Этот необычный факт, хотя и делает вероятным, что некоторые насекомые светятся, чего никто раньше не предполагал, по-видимому, дает ключ к, по крайней мере, частичному объяснению очень неясного предмета *фатальных событий*, и показывает, что есть серьезные основания для мнения, давно поддержанного Рэем и Уиллоби, что большинство этих предполагаемых метеоров - не что иное, как светящиеся насекомые. Очевидно, что большие, переливающиеся языки пламени, упомянутые Беккариа, очень распространены в некоторых частях Италии, и светящиеся шары, замеченные доктором Шоу, не могут быть объяснены таким образом. Вероятно, это были электрические явления; конечно, не взрывы фосфорсодержащего водорода, как предполагали некоторые, которые обязательно должны были быть кратковременными. Но в том, что *ignis fatuus*, упомянутый Дерхэмом как виденный им самим и который он описывает как порхающий вокруг чертополоха, был, хотя он, кажется, придерживается иного мнения, не чем иным, как каким-то светящимся насекомым, я почти не сомневаюсь. Мистер Шеппард сообщает мне, что, путешествуя однажды ночью между Стэмфордом и Грэнтемом на вершине дилижанса, он более десяти минут наблюдал очень большого *ignis fatuus* в низине, на болотистой почве, которое всем своим видом напоминало насекомое. Ветер был очень сильным; следовательно, если бы это был пар, его должно было бы нести вперед по прямой; но это было не так. У него были те же движения, что и у *Типулы*, он летал вверх и вниз, взад и вперед, иногда казался неподвижным, а иногда зависал в воздухе. Какова бы ни была истинная природа этих метеоров, о которых так много говорится и так мало известно, удивительно, как мало зафиксировано современных случаев их наблюдения. Доктор Дарвин заявляет, что, хотя за свою долгую жизнь он бесчисленное количество раз бывал ночью на улице и в местах, где, как говорят, они появляются, он никогда не видел ничего подобного; и, судя по молчанию других философов нашего времени, должно показаться, что их опыт схож".

В статье мистера Р. Чемберса по этому вопросу приводятся дополнительные свидетельства фактов, наблюденных хорошими натуралистами, такими как выдающиеся ботаники Диксон и Кертис, художник и энтомолог Стотхард, его собственным отцом мистером А. Чемберсом и Джозефом Симпсоном, рыбаком, живущим недалеко от Бостона, и все они убедительно подтверждают вероятность того, что по крайней мере некоторые из *огней судьбы* образуются светящимися насекомыми.^[154] Мистер Мэйн рассказывает случай с фермером, который заявил, что преследовал Блуждающий огонек и, догнав его, сбил с ног, когда оказалось, что это насекомое, "в точности похожее на длинноногую личинку", то есть обыкновенную журавлиху (*Tipula oleracea*), то самое насекомое, с которым мистер Шеппард сравнил наблюдаемые им движения светящегося пламени.^[155] Мистер Спенс утверждает, что, хотя газообразные излучения могут быть причиной неподвижных *фатальных явлений*, та же причина не объясняет тех, кто порхает с места на место; и что это, вероятно, светящиеся насекомые, как бы редко они ни попадались на глаза энтомологам. "Очень веский аргумент в пользу возможности того, что некоторые летающие насекомые иногда светятся (в Англии), дают факты ... о том, что светящиеся гусеницы были в течение этих нескольких лет замечены впервые с тех пор, как энтомологией занялись, и это наблюдателями, обладающими всеми необходимыми знаниями. Если гусеницы, столь распространенные, как у *Mamestra oleracea*, могут иногда, хотя и очень редко, светиться, и если, как предполагает доктор Буадуваль, и это весьма вероятно, этот вид был вызван болезнью, очевидно, что летающие насекомые также могут иногда (хотя и редко) светиться из—за болезни - предположение, которое сразу объясняет редкость этого явления и то обстоятельство, что насекомые таких разных родов и даже отрядов, как говорят, демонстрируют это явление".^[156]

Эти в высшей степени любопытные факты должны побудить наблюдателей проявлять осторожность в решительном отрицании заявлений других о явлениях, когда им самим не посчастливилось быть их свидетелями, даже если они могут думать, что их возможности были такими же благоприятными, как и у *стороннего* наблюдателя.^[157]

Но мы еще не уволили мадам Мериан. Если здесь ее оправдают по обвинению во лжи, ей будет предъявлено второе обвинение аналогичного характера.

В большинстве тропических стран водятся отвратительные волосатые пауки чудовищных размеров и самого отталкивающего вида; коротконогие, мрачного цвета, свирепые ночные мародеры, которые днем прячутся в темных убежищах под камнями или в норах в земле.

В Гвиане водится внушительный вид этого рода (*Mygale avicularia*), длина которого достигает трех дюймов, а лапы — хотя у представителей этого рода, как я уже сказал, сравнительно короткие - покрывают площадь около восьми или десяти дюймов в диаметре. Мадам Мериан изящно изобразила трагический конец крошечной колибри, застигнутой врасплох одним из этих чудовищ на ее яйцах; миниатюрная птичка погибает под клыками распластавшегося паука, одна из лапок которого находится в гнезде. Именно по указанию этой дамы Линней дал этому виду название *avicularia*. Более поздние натуралисты изучили всю эту историю. Мистер Маклей, который жил на Кубе, говорит, что там действительно водятся огромные пауки, родственные нашему садовому пауку, которые плетут геометрическую сеть, достаточно прочную, чтобы смущать мелких птиц; но они не пытаются поймать такую добычу и вообще никогда не досаждают птицам. С другой стороны, он утверждает, что кубинская *чайка*, родственная гвианскому виду, не плетет паутины и не может ранить птиц. Он проверил это экспериментально: покалечив колибри, он засунул ее в *дыру* Майгейла, который, вместо того чтобы схватить жертву, в страхе

ретировался из своего логова. Мистер Маклей полагает, что это убедительно, но минутное размышление покажет, насколько двусмысленны эти доказательства. Паук, возможно, не был голоден; или он, возможно, был застигнут врасплох внезапным вторжением; или он, возможно, не захотел брать добычу, которую он не украл и не убил *больше*; или он, возможно, пробормотал на паукообразном языке:—

"Timeo Danaos, et dona ferentes."

Поскольку волк забивается в угол своего логова (известно, что так делает даже тигр), когда человек внезапно появляется в его присутствии и проявляет самый неподдельный страх, будет ли философски высмеивать рассказы о волках, преследующих и пожирающих людей по ночам?

М. Лангсдорф спросил жителей Бразилии, питается ли Каранкексейра, или большая чайка этой страны, колибри, когда они ответили ему со взрывами смеха, что она удовлетворяет свой желудок только крупными мухами, муравьями, пчелами, осаами, жуками и т. Д.; ответ, который путешественник подтвердил на собственном опыте.^[158] Если М. Лангсдорф имеет в виду, что он узнал из личного наблюдения, что паук *обычно* питается насекомыми, этот факт несомненен и никогда не подвергался сомнению; но если он имеет в виду, что у него был опыт, что он ест *только* такую добычу, о чем идет речь, то ясно, что этот опыт доказывает не больше, чем то, что он никогда не был свидетелем такого факта.

Персиваль в своем рассказе о Цейлоне замечает: "Здесь обитает огромный паук с лапами длиной не менее четырех дюймов и телом, покрытым густой черной шерстью". Это, несомненно, был *Шторм* на острове. "Паутина, которую он плетет, достаточно прочна, чтобы опутывать и удерживать даже мелких птиц, которые являются его обычной добычей". Ссылаясь на это заявление, сэр Эмерсон Теннент говорит: —

"Что касается рассказов о том, как *Майгале* ловит и убивает птиц, я убежден, как на основании расспросов, так и наблюдений, что, по крайней мере, на Цейлоне, в них нет правды и что (за исключением возможного случая острого страдания от голода) это существо избегает любых видов пищи, за исключением мягких насекомых и кольчатых червей". И все же он тут же добавляет: "Женщина из Марандана, недалеко от Коломбо, рассказала мне, что однажды она видела, как маленькая домашняя ящерица (*геккон*) была схвачена и съедена одним из этих уродливых пауков".^[159] Значит ли это, что он не доверяет своему информатору? Или ящерицы включены в категорию "мягкие насекомые и кольчатые черви"?

Против этого недоверия, основанного не на чем ином, как на отрицательных доказательствах, можно было бы привести побочное доказательство по аналогии. Есть *аре* пауки, которые питаются позвоночными животными, и есть *аре* пауки, чьи сети ловят птиц. Большая и красивая *Nephila claripes* из тропической Америки плетет на лесных тропинках прочные нити желтого шелка, которые соединяются в паутину, достаточно прочную, чтобы поймать птицу слабого полета. Должно быть, это был родственник этому виду, но, конечно, я думаю, не тот самый, о котором говорит доктор Уолш в своих "Путешествиях по Бразилии". "Среди насекомых есть огромный паук, которого я больше нигде не наблюдал. Проходя через просвет между деревьями, я почувствовал, что моя голова запуталась в каких-то препятствиях, а когда я вытащил ее, моя соломенная шляпа осталась позади. Когда я поднял глаза, то увидел его подвешенным в воздухе, запутавшимся в сетях огромной паутины, которая была натянута, как вуаль из плотной марли, поперек отверстия и перекидывалась с ветки на ветку противоположных деревьев размером с лист десяти-двенадцати футов в диаметре. Все это пространство было покрыто пауками того же вида, но разных размеров; некоторые из них, когда их лапки расправлялись, образовывали круг шести-семи дюймов в

окружности.^[160] Они особенно выделялись яркими пятнами. Нити, из которых состояла паутина, были глянцево-желтого цвета, как волокна шелкопряда, и такими же прочными".

В тропических частях обоих полушарий обитает существо под названием *Сольпуга*, которое, хотя и не совсем паук, все же настолько тесно связано с этим семейством, что в какой-то мере несет ответственность за его злодеяния. Он примерно такой же по размерам, как *майгейл*, и, при достаточном общем сходстве с ней, чтобы ее можно было считать пауком, у него почти такие же привычки и аппетиты. Капитан Хаттон в своих интереснейших мемуарах подробно описывает индийский вид под названием *Galeodes vorax*. Среди многих других подробностей он говорит— "Этот вид чрезвычайно прожорлив, питается по ночам жуками, мухами и даже крупными ящерицами; а иногда объедается до такой степени, что почти не может двигаться. Ящерица трех дюймов длиной, не считая хвоста, была полностью съедена; паук прыгнул на нее и вцепился сразу за плечо, не ослабляя хватки, пока не съел всю целиком. Бедная ящерица сначала яростно сопротивлялась, переворачиваясь снова и снова в агонии, но паук держал крепко и постепенно вгрызался своими двойными челюстями в самые внутренности жертвы. Единственными несъеденными частями были челюсти и часть кожи, хотя ящерица была по меньшей мере пяти дюймов в длину от носа до кончика хвоста. После этой трапезы паук оставался насытившимся и неподвижным около двух недель, сильно распухнув.

Молодого воробья, примерно наполовину взрослого, поместили под стеклянный колпак с *Галеодесом*; в тот момент, когда несчастная птица пошевелилась, паук схватил ее за бедро, которое он быстро отпил, несмотря на трепыхания воробья; а затем, поскольку бедная птица продолжала биться от боли, дикарь схватил ее за горло и вскоре положил конец ее страданиям, отрубив голову. Однако он не стал пожирать птицу или какую-либо ее часть, но, казалось, был удовлетворен тем, что убил ее.

В другой раз я дал ему большую садовую ящерицу, которая была мгновенно схвачена за середину тела; ящерица, обнаружив, что не может стряхнуть своего противника, повернула голову и укусила *Галеодеса* за ногу, что вынудило его немедленно ослабить хватку и отступить.

"В другом случае мой друг, доктор Бэддели, поместил одного из этих пауков в тень на стене с двумя молодыми мускусными крысами (*Sorex Indicus*), которые оба были убиты им".^[161]

Во время экспедиции к холмам Куррукпур, к югу от Монгира, капитан Шервилл обнаружил на вершине Марука, холма с плоской вершиной высотой 1100 футов, несколько гигантских паутин паука Эпейра, некоторые из которых достигали (включая веревки) от десяти до двенадцати футов в диаметре, сетчатая часть составляла около пяти футов, в центре которой паук внушительных размеров и очень активный, сидит в ожидании добычи. "Паутина, - говорит он, - из-за своей огромной прочности оказала ощутимое сопротивление, когда мы пробивались сквозь нее. В паутине одного из пауков мы обнаружили запутавшуюся птицу и молодых пауков, числом около восьми, питавшихся тушей. Птица была, за исключением ног и клюва, полностью опутана паутиной и сильно разложилась; переплетенная паутина полностью сковала крылья птицы, так что побег был невозможен. Птица была размером с полевого жаворонка и находилась почти в центре паутины; старый паук был примерно на фут выше птицы; мы поймали его, измерили и разлили по бутылкам. Его размеры составляли шесть дюймов в поперечнике ног, и он был вооружен внушительной парой нижних челюстей".^[162]

Таким образом, ясно, что нет ничего абсурдного или противоречащего вероятности в утверждении, что пауки нападают на птиц, побеждают их и пожирают. Но мадам Мериан и здесь удостоена прямых свидетелей, подтверждающих ее добрую волю. Мсье Моро де Йоннес недвусмысленно упоминает, ссылаясь на свой собственный авторитет, что южноамериканская чайка взбирается на ветви деревьев, чтобы пожирать птенцов колибри. Но наиболее удовлетворительное заявление сделано мистером Х. У. Бейтсом, который недавно вернулся из внутренних районов Бразилии после многих лет, проведенных в изучении энтомологии этого обширного региона. Никто не станет отрицать его компетентность в качестве свидетеля. "Теперь я расскажу вам, - говорит он, - что я видел в июне 1849 года в окрестностях Каметы. Меня привлекло любопытное движение большой серо-коричневой майгалы на стволе огромного дерева: она находилась близко к глубокой расщелине в дереве, поперек которой этот вид плетет плотную паутину, открытую для выхода с одного конца. В данном случае нижняя часть паутины была разорвана, и в ее складках запутались два хороших маленьких вьюрка; вьюрки были размером примерно с обыкновенного европейского чижа, и я решил, что это самец и самка; один из них был совершенно мертв, но застрял в разорванной паутине; другой находился под телом паука, не совсем мертвый, и был частично покрыт грязной жидкостью или слюной, выделяемой чудовищем. В то время я возвращался с однодневной экскурсии по суше со своими коробками, полными ценных и нежных насекомых, в шести милях от своего дома и поэтому не смог бы принести образцы домой, даже если бы захотел, чего я не сделал, поскольку паук был очень распространенным видом, который легко раздобыть поближе к дому. Этот вид я не могу назвать; в 1851 году я отправил несколько прекрасных экземпляров с чучелами в Лондон; они полностью серо-коричневого цвета и покрыты грубым ворсом. Несомненно, вы сразу же узнаете точный вид, о котором я говорю.

"Если бы мигалы не охотились на позвоночных животных, я не понимаю, как они могли бы найти достаточное пропитание.



ПАУК-ПТИЦЕЕД.

"На обширных песчаных равнинах Сантарема, таких голых от растительности, есть сотни широких наклонных нор крупного крепкого вида (той прекрасной, темно-коричневой с более светлыми линиями вдоль ног, образцы которой я отправил в 1851 году).) Из тщательных исследований я знаю, что в кампосах почти нет насекомых, но в то же время они кишат маленькими ящерицами и несколькими любопытными наземными вьюрками из отряда *Emberiza* (у одного из которых песня удивительно напоминает нашу английскую желтую овсянку), кроме того, огромное количество *Caprimulgidae* и наземных голубей откладывают яйца на голую землю.

"Я полагаю, что этот вид майгейлов питается этими животными и их яйцами по ночам. Как раз на исходе дня, когда я спешил домой, не желая оставаться в темноте на непроходимой пустоши, я застал врасплох этих монстров, которые при моем приближении попрятались в свои норы".[\[163\]](#)

VIII.

ОЧАРОВАНИЕ.

Это давнее и широко распространенное представление о том, что некоторые хищные животные обладают способностью, которую, однако, они проявляют лишь изредка, парализовывать существ, на которых они охотятся, так, чтобы полностью лишить их способности к полету, и даже, при некоторых обстоятельствах, привлекать их, как бы непреодолимым влиянием, к их известному и страшному уничтожению. Эта завораживающая сила чаще всего приписывается змеям, и предполагается, что она заключается в особом блеске и неподвижности глаз, которые, по-видимому, гипнотизируют жертв. Если взгляд прерывается, *с любой стороны*, хотя бы на мгновение, предполагается, что чары рассеяны. Существует ли такая сила? или это просто один из многих мифов, которыми все еще обременена популярная естественная история и которые должна разрушить настоящая наука? Давайте соберем воедино несколько фактов, на которых основывается это мнение.

Я не уверен, следует ли мне считать таковым следующее утверждение, поскольку я не знаю ценности авторитета, на котором оно основывается. Это, однако, достаточно любопытно.

Доктор Берд, в некоторой степени авторитетный специалист в этом деле, упоминает инцидент, произошедший в Америке. "Два мальчика случайно наткнулись на большую черную змею, после чего один из них решил выяснить, может ли змея, столь известная своей силой, очаровать его. Он подошел на несколько шагов ближе к змее и остановился, пристально глядя на нее. Когда змея заметила его в таком положении, он быстрым движением поднял голову, и юноша говорит, что в этот момент в его глазах, казалось, что-то вспыхнуло, и он не мог сравнить это ни с чем более подобным, чем с лучами света, отбрасываемыми стеклом или зеркалом, повернутым на солнце; он сказал, что это ослепило его глаза; в то же время цвета казались очень красивыми ... ему казалось, что он попал в водоворот, и каждый поворот приближал его к центру. Его товарищ, увидев, что он приблизился к змее, немедленно подбежал и убил ее".[\[164\]](#)

Однако есть более веские основания, чем это, для веры в змеиный месмеризм. Профессор Калм утверждает о гремучей змее Северной Америки, что она часто лежит у подножия дерева, на котором сидит белка. Змея фиксирует свой взгляд на маленьком животном, и с этого момента оно не может убежать: оно издает жалобный крик, немного взбегает на дерево, снова спускается, затем поднимается вверх, а потом спускается еще ниже. Змея продолжает лежать у подножия дерева, не сводя глаз с белки; и ее внимание настолько поглощено ею, что случайно приближающийся человек может произвести значительный шум, даже если змея не повернется. Белка спускается ниже и, наконец, спрыгивает на змею, пасть которой уже широко открыта для ее приема. Затем маленькое животное с жалобным криком бросается ему в пасть и проглатывается.

Кейтсби, хотя и говорит, что сам никогда не видел этого явления, сообщает то же самое, основываясь на показаниях многих свидетелей, которые все согласились, что животные, особенно птицы и белки, едва завидев змею, перескакивают от брызг к брызгам, паря и постепенно приближаясь к своему врагу, невзирая ни на какую другую опасность; но с рассеянными жестами и криками спускаются, хотя и с верхушек самых высоких деревьев, к рту змеи, которая, раскрыв пасть, хватает их и в одно мгновение проглатывает.[\[165\]](#)

Совсем недавно Акрелл рассказывает ту же историю, что и "бесспорный". Он заявляет, что, когда змея, самая ленивая из всех змей, лежит в тени дерева, слегка приоткрыв пасть, он фиксирует свои ярко сверкающие глаза на любой птице или белке, которая находится в нем. Белка, издав жалобный и слабый крик, перепрыгивает с ветки на ветку, словно пытаясь спастись бегством, но вскоре, словно очарованная, спускается с дерева и одним прыжком бросается в самую пасть своему врагу. Мышь, запертая вместе с гремучей змеей в железном ящике, сначала сидела в одном углу, змея - напротив нее. Рептилия устремила свой ужасный взгляд на маленького трепетуна, который, наконец, бросился в пасть змеи.[\[166\]](#)

Лоусон утверждает, что *он видел*, как это явление действительно происходило с белкой и гремучей змеей.[\[167\]](#)

Я сказал, что вера широко распространена. Мы видели это в Северной Америке; теперь мы рассмотрим это в Африке.

Капитан Форбс случайно упоминает случай, аналогичный этому. Проходя в высокой траве в Ахоее, он заметил в дюйме от своей ноги маленькую ящерицу с неподвижными глазами. Она не шелохнулась при его приближении. В тот же миг на него бросилась кобра и, прежде чем он успел поднять свою палку, унесла жертву прочь. Капитан, естественно, был занят своим собственным чудом избежавшим гибели и просто излагал факты без комментариев; но пристальный взгляд и неподвижность ящерицы были немало примечательны.[\[168\]](#)

Мистер Эллис в своей очаровательной книге о Мадагаскаре и Кейптауне делает следующие наблюдения:—[\[169\]](#)

"В стране, изобилующей змеями, как Африка, я ожидал услышать много анекдотов о них; и однажды, беседуя с мистером Пулленом, фермером, который много лет прожил в этой стране и, казалось, уделял этому виду рептилий несколько больше обычного внимания, он сказал, что однажды видел мышь, бегущую по полю, и что, завидев змею, хотя и на значительном расстоянии, она мгновенно остановилась. Змея устремила свой взор на мышь, которая затем медленно подползла к змее и, когда она подошла ближе, задрожала и жалобно завизжала, но все еще продолжала приближаться, пока не оказалась совсем близко, когда, казалось, распростерлась ниц, и тогда змея пожрала ее. В другой раз он наблюдал, как змея таким же образом схватила мышь; но, когда она отступала, он последовал за ней и ударил ее палкой по спине, когда она открыла рот, и мышь вырвалась, пробежала некоторое расстояние, затем упала; но через минуту пришла в себя и убежала. В другой раз он сказал, что наблюдал за змеей в воде, которая не сводила глаз с лягушки, сидевшей в траве на берегу. Лягушка, хотя и была сильно встревожена, казалось, не могла пошевелиться, пока мистер Пуллен постепенно не отодвинул растущий поблизости кустарник так, что он оказался между глазом змеи и ее предполагаемой жертвой, когда лягушка, словно внезапно освободившись, метнулась прочь. Идеи мистера Пуллена соответствовали распространенному представлению о том, что змея обладает способностью оказывать некое месмерическое или иное влияние посредством постоянной фиксации своего взгляда, и что все, что перехватывает этот взгляд, как бы разрушает чары и освобождает пленника".

Наиболее важным свидетелем по этому вопросу является доктор Эндрю Смит, ученый зоолог из Южной Африки, который, таким образом, трезво взвешивает свои собственные, полностью компетентные и наиболее убедительные личные наблюдения в пользу

утверждения. В своем интересном отчете о Бумсланже, змее значительных размеров, найденной в этом регионе, он говорит:

"Поскольку эта змея, *Bucephalus capensis*, по нашему мнению, не снабжена ядовитой жидкостью для закапывания в раны, которые могут нанести эти клыки, следовательно, они должны быть предназначены для целей, отличных от тех, которые существуют у ядовитых рептилий. Их назначение, по-видимому, состоит в том, чтобы препятствовать регрессии животных, таких как птицы и т. Д., Пока они находятся только частично во рту; и, из того обстоятельства, что эти клыки направлены назад и не допускают поднятия так, чтобы образовать угол с краем челюсти, они хорошо приспособлены для того, чтобы действовать как мощные держатели, когда однажды они проникают в кожу и мягкие части добычи, которые их обладатели могут заглатывать. Без таких клыков побеги были бы обычным явлением; с такими они редки.

"Туземцы Южной Африки считают *Bucephalus capensis* ядовитым; но с их мнением мы не можем согласиться, поскольку нам не удалось обнаружить существование каких-либо желез, явно предназначенных для выделения яда. Клыки заключены в мягкую мясистую оболочку, внутренняя поверхность которой обычно покрыта тонким стекловидным секретом. Возможно, этот секрет обладает чем-то едким и раздражающим по своим свойствам, что при попадании в рану может вызвать боль и даже отек, но ничего более важного.

"*Буцефал капенсис* обычно встречается на деревьях, к которым он прибегает с целью ловли птиц, которыми ему нравится кормиться. Присутствие особи на дереве обычно вскоре обнаруживается птицами по соседству, которые собираются вокруг нее и летают взад и вперед, издавая самые пронзительные крики, пока какая-нибудь особь, более напуганная, чем остальные, не прикасается к ее губам и, почти без сопротивления, не становится добычей своего врага. Во время такой процедуры змею обычно наблюдают с поднятой головой примерно на десять-двенадцать дюймов над веткой, вокруг которой обвиты ее тело и хвост, с открытой пастью и раздувшейся шеей, как будто с тревогой стремящейся усилить ужас, который, как ей почти казалось, она создала, рано или поздно приведет в ее объятия кого-нибудь из группы пернатых.

"Что бы ни говорили в насмешку над очарованием, тем не менее верно, что птицы и даже четвероногие при таких обстоятельствах неспособны уклониться от присутствия некоторых из своих врагов; и, что еще более экстраординарно, неспособны противостоять склонности переходить из ситуации реальной безопасности в ситуацию самой непосредственной опасности. Я часто видел примеры этого на примере птиц и змей; и я слышал о не менее любопытных случаях, когда антилопы и другие четвероногие были настолько сбиты с толку внезапным появлением крокодилов и их гримасами и корчами, что не могли взлететь или даже сдвинуться с места, к которому они приближались, чтобы схватить их".[\[170\]](#)

Возможно, это был Бумсланж, на которого ссылается Ле Вайан, который говорит, что видел на ветке дерева разновидность сорокопута, дрожащего, словно в конвульсиях; а на расстоянии почти четырех футов, на другой ветке, он заметил крупную разновидность змеи, которая лежала, вытянув шею, и горящими глазами пристально смотрела на бедное животное. Агония птицы была так велика, что она была лишена возможности улететь; и когда кто-то из отряда убил змею, сорокопут был найден мертвым на месте, и то исключительно от страха; при осмотре оказалось, что он не получил ни малейшей раны. Тот же путешественник сообщает нам, что вскоре после этого он заметил маленькую мышь, бившуюся в подобных мучительных конвульсиях примерно в двух ярдах от змеи, глаза

которой были пристально устремлены на нее; и когда он отпугнул рептилию и взял мышь, она испустила дух у него в руке.[\[171\]](#)

В отчете мистера Д. Т. Эванса о некоторых экспериментах с ядовитыми змеями, проведенных в Зоологическом саду, главным образом с целью проверки эффективности известного средства от их укусов — *Симаба седрон* — и которые проводились с предельной философской тщательностью, мы находим следующие интересные подробности: "Поза и движения змеи, намеревавшейся укусить, были очень поразительными и красивыми. Во-первых, он сделал задней половиной своего тела смелый изгиб, сделав сильную хватательную "опору" на полу клетки, чтобы обеспечить устойчивую точку опоры для быстрого выпада дротика в момент укуса. Верхняя половина тела была приподнята примерно на десять дюймов или фут, шея сильно выгнута, а голова, согнутая почти под прямым углом к шее, находилась прямо напротив добычи. В таком положении змея оставалась большее или меньшее время (иногда до двадцати минут) в зависимости от обстоятельств. В течение этого промежутка малейшее движение животного перед ним сопровождалось мгновенным и соответствующим движением головы и шеи змеи. Цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы прицелиться, поскольку глаза были пристально устремлены на добычу; но я ни в коем случае не уверен, что змея, зная, что последняя не может ускользнуть от нее, не получает удовольствия от этого длительного и пристального взгляда. Во всяком случае, в одном эксперименте, когда голова гремучей змеи, занятая таким занятием, находилась боком к стеклу клетки и рядом с ним, я заметил и привлек внимание к этому факту, замечательное червеобразное движение по ходу ядовитой железы к раскрытию угла рта, которое, как мы думали, могло доставить ей удовольствие, и это продолжалось до тех пор, пока змея не ударила свою жертву.

- Пока Змеи. Теперь я приступаю к описанию особенностей, продемонстрированных животными, на которых мы экспериментировали. Некоторые философы отрицали врожденность идей у человека; эти и некоторые другие, кроме того, отрицали инстинктивное предчувствие опасности у животных. Они говорят, что сам по себе заяц, будучи рожденным, не испытывает страха перед собакой: что его страх приобретает опытом. Я не согласен ни с одним из этих мнений и думаю, что последнее полностью опровергается поведением животных, подвергавшихся воздействию змей в этих экспериментах. Ни одна из морских свинок или кроликов (которые все были чуть ниже своего полного роста) никогда не видела змею; тем не менее, когда их поместили в клетку, они проявили недвусмысленные симптомы страдания и страха. В некоторых случаях они действительно кричали перед тем, как их ударили. Поначалу они обычно проявляли беспокойство, но когда змей, намереваясь нанести удар, выставлял себя вперед, они на какое-то время, если не совсем, становились неподвижными. Существует ли такое понятие, как "очарование"? Если под этим подразумевается приятный паралич сил животного, я думаю, что это более чем сомнительно; но лишение способности двигаться из-за ужаса, возможно, имеет место. Однако все, о чем я говорю, - это совершенно неподвижное состояние змеи и жертвы, длящееся несколько минут".[\[172\]](#)

Нет недостатка и в примерах той же силы, которую проявляет обычная Змея в нашей собственной стране. Я довольствуюсь следующими двумя, обе совсем недавние записи:—

"На холме над Тайнемом, - пишет преподобный Генри Бонд в августе прошлого года, - по направлению к морю, я был поражен пронзительным криком и трепыханием обыкновенного воробья в кустах шиповника. Несмотря на мое присутствие, его замечательные движения продолжались, с каждым прыжком с ветки на ветку он опускался

все ниже и ниже в кустарнике. Подойдя ближе, я увидел обычную змею, свернувшуюся кольцом, но с поднятой головой наблюдавшую за воробьем; в тот момент, когда змея увидела меня, она ускользнула, а воробей улетел своим обычным способом полета".[\[173\]](#)

Этот анекдот напоминает другой, рассказанный мистером Джоном Генри Белфрейджем из Масвелл-Хилл: "Однажды утром, спускаясь по здешней аллее, на повороте тропинки я увидел малиновку, которая показалась мне заколдованной настолько, что позволила подойти к ней гораздо ближе, чем обычно, даже к самому смелому представителю пернатого племени. Подойдя ближе, я увидел то, что принял за причину, - большую обыкновенную змею, которая лежала, свернувшись, на одной стороне тропинки, слегка приподняв голову. Мое появление разрушило чары, и малиновка улетела; в то же время змея опустила голову и приняла совершенно инертный вид".[\[174\]](#)

Автор в *Журнале Индийского архипелага* так сообщает о месмерических способностях, проявленных над, безусловно, несколько маловероятным объектом: "Приблизившись к почти пересохшему руслу, я увидел змею, медленно расправляющую кольца, поднимающую голову и пристально смотрящую на то, что, как мне показалось, было угрем около фута длиной. Угорь находился прямо напротив змеи, и взгляды, казалось, встретились, когда змея, оказавшись в нужной близости, бросилась на угря, схватила его примерно в дюйме за головой и унесла; но вскоре похититель сам оказался в плену, потому что ударом по голове я обезопасил обоих".[\[175\]](#)

Эту тайну, как обычно в подобных случаях, пытаются разгадать. Человек не любит тайн; ученый человек меньше всего: быть вынужденным признать, что существует что-то необъяснимое для посвященных, унижает гордость науки. М—р У. К. Л. Мартин таким образом "объясняет" заявления доктора А. Смита и все подобные отчеты: "Во всем этом нет ничего таинственного; змея не *гипнотизирует* свою жертву, а просто настолько пугает ее, что она теряет дар речи; кроме того, жертва может почувствовать импульс, подобный тому, который побуждает многих нервных людей на краю пропасти или на вершине высокой башни броситься вниз очертя голову, и который, как мы слышали, с трудом преодолевается; так же может и птица, охваченная паникой, почувствовать импульс броситься навстречу опасности, который заставляет ее падать. он может сбежать бегством".[\[176\]](#)

И еще: "Страх, доходящий до паники, беспокойство за своих детенышей и попытки отогнать страшного нарушителя, заставляющие птицу подходить слишком близко к змее ради собственной безопасности, приводят к результатам, ошибочно приписываемым воображаемой силе очарования Рептилии ее взглядом или каким—либо мистическим свойством".[\[177\]](#)

Доктор Бартон из Филадельфии, который в конце прошлого века опубликовал мемуары о завораживающей силе, приписываемой некоторым змеям, придерживался тех же взглядов. Он считал, что почти в каждом случае предполагаемая сила оказывалась на птиц в определенный сезон гнездования, и что вся гипотеза возникла из оторүң, который побуждает их защищать свои яйца или птенцов. Несомненно, *некоторые* случаи, о которых сообщалось как о примерах очарования, поддаются такому объяснению, но, конечно, не все; и ошибочность здесь снова, как и во многих параллельных случаях, заключается в отстаивании некоторой теории, которая будет охватывать определенное количество фактов, и игнорировании всех таких, которые не будут так объяснены. Следует ли предполагать, что доктор А. Смит не мог отличить состояние непроизвольного паралича способностей, которое, по его словам, он *часто* наблюдал, от безумной смелости

гнездящихся птиц? Были ли у мышей, замеченных мистером Пулленом, лягушки, детенышей, которых нужно было защищать? Или у белки, упомянутой Калмом? или у мыши, замеченной Ле Вайаном? или угорь в канализации? Но какова ценность гипотезы — в той мере, в какой она претендует на решение этого вопроса, — которая не будет касаться этих случаев? Когда мистер Мартин отрицает, что в этом деле есть что-то таинственное, и в том же предложении признает, что "жертва может испытывать побуждение броситься навстречу опасности, которой она могла бы избежать", он просто раскрывает суть дела. Я осмеливаюсь утверждать, что в этом *есть* что-то таинственное, что-то совершенно необъяснимое. Я спрашиваю, *что*, и *откуда*, и *почему*, этот странный импульс, который побеждает первый из всех инстинктов, главный закон самосохранения?

Это не объясняет причину феномена, хотя, возможно, помогает нам определить его истинную причину, узнать, что очарование присуще и другим животным, помимо племен змей. Возможно, мы не ошибемся, если заключим, что особенность заключается не в объекте, а в субъекте; что это ментальная эмоция, способная возбуждаться объектами, имеющими мало общего, за исключением смертельного ужаса, который они вызывают. Я не сомневаюсь, что это фаза крайнего ужаса; необычность этого явления состоит в том, что оно приводит к изменению обычных инстинктивных законов. Моим читателям, вероятно, будут интересны подробности некоторых случаев, в которых возбудителями эмоций были не змеи, а другие животные. Вот одно из них, по—видимому, изложенное с осторожностью и правдивостью, хотя и анонимное, в котором чародей, насколько можно себе представить, вряд ли мог возбудить эмоцию, а очаровываемый - почувствовать ее: -

"Однажды вечером, когда я сидел в комнате в Гарракупуре, окно которой было открыто, а потолок с одной стороны наклонялся вниз к окну, мое внимание привлекла бабочка, случайно залетевшая в комнату. Я наблюдал за его движениями минуту или две, когда мне показалось, что в них есть что-то неестественное, и насекомое начало метаться взад и вперед в одном направлении, время от времени, однако, меняя свой полет по комнате. Я поднял глаза, чтобы посмотреть, что бы это могло быть, и тут же заметил ящерицу обычного размера на полотне верхнего потолка. Даже тогда у меня не было ни малейшего представления о том, что происходит на самом деле; но, видя, как бабочка время от времени бросается на ящерицу, я предположил, что это игра, пока ее движения не стали менее быстрыми и оживленными. Ящерица все это время оставалась неподвижной, но наконец внезапно переместилась на наклонную часть потолка. Движения бабочки стали еще более вялыми, пока наконец, к моему крайнему удивлению, я не увидел, как ящерица открыла рот, и бабочка влетела прямо в него. Ящерица примерно полминуты глотала его вместе с крыльями и всем прочим. До последнего акта этой любопытной сцены, хотя я хорошо знал цель ящерицы, я предполагал, что она, вероятно, прыгнет на бабочку, но понятия не имел, что это удастся, и ожидал увидеть, как бабочка улетит. Если бы у меня было представление о причине, я бы разрушил это очарование.

"С этого момента у меня никогда не возникало ни малейших сомнений в силе очарования: эту силу я воспринимаю как *ужас*, который, я полагаю, если бы объект был достаточно ужасен, действовал бы одинаково как на человека, так и на любое другое существо".[\[178\]](#)

Еще более странно слышать о заволаживающих скорпионах о мухах-синих бутылочках! "По прибытии, - рассказывает мистер Роберт Хантер, - в Нагпур, в Центральной Индии, в 1847 году, я попросил оставить в живых первого найденного в доме скорпиона на несколько минут, чтобы у меня была возможность понаблюдать за его формой и движениями. В этой части Индии редко приходится долго ждать такого посетителя, и ранним вечером мой

коллега, преподобный мистер Хислоп, объявил, что на стене нарисован скорпион. На пол поставили лампу, и мы заняли удобные позиции, чтобы наблюдать за тем, что может произойти. Как раз в этот момент появилась большая муха из рода *Musca*, и вскоре стало известно о присутствии скорпиона. Сильная ярость, казалось, охватила его, непреодолимо побуждая к безумной атаке на ужасного обитателя стены: он бросился на него со всей той небольшой силой, на которую был способен, а скорпион тем временем протянул свою клешню, похожую на омаровую, чтобы поймать его, когда тот приблизится. При первой атаке муха отскочила от покрытого коркой тела своего противника, причинив вреда не больше, чем если бы ребенок приложил руку к хорошо защищенному телу кирасира. Казалось, он был поражен собственной дерзостью; в состоянии сильного явного возбуждения он развернулся и, стремительно обратившись в бегство, вскоре оставил два или три ярда безопасного пространства между собой и своим грозным, но бескрылым врагом. Теперь мы искренне надеялись, что "лучшей части доблести" будет позволено одержать верх. Но нет! крошечное существо устояло — оно осмелилось взглянуть — там все еще виднелась злобная форма. Что оставалось сделать бедному животному, кроме как предпринять вторую блестящую атаку, в которой оно снова ускользнуло от протянутой лапы своего врага и, как и прежде, успешно отступило? "Конечно, - размышляли мы, - больше никаких попыток странствующего рыцарства предпринято не будет: самые взыскательные сочли бы этого достаточным". Но мы ошиблись. Снова и снова муха возвращалась к битве, пока в один неосторожный момент не влетела точно в раскрытую клешню, которая, сомкнувшись, сделала побег невозможным. Щедрость Муравьева вряд ли можно было ожидать от скорпиона, который, как легко поверить, не теряя времени, сожрал своего доблестного пленника. Возможно, муха была частично ослеплена ярким светом лампы. Но, несомненно, именно очарование, вызванное видом ужасной фигуры на стене, побудило его начать неравное состязание, которое могло закончиться только потерей его жизни".[\[179\]](#)

После этих случаев, я боюсь, мои читатели не увидят ничего романтического в историях о горностаях, гипнотизирующих зайцев и кроликов, или лисах, парализующих молодых. Первые достаточно распространены — несчастный заяц, ползущий с растерянным видом, как будто у него сломана спина, или кричащий в беспомощной неподвижности. Я ограничусь единственным рассказом мистера Генри Бонда, которому эта глава уже обязана одним случаем. Когда он прогуливался по склону холма над фермой Уэст-Крич в Пенбеке, Сомерсет, в августе прошлого года, где пух покрыт очень низкими кустами дрока, его внимание привлек крик отчаяния. Он исходил от кролика, который легким галопом кружил по кольцу, останавливаясь. Он наблюдал за этим несколько минут; но по мере того, как круг становился все меньше, а кролик все более возбуждался, он заметил, что горностаи поворачивают голову вслед за движением кролика и пристально смотрят на него. Он нанес удар по горностаю, но промахнулся; таким образом, его внимание было отвлечено от намеченной жертвы, которая немедленно с большой энергией бросилась прочь в прямом направлении.[\[180\]](#)

Это удивительно интересный случай; круговое движение кролика; постоянно уменьшающийся круг; вращение горностаи; неподвижность его взгляда; освобождение кролика в тот момент, когда горностаи потревожили; и мгновенное восстановление его способностей после снятия чар; - все это обстоятельства, представляющие высочайший интерес в случае, описанном таким хорошим натуралистом, как мистер Бонд.

Мистер Дж. Х. Герни приводит рассказ уважаемого егеря, который, будучи сильно раздражен ночными визитами лисы к домашней птице, не мог представить, как Рейнард

удалось достичь своей цели, когда они устроились на большом раскидистом дубе. Однако однажды утром, как раз на рассвете, он услышал сильный шум среди домашней птицы и, выглянув в окно, увидел лису, бегающую кругами под тем местом, где они сидели, и вскоре заметил, что птицы в большом смятении начали падать с дерева. Лиса немедленно схватила свою жертву, и тайна была пока разгадана. День или два спустя лисица, очень крупный самец, была убита в соседнем загоне, и больше на домашнюю птицу никто не нападал.

В данном случае результатом, возможно, было головокружение; птицы, сбитые с толку и пораженные тусклым светом, следили глазами за движением хитрого грабителя, когда он быстро бегал по кругу внизу, пока частое поворачивание головы не вызвало у них головокружение, и они не смогли удержать равновесие. *Но откуда лиса знала, что последует такой результат?*

Тот же джентльмен приводит, исходя из своего собственного наблюдения, случай, более относящийся к делу. Здесь птица - это практикующий месмер. "Однажды я видел золотого орла, который, казалось, полностью очаровал кролика, которого посадили в большую клетку, в которой содержался орел. Как только кролик был представлен, орел устремил на него свой взор, и кролик пристально ответил на его взгляд и начал ходить вокруг орла кругами, с каждым разом приближаясь все ближе, а орел тем временем как бы поворачивался вокруг своей оси на деревянном чурбаке, на котором он сидел, и не сводил глаз с кролика.

"Когда кролик подошел совсем близко к подножию орлиного насеста, он встал на задние лапы и посмотрел орлу в лицо; затем орел совершил свой прыжок, который, казалось, сразу разрушил чары, и кролик побежал, спасая свою жизнь, но было слишком поздно, чтобы он смог избежать хватки орла и мгновенной смерти, последовавшей за этим чудовищным сжатием".[\[181\]](#)

Я не уверен, насколько велика параллель между этим животным очарованием глаз и той привлекательностью, которую, как хорошо известно, огонь имеет для многих существ. Шелли поет о

"Стремление мотылька к звезде",

как будто это была романтическая страсть ко всему яркому и прекрасному. Это, конечно, аспект поэта; коллекционер насекомых, который хочет заполнить свой кабинет — "мой друг ткач", который по ночам занимается своей "необлагаемой налогом и бесспорной игрой", — хорошо знает, что яркий свет его лампы в яблочко привлечет тысячи мотыльков сырой июньской ночью. Маленькие порхающие атомы проходят и вновь пересекают поле света, внезапно вспыхивая в полном сиянии и в одно мгновение снова погружаясь во тьму, если только его марлевая сетка не окажется для них слишком быстрой. Я часто сидел за чтением поздно ночью при свече на окне и с интересом наблюдал, как много насекомых всех отрядов вскоре соберется снаружи; время от времени какой-нибудь крупный мотылек вылетал с глухим *стуком* или огромный жук в кольчуге с грохотом ударялся о стекло, что заставляло резко поднять глаза, чтобы убедиться, не треснул ли он стекло. На Ямайке я поймал много ценных жуков и других насекомых вокруг абажуров у открытого окна, которых не встречал никаким другим способом.

Так и в Алабаме, где погожими осенними вечерами принято всей семьей сидеть во дворе под раскидистыми деревьями, при мерцающем свете дворового камина. Этот костер разжигают в сумерках на железном треножнике высотой по грудь и поддерживают до тех

пор, пока не придет время ложиться спать. Обязанность негритянского мальчишки-сорванца состоит в том, чтобы поддерживать постоянный свет с помощью сосновых щепок, чтобы поддерживать постоянное пламя, поскольку цель состоит в том, чтобы освещать двор и прилегающие к нему офисы. Маленький "негритенок", конечно, кивает, но громкий бранящий голос хозяина, хозяйки, или надсмотрщика, или кого-либо еще оценивает его и побуждает к исполнению обязанностей, как только пламя гаснет. Приятно сидеть и наблюдать за эффектом света, проходящего сквозь трепещущие листья окружающих деревьев или отражающегося от них: пламя то ярко разгорается и играет языкообразными мерцающими шпильками, то затухает и превращается в красноватый отблеск, то внезапно возрождается под испуганным присмотром служительницы соборной, которая играет роль девственной весталки у этого алтаря.

Вокруг этого костра часто резвятся крупные насекомые. Жуки "совершают свой гудящий полет" по жужжащим кругам, делают несколько оборотов и исчезают; а мотыльки порхают вокруг и часто опаляют свои перистые крылышки. Таким образом, я поймал несколько очень прекрасных чешуекрылок и других мотыльков; и единственным экземпляром, который я когда-либо видел живым этого очень любопытного насекомого-слепыша (вид, отличный от нашего европейского насекомого, но очень близкий к нему), был экземпляр, который внезапно бросился в пепел фонаря — любопытное обстоятельство, связанное с мнением, на которое я ранее ссылался, что *Gryllotalpa Europae* является одним из производителей *Ignis fatuus*.

Птиц также привлекает свет ночью. Я читал о синице, которая порхала вокруг газового фонаря в пригороде Лондона, и ее никак не хотели прогонять; в конце концов она проникла в лампу через отверстие в нижней части и продолжала порхать вокруг струи. В 1832 году чайка-сельдь ударилась об одну из опор маяка Белл-Рок с такой силой, что две полированные стеклянные пластины размером около двух квадратных футов и толщиной в четверть дюйма разлетелись на куски и рассыпались по полу тысячью атомов, к великой тревоге сторожа и других обитателей дома, которые немедленно бросились в маяк. Было обнаружено, что расстояние между кончиками крыльев чайки составляло пять футов. В пищевом у него была крупная селедка, а в горле - осколок зеркального стекла длиной около дюйма.

Доктор Ливингстон приводит несколько любопытных примеров притягательной силы огня для различных существ в Южной Африке, которую он приписывает своего рода очарованию. "Огонь, - говорит он, - оказывает завораживающее действие на некоторые виды жаб. По вечерам можно видеть, как они бросаются в огонь, даже не почувствовав боли. Соприкосновение с горячими углями скорее увеличивает энергию, с которой они стремятся заполучить самые горячие части, и они никогда не прекращают своей борьбы за середину, даже когда их соки сворачиваются, а конечности коченеют от обжигающего жара. Различные насекомые также очарованы этим; но можно видеть, как скорпионы с яростным отвращением отходят от огня, и они настолько раздражены, что наносят в это время свои самые болезненные укусы".[\[182\]](#)

ОЧАРОВЫВАЮЩИЙ ЗМЕЙ.

С того дня, когда был произнесен торжественный приговор: "Я посею вражду между тобою и женщиной, и между твоим семенем и ее семенем", змееподобие породило отвращение и ужас в человеческой груди. И заслуженно; ибо ядовитый змей — страшный враг: ужасный яд греха, впрыскиваемый "этим древним змеем, дьяволом", хорошо символизируется самым мощным из всех смертоносных средств - ядом гремучей змеи или кобры.

И все же во все века в странах, где водятся самые ядовитые змеи, были люди, которые заявляли, что обладают абсолютным иммунитетом от их укусов, и даже пользовались какой-то необъяснимой властью над ними, благодаря чему их ярость утихала, и они становились на время кроткими и безвредными. Священное Писание неоднократно ссылается на это древнее искусство. Предполагается, что египетские маги, превратившие свои жезлы в змей, прибегали к секрету, известному, как говорят, современным фокусникам той же страны, которые, нажимая пальцами на загривок кобры, ввергают ее в своего рода катаlepsию, при которой все ее тело становится твердым, как прут, и от которой она избавляется, внезапно бросая ее на землю. Жезл Аарона был настоящим жезлом до и после сделки, но Божественная чудесная энергия превратила его в змея: их змеи были созданы для того, чтобы на мгновение принять вид жезлов с помощью хитрого устройства.

Однако встречаются и другие, более прямые отсылки к искусству заклинания змей. Таким образом, упрямство нечестивых сравнивается с "глухой гадюкой, которая затыкает себе ухо; которая не прислушивается к голосу чаровниц, чарующих не так мудро".^[183] И жестокость халдейских захватчиков изображена под этим изображением: "Вот, Я пошлю к вам змей, василисков, которые не поддадутся чарам, и они будут кусать вас, говорит Господь".^[184]

Среди древних римлян псиллы, народ Африки, и марсы, германское племя, поселившееся в Италии, считались обладателями силы очаровывать змей и были наделены иммунитетом от последствий их яда. Цельс, однако, утверждает, что эта сила заключалась в знании того факта, который теперь хорошо известен, что яды животных вредны только при смешивании с кровью. Поэтому их можно совершенно безнаказанно брать в рот. Однако, ссылаясь на столь великий авторитет, скажу, что в искусстве и тайне заклинания змей есть нечто большее.

Когда Лукиан описывает, как вавилонский маг разгуливал по городу и призывал к себе всех змей, которые были поблизости, с определенными церемониями, такими как произнесение священных слов из древней книги, люстрации, производимые серой и факелом, и торжественное шествие по кругу, и когда он утверждает, что ядовитые рептилии, *nolentes volentes*, безвредно представляли у его ног, — он описывает сцену, которая достаточно знакома европейским путешественникам по Египту и Индии. И поэтому, когда Силий Италик говорит об Атире, проинструктированном, как обезоруживать змей от их ужасного яда и усыплять ужасных водяных змей своим волшебным прикосновением, он имеет в виду, истинно или ложно, нечто более могущественное, чем подвиг, которым королева Филиппа спасла жизнь своему царственному мужу.

Невосприимчивость к змеиному яду и умение очаровывать змей - это две вещи. Первое, поскольку оно зависит от уже упомянутого естественного закона, едва ли входит в сферу компетенции данной работы. Но разве не существует врожденного иммунитета, присущего

некоторым людям и даже некоторым народам, благодаря которому без действия какого-либо признанного естественного закона или даже каких-либо усилий они надежно защищены либо от укусов ядовитых змей, либо, по крайней мере, от летального исхода, который является обычным результатом укуса?

Псиллы, согласно Плинию, были настолько характерно наделены этим иммунитетом, что использовали его для проверки законности рождения своих детей; поскольку они имели обыкновение подвергать своих новорожденных младенцев (только в сомнительных случаях, мы можем предположить) воздействию самых ядовитых змей, которых только могли найти; уверенные, что если их отцовство было чисто псиллическим, они были бы совершенно невредимы. Из этого племени был посол Гексагон, который, хвастаясь своей властью перед римскими консулами, подвергся решающему испытанию, которое они предложили, - быть заключенным в сосуд, кишущий ядовитыми рептилиями, которые, как гласит легендарная история, не причинили ему вреда.

Тот же историк сообщает нам, что псиллы, которые ранее населяли окрестности Большого Сиртиса, то есть современные Триполи и Барку, были завоеваны и почти истреблены насамонами, которые владели их землей; но что остатки бежали в какой-то отдаленный регион. Не исключено, что нынешние жители Сеннаара, на юге Египта, могут быть прямыми потомками тех же псиллиев; ибо, поскольку Египет был густо населен и высоко возделан, варварское племя едва ли могло прочно обосноваться там; а поскольку по другую сторону была Великая пустыня Сах, а на севере - море, у них не было другого выхода, кроме как ползти вдоль пустынного края Египта, пока они не нашли малонаселенную землю, достаточно дикую, чтобы дать им возможность основать поселение. Первым регионом такого характера, который они могли бы найти, была бы Нубия; и там наиболее интересно узнать, что в настоящее время существует народ, претендующий на те же способности, что и древние псилли. Брюс, чьи показания, поначалу подвергавшиеся большому сомнению, стали восприниматься с доверием, заявляет, что все чернокожие жители королевства Сеннаар, будь то фунги или нубы, прекрасно вооружены против укуса скорпиона или гадюки. Они постоянно берут *Cerastes*— маленького двухрогого аспида с самым смертоносным ядом — в руки, кладут себе за пазуху и бросают друг в друга, как дети мячики, никогда не раздражая их этим использованием настолько, чтобы заставить укусить. Однажды, когда путешественник сидел с братом премьер-министра Сеннаара, его раб принес *Керамзит*, который он только что достал из ямы и использовал со всей фамильярностью. Брюс выразил свое подозрение, что зубы были вырваны, но был заверен, что это не так, как рабом, так и его хозяином, который, взяв у него гадюку, намотал ее себе на руку и, по желанию путешественника, приказал слуге сопровождать его с ней в его резиденцию. Здесь Брюс, чтобы испытать силу змеи, взял курицу за шею и заставил ее трепыхаться; кажущееся безразличие змеи немедленно сменилось рвением, и он укусил птицу с явными признаками гнева, которая почти сразу умерла. Брюс считает, что безразличие к человеку было только кажущимся, что на самом деле это было бессилие, поскольку он постоянно наблюдал, что, какой бы живой змея ни была раньше, все же, когда ее хватал кто—нибудь из чернокожих, казалось, что ее внезапно тошнит и она слабеет, часто закрывает глаза и никогда не поворачивает пасть к руке человека, который ее держал.

Насколько точно этот рассказ согласуется со словами Силиуса,

"— *tactuque graves sopire chelydros.*"

Нубийский путешественник сообщает нам, что арабы — очевидно, имея в виду чернокожих мусульман — не владеют этим секретом от природы, но что с младенчества они получают освобождение от смертельных последствий, сопровождающих укусы всех ядовитых рептилий, пережевывая определенный корень и умываясь (это не *помазание*) настоем определенных растений в воде. Это ни в коем случае не невероятно; и было бы очень желательно, чтобы корень и растения были получены и идентифицированы, чтобы их профилактическая сила могла быть проверена компетентными людьми науки. По всей вероятности, было бы установлено, что они принадлежат к трибе квассия, естественному отряду *Simarubaceae*, растений тропических областей обоих континентов, соки которых обладают сильной горечью. Установлено, что настой стружек *квассии амары* и *симарубы амары* является эффективным ядом для мух; а бразильские индейцы используют настой *симарубы разноцветной* как специфическое средство против укусов змей и с большим эффектом применяют его при педикулезных заболеваниях, которые так распространены среди этого народа.

Это было растение из этого отряда, *Simaba cedron*, над которым несколько лет назад в Зоологическом саду проводились опыты, незадолго до прискорбной смерти от укуса кобры бедняги Герлинга, который, действительно, помогал в них. Мистер Сквайр, выдающийся химик, пожелал испытать силу этого растения, которое, высушенное и измельченное в порошок, пользуется высокой репутацией среди индейцев Южной Америки как средство от змей. Доктор Куэйн и мистер Эванс согласились с этим желанием; и, с разрешения Лондонского зоологического общества, 8 июля 1852 года в Садах была проведена серия экспериментов, представляющих большой интерес, хотя и не очень убедительных по своим результатам.

Испытания проводились только на мелких животных, но в каждом случае предполагаемое средство оказалось неэффективным. Экспериментаторы, однако, считают, что было бы небезопасно отвергать *Симаба седрон* в качестве противоядия, потому что здесь оно не сработало, поскольку смерть наступила так быстро, что была небольшая возможность для его действия. Только после того, как он будет испытан и не даст результатов на более сильных животных, от него следует отказаться, учитывая опыт индейцев в жарком климате. Средство применялось в виде настоя, вылитого в горло укушенного животного как можно быстрее после удара, и смоченного порошка, нанесенного на рану. Мне кажется заслуживающим рассмотрения вопрос о том, не может ли, в свете того, что Брюс говорит о нубийцах, омовение тела настоем, или поглощение его, или и то и другое вместе, *перед* нападением змеи, быть более эффективным в качестве профилактики как укуса, так и его последствий, чем его применение впоследствии в качестве лечения. Каким бы ни было вещество, которым умываются нубийцы, оно, по-видимому, придает телу какое-то свойство, возможно, запах, который отпугивает змей и вызывает отвращение. Возможно, причина кроется в сильной горечи *Симарубасеи*; и было бы нелишним попробовать, ударит ли гремучая змея или воздушная гадюка морскую свинку, которую только что искупали в настое *Симабы* или которой только что была введена доза того же вещества, и если да, то окажется ли укус смертельным. Даже если бы эти эксперименты не дали положительного результата, все равно можно было бы рассмотреть вопрос о том, не лишили ли истолченный в порошок корень растения антитоксических свойств, которыми он мог обладать, будучи свежеприготовленным в своем родном регионе, по прошествии времени, или длительного морского путешествия, или воздействия нашего влажного климата.

У Чуди, чьи исследования естественной истории Перу изобилуют интересной и ценной информацией, есть некоторые наблюдения о местных средствах от укусов змей, которые я приведу, предваряя отрывок графически ужасной картиной самих ядовитых рептилий, сделанной его пером:

"Змей следует опасаться, и, приблизившись к ним, нелегко с первого взгляда решить, принадлежат ли они к ядовитому или безвредному виду. В лесах, где опавшие листья лежат толстым влажным слоем, нога охотника глубоко проваливается при каждом шаге. Множество ядовитых амфибий вылупляется в наполовину разлагающемся растительном веществе; и тот, кто случайно наступит на одно из этих животных, может считать себя необычайно удачливым, если ему удастся ретироваться, не будучи раненым. Но не только в этих местах, которые, по-видимому, назначены природой для их обитания, водятся отвратительные рептилии: они ползают между корнями больших деревьев, под густо переплетенным кустарником, на открытых лужайках и на полях индейцев, засаженных маисом и сахарным тростником; более того, они заползают даже в их хижины, и к величайшему счастью для жителей этих районов, численность ядовитых по сравнению с безвредными рептилиями сравнительно невелика. Из ядовитых змей известно лишь несколько видов, укус которых сопровождается очень опасными последствиями. Минамару, или джерджон (*Lachesis picta*, Tsch.), не более трех футов в длину, с широкой головой в форме сердца и толстой верхней губой. Он обитает в высокогорных лесах, в то время как в тех, что ниже, его место занимает его не менее страшный родственник, фламмон (*Lachesis rhombeata*, принц Макс.), достигающий шести или семи футов в длину. Этих змей обычно можно увидеть свернувшимися почти в круг, с выдвинутой вперед головой и свирепыми, предательского вида глазами, бегающими по сторонам, высматривая добычу, на которую они набрасываются с быстротой стрелы; затем, снова свернувшись, они спокойно наблюдают за предсмертной борьбой жертвы. По-видимому, эти амфибии прекрасно осознают ужасный эффект своего ядовитого оружия, поскольку они используют его, когда на них не нападают и им не угрожают, и они ранят не только животных, пригодных для их употребления в пищу, но и все, что оказывается в пределах их досягаемости. Более грозной, чем две только что описанные змеи, но, к счастью, гораздо менее распространенной, является коричневая десятидюймовая гадюка (*Echidna ocellata*, Tsch.). Он коричневый, с двумя рядами черных круглых пятен. Эффект от его укуса настолько быстр, что он убивает сильного человека за две-три минуты. Туземцы настолько убеждены в его неизбежном фатальном исходе, что никогда не ищут никакого средства, но сразу же после получения раны ложатся умирать. В горах Пангоа этой гадюки больше, чем в любом другом районе, и чоло никогда без опаски не отправляются в свое ежегодное путешествие за урожаем коки, поскольку боятся стать жертвами укуса этой гадюки. Предупреждающий звук гремучей змеи редко можно услышать в жарких горах и никогда в более высоких регионах.

"Природа, которая почти во всем установила равновесие, снабжает туземцев средствами против укуса змеи. Одним из средств, к которым чаще всего прибегают, является корень амарукачу (*Polianthes tuberosa*, [\[185\]](#) Linn.), нарезанный полосками и накладываемый на рану. Другим является сок ползучего растения под названием виджуко де уако (*Микания уако*, [\[186\]](#) Кунт), который уже очень широко известен.

Это последнее средство было открыто неграми экваториальной провинции Чоко. Они заметили, что ястреб-перепелятник, называемый хуако, собирал змей в качестве своей основной пищи, и когда одна из них его укусила, он подлетел к вехуко и съел несколько

листьев. В конце концов индейцы додумались провести эксперимент на себе, и при укусах змей они пили выжатый сок листьев веджуро и постоянно обнаруживали, что таким образом рана становится безвредной. Использование этого превосходного растения вскоре стало повсеместным, и в некоторых местах вера в консервирующую силу сока вейко распространилась так далеко, что мужчинам с хорошим здоровьем делали им прививки. При этом выпивается несколько ложек сцеженной жидкости, а затем несколько капель закапывается в надрезы, сделанные на руках, ногах и груди. Жидкость втирают в раны свежими листьями вейко. После этой операции, по свидетельству заслуживающих доверия лиц, укус ядовитой змеи долгое время не оказывает никакого пагубного воздействия. Помимо двух упомянутых выше растений, многие другие используются с более или менее благоприятными результатами. Жители Монтаны прибегают и к другим средствам, которые слишком абсурдны, чтобы подробно описывать их здесь: и все же эти лекарства часто приносят пользу, поскольку их действие вызывает бурную реакцию. Обычно они вызывают эффект многократного рвотного средства и вызывают сильное потоотделение. Способы внешней обработки раны сильно различаются, и часто используется прижигание. Я видел, как индеец накладывал на укушенную ногу своей жены пластырь, состоящий из влажного пороха, измельченной серы и мелко нарезанного табака, смешанных вместе. Он приложил это к раненому месту и поджег его. Это применение в сочетании с одним из средств, вызывающих тошноту, принимаемых внутрь, дало успешный результат.

Английский офицер, участвовавший в войнах, освободивших южноамериканские республики от испанского владычества, так говорит о растении, которое, вероятно, является той же *Миканией*. Его рассказ любопытным образом подтверждает точность Брюса:

"Среди множества лекарственных и ядовитых растений, растущих на берегах Ориноко, одним из самых необычных является вид *вейуро*, который при правильном применении оказывается мощным средством защиты от воздействия ядовитых змей. Это даже, по-видимому, лишает этих рептилий либо их силы, либо склонности использовать свои клыки. Некоторые листья и мелкие веточки растирают и в таком виде наносят в виде катаплазмы на обе руки; предварительно кожа над локтями была свободно рассечена. Этот вид прививки повторяют через установленные промежутки времени; также время от времени пьют сок пораженного растения, разбавленный водой. Несколько солдат из дивизии генерала Тедено подверглись такому обращению и часто использовали полученное таким образом преимущество на марше. Таким образом, они получили возможность укрыться в заброшенных хижинах, в которые мы не осмеливались входить из-за змей, всегда таившихся в таких местах; хотя эти люди могли выносить их на руках, не причиняя никакого вреда. Поскольку они уже некоторое время находились в нашей компании, мы могли убедиться, что у них не было никаких змей, спрятанных с целью обмана. Кроме того, у них могло быть мало или вообще не быть повода навязываться нам, поскольку они не просили и не ожидали никакой награды за проявление своего мастерства в уничтожении этих рептилий".[\[187\]](#)

По словам капитана Форбса, негры Дагомеи с успехом используют траву или травоподобное растение. Одного из его лежачков неоднократно кусали ядовитые змеи, но, поскольку его отец был врачом, он избежал травм. Прогуливаясь однажды по высокой траве, капитан, указывая на босые ноги своего слуги, спросил, нет ли опасности. "Никаких, - сказал он. - мой отец нарвал немного травы, и если в тот же день нанести отвар, рана сразу заживает".[\[188\]](#)

Некоторые животные, особенно те, которые охотятся на змей, по-видимому, устойчивы к их укусам. Ихневмоны, или мангусты, обитающие в Африке и Азии, издавна славятся своим

иммунитетом, и были рассказаны правдивые истории о том, как при укусе они прибегали к помощи какой-то травы, после чего успешно возобновляли атаку. Персиваль в своем рассказе о Цейлоне рассказывает, что мангуст, помещенный в тесную комнату, где находилась ядовитая змея, вместо того чтобы броситься на нее, как он обычно делал, забегал, беспокойно оглядываясь в поисках какого-нибудь способа спастись; но, не найдя ничего, вернулся к своему хозяину, забрался к нему на грудь, и его никак нельзя было убедить встретиться со змеей лицом к лицу. Однако, когда обоих вывели из дома в открытое поле, мангуст мгновенно набросился на змею и вскоре уничтожил ее. После боя маленькое четвероногое внезапно исчезло на несколько минут и снова вернулось. Персиваль делает небезосновательный вывод, что за время своего отсутствия оно нашло противоядную траву и съело ее. Местные жители утверждают, что мангуст прибегает в таких случаях к *экстракту офиоризы мунго*, корень которого считается специфическим средством от укусов змей. Это хинное растение, настолько сильно горькое, что малайцы называют его земляной желчью.[\[189\]](#)

Капитан Форбс в своем интересном рассказе о Дагомее ссылается на эти сражения, свидетелем которых, по его словам, он был в Индии. Он говорит, что поначалу змея (Кобра) обычно имеет преимущество, но мангуст отступает, пожирает какую-нибудь дикую траву, возвращается и вскоре побеждает.

Сэр Эмерсон Теннент склонен относить иммунитет мангуста к неотъемлемому свойству. Он отмечает, что тайна его силы была "отнесена к предположению, что в его организации может быть какая-то особенность, которая делает его *устойчивым* к змеиному яду. Остается для будущих исследований определить, насколько эта гипотеза основана на истине; и существует ли в крови монгу какой-либо элемент или качество, действующее как профилактическое средство. Такие исключительные условия не имеют прецедента в животноводстве: птица-носорог безнаказанно питается смертоносными плодами *стрихноса*; млечный сок некоторых видов *молочая*, безвредный для быков, неизменно смертелен для зебры; а муха цеце, вредитель Южной Африки, укус которой смертелен для быка, собаки и лошади, безвреден для человека и диких лесных обитателей".[\[190\]](#)

Наш собственный еж обладает привилегией оставаться невредимым от яда гадюки, о чем свидетельствуют его частые схватки с ней. Мистер Слейтер часто видел драки между этими животными, которые всегда заканчивались в пользу ежа. Последнее, казалось, совершенно не обращало внимания на многочисленные укусы, которые оно получило в морду.[\[191\]](#)

Вернемся к заявлениям Брюса. После описания маленькой рогатой египетской гадюки, *Cerastes*, и ее коварной манеры подкрадываться к своей жертве с отвернутой головой, пока она не окажется в пределах досягаемости, когда внезапно прыгает и наносит удар, он продолжает: "Я видел, как одна из них в Каире заползла по стенке ящика, в котором их было много, и там лежала неподвижно, как будто прячась, пока один из людей, которые принесли их нам, не подошел к нему вплотную, и, хотя в очень невыгодной позе, прилипла, так сказать, перпендикулярно стенке ящика". затем он подпрыгнул примерно на расстояние трех футов и зажал нож между указательным и большим пальцами мужчины, чтобы пустить кровь. Парень не выказывал никаких признаков ни боли, ни страха, и мы продержали его с нами целых четыре часа, при этом он не применял никаких лекарств и, казалось, не собирался этого делать.

"Чтобы убедиться, - добавляет Брюс, - что животное в идеальном состоянии, я заставил мужчину держать его за шею, чтобы заставить открыть рот и разорвать бедро пеликана, птицы, которую я приручил, размером с лебедя. Птица умерла примерно через тринадцать минут, хотя, по-видимому, заразилась через пятьдесят секунд; и мы не можем думать, что это было справедливое судебное разбирательство, потому что всего за несколько минут до этого она укусила человека и таким образом выделила часть своего вируса, и ее заставили почесать пеликана силой, без какого-либо раздражения или действий с ее стороны.



ОЧАРОВЫВАЕТЗМЕЙ.

"Я без колебаний утверждаю, - добавляет он, - что я видел в Каире (и это можно видеть ежедневно без каких-либо проблем или затрат) человека, который спустился из катакомб, где хранятся косточки птиц-мумий, который голый рукой взял Керамзит из множества других, лежащих на дне ванны, надел его на непокрытую голову, накрыл обычной красной шапочкой, которую он носит, затем вынул его, положил себе на грудь и повязал на шею как ожерелье, после чего его сняли. приложил к курице и укусил ее, которая умерла через несколько минут; и, чтобы завершить эксперимент, мужчина взял ее за шею и, начав с хвоста, съел, как это делают с морковью или бульоном из сельдерея, без всякого видимого отвращения".[\[192\]](#)

Несколькими годами раньше Брюса Восток посетил Хассельквист, восторженный молодой натуралист и один из учеников Линнея. Он уделил этому вопросу много внимания и записал свое суждение о том, что в заклинании змей нет никакого обмана, но что определенные люди действительно, каким бы способом они это ни делали, очаровывают змей. "Они берут самых ядовитых гадюк голыми руками, играют с ними, кладут себе за пазуху и проделывают с ними еще множество трюков, как я часто видел. У человека, которого я видел в вышеупомянутый день, была всего лишь маленькая гадюка, но я часто видел, как они

расправлялись с теми, кто достигал трех-четырех футов в длину и был самого ужасного вида. Я осведомился и исследовал, вырезают ли они ядовитые зубы гадюки; но я *видел собственными глазами, что они этого не делают*: следовательно, мы можем заключить, что в Египте и по сей день есть псиллы; но какое искусство они используют, общеизвестно. Некоторые люди очень суеверны; и большинство верит, что это делается с помощью какого-то сверхъестественного искусства, которое они получают от невидимых существ; я не знаю, следует ли приписывать их силу добру или злу; но я убежден, что те, кто занимается этим, используют много суеверий".

Впоследствии мы находим некоторые интересные подробности. "Сейчас было время (июль) ловить всевозможных змей, которых можно встретить в Египте, из-за сильной жары появились эти паразиты. Поэтому я приготовился взять столько, сколько смог, и сразу получил четыре разных сорта, которые я описал и сохранил в *живой воде*. Это были Обыкновенная гадюка, *Cerastes of Alpin*, *Jaculus* и *Anguis Marinus*. Их принес мне Псилл, который поверг меня, вместе с французским консулом Сиронкуром и всем присутствующим французским народом, в ужас.

"Они собрались вокруг нас, чтобы посмотреть, как она справляется с самыми ядовитыми и ужасными существами, живыми и проворными, при этом они не причиняют ей ни малейшего вреда. Когда она положила их в бутылку, где они должны были храниться, она взяла их голыми руками и обращалась с ними так, как наши дамы со шнурками. У нее не возникло трудностей ни с кем, кроме *Viperae officinales*, которым не нравилось их жилище. Они нашли способ выползти до того, как бутылку успели закупорить. Они ползали по рукам женщины, не вызывая у нее ни малейшего страха; она с большим спокойствием сняла змей со своего тела и положила их в место, предназначенное для их могилы. Она поймала этих змей в поле с той же легкостью, с какой обращалась с ними при нас; об этом нам рассказал араб, который привел ее к нам. Несомненно, эта женщина владела каким-то неизвестным искусством, которое позволяло ей обращаться с этими существами. Получить от нее какую-либо информацию было невозможно, поскольку на эту тему она не раскрывала рта".

Таким образом, он подводит итог результатам своего расследования. "Обстоятельства, связанные с зачарованностью змеями в Египте, о которых мне сообщили, были в основном:—

"1. — Что это искусство известно только определенным семьям, которые передают его своим отпрыскам.

"2. Человек, который знает, как очаровывать змей, никогда не связывается с другими ядовитыми животными, такими как скорпионы и т. Д. Есть разные люди, которые знают, как очаровать этих животных; и они снова никогда не связываются со змеями.

"3. Те, кто очаровывает змей— едят их как сырыми, так и вареными, и даже готовят из них бульон, который они употребляют очень часто среди них; но в особенности они едят такое блюдо, когда выходят их ловить. Мне рассказывали, что арабы часто едят змей, жареных или вареных, как в Египте, так и в Аравии, хотя они не знают, как их очаровать, но ловят либо живыми, либо мертвыми.

"4. После того, как они съедят свой суп, они получают благословение от своего шейха, который проводит некоторые суеверные церемонии и, среди прочего, плюет на них несколько раз с определенными жестами".

Благословение священника Хасселквист произносит достаточно правильно, чтобы быть простым суеверием; мы можем справедливо заключить, что поедание змей также не имеет значения, — оба этих обстоятельства рассчитаны только на то, чтобы усилить всеобщее удивление и увести наблюдателей от истинного следа, который, вероятно, заключается в применении профилактических простых средств. Хассельквисту рассказывали о растении, которым заклинатели мазали или натирали себя, прежде чем прикоснуться к змеям; но, поскольку ему не дали такого растения, он счел его сказочным. Однако у нас есть основания сделать вывод, что настоящий ключ к тайне лежит именно там.[\[193\]](#)

Древние верили, что человеческая слюна настолько губительна для змей, что большая часть секрета очарования заключалась в знании этого факта. Конечно, это сделало бы Псиллиоз всех людей; но, возможно, есть доля истины в предположении, что естественные выделения человеческого тела, которое было вымыто или натерто проникающим алексифармическим средством, могут быть настолько пропитаны запахом, что особенно отталкивают змею. Денхэм описывает сцену заклинания змей, в которой важную роль сыграл плевок. Жонглер принес ему в мешке двух ядовитых змей, которых он выпустил на свободу, начав бить в маленький барабан. Они немедленно встали на хвосты, двигаясь в своего рода танце. Жонглер проделывал с ними различные трюки, иногда наматывая их себе на шею, пряча за пазуху или разбрасывая среди людей. Когда он ткнул им пальцем в рот, они немедленно встали в стойку, чтобы прыгнуть вперед и нанести удар; но после того, как он довел их до крайности, *ему оставалось только плюнуть им в лицо*, чтобы заставить их отступить, совершенно сбитые с толку. Судя по его описанию, они принадлежали к роду *Naia*, достигали более шести футов в длину и были очень ядовитыми. Клыки, по его словам, были удалены; но все же, чтобы уберечься от всевозможных травм, парень, который проделывал с ними трюки, намотал на правую руку большой рулон ткани.[\[194\]](#)

Влияние музыки на the serpents, похоже, повсеместно считается частью успеха профессионального заклинателя змей. Древние псиллы, которых нанимали для того, чтобы римский лагерь не беспокоили ядовитые змеи, маршировали вокруг него, распевая мистические песни.[\[195\]](#) Джонсон описывает очень умных индийских ловцов змей, которые притворяются, что вытаскивают их из нор песней и наигрывают жалобную мелодию на инструменте, несколько напоминающем ирландскую волынку.[\[196\]](#) Он действительно говорит, что все это иллюзия; но Форбс в своих "Восточных мемуарах" допускает, что это реальность. Ученый уроженец Индии уверял сэра Уильяма Джонса, что он часто видел, как самые ядовитые и злобные змеи покидали свои норы, услышав звуки флейты, которые, как он предполагал, доставляли им особое удовольствие.

Египетский заклинатель змей принимает таинственный вид, ударяет по стенам короткой пальмовой палочкой, свистит, прищелкивает языком и говорит: "Я заклинаю вас Богом, если вы наверху или если вы внизу, выходите; Я заклинаю вас самым великим Именем, если вы будете послушны, выходите, а если вы будете непослушны, умрите, умрите, умрите!"[\[197\]](#) Покойный доктор У. А. Бромфилд в некоторых выдержках из своих писем, опубликованных в "*Зоологе*",[\[198\]](#) подтверждает это: "Главным действующим лицом был симпатичный мужчина, с красивым и умным, но своеобразным выражением лица. В руке он держал палку, которой, входя в каждую квартиру, несколько раз ударял по стене, произнося тихим, размеренным голосом своего рода заклинание на арабском; заклиная и приказывая змее, которая, как он заявлял, сразу же после того, как дверь распахивалась, притаилась в стенах или потолке, выйти наружу. Вскоре можно было увидеть, как рептилия вылезает из какой-нибудь норы или угла, которыми изобилует каждая комната, даже в египетских домах лучшего класса; колдун притягивал к себе сопротивляющуюся змею концом палки и, когда

оказывался в пределах досягаемости, клал ее в сумку, которую носил с собой для этой цели".

Шатобриан нарисовал наглядную картину воздействия музыки на американскую гремучую змею. Когда змей случайно проник в лагерь своего отряда в Канаде, канадец, умеющий играть на флейте, выступил против него, чтобы отвлечь внимание, со своей волшебной дудочкой. При его приближении надменная рептилия свернулась в спираль, расплющила голову, надула щеки, сжала губы, продемонстрировала свои ядовитые клыки и окровавленное горло; ее двойной язык пылал, как два огня; ее глаза были горящими углями; ее тело, раздутое от ярости, поднималось и опускалось, как кузнечные мехи; ее растянутая кожа приобрела тусклый и чешуйчатый вид; а ее хрип, возвещавший о смерти, вибрировал с невероятной скоростью. Канадец заиграл на своей флейте: змей вздрогнул от неожиданности и откинул голову назад. По мере того, как он подвергался магическому воздействию, его глаза теряли свой яростный блеск, колебания хвоста становились медленнее, а звук, который он издавал, постепенно ослабевал и прекратился. Складки зачарованного Змея становились менее перпендикулярными своей спиральной линии, постепенно расширялись и опускались одна за другой на землю, образуя концентрические круги. Краски вновь заиграли на его трепещущей коже, и, слегка повернув голову, он остался неподвижен в позе внимания и удовольствия. В этот момент канадец продвинулся на несколько шагов вперед, извлекая из своей флейты сладкие и простые ноты. Рептилия наклонила свою пеструю шею, открыла головой проход в высокой траве и поползла за музыкантом, останавливаясь, когда он останавливался, и снова следуя за ним, как только он продвигался вперед. Таким образом, к изумлению как европейцев, так и туземцев, его вывели из лагеря; и было единогласно постановлено, что жизнь существа, столь чувствительного к гармонии сладостных звуков, должна быть сохранена.[\[199\]](#)

Некоторая поправка на колорит этой картины, которая должна быть прекрасно написана, возможно, может быть сделана в угоду поэтическому воображению рассказчика, поскольку Шатобриан не мог рассказать историю, не приукрасив ее *еще больше*. Однако мы можем принять основные факты, подтвержденные опытом других наблюдателей в других странах.

Мистер Гогерли, миссионер с некоторым авторитетом в Индии, отмечает, что некоторые люди, не верившие в этот предмет, после принятия самых тщательных мер предосторожности против любых розыгрышей или хитрости послали заклинателя в сад, чтобы доказать его силу; человек начал играть на своей свирели и, переходя из одной части сада в другую, на несколько минут остановился у части стены, сильно пострадавшей от времени, и намекнул, что внутри находится змея. Затем он заиграл быстрее, и его ноты зазвучали громче, как вдруг почти сразу же большая Кобра ди Капелло высунула голову в капюшоне, и человек бесстрашно подбежал к этому месту, схватил ее за горло и вытащил наружу. Затем он показал ядовитые клыки и выбил их; после этого его отнесли в комнату, где стояли его корзины, и положили среди остальных. Заклинатель змей, замечает тот же автор, прикладывает свою дудочку ко рту и издает несколько своих особенных нот, и все змеи замирают, как зачарованные; затем они поворачиваются к музыканту и, приблизившись к нему на расстояние двух футов, поднимают головы от земли и, наклоняясь назад и вперед, отбивают такт мелодии. Когда он прекращает играть, они опускают головы и тихо сидят на земле.

В журнале "Пенни Мэгэзин" за апрель 1833 года содержится следующее очень точное и обстоятельное повествование, переданное джентльменом высокого положения в Мадрасе: "Однажды утром, когда я сидел за завтраком, я услышал громкий шум и крики среди

носильщиков моего паланкина. Наведя справки, я узнал, что они видели большую змею в капюшоне и пытались убить ее. Я немедленно вышел и увидел змею, ползущую по очень высокому зеленому холму, откуда она скрылась в дыре в старой стене древнего укрепления; мужчины были вооружены своими палками, которые они всегда носят в руках, и тщетно пытались убить рептилию, которая ускользнула от их преследования, и надежно свернулась в своей норе, в то время как мы могли видеть, как блестят его яркие глаза. Мне часто хотелось убедиться в правдивости слухов о воздействии музыки на змей. Поэтому я обратился к ловцу змей. Мне сказали, что в деревне нет такого человека, но после небольшого расследования я узнал, что такой человек есть в деревне, расположенной примерно в трех милях отсюда. Соответственно, я послал за ним, строго следя за змеей, которая никогда не пыталась сбежать, пока мы, его враги, были в поле зрения. Прошло около часа, когда мой посыльный вернулся с ловцом змей. Этот человек не носил никакого покрывала ни на голове, ни вообще на теле, за исключением небольшого куса ткани вокруг чресел; в руках у него были две корзины, в одной из которых были ручные змеи, другая пустая: это и его музыкальная свирель были единственными вещами, которые у него были с собой. Я велел ловцу змей оставить две его корзины на земле, на некотором расстоянии, пока он поднимался на холм с одной только трубкой. Он начал играть: при звуках музыки змея постепенно и медленно выползала из своей норы. Когда он был совсем в пределах досягаемости, змеелов ловко схватил его за хвост и держал таким образом на расстоянии вытянутой руки; в то время как змея, разъяренная, мотала головой во все стороны, но тщетно: подвешенная таким образом, она не в силах обернуться, чтобы схватить своего мучителя. Он измучил себя напрасными усилиями; когда ловец змей спустился с берега, бросил его в пустую корзину и закрыл крышку; затем он начал играть и через короткое время поднял крышку корзины; змея дико заметалась и попыталась убежать; крышка снова быстро закрылась, музыка продолжала играть. Это повторилось два или три раза; и через очень короткий промежуток времени, когда крышка была поднята, змея села себе на хвост, распахнула капюшон и затанцевала так же тихо, как ручные змеи в другой корзине, и больше не пыталась вырваться. Это, будучи свидетелем собственными глазами, я могу утверждать как факт".

Однако, какими бы опытными и умелыми ни были эти люди, им не всегда удается уйти безнаказанными. Время от времени происходят роковые прекращения этих выставок псиллического искусства, ибо все еще можно найти "глухих гадюк, которые не прислушиваются к голосу чаровниц, чарующих никогда так мудро". Несколько лет назад в Мадрасе известному заклинателю змей случайно попала в руки кобра значительных размеров, которую он принес к себе домой. Весь день он был занят за границей, и у него не было времени извлечь опасные клыки из пасти Змеи. По крайней мере, это вероятное решение вопроса. Вечером он вернулся в свое жилище, изрядно возбужденный выпивкой, и начал показывать фокусы со своими змеями различным людям, которые в то время были рядом с ним. Недавно пойманную Кобру вынесли вместе с остальными, и человек, отважный духом, начал обращаться с незнакомцем так же, как и со всеми остальными. Но Кобра метнулась к его подбородку и укусила его, оставив два следа, похожих на булавочные. Бедный жонглер мгновенно протрезвел. "Я мертвец", - воскликнул он. Перспектива немедленной смерти лишила его профессионального мистицизма смысла. "Оставьте эту тварь в покое, - сказал он окружающим его людям, которые были готовы убить Кобру. - Она может пригодиться тем, кто занимается моим ремеслом. Для меня от нее больше нет никакой пользы. Ничто не может спасти меня ". Его профессиональные знания были слишком точны. Через два часа он превратился в труп! Рассказчик видел его вскоре после смерти. Его друзья и братья-жонглеры собрались вокруг него и усадили на стул в сидячем

положении. Видя ущерб, который такая идея может нанести их торговле и интересам, они яростно утверждали, что его убил не ядовитый укус. "Нет, нет; он забыл только одно маленькое слово — одну маленькую порцию заклинания". На самом деле они заявили, что он вовсе не умер, а всего лишь находился в своего рода обмороке, от которого, согласно правилам каббалистического искусства, он оправится через семь дней. Но в дело вмешались офицеры казармы, рядом с которой жил покойный. Они приставили к дому охрану из одного или двух человек, заявив, что позволят телу оставаться непогребенным в течение семи дней, но не допустят никаких обманов. Конечно, бедный заклинатель змей больше никогда не ожил. Его смерть и то, как она произошла, нанесли серьезный удар, как уже упоминалось, искусству и практике заклинания змей в Мадрасе.

Робертс также упоминает случай с человеком, который пришел в дом джентльмена, чтобы показать ручных змей, и, когда ему сказали, что в клетке в доме находится Кобра, или Змея в Капюшоне, спросили, может ли он ее очаровать; получив утвердительный ответ, Змея была выпущена из клетки, и, без сомнения, в состоянии сильного раздражения. Человек начал свои заклинания и повторил свои чары, но Змея бросилась на него, вцепилась в руку, и еще до наступления ночи он превратился в труп.

Эти неудачи, какими бы редкими и ненормальными они ни были, ни в коем случае не опровергают реальность заклинания змей; они, безусловно, показывают, что мужчины верят в свои силы. Возможно, как утверждают некоторые европейцы, в Индии участники обычно практикуются на ручных змеях, у которых они уже удалили клыки или даже удалили ядовитые мешочки, — операция, выполняемая без труда путем надреза под каждым глазом и позади него. Или, может быть, обычно полагаются на власть музыки над этими рептилиями, и в редких случаях это не удается. Я сам ловил свирепых и активных ящериц на Ямайке за веревочную петлю, насвистывая веселую мелодию. Как только начинался свист, ящерица замирала на стволе или ветке дерева и поэтому оставалась неподвижной, с сонным выражением лица все то время, пока я разыскивал бечевку, готовил петлю и подавал ее ящерице, он просто оглядывался назад, когда петля проскальзывала у него над головой, свист, конечно, продолжался все время энергично, пока веревка туго не натягивалась, он внезапно обнаруживал, что болтается в воздухе на конце палки, и начинал извиваться, царапаться и кусаться яростно.

Из этих несчастных случаев кажется очевидным одно. Индийские *сампваллы* не используют никаких настоев или мазей для одурманивания и обезоруживания своих змей, как это делают эфиопы. Если бы эти только что упомянутые люди были так защищены, их бы не убили, какими бы опрометчивыми или отважными они ни были. Действительно, рассказы Брюса и других об африканских профессорах псиллического искусства и феномене воздействия змей сильно отличаются от описаний параллельных выставок в Индии и предполагают различные способы объяснения.

Дюжину лет назад в Зоологическом саду выступала пара восточных псиллий. Мистер Бродкрип дал очень наглядный набросок их выступления, каким он видел его в "Доме рептилий". Двое арабов заняли свои места на полу, вся компания встала полукругом на почтительном расстоянии.

Старый араб что-то сказал молодому, и тот наклонился ... и достал большую коробку для сделок, снял крышку, сунул в нее руку и вытащил большую длинную *Найя хадже* (египетский вид кобры). Подержав его в руках и немного поиграв с ним, он поставил его на пол, присел рядом с ним на корточки и уставился на змею. Змея мгновенно приподнялась,

расправила капюшон и медленно повернулась вокруг своей оси, следуя за взглядом молодого араба, поворачиваясь вместе с его головой, или глазом, или телом. Иногда она бросалась на него, словно собираясь укусить. Он в совершенстве владел животным. Все это время старый араб стоял неподвижно, задумчиво наблюдая за операцией; но вскоре он тоже присел на корточки, бормоча какие-то слова, напротив змеи. Очевидно, он подействовал на рептилию сильнее, чем его более подвижный родственник, хотя и оставался неподвижным, не делая ничего, что я мог видеть, но устремив взгляд на змею, причем его лицо находилось на одном уровне с поднятой головой змеи, которая теперь обратила все свое внимание на него и, казалось, была в пароксизме ярости. Внезапно оно метнулось с разинутой пастью к его лицу, яростно вонзая свои расширенные челюсти с белесыми краями в темную впалую щеку чаровника, который по-прежнему невозмутимо сохранял свою позу, только горько улыбаясь своему возбужденному противнику. Я был очень близко и внимательно наблюдал; но хотя змея бросилась старому арабу в лицо и вонзилась в него более двух или трех раз с широко раскрытой пастью, я не смог разглядеть выступа какого-либо клыка.

Тогда старый араб, у которого, как говорили, в его семье на протяжении долгих лет был дар очаровывать змей, открыл другую шкатулку, достал четырех или пять огромных ящериц и раззадорил ими ная, держа их за хвосты, как будто в четыре руки. Затем юноша достал Керамзит, который, как я заметил, казался перекошенным, как будто, как говорят деревенские жители, на него что-то нашло. Он положил ее на пол; но эта змея не приподнялась, как Ная, а, когда заклинатель наклонился к ней, очень странно, взволнованно задвигалась на брюхе, искоса поглядывая на него. Я думал, что змей бросится на парня, но этого не произошло. Он взял его, поиграл с ним, подул на него или плюнул, а затем поставил на место, явно больной, подавленный и вялый. Затем он снова взял его, поиграл с ним во второй раз, собрал в руке, сунул за пазуху, подошел к другому ящичку, снял крышку и достал еще змей, одна из которых была еще одной Найей, а остальные были самого ядовитого вида.

Теперь там были две найи, с поднятыми головами и телами, повинующиеся, по-видимому, воле заклинателей. Одна из змей укусила юношу в обнаженную руку, и потекла кровь; но он только плюнул на рану и поцарапал ее ногтем, отчего кровь потекла свободнее. Затем он вытащил еще несколько ящериц самого отвратительного вида. К этому времени пол дома рептилий, который служил сценой для "заклинателей", начал напоминать сцену заклинания в *"Дер Фрейшутц"*, только главные исполнители больше походили на Черного охотника и одного из его приближенных, чем на Макса и Каспара, а круг чародеев был окружен прекрасными дамами и их хорошо одетыми господами, а не ужасающими фигурами, которые столпились вокруг перепуганного охотника при броске зачарованных пуль.

"Арабы, держа змей за хвосты, позволили их телам коснуться пола, когда они, извиваясь, двинулись к зрителям, которые теперь немного отступали, наступая на пальцы ног тех, кто давил на них сзади. Иногда заклинатели ослабляли хватку, когда змеи, словно стремясь убежать от своих мучителей, быстро надвигались на отступающее кольцо; но они всегда вовремя ловили их за хвосты, а затем заставляли повторить те же действия. Я все время занимал позицию впереди и не испытывал страха, будучи уверенным, что мистер Митчелл и те, под чьим руководством это в высшей степени забавное и поучительное заведение так хорошо управляется, не допустили бы проведения выставки, если бы существовала малейшая опасность. Кроме того, я заметил, что заклинатели использовали только своих собственных змей, которых они, я полагаю, привезли с собой; и, признаюсь, у меня сложилось впечатление, что они были безвредны с помощью механических средств".[\[200\]](#)

Это последнее предположение рассказчик впоследствии признал бесспорно верным. Однако то, что говорится о *Cerastes*, больше похоже на воздействие чего-то губительного для змеи в запахе мальчика или в его слюне. Конечно, их заявлениям нельзя доверять, но примечательно, что они оба утверждали, что принадлежат к расе, над которой змеи не имеют пагубной власти, — Псилли, на самом деле, многих поколений.

Доктор Дэви утверждает, что в Индии, однако, ядовитые клыки *не* извлекают. Он рассказывает нам, что сам осматривал выставленных змей (которые всегда являются кобрами) и обнаружил, что клыки у них целы. Он приписывает силу заклинателей их ловкости и мужеству, основанным на близком знакомстве с повадками и нравом рептилий. Ученый Врач, руководствуясь этим убеждением, говорит, что он сам неоднократно безнаказанно раздражал этих змей. Их можно легко успокоить, когда они раздражены, голосом и мягкими круговыми движениями руки, а также поглаживанием по телу.

Очень любопытной темой, тесно связанной с заклинанием змей, является способность извлекать яд из раны, нанесенной рептилиями, приписываемая "змеиному камню", который индусы и китайцы обычно носят с собой. Капитан Нейпир так описывает это:

"У этих людей обычно есть в продаже большое количество *змеиных камней*, которые, как говорят, в равной степени являются противоядием как от укуса змеи, так и от жала скорпиона. Что касается первого, то я никогда не видел, чтобы его пробовали; и чтобы доказать его эффективность со вторым, самп-валлах обычно носит с собой в маленьких глиняных сосудах несколько этих животных, одному из которых он позволяет ранить себя своим жалом. Змеиный камень, представляющий собой темный, блестящий, гладкий камешек размером и формой с французскую фасолину, при нанесении на рану мгновенно прилипает к ней и за счет силы всасывания, по-видимому, вытягивает яд, который, как предполагается, содержится в маленьких пузырьках, которые в большом количестве поднимаются на поверхность при погружении камня в стакан с водой.

"Моя первая мысль, когда я увидел, что самп-валлах позволил ужалить себя скорпиону, заключалась в том, что последний каким-то образом был обезврежен. Однако, не желая добровольно проверять это на личном опыте, я приобрел несколько камней, решив при первой же возможности испытать их эффективность. Вскоре после этого, совершая марш по местности с отрядом, мы разбили наш лагерь на какой-то очень каменистой земле, при расчистке которой одного из английских солдат случайно укусил в руку большой скорпион. Как только я услышал об этом обстоятельстве, я послал за страдальцем, который, казалось, испытывал сильную боль, которую он описал как ощущение жжения, распространяющееся по всей руке до самого плеча.

"Я приложил один из змеиных камней к месту прокола; он немедленно прилип, и в течение примерно восьми минут, пока он оставался на теле пациента, ему постепенно становилось легче; боль уменьшалась, постепенно спускаясь от плеча, пока не стало казаться, что она полностью локализована в непосредственной близости от раны. Теперь я убрал камень; когда я опустил его в чашку с водой, на поверхность поднялось множество мелких пузырьков воздуха, и через короткое время мужчина перестал испытывать какие-либо неудобства из-за несчастного случая ".[\[201\]](#)

Едва ли нужно говорить, что выделение пузырьков - самое обычное явление и не может иметь ни малейшей связи с алексифармической силой камня, реальной или воображаемой.

Любой может увидеть в точности то же самое, опустив в воду кусочек нового цветочного горшка, или очень сухой кирпич, или любое другое вещество, более тяжелое, чем жидкость, которое в то же время сухое и пористое. Это происходит из-за воздуха, содержащегося в порах материала, который при погружении вытесняется более тяжелой водой и поднимается на поверхность в виде сочащихся пузырьков.

У сэра Эмерсона Теннента есть несколько очень ценных замечаний об этих "камнях", а также о связанных с ними вещах, которые, возможно, понравятся моим читателям и которыми я завершаю эту тему:

"Однажды, в марте 1854 года, мой друг ехал верхом с несколькими другими государственными служащими по тропинке в джунглях в окрестностях Бинтенна, когда они увидели, как один из двух приближавшихся к ним тамиллов внезапно бросился в лес и вернулся, держа обеими руками *кобру ди Капелло*, которую он схватил за голову и хвост. Он позвал своего спутника за помощью, чтобы положить его в их закрытую корзину, но, делая это, он обращался с ним так неумело, что животное схватило его за палец и удерживало в течение нескольких секунд, словно не в силах втянуть свои клыки. Потекла кровь, и, казалось, почти сразу же последовала сильная боль; но, приложив все усилия, друг страдальца расстегнул его поясную повязку и достал из нее два змеиных камня, каждый размером с небольшой миндаль, очень черные и отлично отполированные, хотя и из чрезвычайно легкого вещества. Он прикладывал их по одному к каждой ране, нанесенной зубами змеи, к которым плотно прилипали камни, кровь, сочащаяся из укусов, быстро впитывалась пористой текстурой нанесенного изделия. Камни цепко держались в течение трех или четырех минут, а спутник раненого тем временем растирал его руку вниз от плеча к пальцам. Наконец змеиные камни отпали сами по себе; страдания, казалось, утихли; он скрючил пальцы так, что суставы хрустнули, и беззаботно продолжил свой путь. Пока это происходило, другой индеец из подошедшего отряда достал из своей сумки небольшой кусок белой древесины, похожий на корень, и осторожно провел им возле головы кобры, которую последняя немедленно наклонила близко к земле; затем он без колебаний поднял змею и свернул ее кольцом на дне своей корзины. Корень, с помощью которого, как он утверждал, можно безопасно выполнять эту операцию, он назвал *Найя-тали Калинга* (корень змеиного растения), защищенный, как он утверждал, своей способностью безнаказанно приближаться к любой рептилии. В другом случае, в 1853 году, мистер Лавальер, окружной судья Канди, сообщил мне, что он видел, как заклинатель змей в джунглях недалеко от города искал *кобру ди капелло*, и, потревожив ее во время отступления, мужчина попытался поймать ее, но при попытке был укушен в бедро так, что из раны потекла кровь. Он немедленно приложил *Памбу-Калу* (или змеиный камень), который плотно держался около десяти минут, в течение которых он водил корнем, который держал в руке, взад и вперед над камнем, пока тот не упал на землю. Он заверил мистера Лавальера, что после этого всякая опасность миновала. Этот джентльмен получил от него змеиный камень, на который он рассчитывал, и впоследствии неоднократно видел его в полном здравии. Вещества, которые использовались в обоих этих случаях, теперь находятся в моем распоряжении. Корни, используемые несколькими сторонами, не идентичны. Один из них похож на кусочек стебля *аристолохии*; другой настолько сухой, что его трудно идентифицировать, но он напоминает четырехугольный стебель лесной лозы. Предполагается, что некоторые виды *Aristolochia*, такие как *A. serpentaria* из Северной Америки, действуют как специфическое средство при лечении укусов змей; и *A. Индика* - это растение, к которому, как принято считать, прибегают ихневмон в качестве противоядия при укусе; но вполне вероятно, что использование любого конкретного растения заклинателями змей является притворством или, скорее,

заблуждением, рептилия побеждается решительными действиями оператора, а не влиянием какого-либо вторичного приспособления, уверенность, внушаемая предполагаемым талисманом, позволяет его владельцу бесстрашно взяться за свою задачу и, таким образом, решимостью и волей осуществить то, что, как принято считать, является результатом чар и одурманивания. ."

Затем автор ссылается на факты, упомянутые Брюсом, которые я приводил ранее; и продолжает:

Что касается самого змеиног камня, я представил один из них, применение которого я описывал, мистеру Фарадею, и он сообщил мне, как результат своего анализа, свое мнение о том, что это "кусоч обугленной кости, который, возможно, несколько раз наполнялся кровью, а затем снова тщательно обугливался. Доказательством этого являются также отверстия ячеек или трубок на его поверхности, а также тот факт, что он поддается и разрушается под давлением и демонстрирует органическую структуру внутри. При легком нагревании из него выделяется вода, а также немного аммиака; а при еще более сильном нагревании на воздухе углерод сгорает, и остается крупная белая зола, сохраняющая форму и размер "камня". Эта зола, как видно из осмотра, не могла принадлежать какому-либо растительному веществу, поскольку она почти полностью состоит из фосфата извести. М-р Фарадей добавляет, что "если кусок материи когда-либо использовался в качестве губчатого абсорбента, то в своем нынешнем состоянии он вряд ли пригоден для этой цели; но кто может сказать, какой обработке он подвергался с тех пор, как стал пригоден для использования, или какой обработке могут подвергнуть его местные жители, когда ожидают возможности использовать его?"

Сэр Э. Теннент предполагает, что древесный уголь животного происхождения может быть достаточным абсорбентом для извлечения яда из недавней раны вместе с частью крови до того, как он успеет попасть в организм. Если это так, то процесс аналогичен процессу отсасывания отравленной раны, о котором уже говорилось.[\[202\]](#)

Что автор подразумевает под лианой джунглей, я точно не знаю, но предполагаю, что это может быть одно из *бигнониевых*, древесных вьющихся видов, у которых стебель обычно разделен на лепестки, расположенные четырехугольным образом. Я не знаю, является ли какой-либо вид из этого отряда противоядием к животным ядам, но многие обладают мощными лечебными свойствами и изобилуют горькими соками. Белое дерево Ямайки (*Bignonia leucoxydon*) пользуется репутацией средства от яда манчинеллы (*Hippomane mancinella*), который настолько опасен, что, по сообщениям, люди погибали от его летучих выделений, когда случайно спали в его тени, а капля его сока, попавшая на кожу, обжигает ее, как огонь, и вызывает трудноизлечимую язву. Ценность *Аристолохии* уже упоминалась; и в целом я склонен придавать большее значение использованию цейлонскими производителями специфических овощей, чем ученый автор, которого я только что процитировал. Тема в высшей степени любопытная и вполне достойна тщательного изучения способными и непредубежденными людьми науки, желающими получать ненаучную информацию и предложения в различных частях света, особенно в субтропических регионах обоих полушарий.

X.

Красота.

Во многом восторг, с которым мы занимаемся естественной историей, несомненно, связан с почти постоянным узнаванием прекрасного. Я не знаю, что я мог бы сказать поэту, —

"Прекрасное - это радость *на веки*;"

но, несомненно, это радость, пока она длится; и натуралист обнаруживает бесконечное повторение прекрасных вещей. Птицы, насекомые, раковины, зоофиты, цветы, морские водоросли - все они лишены красоты; и все классы природных объектов, хотя и не в равной степени и не проявляясь в каждом отдельном объекте, все же обладают ею как заметным элементом. Действительно, судя по тому изобилию, с которым красота распространяется по делам Божиим, я часто думал, хотя это и не раскрывалось напрямую, что чувство прекрасного и довольство им, совершенно независимые от пригодности для определенных целей или использования, которому можно подчиниться, являются атрибутом Самого Святого, и что наше восприятие этого является отражением Его — частью того образа Божьего, по которому был создан человек и который грех не полностью уничтожил. Я знаю, что Бог, возможно, облек Свои творения красотой для других восхищенных глаз, кроме человеческих; и что вполне вероятно, что святые ангелы могут быть гораздо более сведущи в творении, чем мы во всех наших исследованиях, — что десять тысяч раз по десять тысяч цветов, которые "рождены краснеть незаметно" для человека, могут видеть и восхищаться "десять тысяч раз по десять тысяч" ангелы,^[203] и, таким образом, дань хвалы за них. их совершенство может вечно восходить к Тому, чьи руки создали их для Его славы. Мы можем допустить это; и все же с благоговением предположить, что Его собственные чистые глаза смотрят на множество лилий с восторгом от их простой красоты, бесконечно большим, чем то, что видят в них люди или даже ангелы, видя, что написано: "для твоего удовольствия они существуют и были созданы".

Помню, однажды меня поразила и даже несколько испугала мысль подобного рода, когда я пробирался сквозь очень густые и запутанные заросли в уединенном и высоком горном районе Ямайки, достаточно удаленном от жилищ человека, чтобы можно было предположить, что нога цивилизованного человека раньше туда не ступала. Внезапно я наткнулся на самую великолепную земную орхидею в полном цвету. Это был *Фаюс Танкервиллий*— благородное растение, которое из гущи широких листьев, растущих из массы зеленых луковиц, выбрасывало свои крепкие цветоносы высотой в ярд или больше, увенчанные пирамидальным колосом похожих на лилии цветов, чьи расширяющиеся лепестки чисто белого цвета с одной стороны и золотисто-коричневого - с другой, а раструб великолепного пурпурного цвета казались моему восхищенному взору самым совершенством красоты. Целую вечность, подумал я, этот прекрасный цветок рос в этом диком и никем не посещаемом месте, каждое время года "наполняя воздух вокруг красотой", и, по всей вероятности, никогда раньше не встречал ни одного человеческого взгляда. Неужели тогда вся эта божественно сформированная красота была пустой тратой времени для тех поколений? Я спросил себя; и я немедленно ответил: нет: око самого Бога с удовлетворением остановилось на этом, и Господь получил удовольствие от этого дела Своих рук.

Я не буду превращать эту главу в эссе о возвышенном и прекрасном или пытаться анализировать чувство прекрасного. Достаточно того, что это жажда нашего существа, и что в природе в изобилии, со всех сторон, есть материалы для ее удовлетворения. Действительно, настолько обильно, что было бы легко расширить несколько страниц, которые я предлагаю посвятить этому предмету, в целый том или дюжину томов, и все же оставить нетронутыми огромные сокровища прекрасного в естественной истории. Я должен довольствоваться собой и моими читателями выбором нескольких наиболее заметных объектов, в которых это чувство удовлетворяется, и выделением двух или трех различных

фаз или условий существования, которые вносят свой вклад, каждое в своей мере, в наслаждение глаз.



АНТИЛОПЫ.

Строго говоря, среди четвероногих, возможно, меньше красоты, чем у большинства других классов животных. Элегантность формы, однако, которая является одним из ее проявлений, проявляется у гибкой и активной белки, симпатичной зоотехницы и многих других мелких животных, а в совершенстве проявляется у оленей и антилоп. Кто из тех, кто видел, как ручной олененок приходит на ласки к прекрасной девушке, но, должно быть, его чувство прекрасного было удовлетворено? Обратите внимание на свободу и грацию каждого движения! Посмотрите, как он вытягивает свое хорошенькое кроткое личико и тонкую шейку к руке; его крайняя робость заставляет все его тело и каждую конечность вздрагивать при малейшем движении со стороны зрителей, в то время как при малейшем приближении он отскакивает в буйной игривости своего маленького сердечка, затем останавливается, поворачивается, пристально смотрит и снова вытягивает шею! Посмотрите, когда он бежит рысью или ходит, как высоко он поднимает свои маленькие стройные ножки, сгибая свои проворные конечности, как будто само движение доставляет удовольствие! Посмотрите, как он стоит, подогнув одну переднюю ногу, копыто почти касается брюха; длинные изящные уши двигаются туда-сюда, то выбрасываются вперед, то назад, то приподнимаются, чтобы уловить малейший звук, — какая это картина сказочной грации! Есть красота и в мягких, наполненных влагой глазах этих животных — "ярких, черных глазах" "милый газели", которая на Востоке является самым идеалом женской привлекательности. Его тающий взгляд кажется полным нежности, так что мы не можем смотреть на него, не любя.

Также нет недостатка в красоте окраса. Какой насыщенный рыжевато-коричневый мех тигра с черными прожилками! И ярко-желтый цвет леопарда и ягуара, усыпанный повсюду розетками черных пятен! Мы забываем о свирепости дикаря с его красиво раскрашенной шерстью. Зебра тоже — с прекрасным контрастом в виде полос богатейшего соболиного меха на кремовом фоне, то ярких и широких, как на округлом теле, то идущих тонкими параллельными, но неровно изогнутыми линиями, как на морде, - красивое четвероногое; и их стадо, изможденно скачущее по южноафриканской равнине, должно быть, действительно достойно того, чтобы на него посмотреть.

Однако, когда мы говорим о птицах, красота - это не исключение, а правило. Форма птицы почти всегда грациозна; округлые выпуклости и неровности очертаний, а также гладкость оперения доставляют удовольствие глазу, даже когда нет привлекательного оттенка. Назвать незелегантную птицу почти невозможно. Но когда, как это бывает в тысячах случаев, яркость окраски сочетается с элегантноcтью формы и гладкостью оперения, мы должны быть очарованы. Разве наш собственный маленький щегол, разве дерзкий зяблик, который подбирается к самым нашим ногам за зернышком или крошкой, не прелестный предмет? Но тропические птицы — мы должны посмотреть на них, если хотим узнать, что природа может сделать в качестве украшения. Мы должны отправиться на равнины Амазонки и увидеть розовых колпиц, в их нежном наряде цвета гвоздики, оттеняемом блестящим малиновым цветом их плеч и грудных хохолок, сотнями кормящихся в зеленой грязи, или понаблюдать за великолепными ибисами, одетыми в ярко-алые одежды с черными кончиками крыльев, когда сомкнутыми рядами длиной в милю, похожие на алое облако утра, они прилетают к месту своего размножения, - поистине великолепное зрелище.[\[204\]](#)

Первым представителем попугайного племени, которого мне довелось увидеть на свободе, был прекрасный Попугайчик из Южных Штатов. Восемьдесят или сто птиц в одной плотной стае пролетели мимо меня низко, и все почти на одной плоскости; и когда они пронеслись мимо, крича на лету, мне показалось, что они похожи на огромную шаль из зеленого атласа, на которой был нанесен неправильный узор алым, золотым и лазурным цветами. Солнечные лучи ярко отражались от великолепной поверхности, которая быстро проносилась мимо, как великолепное видение.

Скальный петух - прекрасная южноамериканская птица насыщенно-оранжевого цвета, увенчанная двойным гребнем из перьев с пурпурной каймой. Мистер Уоллес описывает свои поиски его на Рио-Негро и свое восхищение его красотой. Некоторое время он тщетно искал эту редкую птицу, пока старый индеец, который был его проводником, внезапно не схватил его за руку и, указав на густые заросли, тихо прошептал: "Галло!" Вглядываясь сквозь листву, натуралист мельком увидел великолепную птицу, сидящую во мраке и сияющую, как сгусток яркого пламени. Поскольку она легко пугается и очень осторожна, потребовалось некоторое внимание и настойчивость, прежде чем он ее застрелил. Один из его индейцев спустился в глубокую скалистую долину, в которую она упала, и принес ее ему. "Я был поражен, - говорит он, - ослепительной красотой его мягких пушистых перьев; не было видно ни пятнышка крови, ни одно перышко не было взъерошено, а мягкое, теплое, гибкое тельце оттеняло свежее пышное оперение так, как не может сравниться ни одно чучело".[\[205\]](#)

Есть что-то изысканно приятное глазу в нежной окраске мягкого оперения большинства козлососов и их союзников. Полностью лишенные ярких оттенков, какими бы они ни были, сочетания теплых коричневых и холодных серых тонов, чередующиеся с черным и белым, и

манера их смягчения, смешивания и мелкой прорисовки карандашом создают эффект, который является особенно очаровательным.

В тропиках тропических регионов мы видим элегантность формы в сочетании с великолепнейшей окраской. Зеленый и золотой, малиновый, алый, оранжевый и черный - вот оттенки этих птиц, которые прячутся в глубоких темных уголках лесов Амазонии и Индии. Этот вид, называемый Блистательным, является благороднейшим из представителей расы, чье великолепие было так высоко оценено древними мексиканскими императорами, что никому, кроме членов королевской семьи, не разрешалось украшать себя его развевающимися перьями. Вся верхняя часть этой птицы, ее прекрасный венечный гребень из стоячих перьев, ее лопаточные или длинные копьевидные перья, свисающие по бокам, и удлиненные кроющие перья, которые свисают за хвост на длину трех футов или более, изящно изгибаясь под птицей, когда она сидит на ветке, насыщеннейшего золотисто-зеленого цвета, сияющие атласным сиянием. Нижняя часть тела великолепно алая, а рулевые перья белые с широкими черными полосами.

Более чарующим, чем просто цвет, каким бы насыщенным и сияющим он ни был, является тонкий металлический отблеск, который мы видим на оперении многих тропических птиц. Австралийскую стрелковую птицу можно было увидеть сидящей на дереве, и мимо нее проходили с презрением, как мимо простой вороны, в то время как внимание привлекал попугай более яркой окраски, сидевший рядом с ней. Но при взгляде вблизи, при ярком солнечном свете, видно, что птица с более темным оперением намного превосходит другую в великолепии и не недостойна особого титула *Paradiseus*, под которым она известна натуралистам. Тело обычно глубокого бархатисто-черного цвета, но в верхней части оно отливало пурпуром, а перья нижней части окаймлены оливково-зеленым. Макушка головы и вся шея покрыты чешуевидными перьями ярчайшего изумрудно-зеленого цвета, которые при определенном освещении переливаются драгоценным блеском и создают наиболее яркий контраст с бархатом тела. На хвосте видны два средних пера того же блестяще-зеленого цвета, в то время как окаймляющие перья темно-черные.

На огромном и малоизвестном острове Папуа обитает несколько великолепных представителей пернатой расы. *Эпимахи*, или пернатые, занимают видное место в этой категории. Они примечательны стоячими чешуевидными перьями на боках и плечах, которые образуют большие веерообразные пучки, очень эффектно выделяющиеся на фоне тела. Говоря о великолепном Эпимахусе, Соннерат, его описатель, так пишет: "Как бы для того, чтобы подчеркнуть необычность этой птицы, природа поместила над и под ее крыльями перья необычайной формы, такие, каких не увидишь у других птиц; более того, кажется, ей доставляло удовольствие раскрашивать это существо, и без того столь необычное, самыми яркими красками. Голова, шея и брюшко блестяще-зеленые; перья, покрывающие эти части тела, обладают блеском и мягкостью бархата на вид и на ощупь; спина изменчиво-фиолетовая; крылья того же цвета и кажутся, в зависимости от освещения, при котором они находятся, синими, фиолетовыми или темно-черными; однако всегда имитируя бархат. Хвост состоит из двенадцати перьев, два средних пера самые длинные, а боковые постепенно уменьшаются; сверху они фиолетовые или изменчиво-синие, а снизу черные. Составляющие его перья столь же пропорциональны ширине, сколь и длине, и блестят сверху и снизу с блеском полированного металла.

"Над крыльями лопатки очень длинные и необычной формы; их кончики очень короткие с одной стороны и очень длинные с другой. Эти перья цвета полированной стали,

переходящего в синий, заканчиваются большим ярко-зеленым пятном и образуют нечто вроде хохолка или отростка по краю крыльев.

Под крыльями растут длинные изогнутые перья, направленные вверх; они черные внутри и ярко-зеленые снаружи. Клюв и лапы черные".[\[206\]](#)

Тот же автор, говоря о блестящих металлических оттенках этой и других птиц, пользуется случаем, чтобы отметить переливающийся эффект, который создается разным углом, под которым свет падает на перья. Изумрудно-зеленый, например, часто испускает лучи двух составляющих его основных цветов, которые в одно время являются сине-зелеными, в другое - золотисто-зелеными, в то время как при определенном освещении все цвета исчезают, и глазу предстает бархатно-черный. Рубиновые перья некоторых птиц становятся оранжевыми при определенном освещении, а в другое время темнеют до малиново-черного.



ОПЛАКИВАНИЕ УМЕРШЕЙ КУКУШКИ.

Это изменение оттенка аналогично хорошо известной переливчатости перламутра, которым выстилаются различные раковины, и обусловлено структурой его поверхности, отражающей свет различными лучами в зависимости от угла, под которым он падает на перья.

Другой вид, произрастающий в том же изобильном регионе, двенадцатипрядный Эпимах, светится таким же ярким фиолетовым и изумрудным цветом, но несколько иначе. Длинный, изящно изгибающийся хвост здесь уменьшен до обычных размеров, но, словно для компенсации этой неполноценности, Двенадцатиперстка украшена расширяющимся платьем чистейшего снежно-белого цвета, состоящим из длинных шелковистых перьев,

которые спускаются сзади и под крыльями, таких мягких и с такими свободными перепонками, что они грациозно развеваются при малейшем дуновении ветерка. Из этих пучков торчат длинные и очень тонкие стержни, без паутины, тонкие, как нити, изящно завивающиеся, по шесть с каждой стороны.

Маленькие солнечные птички Индии и Африки и еще более крошечные колибри Нового Света бросаются в глаза металлическим сиянием своего оперения. Возьмем для примера первую из них - непальскую птицу-солнце с огненным хвостом. Макушка и лоб ярко-стального цвета, в то время как шея, спина и крестец ярко-алого цвета, разнообразимые широким ярко-желтым пятном посередине спины. Центральные перья хвоста удлинены и ярко-алые, в то время как боковые окаймлены таким же насыщенным коричневым оттенком. Грудка золотисто-желтая или оранжевая, с малиновым отливом в центре, а остальные нижние части оливково-зеленые. Большинство этих великолепных цветов имеют шелковистый или металлический блеск и с удивительной яркостью переливаются под тропическим солнцем.

Они являются изысканным украшением индийского сада, где они восхищаются цветущими растениями и кустарниками. Они ползают взад и вперед по стеблям и веточкам, цепляясь своими маленькими фиолетовыми ножками и обрывая трубчатые венчики медоносных цветов, откуда, несомненно, собирают множество мельчайших насекомых, слизываемых с нектара с помощью своего причудливо очерченного языка.

По тому особому очарованию, которое заключено в сверкающем свете в сочетании с самыми яркими красками, блеском драгоценных камней, нет птиц, нет существ, которые могли бы сравниться с Колибри. Ограниченные исключительно Америкой, — откуда мы уже собрали от трехсот до четырехсот различных видов, и постоянно открываются новые, — эти прелестные маленькие крылатые жемчужины были для мексиканских и перуанских индейцев самой квинтэссенцией красоты. Эти простые люди называли их разными именами, означающими "лучи солнца", "локоны дневной звезды" и тому подобное. Их сверкающее чешуйчатое оперение использовалось ценой огромного времени, терпения и труда для изготовления сияющих мантий, в которых императоры и высшая знать появлялись на торжественных мероприятиях, а также для формирования своего рода мозаики из вышитых рисунков, которые так восхищали испанских завоевателей. Мексиканские священники внедрились крошечных птичек в свою мифологию: они учили, что души тех воинов, которые погибли, защищая богов, были доставлены Тоямики, женой бога войны, прямо в обитель солнца и там преобразованы в колибри.

В великолепных лесных сумраках горных районов Ямайки, и особенно на солнечных полянах, которые кое-где нарушают их однообразие, где вечно зеленая листва поднимается со всех сторон открытого пространства подобно стене, покрытой самыми элегантными и ароматными цветами, я был очарован знакомым бесстрашием и сияющим великолепием этих маленьких созданий. Здесь, сидя на расprostертом бревне в тени, я наблюдал, как они потягивают со всех сторон, порхают туда-сюда, приходят и уходят, каждое мгновение исчезая в сумрачной тени или внезапно вылетая с жужжанием, подобным вращению прялки, на яркий солнечный свет. Смелых и ничего не подозревающих, их можно было увидеть исследующими куст за кустом и приближающимися, пока я оставался неподвижным, даже на расстояние вытянутой руки от меня, деловито обрывая все соцветия в быстрой последовательности, регулярно четвертуя поверхность какого-нибудь любимого куста, чтобы ничего не потерять, и, конечно, в своем рвении часто ощупывая один и тот же цветок снова и снова. Иногда это был Манго, подвешенный на жужжащих крыльях перед

цветами, его широко расправленные хвостовые перья были ярко-фиолетового цвета, оперение на теле - зеленое с золотом, а его щеки и шея пылали в меняющемся свете, переливаясь то рубиновым, то аметистовым, то сапфировым сиянием, а иногда становились на мгновение ярко-черными. Но гораздо чаще в таких случаях меня навещал элегантный длиннохвостый, чья стройная фигура, черный бархатный гребень, изумрудная грудь и длинные перья из хвоста отличают его как одного из *principes* этой патрицианской расы. Эта прелестная маленькая жемчужина парила бы повсюду, видимая одновременно с полудюжиной птиц, пронизывая выступающие ветви, то здесь, то там, то в одно мгновение над цветком и наклоняясь к нему, то в следующее зависая под ним и высовывая свой малиновый клюв, чтобы поцеловать его трубку для сбора нектара снизу, облачные крылья по бокам вибрировали с шумом, как у заводского колеса, а все ее горло, грудь и брюхо были покрыты чешуйчатым оперением насыщенно-зеленого цвета, прекрасно контрастирующим с бархатисто-черным цветом всего остального. Это чешуйчатое оперение ярко отражало солнечный свет, подобно благородному изумруду в короне короля; затем, при малейшем возможном повороте птицы, оно становилось черным, поглощая весь свет; затем, при очередном движении, оно казалось темно-оливковым и в одно мгновение снова вспыхивало изумрудным сиянием, над которым на мгновение проплывали оливково-черные облака.

Феномен этого меняющегося блеска заслуживает более пристального внимания, чем ему уделялось ранее. У таких колибри, которых я исследовал, — и, возможно, это может быть общим правилом, - переливчатость тех частей оперения, которые изменчивы, великолепна в зависимости от остроты угла, образованного падающим лучом и отраженным. Таким образом, чешуйчатое оперение шейки манго выгодно смотрится в комнате с единственным окном только тогда, когда наблюдатель стоит спиной к свету и птица находится перед ним лицом к нему. Затем перпендикулярная полоса на шее и груди, которая, кажется, сделана из тончайшего черного бархата, ограничена с каждой стороны широкой полосой ярко-малинового цвета с примесью фиолетового. Даже у колибри не все оперение обладает таким переливчатым блеском: некоторые из ярких оттенков являются постоянными, а не изменчивыми цветами; например, золотисто-зеленый, украшающий спину и кроющие перья крыльев у очень многих видов; у них цвет меняется незначительно, и единственный эффект, производимый изменением угла падения света, - это придание кончикам перьев блеска полированного золота.

Уилсон[207] заметил, что оперение индигового вьюрка (*Fringilla cyanea*) при определенных условиях освещения кажется насыщенно небесно-голубым, а при других - ярко-зеленоватым, так что одна и та же птица, перелетая с места на место перед вашими глазами, кажется, полностью меняет цвет. Когда лучи света падают на оперение так, что угол между падающим и отраженным лучами острый, окраска зеленая, при тупом освещении - синяя. Я сам заметил совершенно то же самое в яркой изменчивой окраске насекомых, как, например, у американских цинделей и Изумрудной виргинской стрекозы (*Agrion Virginica*)......

Вернемся, однако, к нашим колибри, о которых моим читателям хотелось бы рассказать еще об одной или двух, -сливкам, самой элите этого прелестного маленького волшебного населения. Если бы мы пересекли Атлантический океан в Бразилию, поднялись по могучей Амазонке примерно за тридцать дней плавания и преодолели расстояние в тысячу миль, мы пришли бы к устью Рио-Негро, где заметная перемена во внешнем виде воды указывает на совершенно другой регион. Вместо мутной воды Амазонки, напоминающей гороховый суп, Негритянская вода очень темная, но чистая и прозрачная, каждая рябь сверкает, как хрусталь. Местность становится высокогорной, и река шириной около четырех миль протекает между высокими утесами, увенчанными густыми зелеными стенами

первобытного леса. Местность гораздо привлекательнее, чем на Амазонке; вместо мертвой равнины, заболоченной и пересеченной вялыми *игари́пе*, или мелководных прудов, над которыми нависают непроходимые заросли и которые кишат ядовитыми мухами, здесь пологие холмы, крошечные ручейки с искрящейся водой и сравнительно открытый лес с яркими чистыми полянами, на которых путешественник может отдохнуть, не донимаемый мухами, — эти вредители неизвестны в "черных водах". Земля покрыта вечнозелеными растениями различных видов и изысканных форм, а в долинах растет множество видов элегантных папоротников. Здесь мало лиан или остистых зарослей шиповника, тянущихся от дерева к дереву, препятствуя свободному проходу, но тысячи лиан поменьше украшают низкие верхушки деревьев мириадами цветов, новых и привлекательных для посетителя. Повсюду лес пересекают тропинки, некоторые проложены местными жителями во время их частых прогулок, другие — дикими животными, которые приходят к воде напиться; и по ним нетерпеливый натуралист может легко пройти к деревьям, где кормятся многие красивые и своеобразные птицы.

Здесь обычно обитает множество разновидностей трогонов насыщенных оттенков, неизвестных в нижних регионах; и в любое время суток время от времени можно услышать их жалобный звук, когда они угрюмо сидят, поодиночке или парами, на ветвях, расправив длинный хвост и поникнув, наблюдая за пролетающими насекомыми. Кукушки нескольких видов, чье оперение в приглушенном свете кажется красным, бесшумно порхают по лесу в поисках гусениц. Пурпурные сойки большими стаями садятся на какое-нибудь ягодное дерево, болтая и жестикулируя, но пугливые и настороженные, готовые взлететь при щелчке ветки. Мотмоты и болтуны самых веселых оттенков — алых, фиолетовых и синих — встречаются в изобилии. Козлососы, выполненные в изысканно смешанных и нарисованных карандашом тонах, стартуют из какой-нибудь тенистой ложины, где они коротают дневные часы, и, пролетев небольшое расстояние на мягких веющих крыльях, снова отдыхают и, кажется, мгновенно засыпают. Эффектные манекены и танагры самых ярких оттенков красуются на каждом кусте; голуби и голубятни более спокойных оттенков воркуют со своими нежными жалобами на более высоких деревьях; а гуаны и кюрассу величаво маршируют по дорожкам, срывая тут и там какой-нибудь деликатесный кусочек; или бегут с громким резким криком, вытянув шею и быстро шагая, когда чувствуют приближающуюся опасность.^[208]

Однако больше всего бросаются в глаза колибри, которые, наслаждаясь этим солнечным уголком, жужжат вокруг цветущих кустарников, как насекомые. И выдающимся среди них является Огненный топаз, название, которое пытается выразить то, что не могут адекватно выразить ни название, ни описание, ни цветная схема, — его драгоценное великолепие и блеск. Один из первых орнитологов того времени, принц Канинский, присвоил этому виду звание "*inter Trochilides pulcherrimus*". Описание, однако, я должен дать, за неимением ничего лучшего, поскольку, даже если бы у меня был живой экземпляр, я не смог бы продемонстрировать его живое сияние всем моим читателям; поэтому, прошу вас, обратите внимание на детали и представьте. Общий оттенок этого имперского атома — ярко-алый, с которым прекрасно контрастируют голова и нижняя часть горла глубокого бархатно-черного цвета. Горловина изумрудно-зеленая, с нежным малиновым облаком в центре. Нижняя часть спины, крестец и верхние кроющие перья хвоста того красивого бронзово-зеленого цвета, который переходит в оранжево-золотой, что так часто встречается у этого племени; в то время как перья крыльев и хвоста пурпурно-черные, за исключением средней пары перьев у последнего, которые очень тонкие, выступают на большую длину и пересекают друг друга; они зеленые с фиолетовым блеском.

Среди сотен видов этого очень милого племени, обитающих в субтропических регионах Южной Америки, я выберу еще один за его непревзойденную красоту. Это комета с Полосатым хвостом. Мы должны искать его в умеренной и ровной долине Десагедеро, которая вытекает из озера Титисаса, крупнейшего водоема на южноамериканском континенте, известного в перуанской традиции как место, где Манго Капак и Мама Околло удивили варварских аборигенов своим первым появлением. На одном из очаровательных островков этого тихого озера были замечены два августейших чужестранца, одетых в разные одежды; и, заявив, что они дети солнца, о котором давно пророчествовали, приступили к обучению своих простых подданных искусствам цивилизации и установлению правильного правительства. Мы также должны искать нашу крошечную Комету на возделанных равнинах, окружающих Серро Потоси, этот необычный конус высотой шестнадцать тысяч футов, который полностью состоит из серебра и который, по оценкам, принес за триста лет, прошедших с тех пор, как индеец обнаружил чистое серебро, когда он случайно вырвал куст с корнем, сумму в двести миллионов фунтов стерлингов. Окружающие районы, и особенно окрестности города Чукисака, украшены множеством садов и огородов, в которых произрастает множество европейских деревьев и цветов, а также тропических, климат которых обладает очарованием многих регионов. В городских зарослях кустарника и в садах индейских хижин, а также на склонах окружающих гор, где местные рощи растут нетронутыми, в летние месяцы можно увидеть блестящую полосатку; но как только ледяные апрельские ветры возвещают о приближении зимы, очаровательный гость становится редкостью, и, улетаая на север, он находит в лесах Нижнего Перу мягкий и благоуханный воздух, который он так любит. Когда деревья цветут, и особенно яблони, которые были завезены из Европы и в основном выращиваются в садах, можно увидеть, как самцы носятся туда-сюда среди листвы, подобно пылающим углям, гоняясь друг за другом с пронзительным чириканьем и с удивительным упорством и язвительностью. Поля кукурузы, бобовых и других бобовых, возделываемых на равнинах, привлекают изрядную долю его внимания; а также нопалерии, или кактусовые сады, где выращивают кошениль для получения ценнейших малиновых и алых красок, которые намного затмевают хваленые продукты древнего Тира. Цветок нопалья сам по себе является одним из самых великолепных цветов. Он начинает раскрываться с заходом солнца и раскрывается во всю ширь всю ночь, источая восхитительный аромат и предлагая свой до краев наполненный нектарным соком кубок тысячам мотыльков и других сумеречных и ночных насекомых. Когда луна достигает полнолуния в те безоблачные ночи, прелесть которых известна только в тропиках, широкоцветник виден в виде круглого диска диаметром почти в фут, сплошь усыпанного лепестками, внешние ряды которых имеют желтоватый оттенок, постепенно бледнеющий к центру, где они сияют чистейшей белизной. Многочисленные загнутые тычинки окружают стебель, который возвышается посередине подобно полированному стержню, весь сияющий своей серебристой красотой в лунных лучах, исходящих из темной и спутанной листвы, и распространяющий свой восхитительный гвоздичный аромат так обильно, что воздух наполнен им на долгие годы вокруг.

Другие виды кактусов и цереусов, одни с желтыми, другие с розовыми, третьи с ярко—малиновыми цветами, — гордость наших оранжерей, - в изобилии растут в этих садах; и здесь полосатик щеголяет целый день, потягивая нектар и собирая мириады мельчайших насекомых, которых привлекают цветы и которые поселяются в медовых нишах.

Но пора бы читателю узнать, что за птица эта Полосатохвостая Комета. Тогда послушайте, пока я буду описывать его бальный костюм, более блестящий, чем любая прекрасная леди, когда-либо надевавшая у Олмака. Голова, шея, верхняя часть спины и значительная часть

нижней поверхности светло-зеленые, с отблесками полированного золота на щеках и лбу. Нижняя часть спины темно-малиновая. Горло горит, как изумруд. Главной особенностью является хвост, перья широкие и значительно удлинённые, с правильной градацией от центральных к крайней паре, которые, кроме того, вдвое превышают длину всей птицы. Форма хвоста широко раздвоя, его очертания имеют двойной изгиб, несколько лирообразный. Кроющие перья хвоста красновато-коричневые, а сами перья самого насыщенного и яркого огненного цвета, ни с чем не сравнимого блеска; каждое перо с широким кончиком бархатисто-черного цвета. Окраска перьев отбрасывает эти крайние черные кончики на значительное расстояние друг от друга, и их чередование с промежуточными участками огненного свечения производит невообразимо чарующий эффект, поскольку птица совершает свои быстрые эволюции в воздухе и носится среди цветов со скоростью, за которой глаз зрителя едва может уследить. Ему очень нравятся определенные длинные висающие соцветия в форме трубы, в которые он проникает так глубоко, что ничего не видно, кроме кончиков его сияющего раздвоенного хвоста, выступающего из трубки.

Еще одно семейство птиц, отличающееся великолепной красотой, - это фазаны. Наш собственный знакомый вид, который, как говорят, был привезен давным—давно с берегов Фазиса в Колхиде Ясоном на "Арго", -

"Аргива первичная транспортная система Карины",[\[209\]](#)—

это очень великолепная птица, и Поуп хорошо изобразил ее в нескольких строках; он говорит о своем

"Глянцевые различные красители,

Его пурпурный гребень и глаза, обведенные алым;

Раскрываются ярко-зеленые его сияющие перья,

Его раскрашенные крылья и грудь, пылающая золотом.[\[210\]](#)

Но помимо этого, есть индийские и китайские виды, которые превосходят его по красоте. Здесь есть золотые и серебряные фазаны с богатой росписью карандашом, а также благородные фазаны Ривза и Амхерста с их необычными перьями на хвосте с длинными полосами. Последнее названное животное - птица необычного великолепия.

Затем следует великолепный Огненный хребет Суматры и Явы, украшенный гребнем из тонких перьев на черешках, каждое из которых превращается в диск с раскидистыми шипиками. Голова, шея, грудь и брюхо этой редкой птицы темно-стального цвета, очень блестящие, нижняя часть спины огненно-оранжево-красного или огненно-огненного цвета, варьирующегося по интенсивности в зависимости от падения света и проходящего подобно огненной зоне вокруг тела, хотя на брюшке менее блестящие; крестец и кроющие перья хвоста широкие и усеченные, голубовато-зеленые, каждое перо оканчивается более светлой полосой. Хвост прямой и изогнутый дугой, чем-то похож на хвост обыкновенного петуха, его средние перья чисто белые, а все остальные черные с зелеными отблесками. Ноги и ступни, которые алые, а кожа лица пурпурная, завершают туалет этого великолепного азиата.

Что мы скажем аргусскому фазану, малаккской птице с великолепными крыльями? Какое, должно быть, прекрасное зрелище - видеть, как эта благородная птица демонстрирует свое чванство в присутствии восхищенных кур, расхаживая взад и вперед с расправленными

длинными хвостовыми перьями, расправленными широкими крыльями, царапающими землю далеко по бокам! Цвета, это правда, сдержанные коричневые, перемежающиеся черным и белым; но как изысканно они сочетаются! Пожалуй, никакая яркость оттенка не очаровала бы глаз больше, чем ряд глазчатых пятен, каждое из которых представляет собой темный круглый диск, окруженный концентрическими окружностями, который проходит по центру каждого из чрезвычайно развитых вторичных перьев крыльев.

Возвращаясь к цвету и металлическому отблеску. Мы не должны упускать из виду Монала, или Чешуйчатого импейца Гималайской цепи. Эта птица, которая немногим меньше индейки, выглядит так, словно облачена в чешуйчатый панцирь из переливающегося металла, специфические оттенки которого едва ли можно определить, настолько они изменчивы; зеленый, стально-синий, малиновый, пурпурный и золотисто-бронзовый — все цвета предельной интенсивности и ослепительного сияния украшают эту птицу, выделяясь широким квадратным пятном чисто белого цвета посередине спины, в то время как на макушке головы находится свисающий гребень из зеленых перьев с голой черенкой и широкими кончиками. Эта великолепная домашняя птица так же вынослива, как индейка или фазан, и, вероятно, в скором времени ее приручат в британских консервах, к которым она станет прекрасным дополнением, по великолепию, пожалуй, ничто в природе не сравнится с ней.

В тех же регионах обитают полиплектро, или фазановые павлины, птицы того же семейства. Посмотрите на один из них подробнее - Хохлатый Полиплектрон Зондских островов. Очертаниями он очень напоминает павлина: голова и шея черные, со стальными отблесками, подчеркнутые длинной белой полосой, дугообразно проходящей над каждым глазом, и широким таким же пятном на ушах. Лоб и макушка украшены гребнем из высоких перьев, способных вставать торчком и образующих прекрасное украшение. Вся нижняя часть бархатно-черная; спина и крестец светло-коричневые, с более светлыми волнистыми полосами и линиями. Кроющие и второстепенные перья крыльев насыщенно-синего цвета, кончики каждого перышка бархатисто-черные. Но хвост представляет собой великолепное зрелище. Это настоящий хвост, а не шлейф из нависающих перьев, как у павлина, причем перья имеют огромную длину и ширину, и все они могут широко распускаться в огромный округлый веер. Отдельные перья коричневые, обведены карандашом и покрыты бледно-желтым налетом - красивая основа, на каждом из которых нарисованы два больших овальных глазных пятна самого яркого металлического синего или зеленого цвета, в зависимости от освещения, заключенные в окружающие двойные кольца черного и белого цветов. Эти сверкающие глаза посажены так, что представляют собой две изогнутые полосы, расположенные на некотором расстоянии друг от друга и пересекающие хвост, и когда этот орган расширен, они придают ему самый царственный вид.

И последнее, но не менее важное: в этом выдающемся племени есть знакомый Павлин, олицетворяющий великолепие в одежде со времен далекой древности, от Аристофана и Аристотеля до мистера Холлингшеда, который клеймит склонность наших современных дам к роскоши под названием "Павлинизм".[\[211\]](#) Однако настоящий Павлин, настоящая птица, может, по крайней мере, заявить, что никакие счета модистки на 3000 фунтов стерлингов никогда не были доказаны против него в судах по делам о банкротстве.

Я не собираюсь быть настолько дерзким, чтобы подробно описывать оперение птицы, столь хорошо известной, как Павлин. Кто не знает его изящно вздернутую пурпурную шею, его эгретку из двадцати четырех боевых перьев, его разрисованный карандашом нательный костюм и, прежде всего, его величественный шлейф с рядами петель? Кто не восхищался

блеском и красотой этих глазок — похожей на почку сердцевинной темно-фиолетового цвета, окружающей полосой зеленого цвета, расширяющейся спереди и заполняющей выемку зрачка, широким коричневым кругом и узким черным кольцом, окаймленным каштановым, а затем разложившимися зазубринами пера, позолоченно-зеленого цвета, - все это излучает сияние полированного металла или, скорее, блеск драгоценных камней, вспыхивающих при меняющемся освещении? Трудно представить себе великолепие сцены, описанной полковником Уильямсоном, увиденной им в районе Джанглетерри в Индии, когда, занимаясь охотой на этих прекрасных птиц, он подсчитал, что не менее двенадцати или полутора тысяч павлинов различных размеров находились в пределах его видимости в течение почти часа. "Целые леса были покрыты их прекрасным оперением, которому восходящее солнце придавало дополнительный блеск. Небольшие участки равнины среди высокой травы, по большей части возделанные, с цветущей тогда горчицей, которая побуждала птиц к кормлению, усиливали красоту пейзажа".

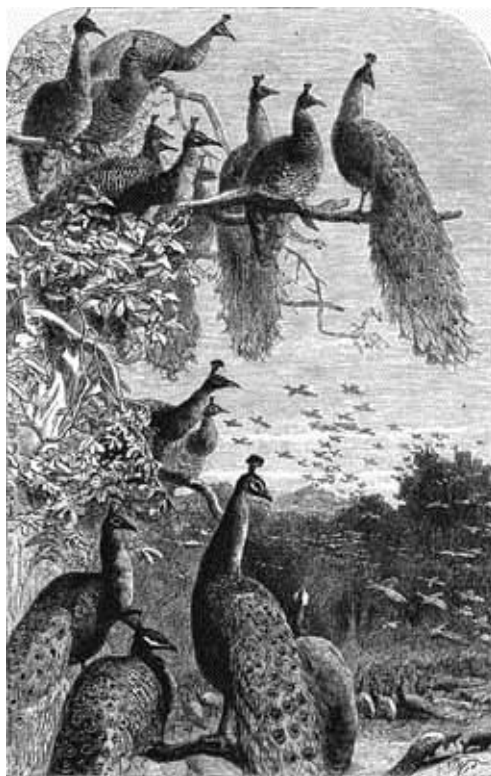
В предыдущем томе я говорил о великолепной красоте райских птиц и процитировал описание Урока о его восторженных чувствах, когда, впервые увидев экземпляр в лесах Папуа, он не мог выстрелить от волнения. Глава о красоте животных не может обойти стороной это великолепное семейство, хотя, на мой собственный вкус, в ослепительном сиянии колибри и фазанов есть что-то такое, что превосходит все, что можно увидеть у райских птиц. Последние, или, по крайней мере, некоторые из них, наводят меня на мысль о чрезмерной одежде, особенно та, что называется Superb, чей необычный раздвоенный воротник и накидка на плечо, какими бы великолепными ни были эти украшения с их блестящими фиолетовыми и зелеными переливами, несколько неэлегантны по форме. И все же некоторые из них мягко красивы;—

"Так богато покрытый пестрым пухом,
Зеленый, соболиный, ярко-желтый, с оттенком коричневого,
Оттенки мягко смешиваются друг с другом,
Оттенки, сомнительно начавшиеся и закончившиеся;
Или промежуточная съемка, и в поле зрения
Потерянные и возвращающиеся, как лучи света
Взгляните на перья, которых вы касаетесь то тут, то там.

"Это Солнечная Птица, которой могли бы владеть Глендоверы,
Как ни один недостойный партнер в их полете

Сквозь моря эфира, где колышется рябь
О грубых волнах нижнего воздуха неизвестно:
Кто такие сильфы, если они предназначены для случайного времяпрепровождения
Через пряные регионы Индии прокладывают свой путь,

Могли бы поклоняться как своему господину".[\[212\]](#)



СТРЕЛЬБА По ПАВЛИНАМ.

Изумрудный рай, самый известный из семейства, по-видимому, привлек внимание поэта; и, безусловно, сочетание формы и цвета у этого вида очень очаровательно. Насыщенный шоколад верхней части и нежный лимонно-желтый оттенок шеи хорошо контрастируют с драгоценно-зеленым блеском передней части, когда бархатистое оперение вспыхивает и переливается на солнце. А многочисленные мягкие парящие перья, которые изгибаются дугой с боков на большое расстояние со всех сторон, изысканны по красоте. "Даже в абсолютной тишине мягкой шкуры под стеклянной витриной, - замечает мистер Вуд, - эти перья полны удивительной красоты, их полупрозрачные золотисто-белые лепестки производят самый превосходный эффект, когда пересекаются друг с другом, образуя все мыслимые оттенки белого, золотого и оранжевого, а затем углубляются к концам в мягкий пурпурно-красный".

Мистер Г. Беннетт, который видел живой экземпляр в вольере в Макао, описывает эти длинные, элегантные перья с распушенными колючками как то, что они занимают значительную часть внимания и заботы самой птицы. "Одна из лучших возможностей увидеть эту великолепную птицу во всей красоте ее действий, а также демонстрации оперения, - это раннее утро, когда она совершает свой туалет: затем красивое верхнее оперение выбрасывается и очищается от любого места, которое может запятнать его чистоту, путем мягкого прохождения через клюв; короткие шоколадные крылья расправлены до предела, и он держит их в постоянном взмахивающем движении, как бы имитируя их использование в полете, в то же время поднимая вверх тонкие длинные перья на спине, которые расправлены целомудренно и элегантно, плавающие, как пленки, в окружающем воздухе. В таком положении птица оставалась бы в течение короткого

времени, по-видимому, гордясь своей небесной красотой и пребывая в экстазе от самого очаровательного себя; затем она принимала бы различные позы, рассматривая свое оперение во всех направлениях".^[213]

Не касаясь всех других классов живого существа, я скажу несколько слов о непревзойденной красоте, которую демонстрируют многие племена Насекомых. Детский предрассудок о том, что эти существа достойны только того, чтобы их топтали ногами, как вещи отталкивающие и отвратительные, безусловно, приходит в упадок, хотя в некоторых умах он все еще сохраняется. Достаточно заглянуть в энтомологический кабинет, чтобы доказать, насколько несправедливы подобные представления. Если яркие оттенки, полированная поверхность, скульптурная резьба, изящные формы и живые движения могут вызывать восхищение, то насекомые демонстрируют их в такой степени, которую мы напрасно искали бы у любого другого класса существ. Нам нет нужды говорить о простых цветах; они встречаются в изобилии, всех оттенков, всех оттенков интенсивности и самых высоких степеней яркости; сочетаются также самым элегантным образом и очень часто, особенно у *чешуекрылых*, представляя то особое очарование, которое возникает в результате сочетания оттенков, дополняющих друг друга.

Всегда кажется, что слов недостаточно, чтобы описать сияние оттенков многих пернатых племен; металлический блеск трогонов и восточных *галлинаций*, сверкание колибри и райских птиц, подобных драгоценным камням. Возможно, было бы сочтено экстравагантным утверждать, что крошечные расы, о которых я сейчас говорю, могут *превзойти* это великолепие; но они, несомненно, равны, *наиболее полно равны*. Обладать блеском полированного металла самых разнообразных оттенков - обычное дело для отряда *жесткокрылых*. Большинство *Eumolpidae* примечательны этим; из них я могу привести в пример *Chrysochus fulgidus*, жука из Бомбея. *Бунпестиды* издавна прославлялись по той же причине; и части их тел использовались в дамском туалете в сочетании с бриллиантами и рубинами.

Многие *хламиды* переливаются золотисто-малиновым, пурпурным и самым огненно-оранжевым цветом. Виды небольшого рода *Eurhinus*, кажется, излучают цветное пламя пиротехнического искусства. *Лонгикорны* обладают той же красотой, которая ассоциируется с гигантскими размерами. *Cheloderus Childreni*, например, крупный жук из Колумбии, не уступает любому *бунпестису* по сиянию зеленого, малинового, фиолетового, синего, алого и золотого цветов, которые одновременно исходят от его необычно рельефной поверхности.

Но есть впечатления, передаваемые отражением света от тел многих жуков, которые намного превосходят металлический блеск, о котором я говорил, каким бы прекрасным он ни был. Я не могу надеяться описать их вразумительно; я не знаю ни одного сочетания слов, которое дало бы о них представление. Я имею в виду мягкое, почти бархатистое сияние некоторых *голиафов*; многих *четоний*, например, рода *Eudicella*; и немалого числа *фаней*, у первых двух оттенков обычно зеленый; у последних этот цвет ассоциируется с другими оттенками, наиболее яркими, но при этом обладающими неопишуемой мягкостью. Я не могу представить себе ничего более очаровательного в этом роде, чем мягкий золотисто-оранжевый оттенок на зелени великолепного *Фанея импералиса*.

Другие, как *Hoplia farinosa*, мелкая чесоточница из Южной Европы, и многие представители трибы долгоносиков (*Curculionidae*), покрыты чешуйками яркого блеска, но такими мелкими и так плотно посаженными, что вся поверхность отражает один мягкий, но насыщенный блеск оттенков, различающихся в зависимости от вида. Мы могли бы привести

в качестве примера благородные виды рода *Cyphus*. У других представителей того же большого семейства, на темном, но все еще насыщенно окрашенном грунте, мельчайшие чешуйки собраны в пятна или полосы, образующие очень разнообразные правильные узоры; и в них они отражают радужные оттенки, как если бы солнечный луч, прошедший через призму, затвердел и превратился в пыль; или, если смотреть через линзу, выглядят как измельченные драгоценные камни, причем каждая отдельная чешуйка меняет свои оттенки при малейшем движении глаза. Среди них мы можем упомянуть *Hypsonotus elegans*, *Cyphus spectabilis*, *Entimus splendidus* и *E. imperialis*, широко известных как алмазные жуки; и изящный род *Pachyrhynchus*, из которых *P. gemmatus* Филиппинских островов, является, пожалуй, самым красивым из всех земных созданий.

И если мы посмотрим на чешуекрылых, особенно на рассматриваемый отряд, мы почувствуем, что красота принадлежит им скорее как сущность, чем как случайность. Их широкие веерообразные крылья обладают воздушной легкостью и изяществом, которым отдают дань уважения художники и поэты, наделяя сильфид и любимцев своей фантазии крыльями бабочек.

Они покрыты мелкими чешуйками, которые являются носителями их окраски, и в этом отношении несколько напоминают жуков, о которых говорилось выше; но у них есть красота, присущая им самим. Изысканные сочетания и контрасты цветов являются слишком распространенным правилом в этом порядке, чтобы нуждаться в уточнении; и они часто оттеняются и смешиваются с пушистой мягкостью, как у сфинксов и мотыльков. В качестве ярких примеров я упомяну *Gynautocera*, группу восточных мотыльков, в чем-то приближающихся к Бабочкам, поскольку они демонстрируют самые яркие оттенки в виде полос и облаков, но мягко смешанные, с исключительной целомудренностью и красотой.

Многие виды рода *Catagramma*, группа бабочек, отмеченных на нижней поверхности передних крыльев алым и черным, а на поверхности задних - особыми концентрическими кругами черного цвета на белом фоне, имеют на верхней поверхности металлический блеск, обычный для жуков, крылья золотисто-зеленые или синие. У рода *Urania* это сияние еще более заметно; в то время как нижняя поверхность некоторых *Текл*, таких как *T. imperialis*, *T. Actæon*, *T. Endymion* др., покрыта самыми богатыми и разнообразными металлическими оттенками, как будто припудренными золотыми, медными и серебряными опилками. У некоторых бабочек, таких как несколько наших местных *Fritillaries*, и, что более характерно, у американского вида (*Argynnis passiflorae*), у одной новозеландской (*Argyrophenga antipodum*) и у прекрасной *Paphia Clytemnestra*, на нижней поверхности есть пятна полированного серебра; а у некоторых наших собственных мотыльков, таких как род *Plusia*, такие пятна на верхней поверхности. Другие обладают блеском, средним между блеском серебра и блеском жемчуга, в виде нескольких видов *Charaxes* на одной и великолепного *Morpho Laertes* на обеих поверхностях. Но в этом роде красоты, пожалуй, ничто не может сравниться с драгоценной зеленью, переходящей в лазурь, *Папилио Улисса* или *Апатуры (?) лауренсии*; или, прежде всего, с некоторыми из великих бразильских *Морфосов*. Серебристо-лазурное свечение, исходящее от *M. Adonis*, *M. Cytheris* и *M. Menelaus*, неопишимо; глазам становится больно смотреть на это; однако говорят, что есть неназванный вид из изумрудных гор Боготы, единственный экземпляр которого находится в частном кабинете в Лондоне и он гораздо более яркий, чем эти.

Переход от одного оттенка к другому, производимый игрой света при изменении угла его отражения, всегда вызывал большое восхищение; и это происходит в большом совершенстве и с большим разнообразием у прекрасных насекомых отряда Чешуекрылых.

У некоторых представителей рода *Hætera* (таких как *H. piera* и *H. esmeralda*) и у многих *Heliconiadae*, таких как *Hymenitis diaphana*, крылья почти или совсем лишены обычного чешуйчатого покрова, представляя собой только прозрачную перепонку очень тонкой работы, на которой свет играет красивыми переливами. *Papilio Arcturus* и некоторые родственные виды золотисто-зеленого цвета, переходящего в синий или светящийся фиолетовый. Очень многие *нимфалиды* отличаются необычайно насыщенным румянцем, который при определенном освещении переливается на поверхности. Наш собственный *апатурный ирис*, широко известный как пурпурный император, является местным примером этой красоты, и в еще большей степени *A. patouga*; но особенно виды рода *Thaumantis*, а также *Morpho Martia* и *M. Automedon*. *Диадема болина* также имеет фиолетовый оттенок поверх белых пятен и вокруг них, что необычайно красиво. Как правило, это свечение встречается только у самцов, но у прекрасного *эпифильного хризитита* оно характерно для самок.

У *Colias Electra* на поверхности при ярком освещении играет теплое фиолетовое свечение, которое тем более удивительно красиво, что постоянный цвет, который получается таким образом, - насыщенный золотисто-оранжевый. Однако существует вид (*C. Lesbia*), о котором известен только один экземпляр, да и тот во фрагментах, из коллекции Бэнксиана, который в этом отношении значительно превосходит первый. Во всех этих случаях играющий отблеск более или менее пурпурный; у *Папиу Порции*, однако, его можно назвать малиновым.

Но все же более изысканно красивой, чем любая из них, является тонкая опалесценция, которая освещает некоторых бабочек в меняющемся луче. Белая бабочка из Сенегала (*Antiocharis Ione*), родственная нашим обычным садовым белкам, отмечена на кончиках крыльев фиолетовым пятном, закругленным черным. В определенном аспекте над этим пятном играет чрезвычайно насыщенная фиолетовая опалесценция. И не говоря уже о большем (ибо, действительно, мы не знаем, могли ли бы мы назвать что-либо, превосходящее это), гвоздичные пятна на черных крыльях *Папилио Анхизов*, *П. Энеаса*, *P. Tullusi* др. Через определенные промежутки времени окрашиваются фиолетовым опалесцентом, настолько ярким, что мы не знаем другого объекта, который мог бы с ним сравниться.

Созерцая такие объекты, мы не можем не согласиться с чувствами, выраженными благочестивым Рэем: "Вопрос о том, насколько сильна сила, каков Папилионум узус сидеть? Respondeo, Ad ornatum universi, et ut hominibus spectaculo sint: ad rura illustranda velut tot bracteæ inservientes. Quis enim eximiam earum pulchritudinem et varietatem contemplans mira voluptate non afficiatur? Quis tot colorum et schematum elegantias naturæ ipsius ingenio excogitatas et artificii penicillo depictas curiosis oculis intuens, divinæ artis vestigia eis impressa non agnoscat et miretur?" И я могу добавить, что, поскольку такие изысканные следы красоты остаются в мире, который испортил сатана и осквернил грех, в чем, должно быть, заключалась его слава, когда Тот, кто его создал, мог самодовольно созерцать его и в мельчайших деталях произносить: "очень хорошо!"

Преподобный Джеймс Смит из Монквиттера таким образом намекает на изысканную красоту некоторых южноамериканских бабочек. Один или два вида, о которых я уже упоминал, но даже они могут послужить дополнительными поводами для восхищения. "Я считаю, - говорит он, - что существуют оттенки цвета, которые положительно прекрасны сами по себе и независимо от каких бы то ни было ассоциаций; и рассматривать их просто как цветные пятна доставляет удовольствие, не поддающееся скупому описанию. И я не

знаю, где я мог бы получить более веское и приятное доказательство истинности такого мнения, чем у *чешуекрылых*, на которых я ссылался. Например, пятно, которое находится на задних крыльях *Hætera Esmeralda* и которое можно охарактеризовать как смесь карминового и темно-синего цветов с двумя киноварными пятнами, само по себе и независимо от ассоциации доставляет удовольствие каждому глазу, который смотрит на него. Полосы из серебра синего цвета на крыло большого *Морфо*; глубокий тон, говорить по-образное выражение, черного в *Папилио Sesostris*, тоньше даже, чем самый лучший бархат из Генуи; насыщенный темно-оранжевого цвета на *Epicilia Ancæa*; голубой, сияющий в один неназванный вида как полированная сталь, в другом (*Фекла*) с лучезарной ясностью, которая ультрамарин сам не смог превзойти; атлас-как зеленый золотистый, жемчужно-блестящий белый, и глубокий сияющий изумруд ленты в *Урании произдевавшись*; малиновый линий и пятен глубже и яснее, чем в крови, вида которой имя не прилагается, *парусник*; мелкие блестки из серебра с которой под поверхностью одной из наименее среди них (*Амура*), как это было, инкрустацией; переливчатый и нежный фиолетовый, с которыми, на одной поверхности, в частности видов *Hætera*, так сказать, накатило, таким образом, звонки в нашей памяти 'лессировка-учитывая, Рембрандта как финишное прикосновение к его лучшим спектаклям; Все эти, и многие другие, обладают красотой, что я утверждаю, В противовес учению Ария, и Джеффри, это абсолютное само по себе; что в целом независимо от ассоциации; и что самые искусные человека карандашей бы найти его невозможно полностью и правильно скопировать." [\[214\]](#)

Я должен извиниться перед честными читателями за упоминание о пауках — "мерзких пауках!" — в главе о красоте; но предрассудки не должны заставлять нас закрывать глаза на величие даже среди них. У тропических видов часто наблюдается металлический блеск и переливчатость окраски. В моей книге "Путешествие натуралиста на Ямайку" мой друг мистер Хилл написал несколько очень интересных наблюдений над паутиной определенного Паука и об отношениях ее структуры с самим Пауком; но я упоминаю об этом сейчас из-за элегантности этого существа, *аргентинской эпиры* Фабрициуса. Верхняя поверхность тела блестящая, атласная или серебристо-белая, брюхо желтое с черными пятнами, а ноги отмечены чередующимися кольцами тех же контрастных оттенков.

На том же острове я был знаком с другим видом (*Nephila clavipes*), замечательным длиной и прочностью своих шелковистых нитей. Удлиненное тело усеяно круглыми белыми пятнами, каждое из которых обведено черной каймой, на насыщенном зеленовато-коричневом фоне, напоминающими одно из характерных отметин трагопанов среди птиц. Головогрудь блестяще-черная, ее блеск наполовину скрыт покровом из короткого серебристого пуха: ноги очень длинные и имеют удивительно элегантный вид из-за пучка черных волос, обрамляющих кончики первого и второго суставов, подобно щетинкам бутылочной щетки.

Я подкрепляю свой собственный вердикт наблюдениями брата-натуралиста за пауками с Борнео, предполагая, что те, на которых он ссылается, по-видимому, принадлежат к роду *Gastracantha*, виды которого я видел на Ямайке.

"Пауки, столь отвратительные на вид во многих других странах, здесь имеют совершенно иную природу и являются самыми красивыми из племени насекомых; у них кожа, похожая на раковину, снабжена любопытными отростками, у одних длинными, у других короткими, у одних немногочисленных, у других многочисленных; но по этому описанию они встречаются только в густых лесах и тенистых местах: их окраска всех оттенков, блестящая и металлическая, как перья колибри, но, в отличие от яркой окраски жука, полностью

зависит от жизни насекомого, которое они украшают, а также от того, насколько они красивы". так что сохранить их невозможно".[\[215\]](#)

Возможно, эта красота была бы менее мимолетной, если бы животных консервировали в спирте или другой антисептической жидкости. Автор в *Zoologist* (стр. 5929) упоминает тот факт, что переливчатая окраска некоторых жуков (*Cassida*), которая является особенно великолепной и металлической и которая немедленно исчезает, когда насекомые высыхают, сохраняется в своей первоначальной красоте, когда образцы сохраняются в чистоте, даже по прошествии нескольких лет.

Тропические виды этого рода намного изящнее и богаче, чем наши маленькие английские виды, хотя они и красивы. Я был очень восхищен великолепием некоторых ямайских видов, и сэр Эмерсон Теннент так отзывается о них на Цейлоне:

"Есть одно семейство насекомых, представители которого не могут не поразить путешественника своей необычайной красотой, - это *кассидады*, или жуки-черепахи, у которых внешний панцирь покрывает тело, а конечности могут быть полностью втянуты в него. Ободок часто имеет оттенок, отличный от центра, и один вид, который я видел, поражает яркостью окраски, которая придает ему вид рубина, заключенного в жемчужную оправу; но этот чудесный эффект исчезает сразу же после гибели насекомого".[\[216\]](#)

Если мы обратимся к растительному миру, какое изобилие красоты мы обнаружим! Восхитительны крошечные Мхи, когда зимние туманы и дожди, столь враждебные другой растительности, превратили их в зелень и плоды. Как они стелются по берегам живой изгороди мягкими ворсинками ярко-изумрудного цвета и поднимают вверх свои тонкие стебельки, каждый из которых увенчан своей крошечной вазой и одет в свой сказочный ночной колпак! Прекрасны крошечные темно-зеленые, похожие на перышки листья вилообразного мха, растущие на глинистом берегу; прекрасны дикие побеги гипнума перистого; и прекрасны маленькие круглые бархатные подушечки тортулы, которые растут на каждой старой стене.

"Крошечный мох, чья шелковистая зелень одета
Изъеденная временем скала, чьи яркие капсулы возвышаются,
Как сказочные урны на стеблях золотого сияния,
Требуйте нашего восхищения и нашей похвалы,
Так же сильно , как кедр , целующий голубое небо
Или гигантский цветок Крубула. Бог создал их всех,
И то, что *Он* соизволит сделать, никогда не должно быть принято во внимание
Недостойн нашего изучения".

Изящны также папоротники с их изогнутыми листьями, так богато украшенными элегантным узором. Посмотрите на прекрасную корону Леди Ферн на тенистой девонширской аллее и признайтесь, что там торжествуют грация и красота. И в насыщенной атмосфере тропических островов, где эти прекрасные растения составляют очень большую долю всей растительности, а некоторые из них поднимаются на тонких стеблях высотой в тридцать-сорок футов, с вершины которых широко раскинутые листья изящно изгибаются во все стороны, подобно огромному зонтику из мерцающей зелени, сквозь нити которого пробиваются солнечные лучи, — что может быть очаровательнее папоротников?

Королевские Пальмы тоже являются образцами величественной красоты. Линней называл их *vegetabilium principes*; и когда мы видим их в какой-нибудь благородной оранжерее соответствующих размеров, такой как стеклянная пальмовая роща в Кью, теснящихся бок о бок, с их коронованными головами, высоким ростом и гордой осанкой, нам невольно вспоминаются монархи многих королевств, собравшиеся на августейший конклав.

"Lo! еще выше поднимаются величественные пальмы,
Расчерчивая облака своими несгибаемыми стеблями,

И над облаками, среди темно-синего неба,

Приподнимая свои богатые неувядающие диадемы.

Как спокойно и безмятежно они отдыхают

Клянусь снисходительной грудью небес,

Как будто их ветви никогда не знали дуновения ветерка!

Свет окутывает их скользящим дождем,

И Тишина среди их высоких беседок,

Восседает на своем неподвижном троне".

Заслуживают ли упоминания травы за их красоту? Конечно, да. Многие из них обладают пушистой легкостью, изысканно красивой, как обычный ковыль. Золотые метелки великой трясогузки, так странно спрессованные и свисающие тонкими, как волосы, стеблями,

которые кивают и дрожат при малейшем движении, как они прекрасны! А атласные струйки пампасной травы, выступающие из-под скопления листьев, образуют прекрасный объект. Но бамбук, эти огромные древовидные травы тропиков, является характерной чертой растительности этих регионов, обладающей почти беспрецедентным великолепием. Я видел их во всей красе и могу посочувствовать философу Гумбольдту в том мощном воздействии, которое величие Бамбука производит на поэтический ум. Это объект, о котором никогда нельзя забывать, особенно когда он растет в тех изолированных зарослях, которые выглядят как пучки страусиных перьев, увеличенные до колоссальных размеров. Тысяча этих благородных тростников, стоящих тесным рядом, каждый из которых имеет четыре или пять дюймов в диаметре своего стебля, и величественно вздымающихся на высоту сорока футов, и все они колышут своими хохлатыми верхушками расходящимися изгибами, колеблемыми каждым дуновением ветерка, — поистине, представляют собой великолепное зрелище. Растущий в самых каменистых местах бамбук часто сажают на Ямайке на самой вершине тех конических холмов, которые образуют столь примечательную черту в ландшафте внутренних районов страны и к которым его благородные пучки составляют наиболее подходящую крону.

Мистер Эллис так описывает элегантность этих великолепных Трав Мадагаскара:—

"Подножия холмов и долины были покрыты бамбуком, которого было гораздо больше, чем на любой предыдущей части путешествия. Существовало по меньшей мере четыре различные разновидности: одна крупнорастущая, прямостоячая почти до кончика; вторая поменьше, редко поднимающаяся намного выше двадцати футов в высоту, густая у основания и изящно загибающаяся книзу своим заостренным концом. Третий вид вырастал из одиночного тростника, почти без листьев, на высоту тридцати футов или более; или, изгибаясь, образовывал идеально круглую арку. Я также видел бамбук, растущий как лиана, с маленькими короткими сочленениями, покрытый тонкими ветвями с листьями на каждом сочленении, и тянувшийся гирляндами от дерева к дереву вдоль обочины дороги, или свисающий одиночными линиями с выступающей ветки и мягко раскачивающийся от проходящего ветерка. Внешний вид бамбука при выращивании чрезвычайно изящен. Иногда трости, у основания толщиной с человеческую руку, поднимаются на высоту сорока-пятидесяти футов, окаймленные в суставах, которые находятся на расстоянии двух-трех футов друг от друга, короткими ветвями с длинными, копьевидными листьями. Более мелкие виды, которые больше всего произрастают в этом регионе, еще более изящны; и размахивание тростей с их утонченными, но похожими на перья кончиками, загибающимися вниз, как перо, и трепетное подрагивание, даже при малейшем дуновении ветерка, их длинных, тонких листьев представляют собой постоянно меняющиеся аспекты красоты; и в сочетании с ярко-зеленым цветом бамбуковой трости и листьев, придают неописуемое очарование всему пейзажу".[\[217\]](#)

Великолепны по своей красоте *мускатные орехи*, бананы и бананы жарких регионов. Гумбольдт называет банан "одним из самых благородных и прелестных овощных продуктов"; и действительно, его огромные, похожие на флаг листья насыщенно-зеленого цвета, пронизанные нервюрами, идущими поперек точно параллельными линиями и расходящимися дугами во всех направлениях от сочного, губчатого, покрытого оболочкой стебля, вызывают наше восхищение, помимо красоты их цветов или важности плодов.

В описании горного пейзажа на Таити, с мастерством выполненном Чарльзом Дарвином, банан занимает видное место: "Я не мог смотреть на окружающие растения без восхищения. Со всех сторон тянулись банановые заросли, плоды которых, хотя и служили различными

способами в пищу, горами лежали на земле, разлагаясь.... Когда вечер подходил к концу, я прогуливался в мрачной тени Бананов вверх по течению ручья. Вскоре моя прогулка подошла к концу, когда я подошел к водопаду высотой от двухсот до трехсот футов; и снова над ним был другой.... В маленьком углублении, куда падала вода, казалось, никогда не дул ни один порыв ветра. Тонкие края больших листьев Банана, влажные от брызг, остались целыми, а не были, как это обычно бывает, разорваны на тысячу кусочков. С нашей позиции, почти подвешенной на склоне горы, были видны глубины соседних долин, а высокие вершины центральных гор, возвышающиеся на расстоянии шестидесяти градусов от зенита, закрывали половину вечернего неба. Сидя таким образом, это было величественное зрелище - наблюдать, как ночные тени постепенно скрывают последние и самые высокие вершины".[\[218\]](#)

Эта сцена, должно быть, была одной из самых возвышенных и очаровательных. Несомненно, мало кто когда-либо видел что-либо, что могло бы сравниться с ней. Но, возможно, многие чувствовали — я чувствовал это часто, — что бывают случаи, когда чувство прекрасного в природе становится почти болезненно непреодолимым. Я любовался некоторыми очень прекрасными видами, возможно, купающимися в последних лучах вечернего солнца, пока моя душа, казалось, не начала бороться с очень странным, неопределимым ощущением, как будто жаждала силы наслаждаться, которой, как я сознавал, я не обладал и которая находила облегчение только в слезах. Я чувствовал, что там были элементы наслаждения и восхищения, которые выходили далеко за пределы моей способности наслаждаться и восторгаться; и я радовался верить, что мало—помалу, когда в тысячелетнем царстве Иисуса и, еще более, в отдаленном будущем, в устроении полноты времен, земля - "новая земля" — будет наделена более чем райской славой, искупленному человеку будет дана значительно возросшая сила и способность вкушать и наслаждаться возросшей красотой. Несомненно, воскресшие и прославленные святые, восседающие с Царем царей на Его троне, расширят возможности своих духовных тел за пределы того, о чем мы сейчас можем составить малейшее представление; и поскольку все тогда будет наслаждением самого изысканного рода, абсолютно не омраченным перерывами или пресыщением, — глаз, наконец, будет удовлетворен видением, а ухо - слышанием. "Я буду удовлетворен, когда проснусь с твоим подобием".

Именно в *Цветах* заключается красота растительного мира; и поэтому я сейчас выберу несколько примеров из изобилия прекрасных объектов, которые представляет нам собственно область Флоры.

Это очень любопытное племя растений, *Орхидеи*, настолько замечательные формами, имитирующими другие растения, что их цветение вызывает восхищение, также отличаются великолепной красотой. Возьмем *Sobraliae*, наземные виды из Центральной Америки, где они образуют обширные заросли высотой в три человеческих роста, с тонкими изогнутыми стеблями, очередными ивовидными листьями и кистевидными кистями на конце, усыпанными белоснежными, розовыми, малиновыми или фиолетовыми цветами.[\[219\]](#) Представьте, как вы продираетесь сквозь "заросли" прекрасной *S. macrantha*! Крупные, похожие на лилии соцветия этого вида достигают восьми дюймов в длину и столько же в ширину, насыщенного пурпурно-малинового цвета и самой элегантной формы, какую только можно себе представить, с губкой, так обернутой вокруг столбика, что она кажется воронкообразной, окаймленной изысканно вырезанной бахромой.

Я уже упоминал о *Фаюсе Танкервилле*, том пышном, похожем на лилию цветке, на который я наткнулся посреди густых зарослей в горах Ямайки. Другим чрезвычайно элегантным

наземным родом является *Cypripedium*, из которого у нас есть один местный вид, *C. calceolus*, желтая дамская туфелька, — одно из самых очаровательных, но самых редких и наиболее сложных в размножении британских растений. Но это растение намного превосходит по красоте многие экзотические виды; как, например, изысканный *C. barbatum* из Малакки. Сама листва великолепна, потому что нервюры и поперечные жилки образуют сетчатый узор темно-зеленого цвета на светло-зеленой поверхности каждого широкого листа. Цветок высоко поднимает свою благородную головку со стандартным белым лепестком в зеленую и фиолетовую полосу, лепестками-крыльями, усеянными фиолетовыми бугорками по краям, и губчатым или туфелькообразным лепестком темно-фиолетового оттенка.

Мои читатели, возможно, иногда замечали в самых изысканных печках небольшое растение, настолько нежное и ценное, что его неизменно хранят под стеклянным колпаком. Я имею в виду *Anæctochilus setaceus*. Он принадлежит к этому племени и является наземным видом, растущим у корней деревьев во влажных лесах Цейлона. Его изысканная красота привлекла внимание даже апатичных сингалцев, которые называют его поэтическим эпитетом *Wanna Raja*, или король леса. В своих соцветиях он, по—видимому, не обладает какой-либо особой привлекательностью - действительно, я никогда не видел его в цвету; но его листья, растущие супротивными парами, изящной сердцевидной формы, глубокого насыщенного зеленовато-коричневого оттенка, приближающегося к черному, с поверхностью, напоминающей бархат, сплошь покрытый сеткой с бледно-золотистыми прожилками, которые, будучи многочисленными и мельчайшими, имеют очень очаровательный вид, чем-то напоминающий бледную сетку на черных пятнах, которую мы видим на крыльях некоторых стрекоз.

Эпифитные орхидеи также великолепны по красоте. Одним из самых красивых родов является *Dendrobium*, содержащий множество видов, в основном произрастающих в Южной Азии и на больших островах. Пожалуй, самым прекрасным из всех является *D. nobile*, у которого чашелистики и лепестки зеленовато-белые с насыщенно-фиолетовым оттенком на кончике, а пушистый трубкообразный выступ имеет внутри такой же царственный оттенок с бледно-желтым краем.

Рядом с этим вы можете посадить прекрасную *Хунтлею фиалковую*, одно из открытий сэра Р. Шомбургка во внутренних районах Гвианы. Его широкие волнистые лепестки нежнейшего насыщенного фиолетового цвета "варьируются по интенсивности от темно-сапфирового до мягкого перелива опала". Этот прекрасный цветок вызывает меланхолический интерес, поскольку связан со смертью друга и сослуживца сэра Роберта, мистера Рейса. Великолепные пейзажи тропической растительности, в которых было найдено растение, и печальный несчастный случай описаны опытным путешественником следующим образом:

"Я впервые обнаружил *Хунтлею фиалковую* в октябре 1837 года, тогда во время моего восхождения по реке Эссекибо. Большой водопад Кумака Тото, или Водопад Шелкового хлопка, вынудил нас разгрузить наши запасы корицы и перевезти багаж по суше, чтобы избежать опасностей, которые мог представлять для нашего восхождения водный поток, одновременно такой мощный и быстрый, ограниченный многочисленными скалами. Пока индейцы были таким образом заняты, я побродил по одному из небольших островов, которые образовали расходящиеся рукава реки при спуске вниз и растительность которых имела тот особенный живой вид, который так характерен для окрестностей водопадов, где над ними всегда витает влажное облако, создаваемое брызгами. Глыбы сиенита были свалены в кучу; и хотя их черная блестящая поверхность сильно контрастировала с белесой

пенной потока и с извилистыми волнами, бьющимися о скалистые барьеры — словно рассерженные на границу, которую они пытались установить для разгневанной стихии, — их куполообразные вершины были украшены растительностью, одновременно богатой и интересной. *Геликонии, Тилландсии, Бромелии, Папоротники, потос, киртоподиумы, Эпидендрумы, пеперомии*- все, казалось, боролись за место, которое им предоставляла такая маленькая поверхность. Высокие горы Акайванна, Комуте, или Такия, и Туасинки отступают и образуют амфитеатр, представляя собой в высшей степени интересную сцену и, без сомнения, самую живописную в этой части реки Эссекибо.

"Меня привлекло множество *Oncidium altissimum*, которые покрывали одну из скальных куч и поразили меня своими длинными стеблями и яркой окраской цветов, когда мое внимание сильнее привлекло растение, внешний вид которого, хотя и отличался от псевдолуковичных, тем не менее свидетельствовал о его принадлежности к интересному семейству *Орхидные*. Экземпляры были многочисленны и почти полностью покрывали своей яркой зеленью шершавые и темные стволы гигантских деревьев, которые дополняли величественную картину вокруг меня. Прошло незадолго до того, как я обнаружил одно из этих растений в цвету. Это было столь же необычно, сколь и ново для меня: чашелистики и лепестки насыщенного пурпурного цвета, похожие на бархат; шлем, форма колонны которого имела наибольшее сходство, того же цвета; этикетка с желтыми полосками.

В ходе последующих моих экспедиций я находил его обычно в окрестностях водопадов, где постоянно витает влажный пар и куда солнечные лучи едва проникают сквозь густой полог листвы. Я проследил путь *Хунтлеи* от шестой параллели широты до тенистых гор цепи Ачария недалеко от экватора; но во всем своем великолепии она предстала на одном из маленьких островов среди рождественских водопадов в реке Бербис. С этим растением связано одно печальное обстоятельство, которое его внешний вид никогда не перестает вызывать в моей памяти. Их необычайная красота в этом месте побудила моего друга мистера Рейсса, который сопровождал меня в качестве волонтера во время неудачной экспедиции вверх по реке Бербис, нарисовать его на этом месте. Он все еще был занят этой задачей, когда последнее из наших каноэ должно было спуститься с опасного водопада. Он оторвался от своего занятия, желая спуститься вместе с индейцами на каноэ, хотя и против моего желания, но он настоял. Каноэ приблизилось к водопаду; оно перевернулось, и из тринадцати человек, находившихся в нем в то время, он был единственным, кто поплатился жизнью за эту опрометчивую попытку. Сейчас он похоронен напротив этого острова, богатейшие растительные культуры которого было его последним занятием имитировать на бумаге и в красках".[\[220\]](#)

Мы могли бы надолго задержаться на этих цветах странной красоты, но пространство вынуждает нас оставить их и обратиться к некоторым другим примерам из широкого спектра областей Флоры. Каким восхитительным зрелищем, должно быть, были покрытые листьями рододендроны гималайских вершин, на возвышенностях которых доктор Хукер обнаружил эти прекрасные растения, занимающие видное положение, "покрывающие горные склоны темно-зеленой мантией, сияющей разноцветными колокольчиками; из восьми или десяти видов, растущих здесь [на Земире, в Сиккиме, на высоте двенадцати тысяч футов над уровнем моря], каждый куст был усыпан таким же обилием цветов, как и их северные сородичи в наших английских садах!"[\[221\]](#)

Самое благородное в этом роде - то, что посвящено леди Далхаузи. Это эпифит, который всегда растет, подобно орхидеям, среди мхов и папоротников, на стволах больших деревьев, особенно дубов и магнолий, на высоте от семи до десяти тысяч футов. В частности, в

аромате его благородных белых соцветий, в стройной форме, в завитушечном расположении его ветвей и в продолжительности времени, в течение которого он продолжает цвести в своих родных регионах, а именно с апреля по июль, он отличается от всех своих собратьев того же рода, населяющих северную Индию.

Цветки четырех дюймов в длину и четырех в диаметре, с широким раструбом. Их цвет чисто белый, с возрастом приобретающий нежный розовый оттенок, иногда с оранжевыми пятнами. У них запах, напоминающий запах лимона.

Об этом и следующих видах доктор Хукер пишет из Дорджилинга, расположенного на высоте семи тысяч футов над уровнем моря: "На ветвях огромной магнолии с пурпурными цветами (*M. Campbellii*), а также дубов и лавров эпифитально растет *Rhododendron Dalhousiae*, стройный кустарник, несущий от трех до шести белых колокольчиков с ароматом лимона, четыре с половиной дюйма длиной и столько же в ширину, на конце каждой ветви. В тех же лесах алый рододендрон (*R. arboreum*) встречается очень редко, и его вытесняет большой *R. argenteum*, который растет в виде дерева высотой сорок футов, с великолепными листьями длиной от двенадцати до пятнадцати дюймов, темно-зелеными, морщинистыми сверху и серебристыми снизу, в то время как цветки такие же крупные, как у *R. Dalhousiae*, и растут больше гроздьями. Я не знаю ничего подобного, что превосходило бы по красоте цветущую ветвь *R. argenteum* с ее широко раскидистой листвой и великолепной массой цветов".^[222]

Последний, который почти равен *R. Dalhousiae* по размеру своих цветков и, возможно, превосходит его в других отношениях, является еще одним белоцветковым видом. Это, как описано выше, дерево с большими массивными листьями серебристого оттенка внизу. В молодом возрасте они необычайно красивы, будучи заключены в длинные шишки телесного цвета с крупными чешуйками, очень декоративного вида. Цветки достигают трех дюймов в длину, образуя компактную шаровидную головку.

Они выделяют большое количество меда, который, как говорят, ядовит, как и у *R. Dalhousiae*.

Величие и красота того же рода отмечаются мистером Лоу, когда он увидел этот вид, растущий на Борнео, где его поразили их паразитический характер, как это поразило доктора Хукера:

"Возможно, самыми великолепными из местных растений являются различные виды рода *Рододендрон*, которые здесь принимают своеобразную форму, поскольку встречаются эпифитно на стволах деревьев, как роды трибы *орхидные*. Эта привычка, вызванная, вероятно, чрезмерной влажностью климата, однако, присуща не только вересковым растениям, но также преобладает у родов *Fagra*, *Combretum* и многих других, обычно наземных; корни рододендронов вместо того, чтобы быть, как у видов, обитающих в холодном климате, мелкими и волокнистыми, становятся большими и мясистыми, обвивая стволы лесных деревьев; самый красивый из них - тот, который я назвал в честь мистера Брука. Его крупные соцветия образуются в наибольшем изобилии в течение всего года: они намного превосходят по размеру соцветия любого известного вида и часто состоят из восемнадцати цветков всех оттенков, от бледно-насыщенно желтого до насыщенно красновато-лососевого; на солнце цветки сверкают, напоминая золотую пыль.

"Четыре других вида, которые я обнаружил, очень красивы, но разных цветов: один малиновый, а другой красный, а третий имеет насыщенный оттенок между этими двумя; у четвертого я еще не видел цветов".[\[223\]](#)

Возьмем пример из другого ордена. Дерево-молния Мадагаскара возвышается перед нами на графических страницах мистера Эллиса:—

Но самыми великолепными объектами были прекрасные деревья *астрапеи Валлихии*, или *вискозы*. Название этого малагасийского растения произошло от слова, обозначающего молнию, из-за яркости его цветков; и сэр Джозеф Пакстон и доктор Линдли так отзывались о *A. Wallichii*: "Одно из прекраснейших растений, когда-либо интродуцированных. И когда оно усыпано великолепными цветами, мы думаем, ничто не может сравниться с его величием." "Я видел растение хорошего размера, свободно растущее на Маврикии, но здесь оно было у себя на родине, пышно разросшееся на берегах ручья, его ствол диаметром в фут, широколиственные ветви, простирающиеся над водой, и его большие, розовые, шаровидные, составные [\[224\]](#) цветы трех-четырех дюймов в диаметре, подвешенные на конце тонкого, покрытого пухом стебля, , девять дюймов или фут в длину. Они сотнями висели по течению ручья и превосходили все, что я когда-либо видел или мог себе представить. Впоследствии я часто встречался с *астрапеей*, но она всегда росла у воды, а ее ветви часто простирались над озером или рекой".[\[225\]](#)

Порядок Бобовых, или Сосочковидных, представляет множество растений поразительной красоты, как по листве, которая часто отличается чрезвычайной легкостью и элегантностью, так и по цветению. Они являются одними из самых веселых и грациозных растений во всех регионах. Среди великолепной растительности Маврикия есть одно из самых знаменитых растений — *Flamboyant*, которое Эллис заметил следующим образом:-

"Среди всех остальных выделяется величественная и великолепная *Poinciana regia*, компактно растущая и правильной формы, но сохранившая что-то от акации, иногда достигающая высоты сорока или пятидесяти футов, и в период с декабря по апрель представляющая среди своих нежных перистых листьев горошино-зеленого цвета огромную пирамиду из пучков ярких, ослепительно-алых цветов. Иногда его можно увидеть над крышами домов, а иногда и на открытом пространстве, возвышаясь в поистине царственном великолепии, и это, безусловно, одно из самых великолепных деревьев. Его общее название - *mille fleurs*, или *яркий*".[\[226\]](#)

Я имел удовольствие наблюдать за *Poinciana pulcherrima* на Ямайке, где ее называют Цветочной, или иногда "Гордостью Барбадоса". В цвету это великолепная масса алого и оранжевого, и она показалась мне самой великолепной вещью в своем роде, которую я когда-либо видел. Однако он не достигает размеров своего антипода, редко превышая размеры крупного кустарника.

Я не знаю, что такое бирманское дерево, о котором говорится в следующих выдержках из писем, которые я получил от моего уважаемого друга, капитана Г. Э. Балджера из 10—го полка:

"Я буду чрезвычайно признателен, если вы сообщите мне, знакомы ли вы с деревом, известным в Вест-Индии и Южной Америке как "Буа Иммортель", и считаете ли вы, что присланный лист принадлежит ему.

"В прохладный сезон в Бирме лес представляет собой великолепное зрелище из-за множества алых цветов, которые распускает большое дерево; и я сильно склонен думать, что это великолепное украшение джунглей, во всяком случае, связано с Буа Иммортель Западного мира.

"Дерево, о котором я говорю, начинает цвести примерно в середине декабря, в это время листья начинают увядать и опадать. К концу января, когда он находится в полном цветении, от него почти не остается листьев, но он продолжает пышно цвести до марта. Цветок по форме напоминает горошину.

- Если вы сможете просветить меня на этот счет, я буду вам очень признателен.

Я был вынужден признаться, что не знаком даже с южноамериканскими красотами, и мой друг так ответил:

Впервые я прочитал о "Буа Иммортель" в "Странствиях Уотертона", а впоследствии увидел цветное изображение дерева в великолепной работе мистера Гулда о колибри. Я думаю, что конкретное название также было дано в этой работе, но это было некоторое время назад, и я почти забыл, на что это было похоже. С тех пор как я увидел эти две работы, я слышал, как офицеры говорили о великолепии южноамериканских лесов в сезон "Леса бессмертия", и не один из них говорил, что, по их мнению, ничто на земле не может быть более великолепным, чем "несравненный Тринидад", когда эти деревья в полном цвету. Осенняя красота лесов Северной Америки, несомненно, знакома вам, и я очень сомневаюсь, что даже в Южной Америке можно найти что-нибудь более богатое и прелестное".

Даже самые скромные виды растений обладают элементом красоты, дарованным им без всякой скупости. Кто бы мог ожидать, что среди *ченокодов*, и, прежде всего, среди скромных маленьких морских червей, можно встретить такую яркую сцену, как описывает мистер Аткинсон?—

"Теперь мы находились в густой песчаной степи — части пустыни Сакха, которая простирается до Гоби, — и растительность была настолько скудной, что исчезла даже степная трава. *Солянка* росла широким поясом вокруг небольших соленых озер, ее цвет варьировался от оранжевого до темно-малинового. Эти озера имеют самый необычный вид, если смотреть на них издали. Сверкание кристаллизованной соли, которая часто отражала темно-красный цвет вокруг, придавало им вид бриллиантов и рубинов, оправленных в великолепную оправу. Я несколько раз объезжал окрестности, восхищаясь их красотой и сожалея, что нельзя было остаться и посетить большое озеро, которое я заметил в десяти-пятнадцати верстах от нас, окруженное зеленым, оранжевым и малиновым".[\[227\]](#)

Микроскоп также выявит красоту цветов, которую глаз без посторонней помощи не способен полностью распознать. Если мы возьмем алую герань или пурпурный хартсиз, глаз будет восхищен яркостью окраски; но если поместить лепесток любого из них на стеклянную пластинку под довольно большим увеличением и полностью отразить солнечные лучи через предмет, то богатое великолепие оттенка, сверкающее, как драгоценный камень, сияние поверхности и изысканно правильная форма круглых ячеек с их четкими промежутками образуют зрелище великолепной красоты, которое почти превосходит представление того, кто этого не видел.

Я завершу эту главу, которую легко можно было бы растянуть на целый том, упоминанием о скромном и миниатюрном растении, чья сказочная красота в сочетании с почти неубиваемой выносливостью конституции обеспечили ему место в любом саду, каким бы неприхотливым и каким бы негениальным ни было его местоположение, - гордости Лондона. Эта изящная маленькая камнеломка, как бы она ни была любима всеми, нуждается в микроскопе, чтобы выгодно подчеркнуть ее красоту, но под хорошим инструментом вы не сможете не быть очарованы ею. В данный момент передо мной один из них, и я опишу то, что вижу.

Сначала я замечаю, при беглом взгляде, что все растение покрыто крошечными волосками; я беру один из цветоносов и рассматриваю их с точностью до трехсот диаметров. Теперь каждый из них превращается в прозрачную, как стекло, ножку, сужающуюся кверху к концу, где находится насыщенно-малиновая чашечка, в которой находится шарик из бесцветного стекла, подобно тому, как желудь сидит в своей скорлупе. Множество этих органов — железистых волосков, как называет их ботаник, — стоящих бок о бок, достигающих разной высоты и демонстрирующих различную степень развития, представляет собой очень приятное зрелище.

Я перехожу к нераскрывшемуся бутону, включаю меньшую мощность и рассматриваю его как непрозрачный объект с отраженным светом с помощью Lieberkuhn. Вот разделяющиеся чашелистики чашечки, окрашенные в розово-розовый и горохово-зеленый цвета и усеянные со всех сторон только что замеченными узловатыми волосками; цветная поверхность шероховата гранулами, но это шероховатость стекла, потому что каждый бугорок блестит и переливается светом. Венчик представляет собой маленький белый шарик, лепестки которого плавно наложены друг на друга, а их поверхность имеет такой же вид зернистого стекла, как и у чашечки.

А теперь позвольте мне осмотреть этот цветок, распустившийся только сегодня утром, — кстати, самый первый в сезоне. Для этого у меня должна быть низкая мощность, восемьдесят диаметров или около того. О, как изысканно! Маленькое блюдце из пяти овальных лепестков, каждый снежно-белый, с бантиком из прелестных малиновых крапинок, с желтым пятнышком в качестве аккорда, и все оно, как и раньше, сверкает стеклянными точками. Бледно-красные зародыши в центре, поднимающиеся двумя снежными точками, их розовые кончики плотно прижаты друг к другу, как будто близнецы целовались. Десять тычинок, пять коротких, чередующихся с пятью длинными, и на каждой по красивому бледно-алому пыльнику в форме почки. Нет, не все они имеют почковидную форму; потому что вот одна из них лопнула, и видны крупинки красной пыльцы, покрывающие ее грубую пурпурную поверхность; а вот одна тычинка, от кончика которой отделился пыльник, оставив только два или три прилипших пыльцевых зерна. Позади всего этого я вижу чашелистики чашечки, выглядывающие между лепестками и образующие прекрасный темный фон для них и для более длинных нитей.

А теперь я обращаюсь ко всем моим читателям: возможно, у вас не будет возможности рассмотреть великолепные тропические орхидеи или великолепный Флэмбойант, но пойдите и сорвите цветок, являющийся гордостью Лондона, и перед вашими глазами будет такое творение Божественных рук, которое вполне может вызвать восхищение ангела.

XI.

ПАРАЗИТЫ.

Каким бы огромным ни был этот круглый мир, на котором мы живем, его поверхности недостаточно для всех живых существ, которым предназначено населять его. Множество животных не ходят по земле, не плавают в воде и не летают по воздуху, но находят место своего обитания на телах других животных или в них самих. Множество растений не вырастают из почвы, а прикрепляются к другим растениям и черпают оттуда пищу и опору. Более того, существуют паразиты на паразитах, и это, согласно Худу, в бесконечно нисходящем ряду.

"У больших блох есть маленькие блохи

Им на спины, чтобы укусить;

А у маленьких блох есть блохи поменьше;

И так *до бесконечности*.

Возможно, воображение поэта здесь немного опередило его науку; но идея о *бесконечной* череде паразитов, похожих на гнезда из коробочек для таблеток, несомненно, забавна. Однако нет ничего смешного в мысли, "что даже человек, "который был создан по образу Божьему ", носит в своих жизненно важных органах различные формы отвратительных созданий, которые буйствуют в его жидкостях и поглощают саму субстанцию его тканей, находясь там, где никакие его усилия не могут их вытеснить, никакое применение не может их уничтожить. Так оно и есть; и немногие физические факты лучше рассчитаны на то, чтобы унижить человека и запятнать его гордыню, чем ощущение, что он в любой момент может вскормить ужасного ленточного червя в своем пищеварительном тракте или что его мышцы могут быть заполнены миллионами микроскопических *трихинеллез*ов.

Я не буду останавливаться на них; хотя, если бы я писал книгу о чистой науке, там был бы удивительный набор фактов самого поразительного и интересного характера, связанных со строением, метаморфозами и повадками энтозойных червей, которые я мог бы представить своим читателям. Гораздо приятнее рассмотреть другие факты, возможно, не менее удивительные, которые, поскольку они не так близки нашим личным чувствам, не вызовут в наших умах ужаса и отвращения.

В *экономике* созидания замечательной. Тот, кто Своим божественным манипулированием превратил пять хлебов и две рыбешки в сытное блюдо для пяти тысяч мужчин, не считая женщин и детей, и кто мог бы с такой же легкостью приготовить их в сто раз больше, сказал, когда трапеза была закончена: "Соберите осколки, чтобы ничего не пропало". И когда Он наполнил землю жизнью, хотя Его ресурсы были бесконечны, Он предопределил, что единственным объектом, который сам по себе наслаждается здоровой жизнью и выполняет свои собственные надлежащие цели существования, должен быть микрокосм, в котором другой диапазон жизни должен найти свою сферу и в котором он должен распространяться, как в независимом мире. В великолепных тропических лесах я часто восхищался тем, какую буйную растительность поддерживает одно-единственное дерево; какое количество орхидей и диких сосен вырастает из развилок, какие лианы свисают и обвиваются вокруг его ветвей, какие изящные папоротники гроздьями растут на горизонтальных ветвях, какие змееподобные кактусы переползают с ветки на ветку, какие мхи и джунгермании скапливаются в каждой расщелине, какие разноцветные лишайники покрывают

шероховатую кору! И тогда животная жизнь кишит на всем этом огромном поле паразитической растительности. Рептилии и птицы, улитки и слизи, насекомые и многоножки, пауки и черви тысячами гнездятся в таких плодовых местах, так что огромное старое тропическое дерево, одно из гигантских фиговых или хлопковых деревьев, само по себе является настоящим музеем.

И в моих скитаниях по берегу моря здесь, дома, как часто я поражался разнообразию населения, растений и животных, которые толпятся вокруг одной-единственной водоросли или зарослей! Стебель, окаймленный нежными красными водорослями, такими как мельчайшие *родимении*, и *полисифонии*, и *каллитамнии*; извилистые корни, усеянные анемонами, *флюстрами* и *лепралиями*, и множеством других *Полизоа*, с крошечными полипами многих видов, с ракушками и пиявками, а также множеством мелких ракообразных, клещей и кольчатых червей.

У мистера Дарвина есть интересный отрывок по этому поводу, вызванный изобилием паразитической жизни на длинных морских водорослях мыса Горн (*Macrocystis*). "Количество живых существ, - замечает он, - существование которых напрямую зависит от водорослей, поражает воображение. Можно было бы написать большой том, описывая обитателей одного из этих зарослей морских водорослей. Почти все листья, за исключением тех, которые плавают на поверхности, так густо покрыты кораллинами, что имеют белый цвет. Мы находим изысканно тонкие структуры, некоторые из которых населены простыми гидроподобными полипами, другие - более организованными видами и красивыми сложными асцидиями. На листьях также прикреплены различные надколенниковидные раковины, трохи, непокрытые моллюски и некоторые двустворчатые моллюски. Бесчисленные ракообразные встречаются в каждой части растения. При встряхивании огромных спутанных корней вываливается куча мелкой рыбы, ракушек, каракатиц, крабов всех отрядов, икринок морских звезд, красивых голотурий, планарий и ползающих нереидных животных множества форм - все вместе. Часто возвращаясь к ветке ламинарии, я неизменно обнаруживал животных с новым и любопытным строением. На Чилоэ, где водоросли растут не очень хорошо, отсутствуют многочисленные раковины, кораллы и ракообразные; но там все же остается несколько *Flustraceae* и несколько сложных асцидий; последние, однако, принадлежат к видам, отличным от тех, что водятся на Огненной земле: мы видим, что фукус обладает более широким ареалом, чем животные, которые используют его в качестве жилища. Я могу только сравнить эти огромные водные леса южного полушария с наземными в межтропических регионах.

"И все же, если бы в какой-либо стране был уничтожен лес, я не думаю, что от уничтожения водорослей погибло бы так много видов животных, как здесь. Среди листьев этого растения обитают многочисленные виды рыб, которые нигде больше не могли бы найти пищу или убежище: с их уничтожением многие бакланы и другие птицы-рыболовы, выдры, тюлени и морские свиньи вскоре тоже погибли бы; и, наконец, огненный дикарь, жалкий властелин этой жалкой земли, удвоил бы свое каннибальское пиршество, уменьшился бы в численности и, возможно, прекратил бы свое существование".

Я упомянул эпифитные растения, которые в таком изобилии произрастают в тропиках и которые так сильно дополняют великолепие тамошних лесов. Самыми замечательными или, во всяком случае, наиболее известными из них являются *Орхидеи*, о которых, поскольку у меня уже не раз была возможность говорить о них, я ограничусь здесь ссылкой. Они приживаются в развилках, на больших ветвях и даже в неровностях коры ствола, прикрепляясь своими длинными переплетенными корнями, которые похожи на узловатую

плетеную веревку, и образуют пучки псевдолуковиц, откуда торчат их сочные, толстые, но изящные листья - огромный пучок зелени; а их фантастические цветоносы колышутся в воздухе или поникли под тяжестью великолепного цветения. Таким образом, они получают питание только из влажной атмосферы, завися от дружественного дерева только в плане поддержки и высоты. Влажность, по-видимому, необходима для жизнедеятельности этих и большинства других форм паразитической растительности. В глубокой тенистой, мрачные леса Java, которые образуют пояс растительности вокруг основания горы, эти растения предостаточно, где воздух тяжелым и влажным от испарений, что не может подняться, и где плотность листвы почти страшно; где тепло, влагу и необычайно глубоким и насыщенным растительного грунта совмещают для того чтобы произвести древесины грибом, как мягкость, и непостижимый *abundance* вьющиеся растения и эпифиты. В этих лесах, особенно там, где основную часть древесины составляют огромные фиговые деревья, смешанные с самыми тропическими формами растительности, такими как *стеркулиевые*, *сапиндовые* и *артокарповые*, пучки *орхидей* достигают огромных размеров и пышности в сочетании с ароидными и цинциберовидными растениями.^[228] В Демераре мистер Хенчман обнаружил заросли *Oncidium altissimum* и *Maxillaria Parkeri* огромных размеров, растущие так густо, что не поддаются никаким попыткам вторжения; а на испанском материке он видел *Эпидендрум*, известный как "Распростертый орел", обвивающий огромные деревья и покрывающий их сверху донизу.

Фиговые деревья, которые являются одними из самых гигантских деревьев тропического леса и которые поддерживают огромное количество эпифитов, сами по себе часто являются паразитами и эпифитами в своем раннем состоянии. На Ямайке нередко можно увидеть сеть корней, частично охватывающую ствол какого-нибудь большого дерева, уходящую далеко вверх по его колонне и постепенно ползущую вокруг и вниз. Я видел старую стену, покрытую таким образом, представляющую собой очень любопытное зрелище. Корни широко раскидистой смоковницы, росшей на вершине стены, простирались по ее перпендикулярной поверхности до земли, все в одной плоскости, цепляясь за стену; главные корни были толщиной с человеческую ногу, но второстепенные корни тянулись друг к другу, соединяясь во всех направлениях (если можно использовать такой термин), образуя сложнейшую сеть из множества ячеек различных угловатых форм и размеров. Эти поперечные корни были *на каждом конце* соединены с более крупными корнями и выглядели так, как будто вся сеть была искусно вырезана из одной цельной доски путем вырезания участков или ячеек и закругления составляющих стержней; сама кора, покрывавшая все это, была непрерывной там, где корни соединялись, как будто они всегда были единым целым.

Единственным способом, которым я могу объяснить это необычное явление, является следующая гипотеза: Первоначально семя дерева было посажено на вершине стены, под карнизом. Когда она проросла, корни спускались к земле, некоторые перпендикулярно, некоторые по диагонали; но все они стелились по поверхности стены, ни один корень не отходил от ее перпендикуляра. По мере того как эти корни увеличивались, они выпускали боковые корешки, которые, все еще находясь на поверхности стены, мало-помалу соприкасались с другим основным корнем. Затем, вместо того, чтобы стелиться *по* нему, как это сделали бы корни других деревьев, мягкий кончик корешка фактически соединился с субстанцией корня в месте соприкосновения, волокна обоих переплетались, и их соединенные поверхности постепенно покрывались общей корой. В результате повторения этого процесса получилась очень любопытная деревянная сетка, которую я попытался описать.

Еще более замечательный пример этого паразитического способа роста я видел на том же острове. На обочине горной дороги росло большое фиговое дерево, основание ствола которого находилось примерно в тридцати футах от земли. Оттуда он вздымался столбообразно к небесам и раскидывал свои обширные горизонтальные ветви поперек дороги. Из той же точки спускался к земле полый конус корней, переплетенных и анастомозирующих, особенно в верхних частях, таким же образом, как у стенок кипяtilьни, но образующих внизу только три или четыре уплощенных неправильной формы столбика. На участок, окруженный этой сетью корней, мог войти человек, поскольку он был около шести футов в ширину, и, посмотрев вверх, увидеть основание ствола в восьми или десяти ярдах над своей головой.

Объяснение этого любопытного явления зависит от только что упомянутой тенденции. На этом месте когда-то росло большое дерево какого-то другого вида, вероятно, хлопчатник (*эриодендрон*) или какой-то другой с мягкой древесиной. Маленькая алая ягодка со смоковницы была унесена какой-нибудь залетной Банановкой или Голубем на его ветви и там съедена. После того как маленький прогульщик доел свой кусочек, он, возможно, вытер клюв о грубую кору ствола рядом с веткой, на которой сидел. Таким образом, несколько мельчайших семян, покрытых слизью, остались на дереве, которое дождь вскоре смыл в широкую вогнутость развилки, где оно вскоре проросло среди мха и гнилых листьев. Корни постепенно поползли вниз по стволу опорного дерева, тесно прижимаясь к его коре, и своим переплетением в конце концов образовали живой футляр, обволакивающий его со всех сторон и проникающий в землю вокруг его основания. Рост их, а также закрытого дерева с каждым днем вызывал все более сильное давление на последнее, которое в конце концов достигло такой степени, что прекратилась циркуляция сока между корой и древесиной. Результатом, конечно, была смерть, и быстрое разложение превратило поддерживающее дерево в кучу гниющей пыли, в то время как паразит, теперь способный самостоятельно удерживать свое положение с помощью полого конуса корней, увеличился в размерах и силе и превзошел своих лесных собратьев; — *дерево, стоящее на сваях*.

Несколько лет назад я был поражен появлением восточноиндийского вида того же рода в одной из оранжерей Кью. Три побега взбирались по стене, прижимаясь так близко, что листья выглядели так, словно они действительно были приклеены к кирпичам, один поверх другого, самым правильным образом. Однако, приглядевшись, я увидел, что листья вообще не прилипали; единственной опорой были крошечные корешки, отходявшие по бокам от каждого стебля и скрытые листьями. Внешний вид всего этого был настолько любопытным, с бледным растущим бутонем, выглядывающим из-под самого верхнего листа, что это меня очень привлекло. Основание растения находилось в горшке, но служащий сообщил мне, что эту связь вот-вот оборвут, отрезав каждый побег в том месте, где он впервые зацепился за стену. Листья над этим местом своим большим размером и силой свидетельствовали о том, что растение уже не зависит от своего горшка и что оно способно поддерживать себя, как настоящее воздушное растение, за счет поглощения только воздуха, не нуждаясь ни в чем, кроме поддержки в вертикальном положении, которую оно получало от стены своими цепляющимися воздушными корешками.

Каждый, кто бродил по первобытным тропическим лесам, будь то в восточном или западном полушарии, был поражен непостижимым изобилием вьющихся растений, которыми переплетены деревья. Они бывают толщиной от троса военного корабля до вьючной нити; более прочные часто неплотно скручены вместе и привязывают дерево к дереву. Они относятся к отрядам *Мальпигиевых*, *Апоциановых*, *Асклепиадовых*, *Бигнониевых* др. и часто украшены самыми яркими цветами.

Я уже приводил описания этих замечательных лиан, встречающихся в лесах Южной Америки; моим читателям, возможно, захочется ознакомиться с графическим наброском лиан Цейлона, сделанным сэром Эмерсоном Теннентом:

"Именно деревья более старого и высокого роста наиболее поразительным образом демонстрируют буйство этих замечательных эпифитов. Их мучают вьющиеся растения таких необычайных размеров, что многие из них превышают в диаметре обхват человека; и эти гигантские отростки можно увидеть взбирающимися на самые высокие деревья в лесу, крепко обвивающими их стволы, а затем перекидывающими свои чудовищные усики через более крупные ветви, пока они не достигнут вершины, откуда они спускаются на землю огромными гирляндами, и, после того, как они охватывают еще одно и другое дерево в своих последовательных трудах, они снова взбираются на вершину и превращают все это в лабиринт живой сети, как будто это не так. массивный, как будто образованный тросом линейного корабля. Когда мало-помалу деревья, на которых была подвешена эта необычная ткань, прогибаются под ее тяжестью или оседают из-за собственного разложения, упавший ствол быстро исчезает, в то время как извилины вьющихся растений продолжают расти, являя собой один из самых удивительных и своеобразных живых холмов беспорядка, которые только можно себе представить. Часто можно увидеть, как одна из этих лиан держится одним концом за верхушку высокого дерева, а другой цепляется за какой-то предмет на некотором расстоянии от земли, между которыми она натянута так туго и прямо, как будто ее тащат через блок. По всей вероятности, молодой отросток изначально был зафиксирован в этом положении ветром и сохранялся в нем до тех пор, пока не достиг своей зрелости, где создается впечатление, что он был устроен искусственно, как бы для поддержки падающего дерева ".[\[229\]](#)

Оставляя растительный мир, мы можем найти несколько очень любопытных примеров паразитизма среди насекомых. Каждый, кто обращал хоть малейшее внимание на этот класс животных, знает, что существуют стройные мухи, называемые *ихневмонами*, личинки которых вылупляются и выращиваются в телах других насекомых. У многих из них яйцеклад сильно удлиннен и выступает подобно очень тонкой игле из оконечности брюшка. У некоторых видов этот игловидный орган в три или четыре раза превышает всю длину тела; и эта большая длина предназначена для того, чтобы достигать куколок ос и подобных насекомых, обитающих в глубоких норах. Сама игла вполне достойна изучения. Он не простой, а состоит из двух частей, образующих оболочку, которые раскрываются и обнажают центральную более тонкую нить, снабженную на кончике (например, в *манифестаторе Pimpla*) пилообразными зубцами. С помощью этого инструмента, обладающего большой эластичностью и податливостью, насекомое работает, как плотник своим шилом, протыкая глину, которой оса заделала отверстие, в котором находятся ее личинки, до тех пор, пока кончик яйцеклада не достигнет мягкого тела насекомого. В нее он вонзается, откладывает яйцо и извлекается. Личинка почти не ощущает легкого укола, которая продолжает есть и расти; однако из вставленного яйца вскоре вылупляется личинка ихневмона, которая начинает питаться жиром личинки осы, инстинктивно избегая жизненно важных частей, пока последняя не достигнет почти своего полного размера и не будет готова перейти в состояние куколки; когда же ее энергия иссякает, ей не удается завершить метаморфозу, коварный злоумышленник, теперь уже полностью выросший, занимает ее место и мало-помалу выходит из норы. идеальный Ихневмон.

Как часто восторженный молодой энтомолог испытывал горькое разочарование из-за паразитических привычек этих *ихневмонид*! Он раздобыл какую-то прекрасную гусеницу, большую редкость, и после долгих поисков в своем Вествуде или Стейнтоне совершенно

уверен, что это личинка какой-нибудь высоко ценимой бабочки. Он выясняет, что она питается листьями; которые она многообещающе ест; все идет обнадеживающе. Конечно, сейчас она не может быть далека от состояния куколки! Когда однажды утром он приходит в ужас, увидев вместо куколки множество грязных маленьких личинок, прогрызающих себе путь сквозь кожу его прекрасной гусеницы или покрывающих ее останки своими крошечными желтыми коконами.

Некоторые из этих паразитов настолько малы, что их детеныши вылупляются и выращиваются в *яйцах* других насекомых. Боннет обнаружил, что в яйце бабочки, которое само по себе не больше булавочной головки, обитало несколько незнакомых личинок; из двадцати таких яиц, по его словам, развилось "огромное количество" личинок.

Очень интересное племя насекомых, настолько отличающееся от всех других известных форм, что образует между собой отряд *Strepsiptera*, проводит свою молодость в телах некоторых диких пчел. Отчет мистера Кирби о его первом обнаружении одного из них, хотя и часто цитируемый, настолько интересен, что я должен процитировать его заново. "Ранее я наблюдал, - замечает он, - у пчел нечто, что я принял за разновидность клеща (*Acarus*), который, по-видимому, неподвижно закрепился как раз в выемках спинного сегмента брюшка. Наконец, обнаружив три или четыре на *Andræna nigroænea*, я решил не упускать возможности снять одну из них, чтобы изучить и описать; но каково же было мое изумление, когда, попытавшись извлечь ее булавкой, я извлек из тела пчелы белую мясистую личинку длиной в четверть дюйма, головку которой я принял за асагус (*пчелиную вошь*)! Осмотрев один экземпляр, я попытался извлечь второй; и читатель может представить, как сильно возросло мое изумление, когда, после того как я вытащил его совсем немного, я увидел, что его кожа лопнула, и черная, как чернила, голова с большими вытаращенными глазами и усиками, состоящими из двух веточек, вырвалась наружу и быстро задвигалась из стороны в сторону. Это было похоже на маленького чертенка тьмы, только что вышедшего из преисподней. Можно легко догадаться о моем стремлении освободить из заточения это необычное животное. В самом деле, мне не терпелось поближе познакомиться со столь необычным существом. Когда он был полностью отсоединен и я обезопасил его от побега, я решил изучить его как можно тщательнее; и после тщательного расследования я обнаружил, что получил неопишуемый предмет, сам класс которого казался сомнительным".

Мистер Ньюман в очень ценном эссе,[\[230\]](#) показал, что личинки этого племени насекомых рождаются живыми, что они прикрепляются к брюшкам диких пчел, устраиваются среди волос и что таким образом они попадают в пчелиное гнездо. Здесь несколько неясно, как они сохраняются поначалу, поскольку в это время личинки пчел еще не вылупились; вероятно, они остаются без пищи в течение нескольких дней или съедают часть запасенных пыльцы и меда. Однако, как только пчелиная личинка вылупляется, личинка стилоса претерпевает метаморфозу, сбрасывает свои шесть ножек и становится безногой личинкой; она прокалывает мягкую кожу пчелиной личинки и питается ее соками до достижения зрелости, подобно ихневмону на теле гусеницы.

Когда следующей весной появляется идеальная пчела, у нее появляются взрослые стилосы, выступающие из колец ее брюшка. Последний находится в куколке, все органы которой отчетливы и раздельны, но завернуты вместе и заключены в отдельные пленки; очень скоро он появляется, как описано Кирби, и ускользает, оставляя большую неприглядную полость в теле пчелы. Это самец: самка никогда не сбегает, но откладывает яйца на пчелу, в которой ее вырастили, а затем умирает.

Весной мы часто видим среди трав большого неуклюжего жука темно-сине-черного оттенка, с короткими надкрыльями и длинным тяжелым телом, который при прикосновении к нему выделяет капли желтой жидкости, и поэтому его называют масленкой (*Meloe proscarabæus*). Ранние стадии развития этого жука имеют большое сходство с таковыми у *стилопсов*. Жук откладывает несколько желтых яиц в ямку в земле; из них получаются маленькие подвижные шестиногие личинки, напоминающие вшей, которые заползают на верхушку одуванчика и других цветов на солнце и ждут визита пчелы. По прибытии одной из них активная личинка немедленно присасывается к ее телу и переносится в гнездо, однако не для того, чтобы паразитически внедриться в тело пчелиной личинки, а для того, чтобы питаться продуктами, которые пчела-родительница припасла для своих собственных детенышей. Таким образом, она становится очень толстой и вырастает до размеров, намного превышающих размеры взрослой пчелиной личинки, рано отбросив свои шесть длинных цепких ножек, которые, выполнив свою надлежащую функцию по ловле пчелы, больше не нужны. Осенью он превращается в идеального жука, всю зиму лежит в пчелином гнезде и выходит весной.

Крупные желеобразные медузы, которых летом можно увидеть плавающими у наших берегов, продвигаясь вперед за счет попеременных сокращений и расширений своего зонтика, часто кишат мелкими существами совершенно различной организации, ракообразными, принадлежащими к родам *Hyperia* и *Metoecus*. На прекрасной *Хрисаоре* южного побережья я видел *Metoecus medusarum*, маленькую креветку около полудюйма длиной, с огромными блестящими зелеными глазами, которая поселяется в полостях подзатыльника, обитая в них, как во многих просторных и удобных квартирах, которыми она завладевает, очевидно, не спрашивая разрешения у домовладельца и не делая ему комплимента в виде арендной платы в виде горошины перца. Здесь он уютно устраивается и чувствует себя настолько дома, что не боится время от времени покидать свое жилище, чтобы поплавать в свободной воде, возвращаясь в свою комнату после упражнений; и здесь он выращивает свое многочисленное семейство, которое в виде крошечных белых пятнышек, очень непохожих по форме на своих родителей, усеивает мембраны медузы.

Но что еще более странно, мистер Макреди недавно обнаружил в гавани Чарльстона в Северной Америке Медузу которая паразитирует на другой Медузе. *Cunina octonaria* не плавает свободно в воде, а обитает в полости колокольчика *Turritopsis nutricula*. "Последний не только служит убежищем и жилищем для личинок во время их развития; он также служит им кормилицей, позволяя паразитам, придерживаясь своими щупальцами, извлекать пищу изо рта с помощью большого хоботка. На самом деле, связь между ними носит настолько беспрецедентный характер, что автора вполне можно извинить за то, что он сначала принял наглого паразита за геммипаразитное потомство Медузы-покровительницы. Самое молодое состояние этой паразитической медузы, наблюдаемое автором, образовывало реснитчатое тело булавовидной формы, прикрепляющееся к полости колокольчика с помощью тонкой ножки, которой оно заканчивалось. Первое изменение заключается в выпуске из толстого конца двух тонких гибких щупалец и в образовании центральной полости путем разжижения. На этой стадии развития автор часто наблюдал геммацию, происходящую на более толстом конце, иногда часто повторяющуюся. Впоследствии количество щупалец удваивается. Они сгибаются вместе над ключичным концом и затем используются вместо тонкого конца тела для прикрепления к полости укрывающейся Медузы. Затем тонкая оконечность приобретает рот и может быть распознана как желудочная ножка, которая используется, как указано выше, для добывания пищи. Морфологическая природа хоботка становится еще более отчетливой, когда по

прошествии некоторого времени непосредственно под щупальцами появляется кольцевидная складка, которую можно узнать по ее форме и по образованию в ней (восьми) отолитовых капсул, как первый признак будущего колокола. Одновременно с отолитическими капсулами между четырьмя щупальцами появляются четыре рудиментарных щупальца. Медуза остается на этой стадии развития в течение длительного времени. Колокольчик постепенно развивается все свободнее и, наконец, благодаря сокращению и полному исчезновению брюшного стебля становится наиболее существенной частью Медузы после того, как она покинула свое прежнее обиталище в колокольчике *Turritopsis*. Колокольчик, тем не менее, сохраняет в течение некоторого времени свою более раннюю лопастную форму и неравные щупальца".[\[231\]](#)

Еще более примечательным, чем эта ассоциация, является тот факт, что некоторые настоящие Рыбы обычно обитают в желудках морских звезд. Это обстоятельство, которое наблюдали на Восточном архипелаге М. Куой и Гаймар, а также доктор Бликер, недавно было подтверждено доктором Долешаллом, написавшим об этом очень интересные мемуары.

Этот ученый натуралист утверждает, что факт связи между рыбой и морскими звездами хорошо известен большинству рыбаков Амбойны, и что ему удалось раздобыть достаточное количество образцов для исследования; но поскольку морские звезды (а вместе с ними и рыбы) быстро умирали в неволе, он не мог вести непрерывные наблюдения за ними в живом состоянии. О результатах своих наблюдений он резюмирует следующее:—

"Рыба находится к морской звезде в определенном отношении, которое не может быть объектом наблюдения. Почему маленькая рыбка всегда стремится попасть в желудок одного и того же вида морских звезд, а не в брюшную полость разных видов, остается загадкой. Хорошо известно, что ракообразные рода *Pagurus* населяют пустые раковины Mollusca; но мы находим на берегу один и тот же вид *Pagurus* в раковинах самых различных родов и видов.

"Я никогда не встречал *Oxybeles gracilis*, напротив, ни у каких других видов морских звезд, кроме *Culcita discoidea*. Рыба была описана Бликером под вышеупомянутым названием в "Natuurkundig Tijdschrift", vii., стр. 162. Автор продолжает утверждать, что ни он, ни кто-либо другой в Амбойне никогда не ловил рыбу при других обстоятельствах или во время свободного плавания в море; но на это доктор Бликер замечает, что многие из его экземпляров *Fierasfer Brandesii*, а также все экземпляры *Fierasfer (Oxybeles) gracilis* и *F. lumbricoides*, были получены им вместе с другими рыбами и, вероятно, были взяты во время свободного плавания в море.

"О повадках *Oxybeles gracilis* автор продолжает говорить, что несомненно, что это животное проводит большую часть своего существования в желудке морской звезды, редко показываясь за его пределами, да и то, вероятно, ночью. То, что это время от времени выходит наружу, явствует из того факта, что в двух случаях автор наблюдал рыбу, часть тела которой находилась вне полости морской звезды, и в момент заползания внутрь.

Те же наблюдения показали, что рыба, возвращаясь в свое укрытие, проходит по борозде на нижней поверхности одной из рук, ведущей ко рту морской звезды, которая достаточно широка, когда щупальца втянуты, чтобы оставить место для прохода тонкого тела *Oxybeles*. Этот факт также доказывает, что *Оксибелес* не попадает в желудок *Culcita* случайно.

"Если живую *Culcita* разрезать пополам, будет видно, как рыба свободно перемещается в полости своего тела. Если его вынуть, он немедленно ищет тень. Если две половинки *кульциты* (еще живые) поместить в воду, то вскоре будет видно, как рыба тянется к ним, чтобы забраться в полость морской звезды. Под воздействием света она становится беспокойной, и ее радужная оболочка чрезмерно сужается. Автор никогда не находил двух рыб в одной морской звезде.

"У большинства исследованных им рыб автор обнаружил пустой желудок; только у одной он был полон. Содержимое желудка имело вид комочка жира и состояло из полупереваренных мышц. Под микроскопом можно было обнаружить поперечно-полосатые мышечные волокна, и автор считает, что они принадлежали мышцам рыбы. Это обстоятельство доказывает, что *Oxybeles* не питается раковинами морских звезд, но что его питание аналогично питанию других рыб. Поедает ли он рыбу, добытую морской звездой, для собственного пропитания, должно быть определено дальнейшими исследованиями.

"Наблюдения автора устанавливают...

"1. Что *Oxybeles gracilis* не является настоящим паразитом.

2. Большую часть своей жизни он проводит в желудке *Culcita discoidea*, на что также указывает необычно бледный цвет рыбы.

3. Что, однако, оно может выходить либо в поисках пищи, либо с целью размножения.

"4. Что она возвращается в рот по борозде на брюшной поверхности рук.

"5. Что он очень чувствителен к свету.

"6. Что он питается другими животными.

"В пресной воде животные живут около получаса. Пигмент на брюшине демонстрирует под микроскопом самые красивые звездчатые формы. У рыбы есть плавательный пузырь".[\[232\]](#)

Встречаются некоторые очень любопытные случаи паразитизма, при которых один вид существ принуждает другое существо трудиться ради его особой пользы. Действительно, во всех случаях функции кормильца приносят пользу паразиту; но в тех случаях, на которые я ссылаюсь, рабство более специфично и более очевидно.

В Вест-Индии водится крупный вид крабов (*Dromia*), которые неизменно покрыты плотной массой губки. Обнаружено, что губка выросла таким образом, чтобы соответствовать каждому выступу и полости краба, точно так, как если бы на нее был нанесен пластиковый материал, однако она не прилипает к нему, а просто удерживается на месте самой задней парой лапок, которые у этого рода крабов повернуты вверх и, по-видимому, не служат никакой другой цели, кроме использования крючков для удержания губки *in situ*.

На наших берегах мы знакомы с крабами-отшельниками, использующими различные виды двустворчатых раковин в качестве жилищ для защиты своих более мягких задних частей; но во многих из этих случаев в сделке участвует третья сторона, которая работает исключительно в интересах краба. Раковина моллюска иногда покрыта своего рода мясистой многотипной массой (*Hydractinia echinata*), которая паразитирует на раковине. Панцирь, однако, также принадлежит активному крабу, и полип, по мере роста, формируется

на теле краба и, таким образом, увеличивает размеры его жилища, так что у него нет необходимости ни расширять свое жилище за счет поглощения части внутренней стенки раковины, ни покидать эту раковину и искать другую большего размера, как вынуждены делать другие раки-отшельники, у которых нет такого преимущества, как размещение товарища-жильца. "Можно понять, - говорит доктор Грей, - что у крабов может быть инстинкт искать раковины, на которых начал расти коралловый [полип]; но это вряд ли объясняет, почему мы никогда не находим [полип], кроме как на раковинах, в которых поселились раки-отшельники".[\[233\]](#)

Мелкие кольчатые черви и ракообразные нередко зарываются в каменистые стенки кораллов; но доктор Грей зафиксировал гораздо более редкий случай из коллекции Гилдинга. "Это расширенный коралл, который образует тонкую поверхность на вершине другого коралла и снабжен рядом маленьких, вдавленных горизонтальных футляров, открывающихся продолговатым ртом. Некоторые из них содержат внутри себя маленькое свободное ракообразное животное, *цимотоа*, которое почти соответствует данному случаю; и очевидно, что, перемещаясь взад-вперед по поверхности, они заставили коралловое животное сформировать один из таких футляров для защиты каждого экземпляра".[\[234\]](#)

Манера, в которой этот результат получен описана следующим образом—"животные, которые образуют их обитания в кораллах, кажется, начинают свое жилище таким же образом, как ракушки, упомянутым выше; они пользуются покладистый и мягкий характер животных, которые образуют кораллы, и т. д. и закрепиться в их тела, все они должны сделать, чтобы сохранить четкий проход в нем, либо перемещение вперед и назад, напряжение конечностей, или вход или выход воды, и из их тел, и в то время, как коралл, выделяемый животным, образуют стены вокруг них; но если, по какой-либо аварии, паразит животных не следует держать отрывок из коралловой поверхности тела животного ясно, какой она должна быть постоянно вынуждены делать, поскольку таким путем он добывает пищу, коралловое животное в очень короткое время закройте его и похоронить его заживо в массе коралловый; и это, судя по количеству этих животных, всех размеров и на разных стадиях роста, которые содержатся в веществе больших и массивных кораллов, часто должны происходить. Таким образом, итальянская романтика часто буквально воплощается в природе".

Некоторые птицы являются паразитическими в том смысле, что они вынуждают других птиц выполнять работу по насиживанию и воспитанию своих детенышей. Рея, или страус из Южной Америки, паразитирует на своем собственном виде; каждая самка откладывает по несколько яиц в гнезда нескольких других самок, а самец страуса берет на себя все заботы по высиживанию. Однако более знакомые примеры встречаются у нашей собственной кукушки и у птиц-ковбоев (*Molothrus pecoris* и *M. niger*) Северной и Южной Америки. "Они прикрепляются, - как заметил мистер Суэйнсон, - к другому живому животному, чье животное тепло дает жизнь их детенышам, чьей пищей они питаются и чья смерть привела бы к их детенышам в период младенчества".

Эта привычка, по крайней мере в случае европейской кукушки, настолько хорошо известна, что мне не нужно делать ничего большего, чем просто упомянуть о том факте, что самка ищет гнезда других насекомоядных птиц, всегда намного меньших, чем она сама, и откладывает свои собственные яйца, по одному яйцу в каждое; что это чужое яйцо высиживается приемной матерью со всей осторожностью, а молодая птица воспитывается

со всей нежностью, даже за счет своих собственных яиц и детенышей, которыми, как правило, жертвуют в ходе процесса. Каждый школьник знает эти факты, но, возможно, мало кто когда-либо подозревал о существовании романтического чувства любви и верности у маленькой птички по отношению к самой кукушке, побуждающего оказать требуемую услугу как желанную честь. И все же один натуралист сообщил мистеру Ярреллу некоторые факты, которые, несомненно, выглядят именно так; и поскольку они, несомненно, представляют собой саму романтику естественной истории, я привожу их, предоставляя моим читателям самим судить об их ценности.

"Поскольку вы внесли такой значительный вклад, - пишет мистер У. К. Ньюби из Стоктона, - в информирование и развлечение многочисленного круга читателей, проявляющих интерес к предметам естественной истории, я считаю своим долгом сначала сообщить вам о том, что кажется мне новым фактом в привычках и характере всеобщей любимицы кукушки.

"6-го числа мне принесли яйцо этой птицы, взятое из гнезда желтой овсянки, расположенного недалеко от этого города, и мальчик, которому досталось яйцо, дал следующий отчет, на который, я думаю, можно положиться. Осматривая птичьи гнезда в прошлую субботу, он нашел гнездо золотой спинки (местное название желтой овсянки) с только что вылупившимися птенцами. Посетив гнездо на следующий день, он спустил воду со старой птицы, увидев, что она сидит на нем, но все молодые птицы были исключены и лежали мертвыми рядом; и, к его удивлению, единственное яйцо — то, которое он принес мне, — заняло место молодого выводка. Он забрал яйцо (которое сейчас находится у меня), так что подтвердить это заявление в какой-либо степени невозможно. Вышеупомянутое обстоятельство было впервые упомянуто мне Томом Грином, хорошо известным персонажем и натуралистом в этом городе, которого я всегда считал точным в своих наблюдениях за птицами, и он направил меня к мальчику. На мое возражение Грину, что несчастный случай кажется невероятным, потому что неестественный и противоречит сильному родительскому инстинкту, он ответил: "Да, сэр, но маленькие птички сильно привязаны к кукушке; они будут очень рады за них"; и он рассказал следующий факт, который был им лично известен. Когда он с ружьем собирал птиц для набивки (сохранение животных было одним из его многочисленных ремесел), он выстрелил в кукушку и ранил ее, которая, пролетев некоторое расстояние, упала на изгородь с распростертыми крыльями: птица-сопровождающая, которой в данном случае была одна из пипиц, продолжила полет вслед за своим патроном после выстрела, и когда Грин приблизился, он обнаружил ее сидящей на теле мертвой кукушки.[\[235\]](#)

"Некоторые предполагали, что маленькие птички следуют за кукушкой ради досады, принимая ее за ястреба-перепелятника, чтобы публично уведомить о пирате за границей и предупредить всех мирных обитателей воздушного пространства об общей опасности. Но это явно не так, ибо полет и крики четко различают ощущения в этих двух случаях. За кукушкой наблюдают на расстоянии, молчаливо и почтительно; но в другом случае мы имеем дело с чем-то вроде шума и клича, поднятых, так сказать, против преступника, и которые передаются с места на место, если не к стыду, то по крайней мере к замешательству преступника.

"Кукушка, безусловно, у них в любимчиках; как говорит Грин, "они (мелкие птицы) сильно привязаны к ней"; но я предоставляю вам и другим натуралистам-философам определить, чему она обязана своим влиянием на своих паразитов: я довольствуюсь простым изложением интересного факта".

В привычках муравьев так много аналогий с этими кривляниями кукушки, что, хотя их и нельзя правильно назвать паразитами, подробности их поведения будут не совсем неуместны в завершении этой главы. Я имею в виду склонность, проявляемую определенными видами муравьев, делать рабами работников другого вида, уводя их в неволю и заставляя трудиться на благо мародеров. Как ни странно, параллель между работорговлей людей и формикан сохраняется до такой степени, что, насколько нам известно, похитители - красные или бледнокожие муравьи, а рабы, как и настоящие *негры*, черные.

Экспедиции по охоте на рабов планируются и выполняются с предельным мастерством и отвагой. "Когда красные муравьи собираются совершить мародерскую вылазку, они посылают разведчиков, чтобы выяснить точное местоположение, в котором может быть обнаружена колония негров; эти разведчики, обнаружив объект своих поисков, возвращаются в гнездо и сообщают о своем успехе. Вскоре после этого армия красных муравьев выступает вперед, возглавляемая авангардом, который постоянно меняется; особи, составляющие его, когда они немного продвинулись вперед перед основными силами, останавливаются, отходят в тыл и их заменяют другие: этот авангард состоит всего из восьми или десяти муравьев.

"Когда они приближаются к негритянской колонии, они расходятся, бродя по траве и выискивая добычу, как будто знают о близости объекта своих поисков, но не знают о его точном местонахождении. Наконец они обнаруживают поселение, и передовые из захватчиков, стремительно бросающихся в атаку, встречены, схвачены и часто убиты неграми, стоящими на страже; тревога быстро передается внутрь гнезда; негры совершают вылазки тысячами, и красные муравьи спешат на помощь, возникает отчаянный конфликт, который, однако, всегда заканчивается поражением негров, которые удаляются в самые укромные уголки своего жилища. Далее следует сцена грабежа; красные муравьи своими мощными жвалами разрывают стены негритянского муравейника и врываются в сердце цитадели. Через несколько минут каждый из захватчиков появляется, неся во рту куколку рабочего негра, которую он добыл, несмотря на бдительность и доблесть своих естественных охранников. Красные муравьи возвращаются в полном порядке в свое гнездо, неся с собой свою жизненную ношу. По прибытии в гнездо к куколкам, по-видимому, относятся точно как к своим собственным, и рабочие, когда они появляются на свет, выполняют различные обязанности сообщества с величайшей энергией и кажущейся доброй волей; они ремонтируют гнездо, роют ходы, собирают пищу, кормят личинок, выносят куколок на солнце и выполняют все, чего, по-видимому, требует благополучие

колонии; фактически, они ведут себя полностью так, как будто выполняют свое первоначальное предназначение ".[\[236\]](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ.

НА МОРСКОМ ЗМЕЕ.

Со времени публикации моей предыдущей книги, которая завершалась изучением доказательств существования этого неопознанного животного, моему вниманию были представлены два других важных свидетельства. Первое из них принадлежит офицеру с высокой литературной репутацией, консульскому представителю Великобритании, в последнее время проживающему в Бостоне, Соединенные Штаты, который следующим образом дает свое личное свидетельство и свидетельство своей супруги о появлении чудовища:

"Воскресным днем в середине августа более сотни человек, находившихся в то время в отеле и около него, были приглашены наблюдать необычное явление в море, недалеко от берега. Большие косяки мелкой рыбы в большом волнении устремлялись к берегу, выпрыгивая из воды, давя друг на друга и демонстрируя все обычные признаки бегства от преследования какого-то злого врага. Я уже не раз замечал это явление со скал, но в незначительной степени; и в этих случаях я всегда мог различить акулу, чьи опустошительные действия среди "мангайденов" были причиной такой тревоги. Но конкретный случай, о котором идет речь, сильно отличался от этих. Вскоре стал виден преследователь убегающих косяков; и то, что это было огромное морское чудовище, вытянувшееся в длину, значительно превышающую размеры обычной рыбы, было очевидно всем наблюдателям. Короче говоря, ни у кого не было никаких сомнений в том, что это морской змей или один из видов, к которому принадлежало животное или животные, столь часто встречавшиеся ранее. Расстояние, с которого этот объект был виден в течение десяти минут или четверти часа, не позволяло дать настолько точное описание его видимых размеров, чтобы убедить скептиков. Для нас, ставших свидетелями этого, этого было достаточно, чтобы убедиться, что все это было реальностью. Но один из зрителей, доктор Амос Бинни, джентльмен с научными достижениями, составил подробный отчет об этом, который хранится в архиве одного из философских обществ Бостона. Я был и остаюсь вполне доволен тем, что в этот раз у меня сложилось частичное и расплывчатое, но положительное представление об этом знаменитом невзрачном человеке. Но если бы у меня оставалось хоть малейшее сомнение, оно было бы полностью развеяно событием следующего дня за только что описанным. В тот день, незадолго до полудня, моя жена, по своему обыкновению, сидела и читала на верхней веранде отеля. Она была одна. Джентльмены, включая меня и моего сына, как обычно, отсутствовали в Бостоне, а дамы разбрелись в разные стороны. Ее напугал крик из дома: "Морской змей! Морской змей!" Но это было так часто, в виде шутки, после событий предыдущего дня и было так похоже на "Волк, волк!" из басни, что на мгновение или два это не привлекло ее особого внимания, пока она не заметила двух женщин, принадлежащих к семье владельца гостиницы, бегущих по площади к ближайшему к морю углу, с изумлением в глазах и криком "Змей, змей!" Он поворачивается, он поворачивается!" - спонтанно срывается с их губ. Затем моя жена

устредила взгляд в том направлении, в котором они бежали; и действительно, она увидела, по-видимому, совсем близко за линией, образованной возвышенностью над скалами, огромную змею, грациозно скользящую по волнам, очевидно, совершив разворот. В одно мгновение оно вытянулось по прямой, быстро продвигаясь вперед; и после того, как в течение пары минут оно плыло вдоль северо-западного фасада отеля и (настолько точно, насколько мог подсчитать изумленный наблюдатель) растянулось в воде во всю длину площади, то есть примерно на девяносто футов, оно тихо ушло под воду, и его больше не было видно.

"Человек, которому посчастливилось получить этот беспрепятственный вид, настолько не склонен поддаваться какому—либо воображаемому порыву, что я принимаю ее заявление за чистую монету с такой же уверенностью, как если бы мои собственные глаза убедились в его правдивости". - *"Цивилизованная Америка" Граттана*, стр. 39.

Второе свидетельство содержится в следующем сообщении, которым меня удостоил мистер Кейв:

Уилтон-Плейс, 35, WILTON PLACE, 29 апреля 1861 г..

Сэр, прочитав ваш интересный "Роман о естественной истории", мне пришло в голову, что я мог бы привести некоторые подтверждающие доказательства существования морского змея. Просмотрев свои старые дневники, я обнаружил, что это было проще, чем я себе представлял; но, как бы то ни было, я привожу это почти дословно из своего дневника.

Я был на Ямайке через год после вас и часто сожалел, что мы не были там вместе, поскольку я мог бы показать вам те части острова, которые вы пропустили, и, возможно, стал причиной написания еще нескольких страниц в вашем очень приятном журнале тамошнего натуралиста.—Поверь мне, искренне твой,

СТИВЕН КЕЙВ,
член парламента от Шорхэма.

Филип Х. Госсе, эсквайр

Выдержка из дневника, написанного во время путешествия в Вест-Индию в 1846 году.

Четверг, 10 декабря.— У берегов Мадейры, на борту парохода "Темза". "Познакомился с капитаном датского военно-морского флота Кристмасом, владельцем в Санта-Крусе и занимающим какую-то должность при датском дворе. Он рассказал мне, что однажды видел морского змея между Исландией и Фарерскими островами. Он лежал в штормовом ветре на фрегате, которым командовал, когда огромная стая морских свиней промчалась мимо корабля, словно преследуемая; и, о чудо! существо с шеей,двигающейся, как у лебедя, толщиной примерно с поясицу человека, с головой, как у лошади, медленно и грациозно поднялось из глубины и, увидев корабль, немедленно исчезло снова, головой вперед, как ныряющая утка. Он видел это всего несколько секунд; часть над водой казалась около 18 футов в длину. Он на редкость умный человек и ни в коем случае не из тех, кто позволяет своему воображению разыграться".

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[1] Смотрите мой *Omphalos,—passim.*

[2] Постепенное, но постоянное поднятие дна Балтийского моря и опускание дна Тихого океана являются примерами в больших масштабах.

[3] Gen . x. 5.

[4] Хламидотерий, Эвриодон, Глоссотерий, и др.

[5] Оуэн *О Милодоне.*

[6] Возможно, самый полный и великолепный скелет этого животного, когда-либо обнаруженный, был эксгумирован в 1849 году в Киллоуэне, в Колорадо Уэксфорд. Он был погребен *всего на четыре фута ниже поверхности*, между формой для овощей и пластичной глиной. Корни черной ивы и немецкого тростника обвилились вокруг костей, и на той же грядке были найдены семена, которые, как выяснилось, принадлежали дикой капусте. Размеры скелета были следующими: — Рост $12\frac{1}{2}$ футов до кончиков рогов, 7 футов до верха таза; ширина рогов 11 футов по хорде или 13 футов 6 дюймов по изгибу; роговая ладонь 2 фута 7 дюймов в длину и 1 фут 5 дюймов в ширину, некоторые выступы 2 фута 6 дюймов в длину; лицо 1 фут $10\frac{1}{2}$ дюймов в длину.

[7] *Анналы нац. История.* xv.

[8] *История. Животные,* xvi. 17.

[9] *Nat. История.* ix. 10.

[10] *О мамонте или ископаемом слоне и др.* Лондон, 1819г.

[11] *Свидетельство скал,* стр. 97.

[12] См. том i, стр. 361, *выше.*

[13] Latrobe's *Мексика,* стр. 192.

[14] *Nat. Путешествие,* ч. v.

[15] *Nat. Voy.* ch. viii.

[16] *Компмс Рендус,* 27 января 1851г.

[17] *Процесс. Зоол. Соч.,* 27 января 1852 г.

[18] "The Колибри". Довольно расплывчатый способ зоолога говорить о роде, насчитывающем более трехсот видов, различающихся по размерам от ласточки до скромной пчелы. Но, вероятно, он имеет в виду один из мельчайших видов.

[19] *Процесс. Зоол. Соч.,* 7 ноября 1850 г.

[20] В *Times* от 21 февраля 1861г.

[21] *Процедура. Соч.,* X. xxxv. 50.

[22] *Там же.* IX. xxix. 133.

[23] Поскольку сравнительно немногие читатели, и особенно критики, возьмут на себя труд выяснить, что на самом деле имеет в виду автор, если он попытается аргументировать, обычно предполагая, что он доказывает что-то иное, чем

утверждает сам, возможно, необходимо сказать, что я не касаюсь вопроса о времени, необходимом для образования слоистых пород в целом, а исключительно для образования отложений более позднего третичного периода.

[24] *Аналитические отчеты*, автор Arjohn.

[25] Олень *На ископаемом олене*.

[26] *Зоолог*, за 1846 год: Предисловие, стр. 10.

[27] Мистер Ньюман, указ. соч. х.

[28] *Файл*.— Согласно О'Рейли, это слово означает "дикий мужчина или женщина, живущий в лесу", — маньяк. Однако это могло быть образно применено к какому-нибудь очень свирепому или неукротимому существу, будь то четвероногое или птица, обитавшее в лесу. Но поскольку *Simiae*, или племя обезьян, вряд ли когда-либо населяло столь холодную местность, можно было бы усмотреть в этом термине чрезвычайно подходящее выражение для обозначения "дикого лесного человека". (Примечание переводчика.)

Но я осмелюсь напомнить читателю, что в Британии в ту самую эпоху Гигантских оленей и многих других ныне существующих животных водилась настоящая обезьяна. Я имею в виду *Macacus pliocænus* (Owen) из пресноводных отложений. Разве не возможно, что *Гейлт* из Ирландии, животное, впервые названное в стихотворении, могло принадлежать к этому виду? *Макаки* все еще обитают в Европе, хотя слоны и гиппопотамы давно покинули нас.

[29] *Гриб*.—Вероятно, Скопа.

[30] Эти Дикие быки достойны внимания.

[31] в *Toghtmall* был птицу держат в качестве домашнего животного. "Когда Кухулин запустил камнем в королеву Мив, он убил Тохмалла, который сидел у нее на плече".

[32] *Ruilech*.—Неизвестно.

[33] *Загвоздка*.— Вероятно, журавль или кто-то из племени Цапель.

[34] *Эчтах*.—Из легенды, связанной с местностью, есть вероятность, что это была особая порода рогатого скота.

[35] *Дренн*.— Наверное, Крапивник.

[36] *Каинче*.—Неизвестно.

[37] .—Неизвестно.

[38] *Кричаран*.— Возможно, Белка или Куница.

[39] Мистер Карри говорит: "В словарях *Ormchre* - это термин, обозначающий леопарда, но это животное не существовало в Ирландии". Но пещеры Британии свидетельствуют о том, что очень грозные *кошачьи* бродили здесь в позднюю третичную эпоху.

[40] *Riabhog*. "Служанка кукушки", маленькая птичка, до сих пор называется так на западе Ирландии. В Англии эту должность занимает кривошея (*Юнкс торквилла*), а также в Уэльсе, где на Вымпеле написано, что она называется *Гвас и гог*, что означает то же самое.

[41] *Торфяники*.—Предположительно, это зайчата.

[42] В чем разница между дикими кабанами и дикими свиньями? Выкуп также должен был состоять из самца и самки каждого вида *диких животных*.

[43] *Ферейдин*.—Неизвестно.

[44] См. примечание [42] *выше*.

[45] *Иаронн*.—Неизвестно.

[46] *Geisechtachs*.— "Крикуны"; - возможно, павлины. Но вероятно ли, что павлин и фазан (см. *выше*) были завезены с Востока так рано?

[47] *Бруачаран*.—Неизвестно.

[48] *Naescan*.— Возможно, имеется в виду Бекас.

[49] Термин *Спиреог* все еще используется в упомянутой местности и обозначает ястреба-перепелятника. Однако в нем есть что-то от саксонского звучания.

[50] *Sgreachóg*.—Предположительно, сова-визгун; или сойка.

[51] *Гейлт Глинн*.—См. Примечание [28] на стр. 58.

[52] *Ончу* упоминался ранее. См. Примечание [39] на стр. 59. В период плиоцена существовало несколько родственных кошачьих. Может ли это слово относиться к двум из них, носящим одно и то же название, но отличающимся термином *флот*?

[53] "Свиньи"! Это уже в четвертый раз. "Дикие свиньи, кабаны, Свиньи и все же свиньи". Из того внимания, которое, таким образом, уделяется хрюкающей расе в "выкупе", возникает соблазн заключить, что "тогда, как и сейчас, за все заплатила Свинья"!

[54] Мистер Уайльд в интересной статье "О неразработанных останках животных, принадлежащих Королевской ирландской академии", прочитанной перед Академией 9 и 25 мая 1859 г., которой я обязан предыдущим стихотворением, цитирует следующую легенду, которую мы могли бы отнести к *Мегацеросу*, но он, по—видимому, считает рассматриваемое животное благородным оленем: "В другой раз святой Патрик и его свита с Кайлте были убиты". Макронен пришел в дом богатого землевладельца, который жил в южной части нынешнего графства Килдэр, недалеко от реки Слейни. Фермер пожаловался Кайлте, что, хотя он каждый год сеял большое количество кукурузы, это не приносило ему прибыли из-за *огромного дикого Оленя*, который каждый год пересекал Слэни с запада, когда кукуруза созрела для срезки, и, проносясь по ней во всех направлениях, топтал ее ногами. Кайлте взялась сменить его, и он послал в Мюнстер за семью сетями для ловли оленей, которые прибыли в назначенное время. Затем он вышел и расставил своих людей и гончих на тропах, по которым привык проходить большой олень, и он расставил свои сети для ловли оленей на утесах, перевалах и реках вокруг, и когда он увидел животное, приближающееся к Броду Благородного Оленя на реке Слэни, он взял свое копье и метнул в него удачный бросок, вонзив его на длину человеческой руки в противоположный берег; и с тех пор "Красный брод Большого Оленя" - это название того перевала на Слэни; и они привели его обратно в Дром Летан, или Дром-Летан. "Широкий холм", который называется "Широкий холм Великого Дикого Оленя".

[55] Редактор "The Indian Field"; в "Зоологе", стр. 6427.

[56] В валлийских "Триадах", составленных предположительно в седьмом веке, говорится, что "кимры, кельтское племя, впервые заселили Британию; до них здесь не было людей, а только медведи, волки, бобры и быки с высоким ростом". Были ли это Бизоны?

[57] См. том i, 203, *выше*.

[58] Это тем более интересно, что включает в себя *Urus*, а также "*Schelch*", последнее, хотя значение слова не определено, некоторые склонны отождествлять с Гигантским оленем Ирландии.

[59] См. примечание [56] на стр. 68.

[60] M.S. Н. ii. 13.

[61] *Журнал Блэкуда*, январь 1849 года.

[62] "Путешествия", 4-е изд., 1677.

[63] Рукопись Слоуна, № 1839.

[64] *Зоолог*, стр. 4298.

[65] *Британские птицы*, iii. 477, (изд. 2.)

[66] Доктор Чарльстон, в пер. Тайнсайд, нац. *История. Соц.*

[67] *Nat. Вой*, гл. ix.

[68] Лекция; опубликована в "*Атенеуме*" за 21 мая 1859 года.

[69] *Нац. Путешествие*, глава viii.

[70] *Журнал. Nat. История*, ii. 322.

[71] Из *Times* от 24 января 1861 года.

[72] *Oscillatoria* - род растений; это микроскопическая водоросль проволочковидной формы, принадлежащая к семейству больших конфервоидных, обладающая замечательной особенностью самопроизвольного и, по-видимому, произвольного движения.

[73] Альпеншток *Латробра*, стр. 12.

[74] Seemann's *Панамский перешеек*.

[75] Я в долгу за эту заметку преподобному Леонарду Дженинсу. Смотрите его издание книги Уайта "*Селборн*" (1843), стр. 66.

[76] *Зоолог*, стр. 6541, 6564.

[77] *Цейлон*, i. 211.

[78] *Журнал. Asiat. Сок. Бенгалия*, vi. 465.

[79] *Брит. Рыбы*, i. xxvii. Задолго до этого Аристотель дал то же объяснение.

[80] *De Pisc. в siceo degent*.

[81] *О рыбах*.

[82] *Сиам*, i. 144.

[83] *Наб. Сиам*, i. 10.

[84] *Рыбы Гвианы*, i. 113.

[85] *Анналы Нью-Йорка*, май 1853 г..

[86] Tennent's *Цейлон*, ii. 498.

[87] *Геогр. и классификация животных*, 249.

- [88] *Египет и Мехемет Али*, ii. стр. 322.
- [89] *Япония и ее народ*, стр. 193.
- [90] См. *Шетландские острова* Хибберта, стр. 566.
- [91] Miss Sinclair's *острова*.
- [92] Примечания к "*Властелину островов*".
- [93] *Хадсон Мореплаватель*, автор Ашер, Война ii.
- [94] *Путешествие к Южному полюсу*, стр. 143.
- [95] Нац.Понтоппидана. *История. Норвегии*, стр. 154.
- [96] *Эдинбургский журнал*, том. xiii.
- [97] Bell's Brit. Penm. (1839), 112.
- [98] *Зоолог*, 614.
- [99] *Зоол.*, 1879.
- [100] *Зоол.*, 3632.
- [101] *Зоол.*, 3808.
- [102] *Зоол.*, 3848.
- [103] *Зоол.*, 3904.
- [104] *Зоол.*, 5959.
- [105] *Зоол.*, 6537.
- [106] *Там же.*, 6565.
- [107] Настольная книга *Бордерера* Ричардсона, iii. 92.....
- [108] *Зоол.*, 3266.
- [109] *Зоол.*, 6941.
- [110] *Зоол.*, 613.
- [111] См. страницу [183](#), ante.
- [112] *Зоол.*, 4245.
- [113] *Физика. Теол.*, vii., Примечание d.
- [114] *Règne Anim.*, (Ред. Гриффита), vii. 61.
- [115] *Фил. Пер.*, 1763.
- [116] *Буква х.*
- [117] *Семья Стэнли. История птиц*, стр. 263.

- [118] *Един. Journ.*, viii.
- [119] На британском языке Пеннанта. Зоол.
- [120] *Брит. Зоол.*, Приложение.
- [121] Зоол., 1136.
- [122] Там же, 2302.
- [123] Зоол., 2590.
- [124] Буква xxxviii.
- [125] Там же. xii.
- [126] Там же. xi.
- [127] Там же. xxxi.
- [128] *Письмо* xxiii.
- [129] *Орн. Диктант.*, Введение., xxvii.
- [130] Зоол., 5364.
- [131] *Брит. Птицы*, ii. 264.
- [132] Зоол., 2455.
- [133] Там же, 565.
- [134] Там же, 3753.
- [135] Зоол., 4945.
- [136] Там же, 4945.
- [137] Зоол., 4995.
- [138] Там же. 1639.
- [139] *Письмо* xviii, 2-я сер.
- [140] Зоол., 565.
- [141] *Указ. соч.*; том ii. стр. 40.
- [142] *Брит. Представитель.*, 51.
- [143] *Реппу Суслор.*, xxvi. 348.
- [144] Журнал Лаудона. Нац. История. за 1837 год, стр. 441.
- [145] Зоол., 2305.
- [146] Там же, 2355.
- [147] Зоол., 7278.

[\[148\]](#) *Плен у индейцев.*

[\[149\]](#) *Зоол.*, 2269.

[\[150\]](#) *Вступление. à l'Entom.*, ii. 143.

[\[151\]](#) *Указ. соч.*, viii. 163.

[\[152\]](#) *Вествуд Мод. Классификация. Ins.*, ii. 430.

[\[153\]](#) *Вступление. к Энтому. Латинский.* xxv.

[\[154\]](#) *Журнал. Нац. История.*, Новая сер., i. 353.

[\[155\]](#) Там же, i. 553.

[\[156\]](#) Доктор Буадуваль одним жарким июньским вечером обнаружил на траве гусениц, излучавших фосфоресцирующий свет; он подумал, что это гусеницы *Mamestra oleracca*— одной из самых распространенных наших ночных бабочек, — но они казались крупнее обычных; и то ли из—за отсутствия ухода при выращивании, то ли из—за болезни, которая, возможно, действительно была причиной их свечения, - ни одна из них не достигла такого размера, как обычная. состояние куколки, и поэтому вид не был окончательно определен.

[\[157\]](#) *Вступление. в Энтом., лок. цит. по*

[\[158\]](#) *Ускорено. в глубь Бразилии.*

[\[159\]](#) *Теннент, Цейлон*, ii. 226.

[\[160\]](#) Вероятно, нам следует читать "диаметр" вместо "окружности". Паук, ноги которого покрывают площадь в шесть дюймов *в окружности*, ни в коем случае не редкость даже в Англии.

[\[161\]](#) *Журнал. Asiat. Соч.*

[\[162\]](#) *Процедура. Энтом. Соч.*, 1 ноября 1852 г.

[\[163\]](#) *Процедура. Энтомол. Соч.*, 2 июля 1855 г.

[\[164\]](#) *Питер Пилигрим.*

[\[165\]](#) *История. из Каролины.*

[\[166\]](#) *Профессор. Академик.*

[\[167\]](#) *История. из Каролины.*

[\[168\]](#) *Дагомея и дагоманцы.*

[\[169\]](#) *Визиты на Мадагаскар*, 231.

[\[170\]](#) *Зоология Южной Африки—Рептилии.*

[\[171\]](#) *Oiseaux d'Afrique.*

[\[172\]](#) *Газета Таймс*", 9 ноября 1852г.

[\[173\]](#) *Зоолог*, 7273.

[\[174\]](#) *Зоолог*, 7382.

[175] Цитируется в *Zoologist*, 2397.

[176] *Рис. Музей*, ii. 107.

[177] *Рептилии*, (Rel. Tr. Soc.,) 206.

[178] *Бенгальский спортивный журнал*. за октябрь 1836 г.; цитируется в *Zoologist*, 5070.

[179] *Зоол.*, 5214.

[180] *Зоол.*, 7273.

[181] *Зоол.* 4049, 4050.

[182] *Путешествия*, 144.

[183] Псалом lviii. 4, 5.

[184] Иер. viii. 17.

[185] Это тубероза, лилейное растение, которое так часто выращивают в наших оранжереях. Обычно утверждается, что это растение родом из Ост-Индии, но то, о котором говорит Чуди, с перуанским названием, безусловно, должно быть местным растением этой страны.

[186] Род *Mikania* из Уилденоу является одним из цветковых *сложноцветных*. *M. guaco* Гумбольдт упоминает под названием *Vijuso del Guaco*, что он высоко ценится в Южной Америке как ценное противоядие от укусов змей. "Гуако" и "хуако" - это одно и то же слово, интенсивность придыхания у разных народов разная. Сила этой *Микании* отрицается Хэнкоком в самых положительных выражениях, который подозревает, что настоящим противоядием от гуако является какая-то *Аристолохия*. Слово "виджуко" или "Вејусо" в Тропической Америке обозначает любое вьющееся растение и эквивалентно нашему флористическому слову "лиана".

Евпаториум аяпана, относящийся к тому же отряду, что и *Микания*, является ценным средством от яда ядовитых змей. Для этой цели его используют в Бразилии. Некоторое количество измельченных листьев, которые следует часто менять, накладывают на рубцовую рану, и время от времени пациенту дают несколько ложек отжатого сока, пока не будет обнаружено, что симптомы исчезли, особенно ужасное беспокойство, которое возникает при ранах ядовитых рептилий. *E. perfoliatum* оказывает очень похожее действие, и *Mikania opifera* применяется таким же образом. — (*Lindley's Veg. Kingd.*, стр. 707.) Эти факты, как правило, подтверждают правоту Чуди и Гумбольдта в отношении Хэнкока.

[187] *Кампании и круизы в Венесуэле*, том i, стр. 43.

[188] *Дагомей и дагоманцы*.

[189] Некоторые из *аристолохий* - растений, обычно имеющих очень горький вкус и сильный, острый, неприятный запах, — являются ценными алексифармическими препаратами. Есть растение, очень распространенное на Ямайке, где оно называется змеевидка, вьющееся по каменным заборам, которое, как я подозреваю, является *аристолохией* и, возможно, *A. trilobata*; оно используется как внезапное и сильное потогонное средство и как противоядие от укусов змей в других странах, поскольку на Ямайке нет ядовитых рептилий. *A. anguicida* из Карталены описан Жакином как смертельный для змей. Он говорит, что сок корня, разжеванный и введенный в рот змеи, настолько одурманивает ее, что с ним можно долгое время обращаться безнаказанно: если рептилию заставить проглотить несколько капель, она погибает в конвульсиях. Корень также считается противоядием от укусов змей. "Весьма примечательно, - отмечает доктор Линдли, - что способность одурманивать змей, приписываемая в Карталене *Aristolochia anguicida*, следует также приписывать *A. pallida*, *longa*, *bætica*, *sempervirens* и *rotunda*; говорят, что это растения, которыми египетские жонглеры одурманивали змей, с которыми они играли".

[190] *Цейлон*, i., 147.

- [191] "О повадках гадюки в Силезии": Зоолог, стр. 829.
- [192] Трав. к истокам Нила, *passim*.
- [193] Путешествует по Леванту, *passim*.
- [194] Discov. в Африке, ii., стр. 292.
- [195] Фарсалия Лукана.
- [196] Ind. Полевые виды спорта.
- [197] Мод. Египтяне.
- [198] Зоол., 6400.
- [199] Красоты христианства.
- [200] Записная книжка натуралиста, 202.
- [201] "Сцены и спорт" Нейпира, том ii., стр. 227.
- [202] Tennent's Цейлон.
- [203] Rev. v. 11.
- [204] "Путешествие Эдвардса вверх по Амазонке", 194.
- [205] Путешествия по Амазонке и Негро, 222.
- [206] Вой. à la Nouv. Guinée.
- [207] Амер. Орнит.
- [208] Вой Эдвардса. вверх по Амазонке, 143.
- [209] Марциал, xiii. 72.
- [210] Виндзорский лес.
- [211] Смотрите Хорошие слова за апрель 1861 года.
- [212] Вордсворт.
- [213] Странствия в Северном Уэльсе с., ii. 43.
- [214] Зоол., 3060.
- [215] Лоус Саравак, 87.
- [216] Tennent's Цейлон, i. 250.
- [217] Ellis's Visit to Madagascar, 313.,
- [218] Nat. Voyage, ch. xviii.
- [219] Пеппиг.—ноябрь. Генерал и спец., i. 54.
- [220] Сертовая орхидея Лундли.; стр. xxvi.

[\[221\]](#) *Гимал. Журнал.*, ii. 58.

[\[222\]](#) *Гимал. Дневники*, i. 126.

[\[223\]](#) Лоус Саравак, 65.

[\[224\]](#) Автор этим термином, несомненно, намекает на метелки или головки, *составленные* из множества отдельных цветков; поскольку растение принадлежит не к отряду *Сложноцветных*, а к *Байтнериевым*.

[\[225\]](#) Ellis's *Мадагаскар*, стр. 390.

[\[226\]](#) Ellis's *Visits to Madagascar*, 57.,

[\[227\]](#) Аткинсоновская *Сибирь*, 472.

[\[228\]](#) Рейнвардт.

[\[229\]](#) Tennent's *Цейлон*, i. 104.

[\[230\]](#) "Родство стилопитов", в *Зоол.*, 1792.

[\[231\]](#) Wiegmann's *Archiv.*, 1860, *Bericht*, p. 169.

[\[232\]](#) *Ann. Nat. История.* за апрель 1861 года.

[\[233\]](#) *Зоол.*, 204.

[\[234\]](#) *Там же.*, 205.

[\[235\]](#) *Зоол.*, 2589.

[\[236\]](#) Ньюман, *История. о насекомых*, 50.

"БАЛЛАНТАЙН И КОМПАНИЯ", ТИПОГРАФИЯ, ЭДИНБУРГ.

Автор тот же.

Первая серия. Третье издание, пост 8во, 7с. 6д. ткань,

РОМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВОЛЬФА.

Содержание.

I.	ВРЕМЕНА	И	СЕЗОНЫ.
II.			ГАРМОНИИ.
III.			РАСХОЖДЕНИЯ.
IV.	MULTUM	Е	PARVO.
V.			НЕОБЪЯТНОЕ.
VI.			МИНУТА.
VII.			ДОСТОПАМЯТНЫЙ.
VIII.			ОТШЕЛЬНИК.
IX.			ДИКИЙ.
X.			УЖАСНЫЙ.
XI.			НЕИЗВЕСТНОЕ.
XII.	ВЕЛИКОЕ		НЕИЗВЕСТНОЕ.

"Это очаровательная книга.... Каждый любитель природы, каждый ценитель чудесного, каждая ценительница прекрасного, каждая душа, способная ощутить очарование истинной поэзии, должна быть глубоко благодарна мистеру Госсе за интеллектуальное угощение высочайшего порядка.... Этот "Роман о естественной истории" станет одной из лучших подарочных книг, которые можно приобрести на Рождество и Новый год". -*Daily News*.

Корона 8во, 5с. ткань,

ЖИЗНЬ В ЕЕ НИЗШИХ, ПРОМЕЖУТОЧНЫХ И ВЫСШИХ ФОРМАХ:

ИлиПРОЯВЛЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ МУДРОСТИ В ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХ.

Автор П. Х. ГОССЕ, Ф.Р.С.

Комплект в 4-х экземплярах, заводная головка 8в, ткань 16с. позолоченная,

НАША ХРИСТИАНСКАЯ КЛАССИКА:

ЧТЕНИЯ ЛУЧШИХ БОГОСЛОВОВ.

ДЖЕЙМС ГАМИЛЬТОН, доктор медицинских наук

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛОРДУ ЕПИСКОПУ ЛОНДОНА.

Цель этой серии, охватывающей период от Реформации до конца восемнадцатого века, состоит в том, чтобы дать читателю исчерпывающее представление о той очень разнообразной и благородной христианской литературе, благодаря которой наша страна прославилась среди всех остальных, с биографическими и критическими заметками о наиболее выдающихся авторах.

**В комплекте 6 томов, крона 8 штук, цена 1, 4 фунта
стерлингов в ткани,**

ЭКСЕЛЬСИОР:

ПОМОГАЕТ ПРОГРЕССИРОВАТЬ В РЕЛИГИИ, НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАНО АККУРАТНЫМИ РИСУНКАМИ НА ДЕРЕВЕ.

Поскольку, помимо непрерывных статей по таким предметам, как зоология, метеорология, британское горное дело, изобразительное искусство, строение человека, история церкви, английские литераторы и т.д., эти тома содержат многочисленные материалы по разделам биографии, приключений и дорожных происшествий, полезных искусств, сказок, поэзии, литературной критики, свидетельств из Священных Писаний и христианской этики, считается, что они будут желанным приобретением для тех, кто в поисках развлечений не упускает из виду обучение. Особенно почтительно представляется, что, сочетая такое количество надежной информации с живостью сборника, они нашли бы подходящее место в книжном шкафу классной комнаты и в деревенской библиотеке, а также на полке у камина в гостиной.

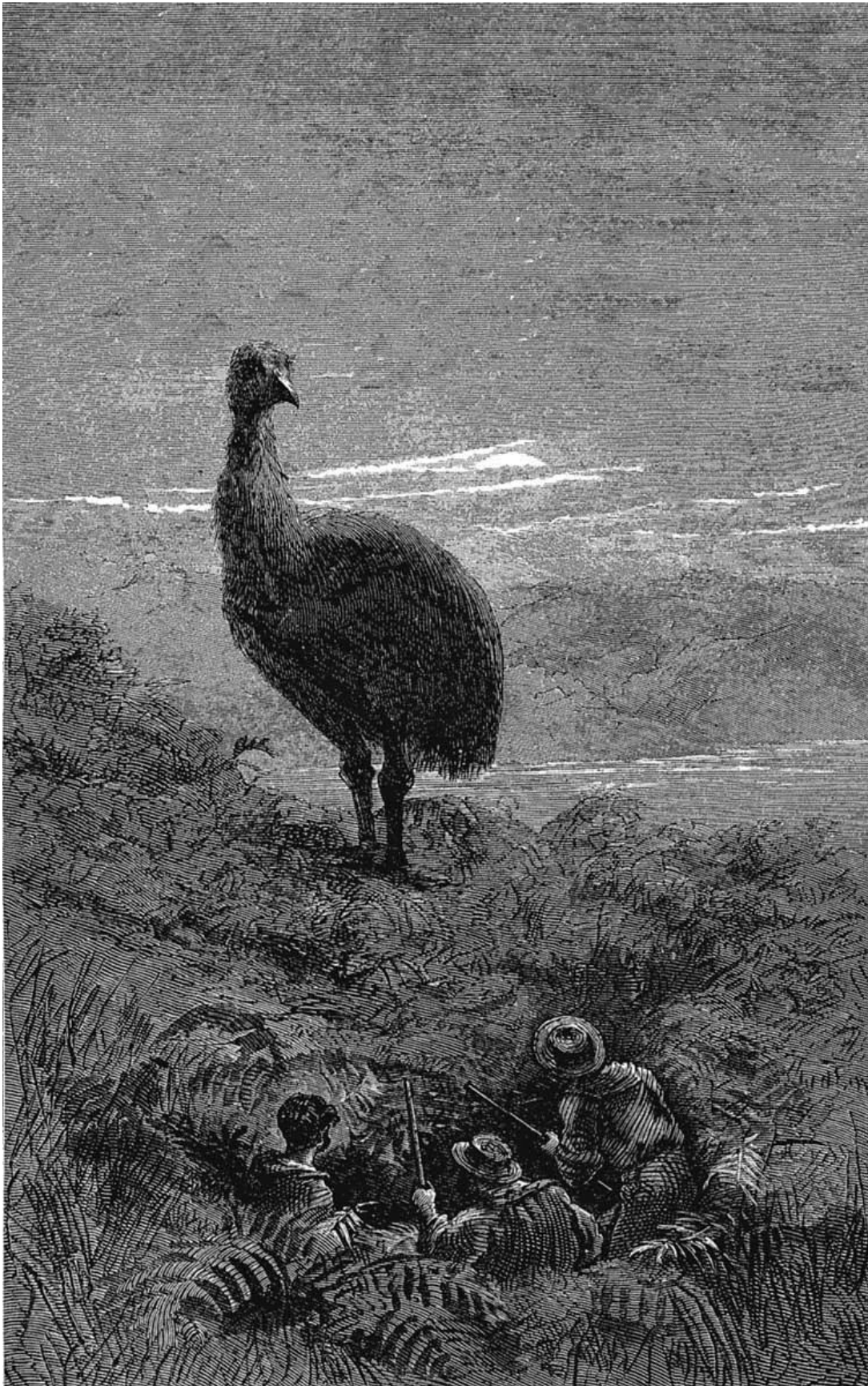
ЛОНДОН: ДЖЕЙМС НИСБЕТ И КОМПАНИЯ, БЕРНЕРС-СТРИТ.

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки. Все остальные несоответствия приведены в оригинале. Сохранена авторская орфография.



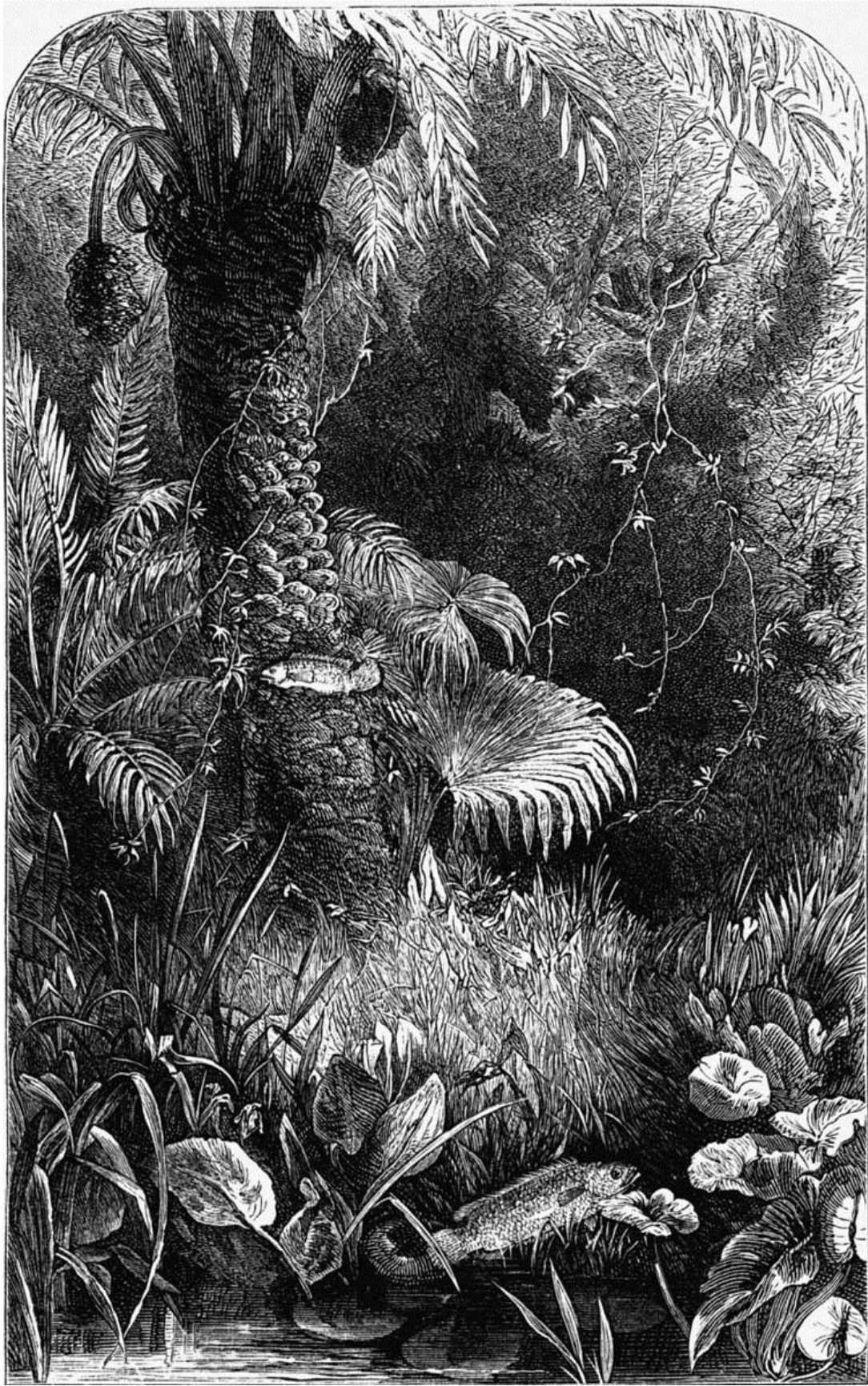
[back](#)



[back](#)



[back](#)



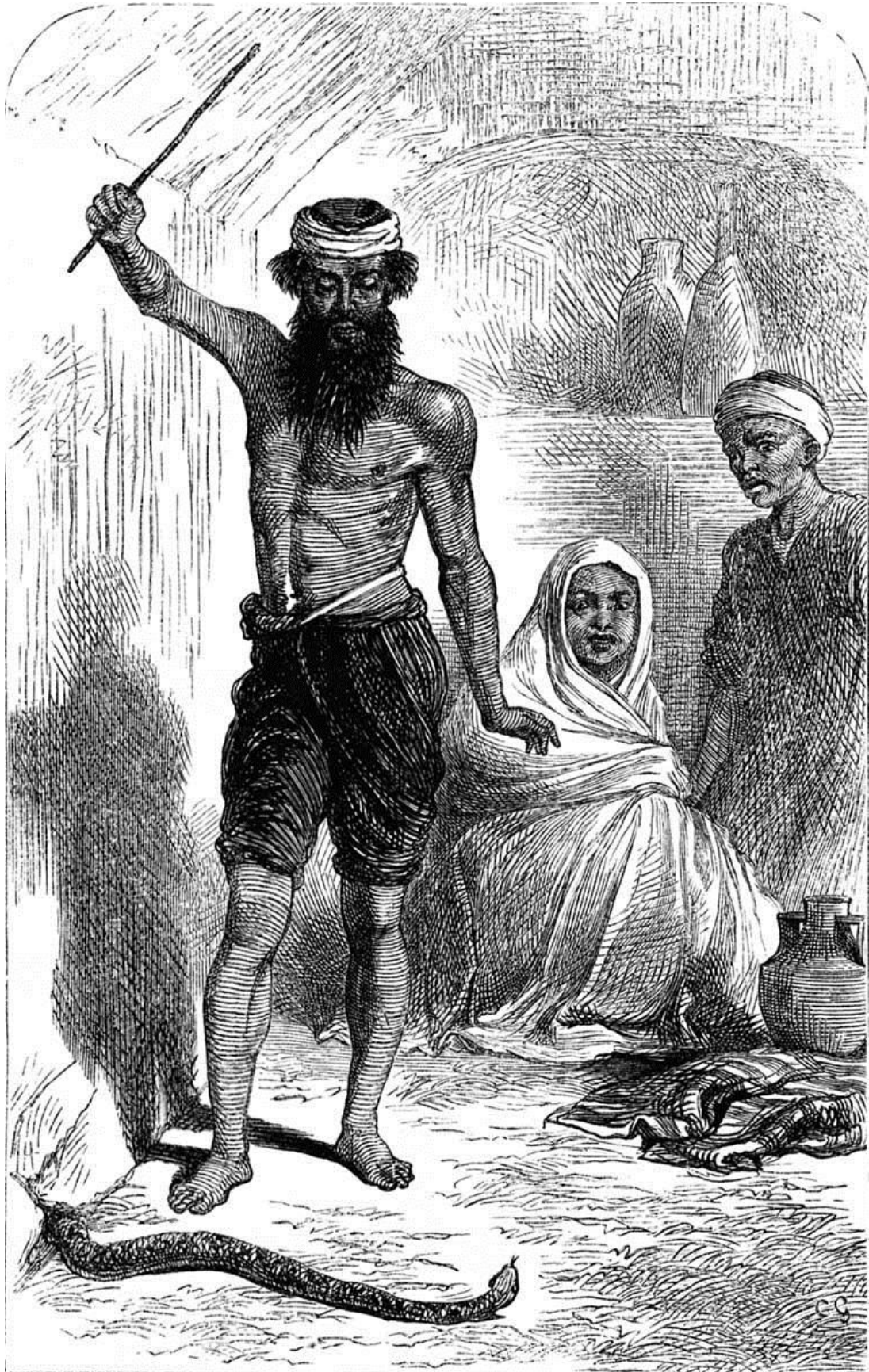
[back](#)



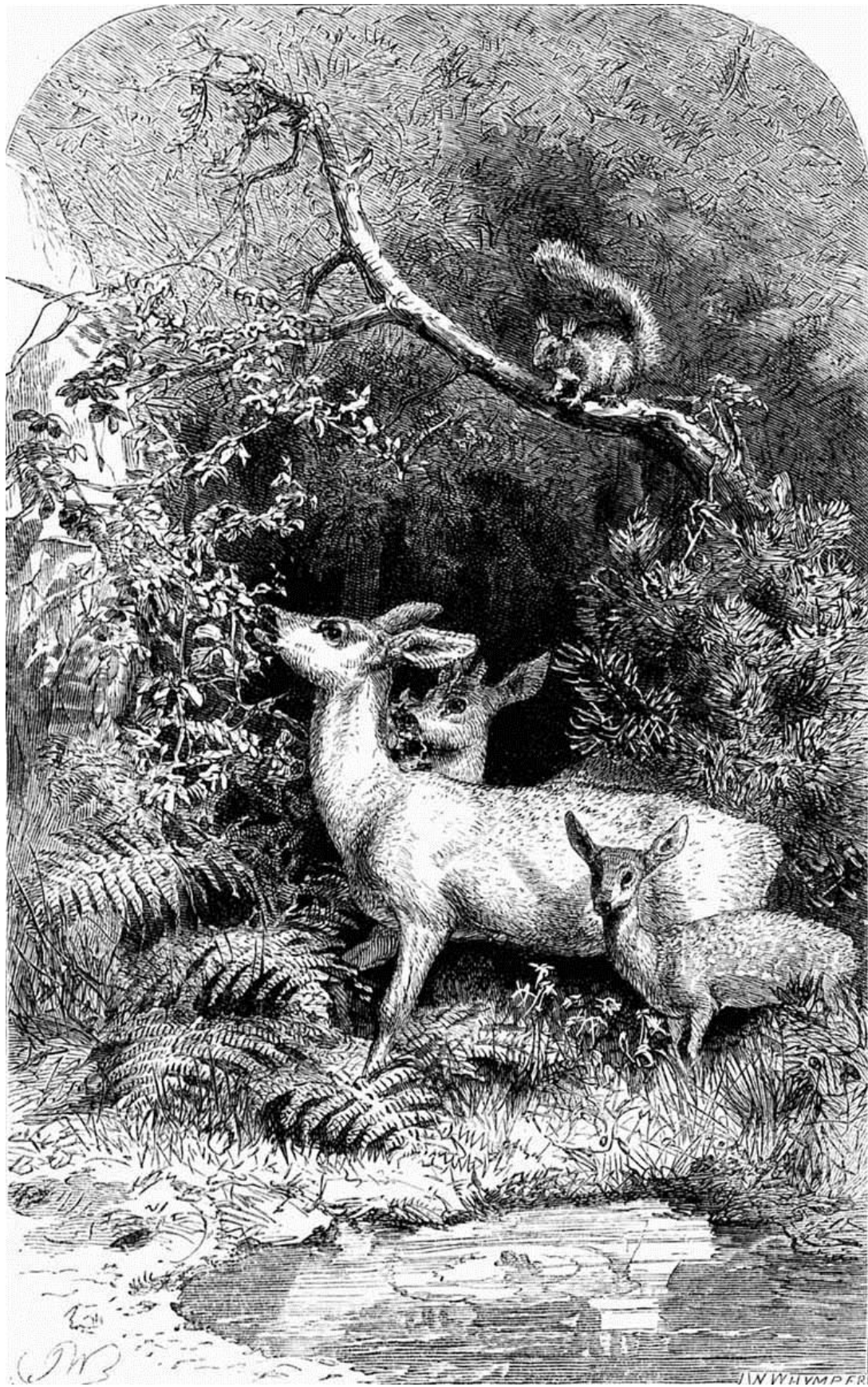
[back](#)



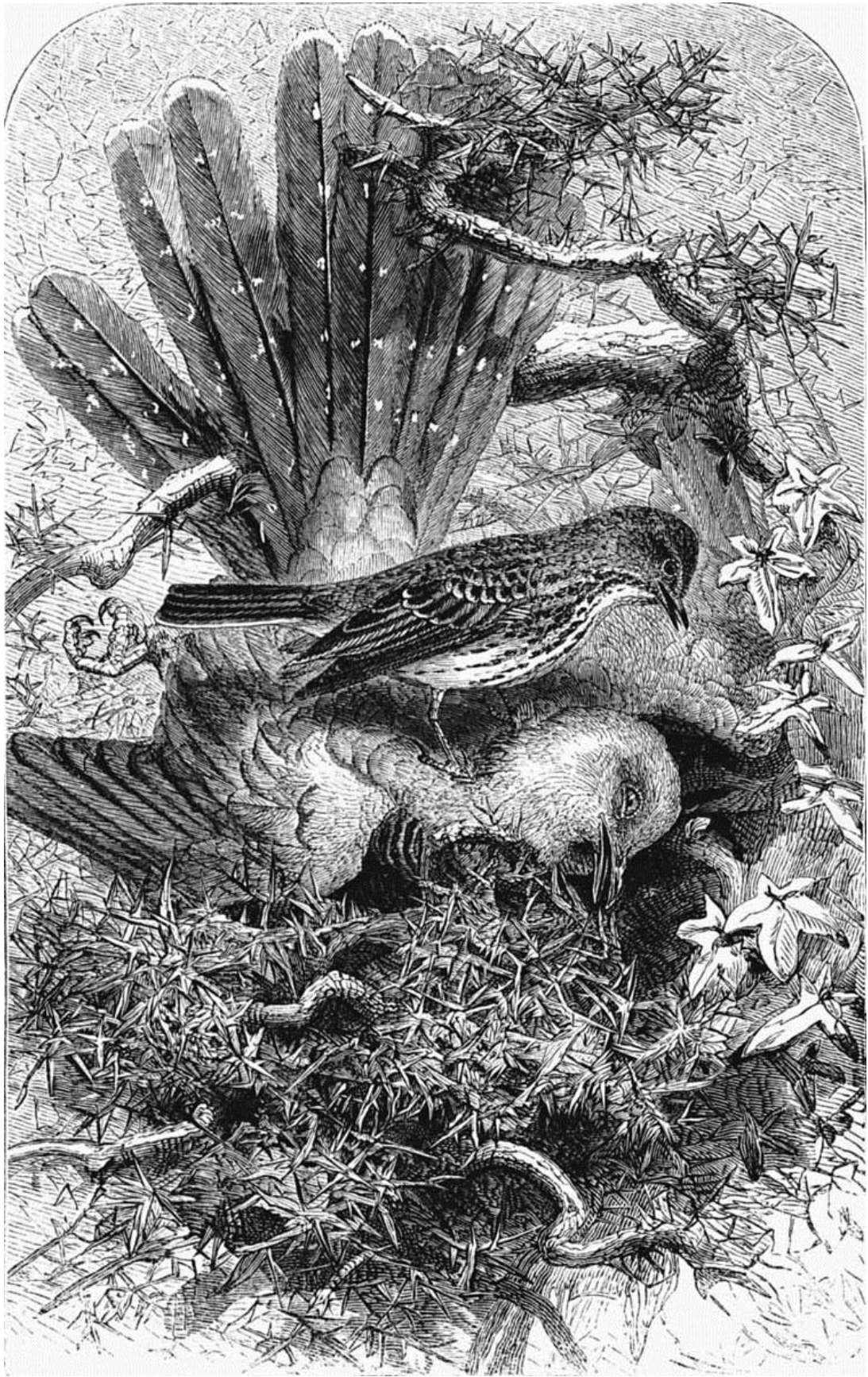
[back](#)



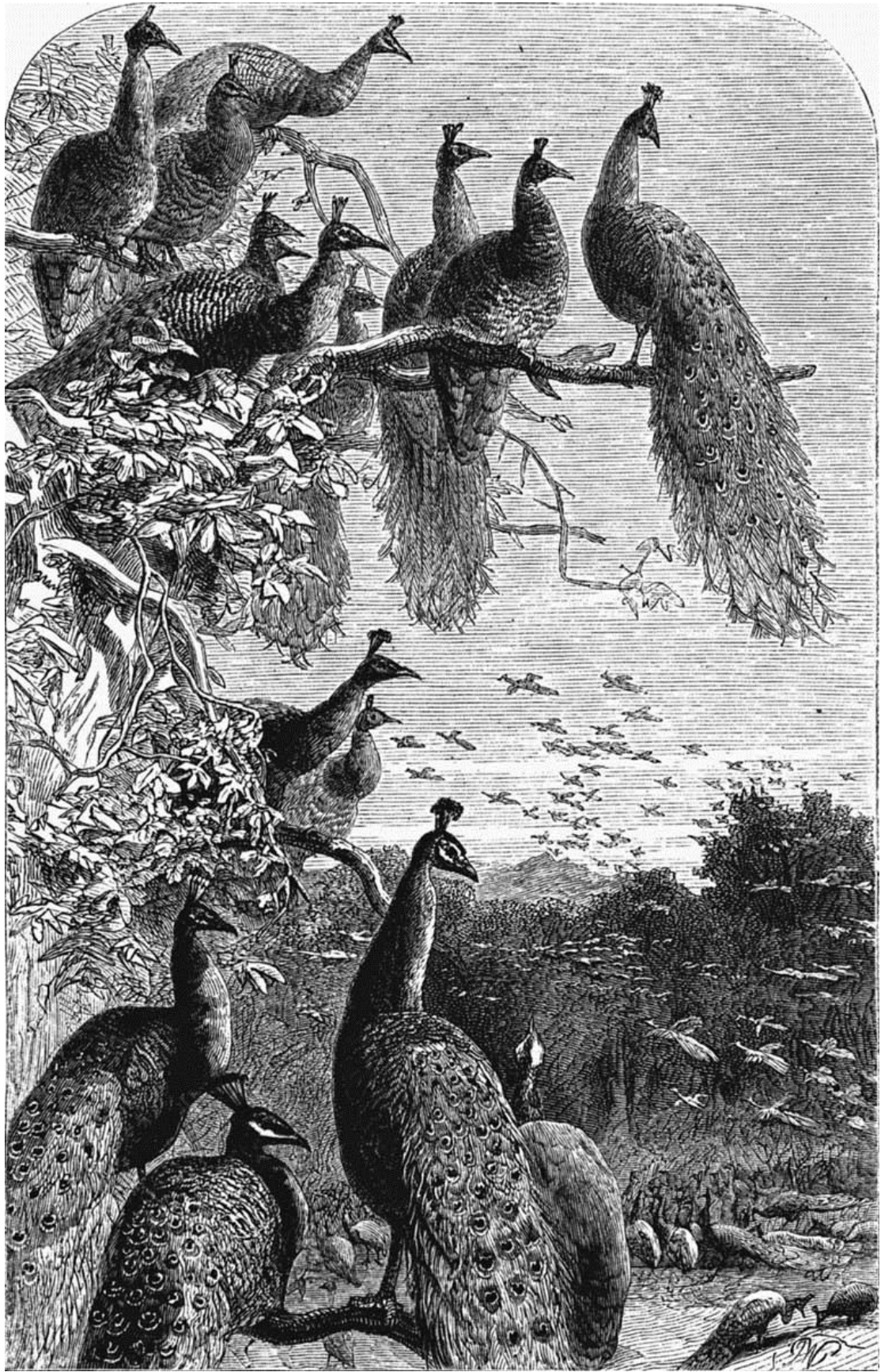
[back](#)



[back](#)



[back](#)



[back](#)